ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

4

2019

2019 №4

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2019

4 (10)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *Н. В. Бусыгин*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Крым, Балаклава, подводно-археологическая экспедиция Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета. Проведение работ с помощью телеуправляемого необитаемого подводного аппарата «Марлин-350» (*фото А. В. Дутова*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2019

4 (10)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 4 (10). — М.: ИВ РАН, 2019. — 280 с.

ISSN 2618-7302

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
07.00.06 Археология
07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
10.01.08 Теория литературы, текстология
10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика
23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ДИСКУССИИ

Вольчик В. В., Лубский А. В., Макаренко В. П., Петров М. А. Неполиткорректная наука — востоковедение: уроки Леонида Борисовича Алаева 12

Прожогина С. В. Почему «ориенталистской» филологии нужно знание современности 25

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лебединский В. В., Пронина Ю. А., Татарков Д. Б., Двухшорстнов В. И. Византийское кораблекрушение у Балаклавы: опыт глубоководных исследований в Черном море 36

ЕГИПТОЛОГИЯ

Зубова О. И. Бог Великий (*ntr ꜥꜣ*) и Бог Прекрасный (*ntr nfr*) — два образа божественной сущности египетского царя 46

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Захаров А. О. Политический строй Фунани по китайским источникам 59

ORIENT ET OCCIDENT

Куватова В. З. Романизирующая батальная сцена из мероитского храма Абу Эртейлы (Судан): сравнительный анализ 78

Дробышев Ю. И. Монгольские ритуалы в русских летописях 91

ВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Офертас С. Ч. К постановке вопроса о тождестве самому себе в толкованиях Абхинавагупты на «Ишьварапратьябхиджня-карики» Утпаладевы: «Ишьварапратьябхиджня-вимаршини» и «Ишьварапратьябхиджнявивртивимаршини» 103

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «Аффективному дискурсу» Часть IV. Лидеры истории эмоций 122

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Досовицкая В. В. Современные японские исследователи о политике Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX в. 134

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свитки I, II (перевод и комментарии) 148

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ

Белокреницкий В. Я. Этнотерриториальная структура Пакистана. К проблеме понимания и управления сложным обществом. Часть II 169

Бойкова Е. В. Научная дипломатия как фактор китайско-российско-монгольского взаимодействия в рамках проекта «Экономический коридор «Китай–Монголия–Россия» 182

Болдырев А. В. Взгляд на экспертное сообщество Турции после попытки военного переворота 2016 г. 188

Макеев Ю. А. Использование механизма капитализации природной ренты для решения проблемы необходимости сокращения выбросов парниковых газов (в т. ч. в КНР и Индии) 198

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Ахмедов В. М. «Дамасская весна» и сирийский кризис 206

Вертяев К. В. Протогосударственность региона Курдистан (Ирак): динамика и процесс национальной консолидации в условиях культурно-сложного общества 215

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть III 227

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

Аникеева Т. А., Досовицкая В. В., Дубровская Д. В., Столяров А. А. XI Международный Конгресс исследователей Азии в Лейдене 244

Китинов Б. У. XV Семинар Международной ассоциации тибетологических исследований (Париж, 7–13 июля 2019 г.) 249

Прудников В. В. Международный сельджукский историко-географический симпозиум Сирия–Ирак–Палестина 256

В БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДАХ

Книги востоковедной тематики, изданные московскими издательствами в 2018 г. 260

Алфавитный указатель статей, опубликованных в «Вестнике Института востоковедения РАН» в 2019 г. 272

CONTENTS

Editorial 11

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

DISCUSSIONS

Volchik V. V., Lubsky A. V., Makarenko V. P., Petrov M. A. Oriental Studies as Politically Incorrect Science: Lessons of Leonid B. Alaev 12

Prozhogina S. V. Why Orientalists Philology Needs Knowledge about Modernity 25

FIELD STUDIES

Lebedinski V. V., Pronina J. A., Tatarkov D. B., Dvukhsherstnov V. I. Byzantine Shipwreck Near Balaclava: Experience Deep-Water Research in the Black Sea 36

EGYPTOLOGY

Zubova O. I. The Great God (*ntr ꜥ3*) and the Beautiful God (*ntr nfr*) — Two Images of a Divine Nature of an Egyptian King 46

ANCIENT AND MEDIEVAL SOUTH-EASTERN ASIA

Zakharov A. O. Political System of Funan According to Chinese Sources 59

ORIENT ET OCCIDENT

Kuvatova V. Z. Romanizing Battle Painting from Meroitic Temple of Abu Erteila (Sudan): A Comparative Analysis 78

Drobyshev Y. I. Mongolian Rituals in Russian Chronicles 91

ORIENTAL MENTALITY

Ofertas S. Ch. On the Identity with Oneself in the Interpretations of Abhinavagupta of Utpaladeva's "Ishwarapratyabhijna-karikas": "Ishwarapratyabhijna-vimarshini" and "Ishuvarapratyabhijnavivrti-vimarshini" 103

PROBLEMS OF METHODOLOGY

Glushkova I. P. In Search of Emotions Under the Skies of South Asia, or an Invitation to the 'Affective Discourse'. Part IV. Leaders of the History of Emotions 122

HISTORIOGRAPHY OF THE ORIENT

Dosovitskaya V. V. Modern Japanese Scholars on Japanese Politics in Manchuria-Mongolia in the First Half of the 20th Century 134

TRANSLATIONS AND COMMENTARIES

Polkhov S. A. Ōta Gyūichi. «Shinchō-kō ki». Books I, II (Translation into Russian with Comments) 148

HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCES

ECONOMY AND POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21ST CENTURY

Belokrenitsky V. Ya. Ethno-Territorial Structure of Pakistan. To the Problem of Understanding and Administering of a Composite Society. Part II 169

Boykova E. V. Academic Diplomacy as a Factor of the Chinese-Russian-Mongolian Cooperation as Part of the Project "China–Mongolia–Russia Economic Corridor" 182

Boldyrev A. V. A Look at Turkey's Expert Community after the Attempted Military Coup in 2016 188

Makeev Y. A. Using the Mechanism of Capitalization of Natural Rent to Solve the Problem of the Need to Reduce Greenhouse Gas Emissions (Including China and India) 198

POLITICAL CONFLICTOLOGY

Akhmedov V. M. "The Damascus Spring" and Syrian Crisis 206

Vertyaev K. V. Proto-Statehood of the Kurdistan Region (Iraq): Dynamics and Process of the National Consolidation in the Conditions of a Cultural Complex Society 215

PHILOLOGICAL SCIENCES

ORIENTAL LANGUAGES

Demitch K. I., Kostyrkin A. V. Old Challenges and New Solutions in Digital Environment: The Potential of "Lexicotronica" Japanese Dictionary Shell Application's File Format. Part III 227

ACADEMIC EVENTS

CHRONICLES OF CONFERENCES

Anikeeva T. A., Dosovitskaya V. V., Dubrovskaya D. V., Stolyarov A. A. 11th International Convention of Asiatic Scholars in Leiden 244

Kitinov B. U. The 15th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Paris, July 7–13, 2019) 249

Prudnikov V. V. International Seljuk Historical-Geographical Symposium Syria–Iraq–Palestine 256

LIBRARY COLLECTIONS

Books on Oriental Topics Published in Moscow in 2018 260

Alphabetical Index of Articles Published in the *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS* in 2019 272

ОТ РЕДАКЦИИ

Заканчивается китайский двенадцатеричный годовой цикл, и «Вестник Института востоковедения РАН» завершает второй год своей жизни номером, как обычно, собравшим на своих страницах ряд интересных материалов. Но в первую очередь редакция хотела бы от души поздравить члена редколлегии «Вестника» **Владимира Михайловича Алпатова** с присвоением звания академика, пожелать дальнейших творческих успехов и — 龍馬精神！

В номере политика и философия, переводы и библиография, исчезнувшие страны и параллельные каналы, интернациональные эмоции и шиваистское познание самого себя, дискуссии коллег, инициированные книгой Л. Б. Алаева, и призыв к дискуссии от коллеги, легитимирующей современность как предмет востоковедного исследования. На страницах четвертого номера «Вестника Института востоковедения РАН» бьются римскими мечами мероитские гладиаторы, проходят между очищающих огней русский князья, терпят крушение под Балаклавой корабли, начинается и заканчивается Дамасская весна, ищет свое правильное отражение в образах «Бог прекрасный» Древнего Египта.

С этого выпуска мы начинаем сотрудничество с библиотекой ИНИОН и публикуем список книг востоковедной тематики, вышедших в Москве в 2018 году.

И, наконец, редакция от души поздравляет сотрудников Института востоковедения РАН и всех своих читателей с грядущим Новым годом и в преддверии обновления дальневосточного двенадцатеричного годового цикла желает свежих идей, вдохновения, научной востребованности, публикационной активности, высокой цитируемости, повышения рейтинга и удвоения индекса Хирша. Будьте здоровы и пишите в «Вестник»!

Всегда ваша — редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

НЕПОЛИТКОРРЕКТНАЯ НАУКА — ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: УРОКИ ЛЕОНИДА БОРИСОВИЧА АЛАЕВА

© 2019 **В. В. Вольчик, А. В. Лубский, В. П. Макаренко, М. А. Петров**[1]

В Южном федеральном университете давно работает постоянный теоретический семинар «Русская мысль и политика». Предлагается информация об обсуждении 15 ноября 2019 г. фундаментального труда Л. Б. Алаева «Проблематика истории Востока». В дискуссии приняли участие профессура, аспиранты и студенты Института философии и социально-политических наук, Института социологии и регионоведения, экономического факультета. Все докладчики отмечали, что в книге осуществлен пересмотр основных схем и шаблонов социального знания, характерных для СССР и постсоветской России. Было высказано предложение рассматривать труд Л. Б. Алаева в контексте трех главных моделей связи науки с государством, сложившихся в Новое время: колониально-имперской (Англия), революционно-бюрократической (Франция) и самодержавно-бюрократической (Российская империя, СССР) [Наука и кризисы, 2003]. В современной философии науки существуют конкурирующие концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Поэтому методологический выбор исследователя переплетен с политическим. Пространство этого выбора сводится к альтернативе «предельная ангажированность — максимальное дистанцирование». Предельная ангажированность выражается в социальном и познавательном перфекционизме. Для его обоснования могут использоваться как повседневный сервилизм, так и рафинированные детерминистские схемы, включая весь корпус социогуманитарных знаний при описании социальной и политической истории мира, регионов и конкретных стран. Эти процедуры

[1] Вячеслав Витальевич ВОЛЬЧИК, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории экономического факультета Южного федерального университета (ЮФУ), Ростов; volchik@outook.com

Vyacheslav V. VOLCHIK, DSc (Economics), Professor, Head of Economic Theory Department (Faculty of Economics), Southern Federal University, Rostov; volchik@outook.com

Анатолий Владимирович ЛУБСКИЙ, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов; avlubsky@gmail.com

Anatoly V. LUBSKY, DSc (Philosophy), Professor, Department of Theoretical Sociology and Regional Research Methodology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov; avlubsky@gmail.com

Виктор Павлович МАКАРЕНКО, доктор политических и философских наук, главный научный сотрудник, директор Центра политической концептологии, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов; vpmakar1985@gmail.com

Viktor P. MAKARENKO, DSc (Political Science, Philosophy), Chief Researcher, Director of the Center for Political Conceptology, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov; vpmakar1985@gmail.com

Михаил Александрович ПЕТРОВ, преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов; mihalon@yandex.ru

Mikhail A. PETROV, Lecturer, Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov; mihalon@yandex.ru

и связанные с ними познавательные схемы являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национально-государственном, цивилизационном и мировом измерениях. Предложенный Л. Б. Алаевым набор методологических и содержательных проблем теоретического востоковедения может рассматриваться как практическое воплощение максимального дистанцирования в отношении предмета и методов востоковедческих исследований. Когнитивная практика выдающегося востоковеда позволяет адекватно описывать и оценивать один из отрядов современной идеологической бюрократии России.

Ключевые слова: Леонид Борисович Алаев, теория востоковедения, критика основных подходов к описанию Востока и Запада.

ORIENTAL STUDIES AS POLITICALLY INCORRECT SCIENCE: LESSONS OF LEONID B. ALAEV

Vyacheslav V. Volchik, Anatoly V. Lubsky,

Viktor P. Makarenko, Mikhail A. Petrov

Current review presents information on the discussion of the fundamental work of Leonid Alaev that took place in frames of the permanent theoretical seminar “Russian Thought and Politics” at the Southern Federal University on November 15, 2019. The discussion was attended by professors, postgraduate students and students of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, the Institute of Sociology and Regional Studies, and the Faculty of Economics. All speakers noted that the book revised the basic schemes and patterns of social knowledge specific to the USSR and post-Soviet Russia. Suggestion was made to consider Prof. Leonid Alaev’s work in the context of the three main models of science-state connection that developed in new era: Colonial-imperial (England), revolutionary-bureaucratic (France) and autocratic-bureaucratic (Russian Empire, USSR) [Science and Crises, 2003]. The competing concepts of interdisciplinarity, analysis and understanding present in modern philosophy of science explains the intertwinement of methodological choice of the researcher with political. The space of this choice is reduced to the “ultimate commitment — maximum distance” alternative. Extreme commitment is expressed in social and cognitive perfectionism. To substantiate it, both everyday servilism and refined deterministic schemes can be used, including the entire body of socio-humanitarian knowledge in describing the social and political history of the world, regions and specific countries. These procedures and cognitive schemes associated with them are options of traditionalism, economic centrism, kratocentrism and ideocracy in regional, national-state, civilizational and world dimensions. The set of methodological and substantive problems proposed by Prof. Alaev in theoretical oriental studies can be considered as a practical embodiment of the maximum distance in relation to the subject and methods of oriental studies. The cognitive practice of an outstanding orientalist allows one to adequately describe and evaluate one of the units of the modern ideological bureaucracy of Russia.

Keywords: Leonid Alaev, theoretical Oriental studies, criticism of the main approaches to the description of the East and West.

Азиатчики не читают
не только Маркса, но и Алаева
Л. Б. Алаев

15 ноября 2019 г. в Южном федеральном университете состоялось 30-е заседание постоянного теоретического семинара «Русская мысль и политика», на котором обсуждалась книга Л. Б. Алаева «Проблематика истории Востока» (М.: ЛЕНАНД, 2019, 504 с.). Открывая заседание, руководитель семинара профессор *В. П. Макаренко* сказал:

— Книга Л. Б. Алаева привлекает внимание прежде всего фундаментальностью, панорамностью и стереоскопичностью подхода автора к проблематике, обозначенной в заглавии. Леонид Борисович начинает повествование формулировкой парадокса: главная проблема — (не)понимание истории Востока большинством востоковедов — советских, постсоветских и закордонных. По его мнению, эта когорта ученых людей подневольно или добровольно вдохновлялась более ста лет и все еще пускает в ход заржавленное идейно-теоретическое оружие: взгляды Маркса и псевдопроблемы, порожденные господством ленинско-сталинской версии марксизма как официальной идеологии (в СССР) или неофициальной популярностью этого канона (в странах Запада среди левой интеллигенции); антропологическим, стадиальным, цивилизационным, колониальным, модернизационным, дихотомическим и глобалистским подходами (дискурсами) к проблеме описания истории Востока и Запада. Все эти ученые рассуждения и способы философско-мировоззренческой рефлексии Леонид Борисович последовательно опровергает.

Я прочел книгу и восхитился: даже нашим университетским культуристам-цивилизационщикам и прочим любителям строгать учебники на первую подвернувшуюся тему (но обязательно спущенную сверху…) досталось на орехи. Развертывание аргументов начинается с предисловия, концентрируется в десяти главах (включающих 85 параграфов) и завершается в заключении. Этот процесс впечатляет. Возникает невольное желание пройти вместе с автором путь по всем материкам и океанам знания, который он преодолел, прежде чем выпустить такую книгу. За ней стоит целая жизнь. Кто готов потратить свою жизнь на полемику с автором по всем общим, особенным и единичным вопросам, поставленным в книге? Кто рискнет разработать собственную концепцию, удовлетворяющую критериям Алаева и способную конкурировать на мировом интеллектуальном рынке, как это делает Алаев? Отсюда вытекает мое первое предложение: оперативно перевести книгу на главные языки и издать там, где предложат наибольший спрос в смысле наибольшей полемики.

Все поставленные в книге вопросы находятся в центре дискуссий на протяжении последней сотни лет. Могу предсказать, что следующей сотни лет вряд ли хватит на их «решение». Ставлю «решение» в кавычки, потому что никакое решение не будет окончательным. Но пример автора, который был и остается активным участником и вдохновителем дискуссий в течение более полусотни лет, не может оставить равнодушным любого, кто хоть чуть-чуть прикоснулся к тайне интеллектуального творчества в его связях с множеством социально-политических и идейных факторов.

Позиция Леонида Борисовича по всем вопросам погружает читателя в непрекращающийся спор, который ведется не ради чисто эпистемологического

удовольствия. Сами позиции ученых в споре плетут ткань когнитивно-политических проблем, не имеющих однозначного решения. Автор связывает в своей памяти и твердом научном знании более сотни лет духовно-политического творчества нашей страны, ее окрестностей и тех пространств, где до сих пор живут «люди с песьими головами». Это весь земной шар и не менее пяти научных поколений. Каждое из них было переплетено сотнями нитей с тканью социально-политической жизни своего времени. В этом смысле Леонид Борисович приглашает в школу научного долгожительства. Он помогает понять современное состояние всего комплекса социально-гуманитарных наук в России, а не только востоковедения, за это ему следует сказать сердечное спасибо.

Доктор философских наук, профессор ЮФУ *А. В. Лубский* сказал:

— Это не учебник истории, это размышления о трудностях понимания истории неевропейских стран. Рассматриваются: роль Востока в создании общей теории всемирной истории; трудности изучения истории, вызванные продолжающимся доминированием марксистского подхода к анализу исторического материала; неадекватность антропологического подхода к первобытной истории; трудности теоретического обоснования стадиального подхода (автор доказывает, что история стран и обществ и история человечества — это две разные дисциплины); гримасы так называемого цивилизационного подхода; проблема дихотомии Востока и Запада; роль эпохи колониализма в истории обществ как Запада, так и Востока; проблемы изучения процесса модернизации и глобализации. Анализируются мнения по поводу роли опыта других стран для экономического и политического развития России.

Все эти вопросы, оказавшись в центре различных научных дискуссий в 1990-х гг., не потеряли актуальности и в наши дни. Л. Б. Алаев был активным участником этих дискуссий, поэтому ценность его книги заключается еще и в том, что авторская позиция по тем или иным вопросам сопровождается постоянным экскурсами в эти дискуссии, позволяющие не только почувствовать их эпистемологическую напряженность, переходящую зачастую в методологический ригоризм, но и понять современное состояние не только отечественной исторической науки, но всего комплекса социально-гуманитарных наук в России.

Востоковедческая проблематика, рассматривающаяся в книге, во многом была порождена интеллектуальной ситуацией, сложившейся в 1990-х гг. в социально-гуманитарных науках в России в целом. Эта ситуация характеризовалась прежде всего критикой марксизма как теоретико-методологической основы советского обществоведения, в том числе и исторического востоковедения.

В связи с этим автор в главе «Размыкание объятий марксизма», подвергая сомнению методологическую универсальность марксистской теории исторического процесса, обращает внимание на такую ее черту, как европоцентризм. При этом он выделяет две методологические слабости марксизма. Первая слабость марксизма заключается в том, что он выдается за всеохватывающую теорию исторического процесса, но соотносится только с западноевропейской историей. Упоминаемые Марксом формации — это этапы западноевропейского процесса, как он его понимал.

Вопрос о специфике эволюции разных обществ остается в стороне. Он не был разработан в изначальном марксизме, остался он не разработанным и впоследствии. Для изначального марксизма это объяснимо. Но последователи Маркса имели

достаточно времени, чтобы заняться вопросом о специфике эволюции разных народов. Однако они этого не сделали, поскольку были заняты только и исключительно обоснованием единой линии развития, предписанной всему человечеству.

Вторая методологическая слабость марксизма заключается, как отмечает автор, в панлогизме, порождающем неразличение понятия и реальности, в данном случае понятия формации и реальных обществ. Трудности советских востоковедов, работавших в рамках марксизма, состояли в том, что они «были вынуждены употреблять глубоко европоцентристскую теорию, анализируя истории стран, для которых она не была предназначена. Отсюда стремление найти на Востоке рабовладельческую формацию в Древности и феодализм в Средние века, настойчивые поиски аналогий между западными и восточными институтами».

В связи с этим следует обратить внимание на то, что на волне критики марксизма-ленинизма, прежде всего — вульгаризированной в советском обществоведении теории общественно-экономических формаций, марксизм в постсоветском обществознании формально был отменен, однако сохранилась риторика и стиль его мышления. Кроме того, в 1990-х гг. обнаружился дефицит креативности среди ученых, связанных с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности, сопровождавшийся такими явлениями, как интеллектуально-когнитивные моды и идеологическая ангажированность.

Первое явление было связано с тем, что многие российские ученые не смогли стать производителями нового теоретического знания, и поэтому спасительный выход из тупиков марксистской теоретической догматики увидели в некоторых западных научных теориях, к тому времени на самом Западе уже превратившихся в эпистемологические раритеты и оттесненные на «задний» интеллектуальный план.

Некоторые из этих теоретических конструктов стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, превратившись в интеллектуально-когнитивные моды. При этом различные теоретические конструкты, разработанные при изучении западно-европейского ареала, стали механистически внедряться в научно-исследовательскую практику без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы на предмет их методологической пригодности [Гудков, 2006, с. 314–339].

В результате при описании и объяснении внезападных исторических и социальных реалий многие исследователи продолжают пользоваться языком западной академической науки. При этом забывается методологическое предостережение П. Фейерабенда, считавшего, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления» и рассматривается как «манящая сциентистская утопия» [Фейерабенд, 1986, с. 432]. Это является следствием «некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [Иванов, 2005, с. 15–16]. Некритичность русского познавательного духа и породила склонность многих российских ученых к интеллектуальной подражательности и интеллектуальным заимствованиям.

Причем, наиболее модными интеллектуальным заимствованиям в 1990-х гг. стали теории модернизации и цивилизации, т. е. такие теории, которые на Западе уже

находились в кризисе и были оттеснены на «задний» интеллектуальный план. Широкое распространение теории модернизации в социально-гуманитарных науках в конце XX в. в России было во многом обусловлено тем, что значительный интеллектуальный сегмент отечественной социальной мысли был готов к ее восприятию. Во многом это объясняется не только политическими конъюнктурными соображениями, но и особенностями профессионального стиля мышления отечественных ученых.

Активно разрабатываемые в 1950–1970-х гг. американскими и западноевропейскими учеными различные теории модернизации были выполнены в русле методологии «однолинейного прогрессизма», суть которой состоит в представлении о том, что существует одна линии общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Эти теории модернизации и были призваны указать менее развитым странам, или так называемым «переходным обществам» траекторию движения к современному состоянию.

В 1990-х гг. в социально-гуманитарных науках был отменен марксизм и его составная часть — теория общественно-экономических формаций, но не произошло отказа от того стиля мышления, в русле которого она разрабатывалась. Основой этого стиля мышления и была как раз методология «однолинейного прогрессизма», поэтому западные модернизационные концепции легко вписывались в отечественный интеллектуальный контекст.

В целом надо согласиться с Л. Гудковым, который, критикуя широко распространенные в российском академическом сообществе практики прямого заимствования концепций западных социальных наук и их механического использования, подчеркивает, что «имитация чужих, но авторитетных приемов и идей, то есть склонность к эпигонскому заимствованию знаков «признанного», оказывается компенсацией за неспособность понимания своей реальности» [Гудков, 2010, с. 146–147].

Такой же оказалась судьба и другого модного в 1990-х гг. теоретико-методологического конструкта — цивилизационного подхода. Большое влияние на распространение цивилизационных идей в России оказала публикация в 1993 г. работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», реанимировавшей идею А. Тойнби, который еще в 1947 г. написал работу под таким же названием. К середине 1990-х гг. цивилизационный подход, наряду с модернизационным, стал наиболее модным в российском интеллектуальном сообществе. Это произошло в то время, когда на Западе уже был утрачен интерес к теории цивилизаций как познавательному средству, поскольку сам цивилизационный подход оказался в состоянии глубокого кризиса. Вместе с тем падение научного интереса к цивилизационной проблематике со стороны западных ученых сопровождался, как отмечают исследователи, ее актуализацией в других странах. Это было обусловлено, по их мнению, беспрецедентным оживлением незападных центров культуры, претендующих на универсальное значение собственных традиций и ценностей. На это обращает внимание Л. Б. Алаев, отмечая, что цивилизационный подход стал знаменем националистов, а применительно к России — «почвенников», рассуждающих об особом пути развития России.

Однако многих отечественных ученых, использующих модные, но уже раритетные на Западе теории модернизации и цивилизации, это особо не волнует: их больше волнует собственное отношение к изучаемым ими историческим и социальным

реалиям, поэтому понятия модернизации и цивилизации они всегда превращают в концепты, наполняя их определенным смыслом, выраженном в ценностным отношением к предмету когнитивного интереса. Во многом это обусловлено тем, что посткоммунистический научный дискурс в современной России хотя утратил толику «советского марксизма», во многом сохранил прагматику и стилистику его интеллектуальной работы.

Благодаря этому интеллектуальная ситуация, сложившаяся в социальных науках, характеризуется не столько конкуренцией различных методологических подходов, сколько противостоянием позиций, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями» — либерализмом, консерватизмом, коммунизмом и национализмом. Поэтому картины исторической и социальной реальности, создаваемые отечественными учеными на основе этих концептов, полны предвзятостей и некритических положений.

Книга Л. Б. Алаева — это размышления не только о трудностях понимания истории Востока, но и о теоретических трудностях изучения истории вообще, заставляющих рефлексивное методологическое сознание задаваться вопросом, что делать.

Во-первых, это преодоление синдрома методологии однолинейного прогрессизма, о необходимости которого Л. Б. Алаев пишет так: «В этой книге я пытался бороться с европоцентрическим взглядом на историю неевропейских стран. Наиболее принципиальная часть этой задачи — обоснование разницы путей, по которым шли страны Европы и Азии. Существовавшие и ныне существующие общества Евразии не представляют собой единую лестницу состояний, ведущую от возникновения человека к гипотетическому единому для всех будущему. Они не бегуны по одной беговой дорожке. Этапы эволюции общества в целом не совпадают с этапами жизни отдельных стран, народов, цивилизаций.

Это относится и к более поздним этапам истории. Если мы согласимся, что существовали рабовладельческие общества (выше я приводил мнения специалистов, что это тоже, может быть, ментальная конструкция), то нет никакой уверенности, что это всечеловеческий этап, формация. То же относится к периоду, который мы называем феодальным. Если в Западной Европе развился капитализм, это не значит, что весь остальной мир находится на разных этапах пути к капитализму».

Во-вторых, пора уже выйти из «марксистской шинели». В связи с этим Л. Б. Алаев пишет: «Второй основополагающий тезис в моем построении — нет единого критерия, по которому следует определять уровень развития того или иного общества или датировать переход человечества с одного этапа на другой. Во всяком случае, учитывая нашу марксистскую подоснову, следует вытравливать из себя наше стремление все объяснить экономикой. Факторам развития политических структур, и особенно духовных революций, следует придавать значение, сопоставимое с экономическими революциями, или даже более фундаментальное».

В-третьих, в научно-исследовательских практиках необходимо преодолеть панлогизм. В связи с этим надо обратить внимание на то, что для некоторых ученых текст важнее жизни, потому что эти ученые и читающая их книги интеллектуальная элита верят в когнитивную магию слова: если какое-либо явление обозначить определенным понятием, то, значит, так и есть на самом деле. Однако как есть на самом деле — каждый домысливает по-своему.

В-четвертых, важно преодолеть синдром эпистемологического подражания и интеллектуального заимствования, в рамках которого, как отмечает Л. Б. Алаев, «усиливается тенденция подходить к отечественной науке как к чему-то второсортному по сравнению с мировой».

В-пятых, в научно-исследовательских практиках необходимо придерживаться принципа контекстуальности, означающего, что всякое историческое или социальное явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных научных понятий и теоретических конструктов, пригодных при изучении любых исторических и социальных реальностей независимо от их социокультурного своеобразия в современной эпистемологии признается методологически несостоятельными.

В-шестых, современная наука, и в частности востоковедение, нуждаются в разработке специальных исторических и социальных теорий как результата интерпретации конкретных научных фактов в контексте перехода от монистической интерпретации исторической и социальной реальности к плюралистической в рамках концептуального научного мышления.

Доктор экономических наук, профессор ЮФУ *В. В. Вольчик* отметил, что книга Леонида Борисовича Алаева «Проблематика истории Востока» представляет собой редкий для настоящего времени и современной отечественной науки образец теоретического осмысления исторического процесса. Его книга заставляет еще раз задуматься о том, как изучение истории Востока может помочь продвинуться в направлении лучшего понимания законов социальной эволюции.

Важной особенностью обсуждаемой книги является попытка теоретического осмысления истории Востока, выходящая за рамки традиционного марксистского подхода. Автор справедливо отмечает, что уход от шаблонного восприятия социальной истории Востока через призму, например, «азиатского способа производства» позволяет создать и реализовать жизнеспособные исследовательские программы, основанные на более глубоком понимании специфики институциональной структуры общества, отличающегося от западного. И здесь большой интерес для читателя представляют оригинальные авторские интерпретации истории, базирующиеся на всестороннем понимании основных тенденций развития современного востоковедения.

Особый интерес представляет книга Л. Б. Алаева для экономистов. Немного найдется примеров среди современной экономической литературы на русском языке, в которых, как в этой книге, содержится множество интересных фактов, причем с привязкой к значимым теоретическим концептам. Для экономистов будет очень полезным чтение глав о колониальных процессах на Востоке, об особенностях мирохозяйственных связей Востока и Запада и, безусловно, об экономическом развитии Китая.

Также можно сказать, что рассматриваемая книга ставит больше важных вопросов, чем дает ответов, и в этом видится еще одна очень важная особенность. Дело в том, что зачастую в социальных науках и в экономической теории, в частности, проблематика Востока рассматривается без должного внимания к богатому эмпирическому материалу, обнаруживаемому в работах историков. И когда вместо скрупулезного анализа исторических данных используются шаблоны и схемы, априори созданные в контекстах различных социальных наук и идеологий, мы оказываемся в

интеллектуальных ловушках, препятствующих адекватному пониманию и осмыслению происходящих процессов. Поэтому «Проблематика истории Востока» может служить своеобразным связующим звеном между оторванными от реальности теориями и множеством неструктурированной информации об истории Востока. Обсуждение этой книги также дает импульс для организации широкого обсуждения среди политологов, экономистов, социальных антропологов, социологов и историков проблем социальной эволюции Востока, используя современные теоретические концепты и новейшие эмпирические данные.

В перспективе обсуждение истории Востока может дать значительные теоретические результаты в плане развития теорий эволюции естественного государства Д. Норта и связанных с ним концептов специфических институтов и форм национальной бюрократии, разрабатываемых школой В. П. Макаренко. Развитие этих теорий имеет очевидную пользу в дискуссиях об особенностях российской политико-экономической модели как отражение бесконечных споров о противостоянии и противопоставлении Востока и Запада.

Преподаватель ЮФУ *М. А. Петров* считает, что критическое отношение автора, высказывавшееся им и в предыдущих работах [Алаев, 2016, с. 350–354] к реконструкциям архаических форм и построении типологий, представляется чрезмерным. Многочисленные корреляционные связи, выявленные в результате сравнительных исследований, нельзя объяснить лишь факторами культурной диффузии и случайными совпадениями. Сегодня даже сторонники многолинейных подходов к социокультурной эволюции признают, что вариативность сочетания различных признаков все же была ограничена, а отрицание ими жестких универсальных законов не мешает признанию определенных закономерностей [Коротаев, 2003]. Стоит отметить, что в истории изучения первобытности не раз завоевывали популярность релятивистские и описательные подходы, однако затем вновь возникал интерес к обобщающим теориям. И сегодня можно утверждать, что приверженцев заслуженно критикуемых Л. Б. Алаевым «простых эволюционистских схем» [Алаев, 2019, с. 78] среди антропологов и исследователей, разрабатывающих теоретические вопросы антропологии, осталось немного.

То же можно сказать и по поводу концепций политогенеза в отечественной и зарубежной науке, которым от автора достается за догматизм и схоластичность. Сегодня многие сторонники многолинейного подхода допускают переход к государственности через стадиальные формы, альтернативные чифдому / вождеству, что автору, судя по привлекаемой библиографии, хорошо известно.

Особого внимания заслуживает авторский подход (концепция) отношений собственности в докапиталистических обществах, который был отчетливо сформулирован в одной из предыдущих статей [Алаев, 2012]. Раскритиковав концепцию Л. С. Васильева о феномене «власти-собственности» как основе т. н. восточного пути развития, которому будто бы изначально противостоял «частнособственнический» западный, автор настаивает на отсутствии сложившегося института собственности в любом традиционном обществе, вне зависимости от его «восточной» или «западной» атрибуции. Власть служила источником собственнических прав не только в государствах Азии и Африки, но также в античной и средневековой Европе. И там и там права на землю обычно носили многоуровневый характер, включая

в себя помимо номинального верховного собственника и непосредственного производителя несколько промежуточных «хозяев». Столь противоречивая на взгляд современного читателя ситуация, в русле авторской концепции выглядит скорее следствием слабой дифференцированности социальных феноменов на ранних этапах общественной эволюции. Причины же складывания на Западе института частной собственности капиталистического типа, согласно представлениям Л. Б. Алаева, лежат исключительно в правовой сфере [Алаев, 2019, с. 295]. При этом автор настойчиво подчеркивает необходимость различать правовое и экономическое содержание собственности.

Важным звеном в авторской критике стереотипных представлений о своеобразии Востока выступает развенчание устойчивых мифов о сельской общине как изначальной и неизменной основе «азиатской деспотии». Данному вопросу он посвятил отдельную монографию, увидевшую свет сравнительно недавно [Алаев, 2016] и в свою очередь ставшую итогом многолетнего изучения проблемы сельской общины, заняться которой его побудило хорошее знание индийского материала [Алаев, 2000]. За термином «община», широко применяющимся в исторической и антропологической литературе, в действительности скрывается огромное разнообразие конкретных видов кооперации труда сельских производителей, которые, если рассматривать их вместе, даже в пределах Азии не имеют какой-либо инвариантной основы. Далеко не во всех случаях вообще можно говорить о каких-либо формах «общинности», даже с поправкой на местную специфику. Но пожалуй самым важным выводом Л. Б. Алаева в данном вопросе представляется тезис об отсутствии какой-либо связи между сельской общиной восточных стран и ее первобытными аналогами. Именно на представлении о крайней «архаичности» сельской общины (прежде всего — индийской) строились различные концепции мыслителей европейского Просвещения, а затем эта же идея была воспринята К. Марксом. На обширном фактическом материале Л. Б. Алаев убедительно доказал, что хорошо изученные крестьянские общины средневековья и Нового времени были не трансформированными пережитками первобытности, а новообразованиями, либо стихийно сложившимися в условиях растущей государственной эксплуатации, либо даже созданными целенаправленными усилиями властей.

Таким образом, согласно авторской трактовке, сельская община на Востоке, имея значительную региональную специфику, не принадлежала к числу институтов, создававших радикальное отличие Азии и Европы. Принципиальная разница, как и в случае с собственностью, проявилась в возможности эволюционного изживания этого института на Западе и его исключительной живучести на Востоке.

Затем В. П. Макаренко попытался дать эскиз проблематики, связанной с одной из ключевых тем книги. Он сказал:

— Согласен с тем подходом к толкованию марксизма, который содержится в книге Л. Б. Алаева. Каждое из высказанных автором суждений может быть предметом продуктивной дискуссии, цель которой — опровержение всех версий догматического марксизма, особенно его советской и постсоветской версий. Леонид Борисович пишет: «Большинство современных постсоветских марксистов — самые настоящие «сталинисты». В теоретическом, не обязательно в политическом смысле» [Алаев, 2019, с. 59]. Для укрепления такого хода рассуждений предлагаю свою цепь аргументации, которая восходит к серии моих книг 1980–1990-х гг. и резюмирована в статье

десятилетней давности [Макаренко, 2009, с. 5–32]. Упомяну здесь несколько пунктов обобщения:

1. Проблему отношения к марксизму в современной России надо рассматривать в контексте спецоперации по замене марксизма православием. Решение об этой спецоперации было принято военно-политическим руководством СССР в начале 1970-х гг. и реализовано в ходе перестройки, постперестройки и нынешних вялотекущих процессов. Можно отталкиваться от социально-политического факта: хронологическое совпадение (начало 1970-х гг.) решений военно-политических стратегов о замене марксизма православием с введением в публичный оборот документов из архива КГБ под предлогом устарелости марксизма. Случаен или неслучаен этот факт? На этот вопрос могут ответить историки, когда откроют соответствующие архивы.

2. Проблему «устарелости» марксизма надо поставить в антропологический контекст судеб множества людей, которые заплатили за свой выбор революционного марксизма жизнью (Л. Б. Троцкий), длительными тюремными сроками, и отразили свой опыт в литературе (В. Т. Шаламов) и науке (В. В. Налимов). В частности, В. В. Налимов проводил строгое различие между марксизмом Маркса и русским марксизмом. По мнению Налимова, первый не устарел до сих пор: «Была какая-то мрачная прелесть в марксизме, когда он выступал в своей дикой непреклонности и целостности. А что теперь в этой одряблости?» [Налимов, 2002, с. 96]. Дряблость характерна как раз для русско-советского марксизма. Это относится к его семантике, логике, аксиоматике, эпистемологии, отношению к науке, онтологии, трактовке детерминации исторических явлений, учения о цели, представления о свободе, трактовке отчуждения, атеизма, проблем трансцендентности, неизменности во времени, персонализации истины и притягательной силы. Однако все эти признаки парадигмы русско-советского марксизма являются следствием воздействия на него православия [Налимов, 2002, с. 95–135].

Иначе говоря, проблема смещается к реконструкции «мрачной прелести, непреклонности и целостности марксизма». По крайней мере, вряд ли кто будет оспаривать маразм, обусловленный превращением марксизма в официальную идеологию с вытекающими из нее идеологическими спецоперациями. Из них уже вытекает тенденция — определенная идеологическая политика нынешнего правительства России, к анализу которой вполне годится критический марксизм [Философия и идеология, 2018].

3. Факты и вытекающая из них тенденция порождают множество вопросов. Книга Л. Б. Алаева позволяет предварительно систематизировать проблематику, относительно которой можно поставить общий вопрос: чт*о* в той версии марксизма, которую обсуждает автор, принадлежит к науке (пусть даже на уровне XIX в.), политике, идеологии и религии? Для ответа на этот вопрос всю книгу Леонида Борисовича можно прочитать с точки зрения более или менее строгих критериев различия между указанными сферами отношений, деятельности и сознания. Позволяет ли востоковедение сформулировать такие критерии? Думаю, да. Оно не может обойтись без обобщающих теорий, но отвергает любую всеохватываемость, поскольку предполагает твердое страноведческое знание.

4. Материал книги может послужить прекрасным сырьем для создания учебника под рабочим названием «Введение в современную социальную науку». В качестве одного из методов я бы предложил свою практику глубинного чтения [Макаренко, 2016, с. 255–270] для обсуждения и проверки двух основных концепций о соотношении между большевизмом и историей и культурой России; генеалогии и состава современной социальной инженерии (или технологии власти, которую нынешние военно-политические стратеги России пытаются всесторонне «цифровизовать»); множества вопросов, на которые можно ответить методами строгой науки и современной аналитической философии; предлагаемых методов «обустройства России» и т. д.

5. На мой взгляд, нельзя смешивать большевизм и Россию, признать Рюриковичей и Романовых белыми, а большевиков — красными царями. Маркс и Энгельс к этому не имеют никакого отношения. Надо изучать генезис и следствия «Манифеста Коммунистической партии», а не искать разгадку большевизма в Тайной истории монголов (как предлагают старые и новые евроазиаты). Большевизм — лишь одна из версий марксистской практики, потерпевшая полный крах под влиянием проблем, порожденных самим большевизмом. Однако нет никаких оснований отождествлять ленинизм и большевизм с марксизмом, особенно с его советской версией. Память об этом позволит избежать трех шаблонов: сталинского изобретения троцкизма как мнимой ереси, ведущей к измене марксистско-ленинской ортодоксии; троцкистского изобретения сталинизма как уголовной девиации ленинизма — якобы приемлемой интерпретации марксизма [Макаренко, 2019]; изобретения А. Грамши и Л. Альтюссером еврокоммунизма, который одновременно является и не является ленинизмом, а образует ленинизм без загрязнения российским ядом.

Однако указанные шаблоны мысли распространены в подавляющей массе социально-политической и исторической литературы как в России, так и в западных странах. Освобождение от них вызывает интеллектуальное и институциональное противодействие отечественных и европейских интеллектуалов и политиков. Хочется пожать руку Леониду Борисовичу за мужество, связанное с описанием форм такого противодействия и реализацией интеллектуальной свободы, которой нам еще предстоит научиться в целях ее преобразования в политическую свободу [Уильямс, 2010, с. 111–129].

Литература / References

Алаев Л. Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // *Восток (Oriens)*. 2009. № 2. С. 209–220 [Alaev L. B. General History from Leonid Sergeevich // *Vostok (Oriens)*. 2009. 2. Pp. 209–220 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О. Е. Непомнин versus Л. С. Васильев) // *Сравнительная политика*. 2012. 1 С. 67–82 [Alaev L. B. Two Latest Concepts of the History of the East and the World (O. E. Nepomnin versus L. S. Vasiliev) // *Comparative Politics*. 2012. 1. Pp. 67–82 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М., 2000 [Alaev L. B. *Community in His Life. The History of Several Scholarly Ideas in Documents and Materials*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. М., 2016 [Alaev L. B. *Rural Community: "A Novel Inserted into History". Critical Analysis of Theories of the*

Community, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society. Moscow, 2016 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом? // *Восток (Oriens)*. 2013. 3. С. 5–14 [Alaev L. B. Will Civilizational Approach Become an Academic Method? // *Vostok (Oriens)*. 2013. 3. Pp. 5–14 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков*. М., 2011. [Alaev L. B. *South India. The Socio-Political System in 6th–13th Centuries*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Гудков Л. Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // *Политическая концептология*. 2010. № 3. С. 146–147 [Gudkov L. D. Is There a Basis for Theoretical Sociology in Russia? // *Political conceptology*. 2010. 3. Pp. 146–147 (in Russian)].

Гудков Л. Д. О положении социальных наук в России // *Новое литературное обозрение*. 2006. № 77. С. 314–339 [Gudkov L. O. On the Situation of Social Sciences in Russia // *New Literary Review*. 2006. 77. Pp. 314–339 (in Russian)].

Иванов Вс. Н. *Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности*. СПб., 2005 [Ivanov V. N. *Us in the West and in the East. Cultural and Historical Foundations of Russian Statehood*. Saint Petersburg, 2005 (in Russian)].

Коротаев А. В. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М., 2003 [Korotaev A. V. *Social Evolution: Factors, Patterns, Trends*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Макаренко В. П. Во что верить: в мысль или государство? (Заметки читателя о книге: Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008) // *Политическая концептология*. 2016. № 1. С. 255–270 [Makarenko V. P. What to Believe in: The Thought or the State? (Reader's Notes about the Book: Schedrina T. G. Epoch's Archive: Thematic Unity of Russian Philosophy. Moscow, 2008) // *Political Conceptology*. 2016. 1. Pp. 255–270 (in Russian)].

Макаренко В. П. Советская катастрофа: от азиатской чумы до основной личностной структуры // *Политическая концептология*. 2009. № 4. С. 5–32 [Makarenko V. P. Soviet catastrophe: from the Asian plague to the main personality structure // *Political Conceptology*. 2009. 4. Pp. 5–32 (in Russian)].

Налимов В. В. *Искушение святой Руси*. Томск, Москва, 2002 [Nalimov V. V. *The Temptation of Holy Rus*. Tomsk, Moscow, 2002 (in Russian)].

Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2003 [*Science and Crises: Historical and Comparative Essays*. Kolchinsky E. I. (ed.). Saint Petersburg, 2003 (in Russian)].

Уильямс Б. От «свободы вообще» к политической свободе // *История философии*. 2010. № 15. С. 111–129 [Williams B. From "Freedom in General" to Political Freedom // *History of Philosophy*. 2010. 15. Pp. 111–129 (in Russian)].

Фейерабенд П. *Избранные труды по методологии науки*. М., 1986 [Feyerabend P. *Selected Works on Methodology of Science*. Moscow, 1986 (in Russian)].

Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. М., 2018 [*Philosophy and Ideology: From Marx to Postmodernism*. Huseynov A. A., Rubtsov A. V. (eds.), Rubtsov A. V. (comp.). Moscow, 2018 (in Russian)].

Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии // *Политическая концептология*. 2016. № 1. С. 255–270. [Shchedrina T. G. Archive of the era: thematic unity of Russian philosophy // *Political Conceptology*. 2016. 1. Pp. 255–270 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Макаренко В. П. В гражданских войнах никогда не бывает победителей // *Независимая газета*. 21.10.2019. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2019-10-21/14_7707_war.html (дата обращения 07.12.2019).

ПОЧЕМУ «ОРИЕНТАЛИСТСКОЙ» ФИЛОЛОГИИ НУЖНО ЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

С. В. Прожогина*

Непонимание современности восточного мира, незнание последствий глобализации (в частности, процессов миграции Востока на Запад в совокупности с наследием, доставшимся от колониального прошлого народам Востока и Африки, а также драматических процессов постколониальной трансформации обществ, добившихся независимости, о том огромном культурном влиянии, которое оказалось результатом — пусть парадоксальным, но эффективным, — политики колониальной аккультурации в эпоху столкновения и конфликта цивилизаций, означает непризнание огромной массы фактов (и политических, и экономических, и философских, и идеологических, и психологических), мир меняющих, а потому и оказывающих немалое влияние и на те формы научного знания, которое связано с изучением Слова, способного мир описать (реалистически или метафорически), воспитать и даже улучшить (хотя есть и сторонники его, мира, «деконструкции», разрушения, обращения в хаос эклектики и постмодернистских самозаклинаний в невозможности его понять и изменить). Магрибинская франкоязычная литература дает сегодня удивительный пример «сплава» европейского гуманизма и ценностей национальной традиции жизни, стремясь выразить поиски Человеком нового мира гармонии существования, не отрекаясь от прошлого, преодолевая трудности Настоящего и мечтая о Будущем как о свершении Надежд на Счастье, понимая его сегодня, особенно женщинами-мусульманками — писательницами и героинями их многих художественных произведений, не только как возможность свободы личного выбора своей судьбы, значительно регламентированного шариатом, эмансипации, независимости, но и *сохранение* тех извечных опор жизни, в которых, как в родительском доме, живут «заветы предков», знавших, что только в лоне родной семьи, где рождаются новые поколения, и «прорастает» то Будущее, с которым связывает человек, неустанно приближая его, свершение своих надежд.

Ключевые слова: наука о любви к Слову, горизонты ориенталистики, современное понимание географии Востока, традиции и модернизация, глобализм и этно-конфессиональное противостояние, феномен мусульманских писательниц.

WHY ORIENTALISTS PHILOLOGY NEEDS KNOWLEDGE ABOUT MODERNITY

Svetlana V. Prozhogina

Lack of understanding of the modernity of the Eastern world, lack of knowledge of the consequences of globalization (in particular, the processes of migration of the East to the West,

Размышления у «парадного подъезда» журнала «Ориенталистика» и приглашение к знакомству с публикацией марокканской повести Я. Шами «Церемония».

* Светлана Викторовна ПРОЖОГИНА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru

Svetlana V. PROZHOGINA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru

together with the legacy inherited from the colonial past by the peoples of the East and Africa, as well as the dramatic processes of post-colonial transformation of societies that have achieved independence, not knowing about the enormous cultural influence that turned out to be the result — albeit paradoxical, but effective — of the policy of colonial acculturation in the era of the clash and conflict of civilizations, means the non-recognition of a huge mass of facts (political, economic, philosophical, ideological, and psychological) changing world, and therefore, having considerable influence on those forms of academic knowledge that are associated with the study of the Word that can describe the world (realistically or metaphorically), educate and even improve (although there are supporters of it, the world's, "deconstruction", destruction, turning into chaotic eclecticism and postmodern self-incantations in the impossibility of understanding and changing it). Maghrebian French-language literature today provides an amazing example of the "fusion" of European humanism and the values of the national tradition of life, striving to express Man's search for a new world of harmony of existence, not renouncing the past, overcoming the difficulties of the Present and dreaming of the Future as the fulfillment of Hopes for Happiness, understanding it today, especially Muslim women — writers and heroines of many works of art, not only as an opportunity for freedom of personal choice of their fate, much regulated by the Shariah, emancipation, independence, but also the *preservation* of those eternal supports of life in which, as in the parental home, live "the covenants of ancestors", who knew that only in the bosom of their native family, where new generations are born, does the Future "sprout "with which a person connects, relentlessly bringing him closer, fulfilling his hopes.

Keywords: the art of love for the Word; orientalist horizons; modern understanding of the geography of the East; traditions and modernization; globalism and ethno-confessional confrontation; the phenomenon of Muslim writers.

Изменившее радикально «лицо» Востока колониальное присутствие Запада повлияло на формирование у освободившихся эксколонизованных народов не только нового типа сознания, но и новых национальных культур.

Без понимания этого феномена невозможно дальнейшее продвижение научной мысли, в том числе и филологической, — она будет удаляться лишь в глубины прошлого, топтаться на месте, изучая только основы старой художественной традиции, его «памятники», занимаясь «перемолом» — в полном смысле этого слова — все тех же источников, постоянно обновляя, множа, переводя заново и дополняя все новыми комментариями. Изучать прошлое и для историков, и для филологов — дело, конечно, хлопотное и необходимое, но, видимо, и приятное. Такое изучение, увы, «прирастает» только глубиной, а не широтой обновления горизонтов знания, и поэтому не требует систематического анализа постоянно свершаемых в мире изменений.

«Любители слова» — филологи (литературоведы и лингвисты), историки и философы как «археологи знания» всегда будут радоваться еще одной новой «находке», еще одной рукописи, еще одного неизвестного автора, но все, даже только что открытое, неизбежно принадлежит ушедшему времени, что искушает многих исследователей с недоверием и даже неприязнью смотреть на быстро меняющийся у них на глазах мир, обретающий все новые формы и общественных отношений, и культуры, и литературы, и даже языков (так, в разговорном арабском языке в сегодняшней Франции масса «галлицизмов», а во французском — арабизмов). Современность, бесконечно совершенствуя свои достижения, меняет окружающий мир, наполняя его новыми смыслами, неизбежно нуждающимися в адекватной

интерпретации, в трудном, но необходимом усвоении обязанной быть всегда «наготове» научной мысли, в том числе и филологической.

Работать только над улучшением понимания старых терминов и философских концептов — дело благородное, но обреченное на конечную эзотеричность и практическую схоластику, сужающую знания лишь на «классических образцах». Это, конечно, немало. Но филолог, к примеру, т. е. тот, кто «любит Слово» не только в его первозданном, этимологически «перворoдном» смысле, но и в реальном существовании, употреблении и развитии в процессе исторических перемен, во всей его расширяющейся из века в век, из года в год и даже изо дня в день семантической амплитуде, (попробуйте понять сегодняшнюю французскую молодежь, говорящую «на верлане»!), не может не признать значимости изучения его в процессе быстро меняющейся современности окружающего мира.

Литературоведы как филологи, т. е. специалисты по изучению слова как «образа мира в нем, слове, явленном (Б. Пастернак), знают, что их предмет, нацеленный на познание художественного сознания эпохи как части сознания его социумов, не может не отражать процессы, происходящие в реальности, влияющие и на содержание произведений, и на их формы.

Так, возникновение франко-англо-испано-итало- и португалоязычных литератур в постколониальную эпоху в странах Востока и Африки, заимствование угнетенными в прошлом народов языка своих метрополий было парадоксальным усвоением (а не, казалось бы, логичным антиколониальным «отторжением») «плодов» европейской цивилизации, ибо через язык (будь то в Индии, в Северной или Тропической, или Южной Африке, во Вьетнаме, на Филиппинах, в Ливане или Ливии шло формирование нового типа национальной словесности, сосуществовавшей одновременно и с развивающейся на местных языках литературой в рамках хотя и общей системы традиций культуры, художественного творчества, но исполненной теми способами видения и отражения окружающего (и «своего», и «чужого») мира, которые уже пришли из другой культурной традиции, в том числе из другого, литературного «письма», принадлежали другой цивилизационной системе — западной, — использовавшей свои художественные методы, жанры, стили для описания и воссоздания реалистической (или романтической) картины окружающего мира. В формах и способах литературного творчества, веками складывавшихся в других традициях (в мусульманском мире, к примеру, ранее не существовало в арабской художественной традиции ни жанра романа, ни исторической эпопеи, ни реалистического бытописательства, ни новеллистики как таковой, т. е. жанровых разновидностей *novellino* как краткого «сообщения» о чем-то особо актуальном, новом и интересном, зародившемся в Италии еще в XIII в.).

Вот почему сегодня невозможно быть полноценным филологом, не исследующим мировой литературный процесс как часть нового общественного сознания окружающего мира. Бурное появление в литературах Востока и Африки в XX в. европоязычных литератур было одновременно и свидетельством радикальных трансформаций в общественном сознании, изменившем свой взгляд на Запад лишь как «источник Зла» — угнетения и покушения на независимость. Восток усвоил духовные ценности другой цивилизации, понимая, что они как следствие возникновения новых взаимоотношений, диалога разных культур, не просто модернизируют восточные

культуры и литературы, но и определяют (как «внутренний» императив») невозможность отказа ни от своей восточной самобытности, ни от этноконфессиональных особенностей, ни от обретенной национальной независимости, — и это стало следствием «уроков» Запада.

Сложность постколониальной эпохи диктовала трудные задачи самостоятельного развития, но и неизбежно влияла на художественное творчество, решительно повернувшееся лицом к современной действительности, вскрывая и незаживающие следы колониального угнетения и рабства, «язвы» от оков и догм, от несовместимых с новым временем старых традиций, и новые социальные противоречия «постреволюционных» преобразований, и смятение людей, столкнувшихся с проблемами собственного, «независимого» строительства новой жизни, — своими силами, своими знаниями… Ведь где-то снова воцарилась монархия (например, в Марокко), где-то восторжествовала военная диктатура с интенциями демократического переустройства (как, к примеру, в Тунисе в эпоху Х. Бургибы), а где-то, как в Алжире, начали строить и свой социализм «с мусульманским лицом».

Писатели, запечатлевая порой еще по горячим следам и эпопею национально-освободительных «революций», и картину нового мира, возникшего на руинах колонизации, анализировали, обобщали, типизировали его новые явления и в жанре военной эпопеи, и в «семейных романах», и в бытописательской «повести о жизни» городских или сельских героев, и в рамках нового, авангардного «нарратива» — особого типа прозы, похожей на некий ураган, бушующий яростью несмирения ни с какой реальностью — ни Прошлой, ни Настоящей (см. творчество марокканца М. Хайреддина), не избегая ни поэтических опытов (порой патриотических, порой ностальгически-романтических, а порой и исполненных сюрреалистических аллюзий на вставшее над горизонтом достигнутой свободы «черное солнце», предвещающее наступление мрака неизвестной судьбы нового мира), ни драматургических «сценариев» исторических свершений [1]. Так или иначе, но в массе новой художественной литературы Магриба свершавшаяся на глазах современность была запечатлена и навсегда останется ярчайшим свидетельством новой эпохи. Имена М. Диба, М. Ферауна, М. Маммери, Катеба Ясина, Дриса Шрайби, А. Креа, А. Джебар, А. Катиби, М. Хайреддина, Р. Буджедры, А. Мемми, А. Меддеба, Р. Мимуни, Ж. Сенака, Н. Абы, А. Лааби, М. Лахбаби, З. Морси, М. Ниссабури и многих других прозаиков и поэтов навсегда войдут в историю новых магрибинских литератур именно потому, что они создали «памятники» рождавшейся новой эпохи в истории магрибинских обществ.

Да, это было сделано на французском языке. Но школа французского колониализма оказалась не только школой воспитания в «автохтонах» духа сопротивления чужеземному гнету; она, дозволяя «аборигенам» получение образования, по-своему «аккультурировала» их (что вполне входило в планы политики колонизации) и даже в известной мере подвергла культурной ассимиляции (отдельные регионы Магриба даже были христианизированы). Последнее сыграло особую роль, познакомив угнетенные народы с достижениями мировой культуры, а главное — «искусив» покоренный Восток великим лозунгом освобождения Запада от гнета абсолютной монархии: «Свобода, Равенство и Братство».

---

[1] Подробно о магрибинской поэзии, прозе и драматургии 1950–60–70-х гг. — в коллективной работе [История национальных литератур, 1993] в 3-х томах.

Но эту интродукцию к «размышлениям у “парадного подъезда” журнала “Ориенталистика”» я писала всего лишь в надежде, что многие филологи-арабисты прекрасно понимают, что современная литература, мало напоминающая, скажем, арабскую художественную словесность прошлых эпох, не просто порвала с традицией прошлого, но вынуждена была создать, подчеркиваю, — образ нового мира «в слове явленном». Преследуя и другие цели — познания, анализа, интерпретации, пересоздания (метафорического, аллегорического и даже символического) живой современности, писатели, показав ее миру, пытались и «разобраться» с современной историей, изменившей старый Восток.

В целом новая словесность Востока оказалась функцией совокупности его прежней и новой национальной истории, в которую вмешались сначала колониализм, потом глобализация; потому и обращение писателей к реальности свершившегося и свершающегося сегодня — явление закономерное. Поэтому, задержавшись у «парадного подъезда» журнала «Ориенталистика», я очень надеюсь, что он обязательно приоткроет свои «двери», предоставив страницы и тем, кто не только любит и с удовольствием изучает «обновление» старых терминов или семантические изменения «старых» слов (с их префиксами, корнями, суффиксами и пр.), кто ждет открытия точных аналогов перевода смысла слов старых источников и «памятников» словесности, но и тем, кто ищет новый образ мира, запечатленный в художественном слове, в текстах новых произведений. Тот образ Востока, который уже не умещается в старый девиз западного, еще имперско-римского («На Восток!»), а потом колонизаторского «ориентализма» (с его поисками экзотизма и стремлением навязать свое понимание истории Востока и его развитие), но именно позволяет расширить горизонты истинной *ориенталистики*, изучающей «продвижение» научной мысли к Востоку, не просто незнаемому или еще не познанному (ибо он во многом трансформирован под воздействием серьезных факторов современной истории). Это художественное слово отражает движение и самого Востока, расширяющего собственные возможности познания мира, горизонты исканий, вплоть до устремления на Запад, в современную эпоху глобализации, активно усилившую процессы извечной миграции народов, а значит, обеспечившую и новое столкновение, новый диалог цивилизаций.

Признаем, — в формах ли беженства или эмиграции (а потом и иммиграции, «оседания»), или обычной уже «транзитной» миграции, но так или иначе Восток сегодня активно *перемещается на Запад*. Не только уже привычная Западу североафриканская, особенно магрибинская (как часть арабского Востока) волна, но волны и из Тропической, даже из Южной Африки, и ливийская, и вьетнамская, и китайская (издавна!), и собственно-индийская, и бангладешская, и пакистанская миграционные волны сегодня захлестывают Запад, Европу, особенно Францию, Испанию, Англию, Германию, Бельгию, Италию, даже Скандинавию (вплоть до Исландии) и балканские страны. Многие из этих государств давно уже имеют «метисный» по своему народонаселению состав — не только полиэтнический, но и поликонфессиональный. Поначалу открыв все границы (а как же? — толерантность, демократия и пр.) сейчас европейские страны уже ведут нескончаемые торги о «квотах», воздвигают различные препятствия для пересечения своих прибрежных и континентальных пределов беженцам с Востока и из Африки, неустанно твердят, что надо искать «другие пути

решения проблем» бегущих, плывущих, улетающих на самолетах (как индийцы) на Запад людей.

Да, когда-то был у старых колониальных держав комплекс «колониальной вины», и они как-то терпели эмигрантов из бывших колоний в рамках своих демократических и республиканских норм.

Да, уже с начала XX в., в 1940–50-е и даже 1960-е гг. Европа (Франция, к примеру) даже нуждалась в «рабочей силе» и не препятствовала эмиграции из Северной Африки для «восстановления» послевоенного хозяйства[2].

Да, когда-то и Испания еще мирилась с тем, что через принадлежащие ей северомарокканские города Сеуту и Мелилью африканцы нелегально добираются до ее берегов в корабельных трюмах, на лодках и плотах через узкий Гибралтар и, если не «оседают», то идут дальше, по югу Европы, на север — в глубь Франции или в Бельгию, где легче говорить на давно привычном французском. А дальше — кто в Англию, кто еще севернее.

Возможно, в Испании вам доведется поговорить с эмигрантами, рисковавшими жизнью при нелегальном преодолении границы, как довелось автору побеседовать в Мадриде с марокканским юношей. Я спросила его, зачем он терпит такие унижения (он молился прямо на улице, опустившись на один из тех ковриков, которыми торговал, взвалив на спину свой товар) и нескрываемую нищету «не лучше» той, от которой бежал из родной страны, а он гордо ответил, что «здесь — Земля его предков». В результате такой беседы вы поймете, что в этой тяге к Европе у многих, к примеру, у арабов, бегущих на Запад, присутствует не только «экономическое» или «политическое» недовольство, но и нечто подсознательно «ностальгическое», — ведь действительно почти семь веков (с VIII по XV вв.!) на юге Испании, в Андалусии, жили и властвовали арабы, захватив и Прованс, и Сицилию, долго врастали, принеся сюда и ислам в культуру Запада, где постепенно развивался и расцветал особый тип цивилизации, где и до сих пор живет арабское архитектурное наследие (Гранада, Кордова, Севилья и т. д.) и где еще и по сей день звучит «андалусская» музыка, а в классической французской литературе сохранены следы арабского художественного влияния на классическую поэзию труверов и трубадуров… Что и говорить о науке и философии.

Признаем, что «Восток» — уже давно не только географическое, но и пространственно-культурное понятие, сместившееся — и, видимо, надолго — в сторону Запада. Изучать его «присутствие» в мире, а не на карте, — дело необходимое, и для филологов тоже. Ибо только в художественной литературе выходцев с Востока и Африки, а особенно в литературе североафриканских иммигрантов (второго или даже уже третьего поколения) можно прочитать всю правду о том, как еще в колониальных школах *их воспитала Европа*, как внушила им мечту о Независимости и Свободе, как привила Надежду на то, что именно на Западе возможно свершение этой мечты о рае Равенства и Братства. Этот великий лозунг, сохранившийся высеченным в камне на фронтонах всех муниципальных учреждений Франции, к примеру, не позволяет никому забыть его (даже туристам). Да, все, бегущие на Запад, и сегодня надеются на обретение лучшего социального устройства, на получение лучшего, современного образования, на

[2] В частности, этому посвящены книги Дриса Шрайби «Козлы» (1956 г.) и Тахара Бенджеллуна «Французское гостеприимство» (1974 г.). Переводы фрагментов из них см. в [Прожогина, 1986] и [Прожогина, 2002].

избавление от все усиливающихся угроз радикальных исламистов, на освобождение от пут феодальных междоусобиц и распрей вождей племен где-нибудь в глубинах тропической Африки, на «очищение» себя от нескончаемого кровопролития в гражданских войнах, терзающих и Ближний Восток, и Северную Африку (Алжир — яркий пример), от тюремных угроз и прочих расправ с людьми, несогласными с восторжествовавшими в некоторых странах режимами после «цветных революций». Бегут не только мужчины, юноши, девушки, дети, но и беременные женщины, которые, порой едва добравшись до берегов Европы, иногда не выдержав ожидания, вплавь бросаются с борта переполненного беженцами утлого суденышка сегодняшних торговцев людским товаром (плата за опасный переезд через узкие проливы около берегов Испании и Италии — огромная!) и рожают детей прямо у кромки моря и долгожданной Земли. Никем, правда, кроме их мечты о лучшей доле не «обетованной»…

Все это можно услышать в сводках радио, приводящих пугающую статистику отправившихся с Востока или через Ливию и Тунис из Африки, на Запад (почти по 1 млн. в год!), даже «онлайн» увидеть по ТВ, особенно когда кого-то из приплывших цивилизованные европейцы (в частности, Италия, да уже и Греция) больше не подпускают к своим берегам. Но можно прочитать об этом и в книгах писателей, навсегда, в слове, в тексте, зафиксировавших трагедию нашего времени. И не только о «текущем моменте», но и суммарно, в историко-культурном обобщении давних примет перемещения Востока на Запад, рассказывающих о дальнейшей судьбе беженцев, эмигрантов, иммигрантов (о реально пережитом и увиденном авторами книг), о том, как навсегда останется на них клеймо «людей второго сорта», маргиналов, «чужаков», которые никогда не станут «своими», даже если «социальный лифт» и поднимет немногих на какую-то высоту. Пусть кто-то станет известным футболистом, кто-то талантливым актером, даже танцовщиком, кто-то преподавателем, даже ученым-социологом или социо-психологом, кто-то муниципальным чиновником или — о чудо! — сотрудником министерства, а кто-то даже очень известным писателем, получающим литературные награды и премии, расширяющим и улучшающим поле самой европейской культуры. Но главное не в этом. Главное в том, что идет процесс, который не сумела уничтожить глобализация — стремление разобраться со своей новой «идентичностью», весьма, по-моему, тревожный процесс, все чаще проявляющийся в желании Востока «самосохраниться», а не слиться с Западом или «серьезно» в него интегрироваться[3], что приводит порой к крайностям и к упорному воспроизводству самых старых традиций этно-национальных культур.

Загляните в «восточные кварталы» или целые округа европейских столиц и больших городов: в Париже, к примеру, — это весь Сен-Дени, Фобур-де-Тамль, бульвары Вольтер, Дидро, район Пер ля Шез, где живут преимущественно североафриканцы и вьетнамцы, бульвар Гренель или улица Вожирар, населенные выходцами из Индии, Монмартр, просто «почерневший» от сенегальцев, гвинейцев, малийцев; есть в больших городах, как повсюду в мире, и свои «чайнатауны». В этих этнических «гетто» — не только запахи национальной кухни, звуки национальной

[3] См. подробно работы [Прожогина, 2003; 2009] и др. О том, что глобализация не стерла национальных идентичностей, отмечают и западные ученые, например Фрэнсис Фукияма в своей недавно вышедшей работе [Фукияма, 2019].

музыки, родных языков, свои праздники, свои правила жизни, свои тщательно оберегаемые религиозные обряды и ритуалы. Жить «по-своему» им никто особо и не мешает (до тех пор пока не начинаются полицейские облавы на «смутьянов», нарушающих плавный порядок жизни и мироустройства Европы, принимающего беженцев общества, пока не прогремят в нем взрывы накопленного недовольства, или прямо — теракты). Но ведь эти этнические кварталы имеют и свои молельные дома — мечети: в подвалах больших домов (это помимо официально существующих, к примеру, во Французской Республике). А там — и весьма удобное и всеми «прикрытое» место для тайных вербовок и будущих «повстанцев» — боевиков, и будущих интегристов, и просто попытки «организации» с давящим изнутри душу чувством изгойства безработной молодежи[4], все растущего числа нищих и даже примыкающих к этой маргинальной среде европейцев, жаждущих хоть «какого-нибудь» бунта против не устраивающего их миропорядка, и даже против утраты собственной идентичности, ведь нашествие эмигрантов и беженцев, да и осевшие иммигранты уже давно «сломали» на Западе ощущение «европейскости», хозяйской «полноценности». Где они теперь, эти «коренные» французы, где их «галльскость», когда каждый рожденный в Европе выходец из иммигрантской среды «по праву почвы» может называть себя «французом», «англичанином», «испанцем» и т. д.[5]? Как не знать об этом новом современном лице Востока на Западе и Запада в присутствии Востока?

Но Восток на Западе — это еще и процесс пристального и актуального анализа и понимания самого Востока, его «внутренней жизни», его постоянно меняющегося мироустройства, потому что Запад — с отдаления и с учетом мировой стратегии — помогает осознать и причины «исхода» Востока и Африки на Запад и на Север. Осознать процессы возможной стабилизации положения вещей, необходимости обеспечения стран Востока новыми ресурсами, помощью, осознать необходимость улучшить его социальную и экономическую ситуацию, урон которой когда-то жестоко нанес именно Запад, а потом, уже в постколониальную эпоху, не спас даже «неоколониализм» (сыграла тут незавидную роль и «наша» политическая ситуация, заставив не вовремя оставить интерес к Африке).

С точки зрения филолога, литературоведа, внутреннюю, сегодняшнюю ситуацию не Востоке, в особенно близких мне, конечно, странах Магриба, никто лучше, чем сами писатели-магрибинцы, долгое время жившие в эмиграции во Франции, не описал, не зафиксировал ни приметы разразившейся в 1990-е гг. новой, гражданской, войны в Алжире, ни приметы тех «кричащих» социальных противоречий, которые будут еще долго подтачивать изнутри и Марокко, и Тунис. Во всяком случае, ни опыты социологов, ни прогнозы политологов, ни свидетельства заезжавших в командировки ученых лично мне, да и всем интересующимся этим регионом, не дали столько реально «живого» материала, пусть воплощенного в типизированных, художественных образах, сколько произведения романистов, новеллистов и даже поэтов[6], познавших и свой Восток, и «свой» Запад на собственном горьком опыте — и обречение на колонизацию и изгнание на чужбину, и разочарование Европой, и отчаяние безвыходности, и

[4] Об этом подробно в книге алжирца Буалема Сансаля «Деревня немца» [Sensal, 2010].
[5] См. подробно об «identities brisées» в [Прожогина, 2012].
[6] См. книги М. Диба, Т. Бенджеллуна, Р. Буджедры, А. Меддеба, А. Мемми, Р. Мимуни, Р. Баламри, Т. Бекри и многих других магрибинских писателей.

упорный поиск путей восстановления гармонии или хотя бы нового диалога цивилизаций[7].

Современные писатели-магрибинцы различают во внутреннем мире восточных обществ поиск и «своей» собственной, уже «надломленной» колониализмом идентичности. Некоторые фиксируют возникновение чувства «бастардности», «ничейности», «ненужности» ни Западу, ни Востоку, «заброшенности» и бесприютности и в том, и в другом мире, — и своем, восточном, и в западном, — метания между традицией, освещенной веками присутствия ислама, и модернизацией, идущей с Запада, неизбежно влияющей на все формы жизни. Не понять эти процессы значит не понять и боль «отрезанных корней» у иммигрантов Запада, их стремление заботиться о «новой кроне» пересаженного в чужую почву древа жизни. Одно взаимосвязано с другим, и лицо современного Востока, и его облик на Западе, и очевидное изменение самого западного мира с его собственными проблемами самоидентификации[8] и постоянным вопросом «Что дальше?» (ведь миграция Востока на Запад не кончается) читается сегодня именно в слове литераторов — и западных, пишущих о проблемах своих стран и героев своих произведений, эмигрантов[9], и восточных, создающих картину своего мира, полного кипения и брожения.

Нет необходимости дальше размышлять о необходимости филологу-литературоведу (в профессии которого есть доля не вполне строго «академического» подхода к творчеству писателей, смело сравнимая с «писательством», «сотворчеством») избравшему предметом литературу, «вхождение» в стиль «своего» писателя, в его мир, а не только в изучение того, как это сделано (ведь главное — зачем? Почему? Что писатель хотел сказать миру). А потому мне не обидно, когда у литературоведов находят и толику публицистичности, и толику «врастания» в мир художника, «предвзятость» и даже некий несвойственный «точным наукам» собственный метод освоения картины мира. Главное, — ввести читателя в этот неведомый мир и не оставить его равнодушным.

Вот почему я выбрала для журнала «Ориенталистика» повесть одной никому неизвестной современной марокканки, архитектора по профессии — Ясмины Шами «Церемония», где, на мой взгляд, показан современный мир Марокко, исключительно тонко и откровенно подмеченный глазами, душой и сердцем современной женщины, воплощающей, быть может, самую главную черту нового Востока и его жизни: *между традицией и модернизацией*, между собственно Востоком (запечатленным в одной из главных церемоний — свадьбе молодых людей) и Западом. Путь женщин, героинь романа, — это осознание и власти старых традиций и эмансипации, и смысл простого человеческого счастья. Путь женщин, познавших личную драму и осознающих условия человеческого существования на древней земле, освященной религиозными домами, запретами, но уже пронизанной *вызовами нового времени.*

---

[7] См. книги алжирца Ясмины Хадры и тунисца Мустафы Тлили, подробно освещенные в работах последних лет: [Прожогина, 2009]; [Прожогина, 2011]; [Прожогина, 2016].

[8] См., например, [Rioufol, 2007].

[9] См., например, получивший «Премию арабского мира» роман «Золотая капля», принадлежащий перу М. Турнье — известного французского писателя, лауреата Гонкуровской премии, номинированного и на Нобелевскую премию [Tournier, 1998].

Эта писательница — одна из уже многочисленного сегодня «отряда» мусульманок в Магрибе, которые, несмотря на все запреты, не только открыли лицо, распахнули глаза и пристально взглянули на окружающий мир, описав его для **всех** (используя французский язык), но и опрокинули извечно царившее в литературе Магриба «гендерное неравенство», когда только мужчины-писатели создавали шедевры о «женской доле», писали портреты матерей, рассказывая современнику о судьбе мусульманки так, как это казалось, может сделать только уверенная кисть и перо мужчины-писателя: вспомним марокканцев Дриса Шрайби, Тахара Бенджеллуна, Абдельхака Серхана, тунисцев Альбера Мемми и Фавзи Меллаха, алжирцев Рашида Буджедру, Мохаммеда Диба, Рабаха Беламри и многих других, о которых мы когда-то много писали, книги которых переводили и даже издавали в наших отечественных издательствах, знакомя и Россию с современным Магрибом[10].

Недавно мне удалось познакомить читателя с целой плеядой новых магрибинок, блистательных новеллисток[11], которые запечатлели в нарративных миниатюрах судьбы современниц, знающих и реальную цену власти традиции, и издержки модернизации на западный манер, которые испытали и муки освободительных «революций», и гражданские войны, и противоречия эмансипации, и искушения свободой «личного выбора» места в жизни, в том числе и в жизни на Западе. Жизнь оказывается куда сложнее, чем мечталось, но и куда проще, «обычнее», естественнее, если возвращаешься в надежные стены старого родительского дома и просто обретаешь «нормальную» женскую долю в кругу семьи. Не буду больше утомлять читателя объяснением необходимости для филолога знать современность и самого Востока, и Востока на Западе, хранить любовь к прошлому тех стран, художественное сознание которых (как часть общественного) изучает «тот, кто любит Слово». Но необходимо уметь смотреть и в будущее того мира, который избрал для своей профессии. Иначе зачем нам знать, «о чем они шепчут, о чем говорят, зачем огоньки между ними горят» (как сказал бы Бальмонт), эти магрибинки, пытающиеся приоткрыть и себе, и чужестранцу завесу над подлинным, не «ориентализованным» или экзотизированным на западный манер миром (как это было в колониальной литературе), а не остановить наш взгляд лишь на атрибутах давно прошедшего времени. Прошедшее, если и оставило след в настоящем, то лишь чтобы напомнить: так или иначе, но оно пойдет на встречу с будущим. Рассветным ли оно станет или сумрачным — зависит от самого человека.

Литература / References

История национальных литератур стран Магриба (*Алжир. Марокко. Тунис*). Под ред. С. В. Прожогиной. В 3-х томах. М., 1993 [*History of National Literatures of Maghreb States* (*Alger. Morocco. Tunisia*). S. V. Prozhogina (ed.). 3 Vols. Moscow, 1993 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Разлом миров.* М, 2009 [Prozhogina S. V. *The Chasm of Worlds.* Moscow, 2009 (in Russian)].

[10] Подробно см. в [История национальных литератур… 1993; Прожогина, 1986; 2014; 2015; 2016] и в др. работах автора.

[11] О них в [Прожогина, 2019].

Прожогина С. В. *Алжирская сюита (эпоха Рашида Буджедры)*. М., 2014 [Prozhogina S. V. *Algerian Suite (Rashid Buszhedra's Epoch)*. Moscow, 2014 (in Russian)].
Прожогина С. В. *В поисках настоящего времени*. М., 2011 [Prozhogina S. V. *In Search of Present Tense*. Moscow, 2011 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Восток на Западе (Иммигрантские истории–II)*. М., 2003 [Prozhogina S. V. *East in the West (The Stories of Immigrants–II)*. Moscow, 2003 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Вошедшие в храм Свободы*. М., 2009 [Prozhogina S. V. *Those Who Entered the Temple of Freedom*. Moscow, 2009 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Дрис Шрайби, или Новое время в литературе Марокко*. М., 1986 [Prozhogina S. V. *Dris Ihaibi, or Modern Time in Moroccan Literature*. Moscow, 1986 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Магрибинская франкоязычная новелла*. М., 2019 [Prozhogina S. V. *Francophone Novella of Maghreb*. Moscow, 2019 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Марокканский ноктюрн (колониальное, постколониальное и современное Марокко в художественном творчестве франкоязычных писателей)*. М., 2015 [Prozhogina S. V. *Moroccan Nocturne (Colonial, Post-Colonial, and Modern Morocco in Artistic Works of Francophone Writers)*. Moscow, 2015 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Новые идентичности*. М., 2012 [Prozhogina S. V. *New Identities*. Moscow, 2012 (in Russian)].
Прожогина С. В. *Тунисская элегия. Диалог Востока и Запада в творчестве франкоязычных писателей XX–XXI вв*. М., 2016 [Prozhogina S. V. *Tunisian Elegy. Dialog between East and West in the Works of Francophone Authors of the 20th—21st Centuries*. Moscow, 2016 (in Russian)].
Фукияма Ф. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. М., 2019 [Fukiyama F. *Identity. Search for Approval, and Policy of Rejection*. Moscow, 2019 (in Russian)].
Rioufol I. *La fracture identitaire*. Paris, 2007.
Sensal B. *Le village de l'Allemand*. Paris, 2010.
Tournier M. *La Goutte d'or*. Paris, 1998.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИЗАНТИЙСКОЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ У БАЛАКЛАВЫ: ОПЫТ ГЛУБОКОВОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧЕРНОМ МОРЕ

В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина,

Д. Б. Татарков, В. И. Двухшорстнов[1]

Кораблекрушение в районе Балаклавской бухты было обнаружено в 3,8 км от берега, на глубине 85,6 м. На месте кораблекрушения найдено скопление амфор и фрагменты конструкций корабля. В 2018 г. подводно-археологические исследования данного памятника ввиду большой глубины его залегания проводились с помощью телеуправляемого необитаемого подводного аппарата (ТНПА) (ROV (Remotely Operated Vehicle)). С помощью данного аппарата был проведен осмотр объекта под водой, сделаны его замеры, фото- и видеофиксация, составлен общий фотограмметрический план места кораблекрушения и его 3D модель. Для анализа и более точной датировки объекта на поверхность были подняты образцы керамики и древесины, которые позволили датировать судно XI в. Находки кораблекрушений византийского периода в акватории Гераклейского полуострова даже на больших глубинах немногочисленны. Обнаружены и исследованы всего два — «Херсонес-А» (X–XI вв.) и «Форосский византиец» (XIII в.). Среди кораблекрушений аналогичного периода известно также судно XI в., найденное в Средиземном море, в заливе Серче Лимани, а также в акватории сирийского города Тартус. В ходе подводно-археологических исследований в акватории Балаклавы в 1200 м от кораблекрушения «Балаклава-1», на глубине 86 м было обнаружено еще одно судно, получившее условное наименование «Балаклава-2». В илистом грунте сохранились деревянные элементы корпуса корабля и фрагменты его рангоута (мачта диметром 50 см). Образцы древесины, поднятые для уточнения датировки данного объекта, как показал анализ, относятся к XI–XII вв. Они были изготовлены из дуба и содержат следы горения. Это позволяет предположить, что вероятной причиной гибели корабля явился пожар. Обнаруженные напротив входа в Балаклавскую бухту древние суда содержат важные свидетельства времени своего существования и представляют собой уникальные памятники кораблестроения эпохи

[1] Виктор Викторович ЛЕБЕДИНСКИЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v_lebedinski@mail.ru

Victor V. LEBEDINSKI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; v_lebedinski@mail.ru

Юлия Александровна ПРОНИНА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; julia_pronina@mail.ru

Julia A. PRONINA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; julia_pronina@mail.ru

Дмитрий Борисович ТАТАРКОВ, директор Центра морских исследований и технологий, Севастопольский государственный университет, Севастополь; ditar25@mail.ru

Dmitry B. TATARKOV, Director of the Center for Marine Research and Technology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation; ditar25@mail.ru

Виктор Игоревич ДВУХШОРСТНОВ, заместитель директора Центра морских исследований и технологий, Севастопольский государственный университет, Севастополь; victor19741978@gmail.com

Victor I. DVUKHSHORSTNOV, Deputy Director of the Center for Marine Research and Technology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation; victor19741978@gmail.com

средневековья. В ходе исследований данных кораблекрушений был подготовлен комплект документов для их включения в список охраняемых историко-культурных объектов.

Ключевые слова: кораблекрушение, глубоководные археологические исследования, телеуправляемый необитаемый подводный аппарат, Черное море, Балаклава.

BYZANTINE SHIPWRECK NEAR BALACLAVA: EXPERIENCE DEEP-WATER RESEARCH IN THE BLACK SEA

Victor V. Lebedinski, Julia A. Pronina,

Dmitry B. Tatarkov, Victor I. Dvukhsherstnov

The shipwreck at the entrance to Balaklava Bay was found 3,8 km from the coast, at a depth of 85.6 m. Fragments of ship structures and accumulation of amphorae were preserved at the wreck site. In 2018, underwater and archaeological studies of this monument, due to the large depth of its occurrence, were carried out using a remotely operated underwater vehicle (ROV). With the help of an "underwater robot", an object was inspected under water, measurements were taken, a photo and video fixation was made, a general photogrammetric plan of the shipwreck and its 3D model were drawn up. For the analysis and dating of the object, samples of ceramics and wood were raised to the surface, which allowed dating the ship of the 11th century A.D. The finds of shipwrecks of the Byzantine period in the waters of the Heraclean Peninsula, even at great depths, are few. Only two were discovered and investigated — *Chersonesus-A* (10th–11th centuries A.D.) and Foros Byzantine (13th century A.D.). Among shipwrecks of the same period, the ship of the 11th century is also known, found in the Mediterranean Sea, in the Cerce Limani Gulf as well as in the waters of the Syrian city of Tartus. In the course of underwater archaeological research in the water area of Balaklava, 1200 meters from the shipwreck *Balaclava-1,* at a depth of 86 m, another ship was discovered that received the code name *Balaclava-2*. Wooden elements of the ship's hull and fragments of its masting (mast 50 cm in diameter) are preserved in the silt ground. Wood samples raised to clarify the dating of this object, as shown by the analysis, refer to the 11th–12th centuries A.D. They were made of oak and contain traces of burning. This suggests that the likely cause of death of the ship was a fire. Discovered at the entrance to the Balaklava Bay, the ancient ships contain important evidence of the time of their existence and are unique shipbuilding monuments of the Middle Ages. In the course of research on shipwrecks data, a set of documents was prepared for inclusion in the list of protected historical and cultural sites.

Keywords: shipwreck, deep-water archeology, remotely operated underwater vehicle, Black Sea, Balaclava.

Изучение подводно-археологических объектов на больших глубинах с помощью телеуправляемых аппаратов (ТНПА) за последние два десятилетия стало важным этапом в подводной археологии. Практическое применение робототехники в данной области выявило целый ряд преимуществ в сравнении с подводными работами водолазов-глубоководников. Прежде всего, это возможность проводить работы аппаратами под водой практически неограниченное по продолжительности время (под контролем оператора, находящегося на борту судна), на больших глубинах, опасных для пребывания человека, избегать длительной декомпрессии. ТНПА снабжены дополнительным оборудованием, среди которого к наиболее важных для проведения подводных работ принадлежат: гидролокатор кругового обзора (позволяет ориентировать аппарат относительно

объектов на морском дне и выявлять новые объекты), гидроакустическая система навигации (позволяет определять координаты аппарата по отношению к судну-носителю и выводить его на нужную точку), видеокамеры высокого разрешения с осветительными приборами, лазерные целеуказатели (позволяют видеть на мониторе блока управления масштаб объектов в кадре), мощные двигатели (которые справляются с сильным морским течением), манипуляторы, позволяющие поднимать предметы с морского дна. Мировой опыт использования ТНПА в области подводно-археологических работ оказался успешным. Так было обнаружено большое количество уникальных подводных объектов в Средиземном море, например, таких, как судно римского периода в Скерки-Бэнк [McCann, Freed, 1994] или финикийские суда «Танит» и «Элисса» [Ballard et al., 2002] и многие другие[2].

Несмотря на результативность глубоководных археологических исследований, возникает целый ряд трудно разрешимых вопросов. Они связаны с высокой стоимостью и технической сложностью проведения раскопок обнаруженных объектов под водой на больших глубинах [Bass, 2011, p. 15–16]. Как результат, к настоящему времени ни одно кораблекрушение, обнаруженное на больших глубинах, пока не исследовано полностью. Тем не менее путем опыта и экспериментов глубоководные археологические исследования развиваются.

Первые глубоководные археологические исследования в Черном море с помощью ТНПА были проведены экспедицией под руководством Р. Балларда в территориальных водах Турецкой Республики. В 2000 г. был обследован район Синопы и обнаружены сразу несколько кораблекрушений на глубинах от 85 до 320 м. Выявленные объекты, датированные по керамическому материалу или фрагментам дерева, относились к позднеримскому – ранневизантийскому периодам (IV–VI вв. н.э.). Одно из них (кораблекрушение D), обнаруженное на наибольшей глубине (320 м), предположительно имело латинский парус [Ballard et al., 2001, p. 607–623; Ward, Ballard, 2004, p. 2–13].

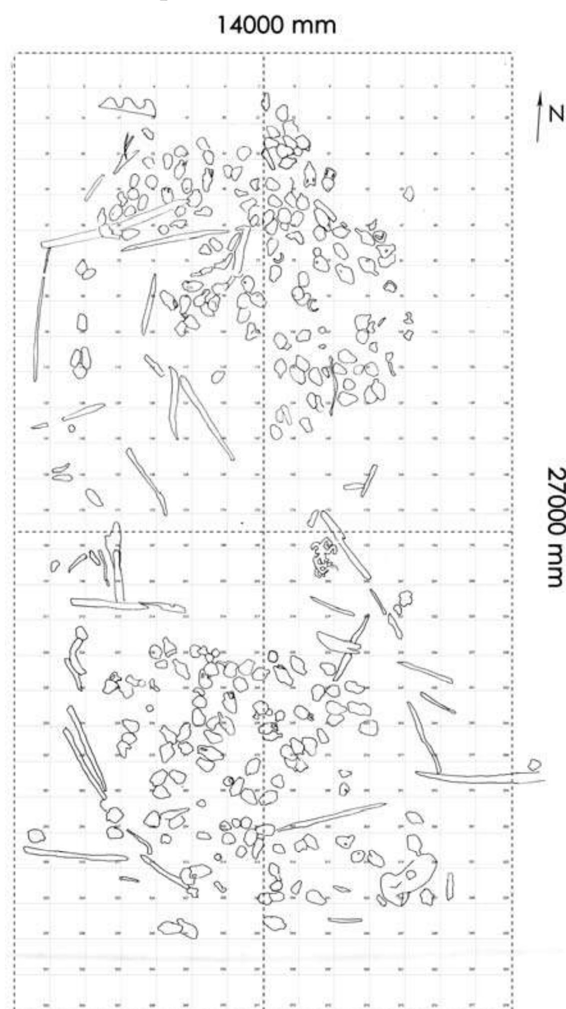
У берегов полуострова Крым первые глубоководные археологические исследования с применением ТНПА проводились в 2006–2010 гг. международной экспедицией также под руководством Р. Балларда. Были обнаружены и идентифицированы несколько десятков объектов на глубинах более 100 м, среди которых два кораблекрушения византийского периода. Первое — «Херсонес-А» (судно, вероятно, небольшого размера: 7 м х 2,3/3 м), обнаруженное на глубине 139 м, датируется по керамическому материалу X–XI вв.; второе — на глубине 128 м, получившее условное наименование «Форосский византиец» (32,4 м х 6,2 м х 1,2 м), — XIII в. [Davis, 2008, p. 75–84; Вахонеев, Лебединский, 2016, с. 73–82].

В настоящее время глубоководные археологические исследования с применением ТНПА проводятся в Черном море у берегов Болгарии в рамках крупного международного проекта Black Sea MAP (Maritime Archaeology Project) (Черноморский морской археологический проект). В проекте принимают участие специалисты Центра морской археологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), Национального археологического института и музея (Болгария), Болгарского центра подводной археологии и многие другие организации при строгом соблюдении

[2] О кораблекрушениях на больших глубинах подробнее см.: [Wachsmann, 2011, p. 202–217].

Конвенции ЮНЕСКО по сохранению культурного подводного наследия (2001 г.). С помощью новейшего оборудования и специально оснащенного экспедиционного судна специалистами Black Sea MAP в территориальных водах Болгарии было обнаружено более 40 кораблекрушений, относящихся к различным эпохам. В 2018 г. на глубине около 2 км на морском дне экспедицией Black Sea MAP было найдено предположительно древнегреческое судно, датирующееся 400 г. до н. э.

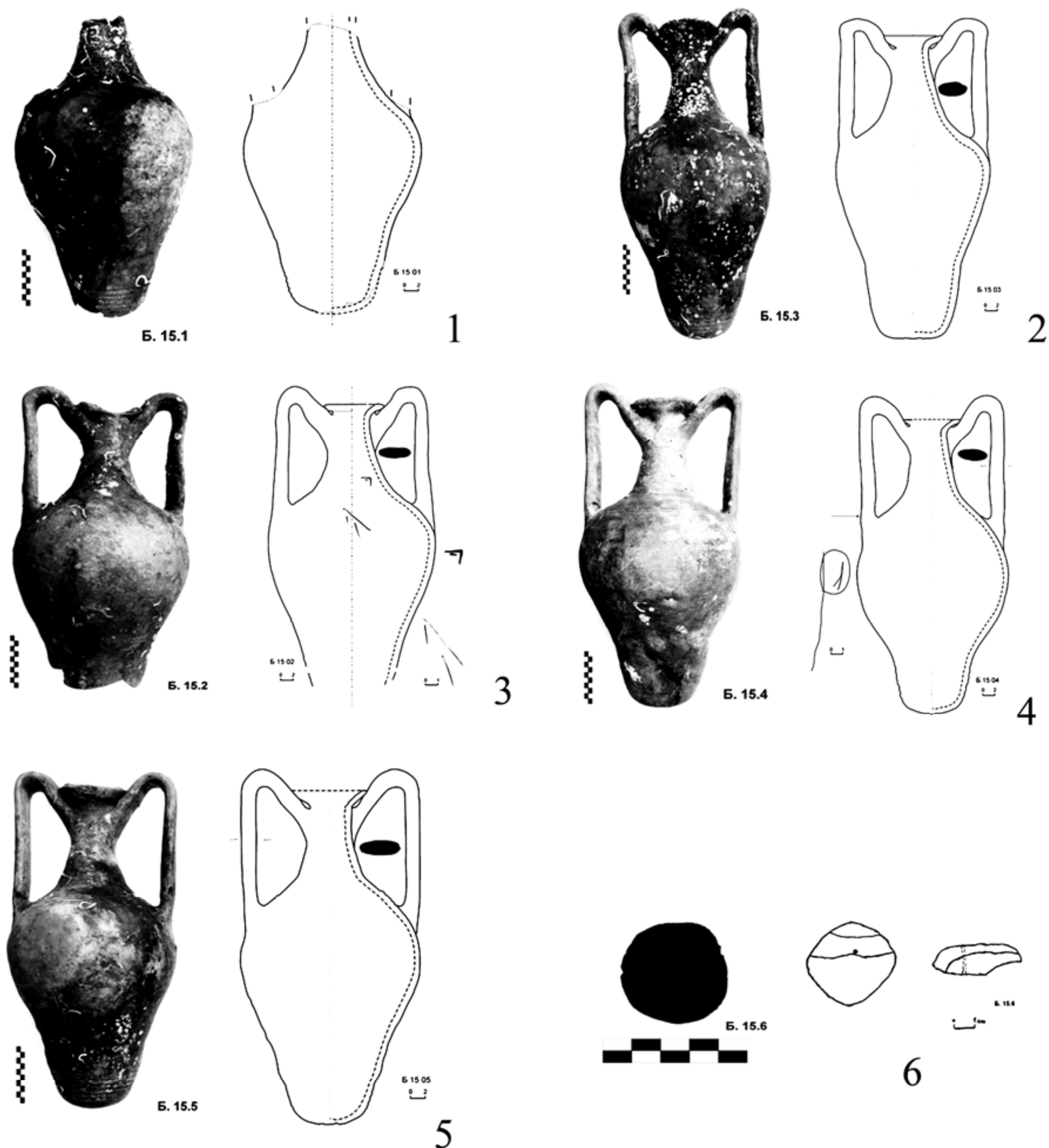
Поиск и исследование древних затонувших судов на больших глубинах именно в Черном море представляет наибольший интерес ввиду хорошей сохранности древесины и других артефактов из органических материалов. Одним из первых эту идею предложил профессор В. Д. Блаватский, основывавший свои выводы на уникальной особенности Черного моря — насыщенности глубинных слоев (свыше 200 м) сероводородом, препятствующим жизнедеятельности морских организмов, разрушающих органические материалы [Блаватский, 1964, с. 54–64; Вахонеев, Лебединский, 2016, с. 73]. Исследования Р. Балларда подводно-археологических объектов на различных глубинах в Черном море (в сравнении их сохранности в бескислородном слое и над ним) подтвердили данный факт [Ballard, 2008, p. 63; 2007, p. 64–65].

Илл. 1. Графический план кораблекрушения XI в. (*рис. А. А. Башенковой*)

В 2015 г. в ходе подводно-археологической экспедиции Института востоковедения РАН под руководством В. В. Лебединского было обследовано кораблекрушение в акватории населенного пункта Балаклава (условное название «Балаклава-1») [Лебединский и др., 2017, с. 16]. Глубоководное обследование затонувшего судна проводилось техническими дайверами клуба «Ростов-Дайв» (руководитель Р. Г. Дунаев). Груз судна составляли амфоры (одного типа, Gunsenin type II) [Гинькут, Лебединский, 2018, с. 151–165], позволившие датировать это кораблекрушение XI в. Размер верхнего (видимого) горизонта памятника — 27 м х 14 м (*илл. 1*). Большая глубина (85,6 м) и характер залегания памятника в илисто-песчаном грунте позволяют надеяться на хорошую сохранность объекта. На месте кораблекрушения сохранились выступающие из грунта части конструкций судна, фрагменты шпангоутов и обшивки корпуса. В верхнем слое

памятника количество амфор и их крупных фрагментов составляет 250–255 единиц. Вероятно, примерно такое же количество амфор присутствует в нижних слоях, под илом (*илл. 2*).

Илл. 2. Амфоры из кораблекрушения «Балаклава-1»
(*рис. и фото В. В. Лебединского, А. А. Башенковой*)

В 2018 г. изучение памятника были продолжено совместной подводно-археологической экспедицией Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета при участии Государственного историко-

археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» [Лебединский и др., 2019, с. 168–178]. Исследования проводились с использованием телеуправляемого необитаемого подводного аппарата (ТНПА) «Марлин-350» Севастопольского государственного университета [3] (*илл. 3*). При проведении работ с данным аппаратом были выработаны методические рекомендации по его использованию в работах на археологических объектах [Татарков, Лебединский, Двухшорстнов, 2018]. С кораблекрушения «Балаклава-1» при помощи ТНПА были подняты образцы керамического материала, а также три фрагмента древесины с целью уточнения датировки методом радиоуглеродного датирования (C_{14}). Исследования древесины (дуб (*Quercus sp.*)) показали данные (970±25 BP [4]), почти полностью совпадающие с датировкой по керамическому материалу. С целью уточнения данных о кораблекрушении, анализа расположения судна и его груза под водой и интерпретации памятника в целом была создана 3D модель места кораблекрушения[5] (реконструкция ландшафта морского дна) (*илл. 4*).

Илл. 3. Проведение работ с использованием ТНПА (*фото А. В. Дутова*)

Археологический контекст кораблекрушения «Балаклава-1» позволяет предположить, что данное судно было торговым, направлялось от побережья Малой Азии, возможно, из района Константинополя, далее по предполагаемому маршруту — Синоп — мыс Сарыч — Херсон. Однако на пути к месту назначения в районе Балаклавского залива оно затонуло.

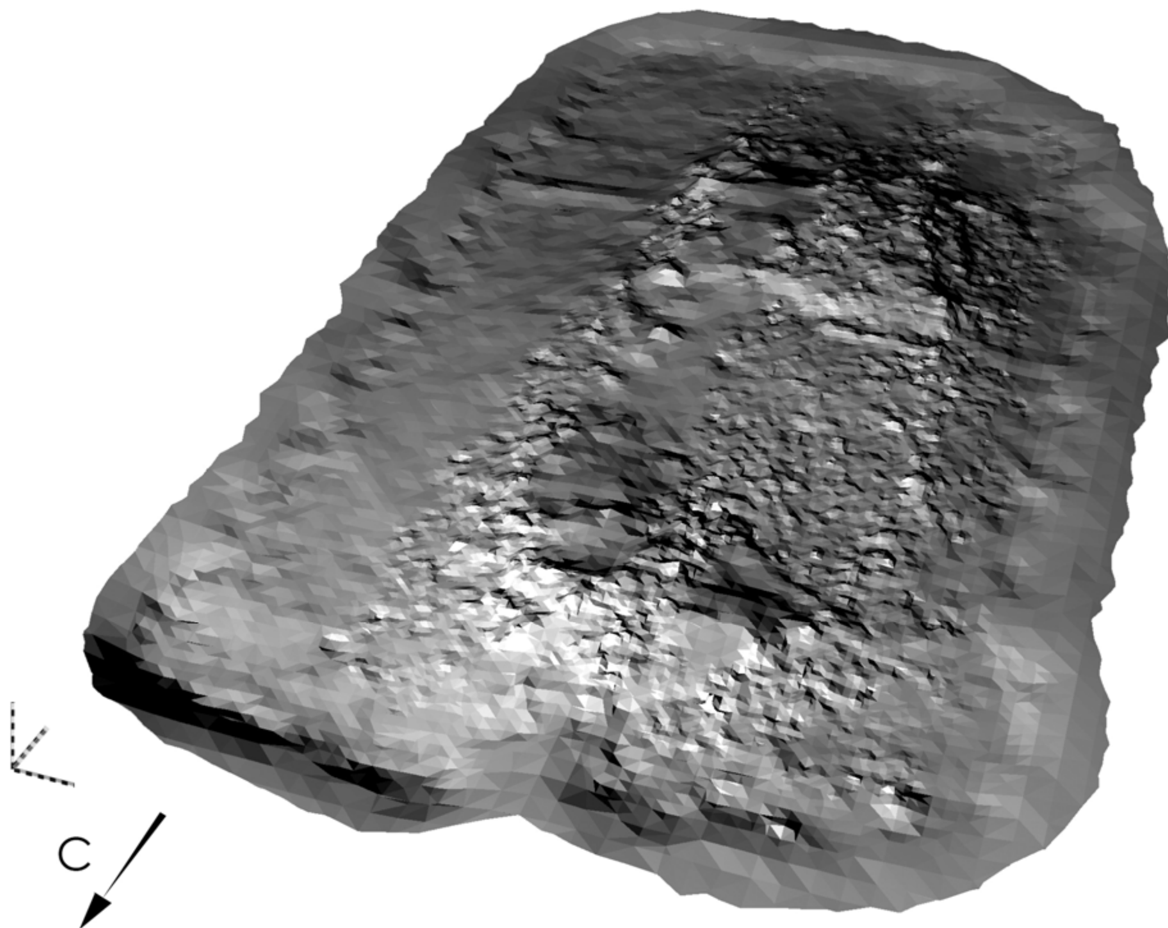
При обследовании с помощью ГБО района, прилегающего к месту кораблекрушения «Балаклава-1», в акватории населенного пункта Балаклава экспедицией Института востоковедения РАН и подводного клуба «Нептун» было обнаружено второе судно (условное название «Балаклава-2») на глубине 86 м [Лебединский и др., 2018, с. 50]. Из илистого грунта выступают ряды шпангоутов, среди них разбросаны деревянные элементы корпуса и фрагменты рангоута (в центральной части остова судна, у степа мачты) (*илл. 5*). Ясно видна мощная мачта диметром 50 см у основания, ее видимая над илистым грунтом часть составляет 6–7 м. Хорошо определяются весла, пока трудно сказать гребные или рулевые. Размер обнаруженного объекта — 22 м х 6 м. На месте кораблекрушения обнаружен железный якорь (*цветная вклейка, фото 9*). Кроме него датирующего материала, например, фрагментов керамики

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в рамках научного проекта № 515/06-31.

[4] Исследования проведены в лаборатории радиоуглеродного анализа Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

[5] Подробнее о компьютерном моделировании в подводной археологии см.: [McCarthy, Benjamin, Winton et al., 2019].

или монет, пока не обнаружено. Возможно, отсутствие груза могло быть связано с функциональным назначением этого судна как военного, либо груз не сохранился в морской воде.

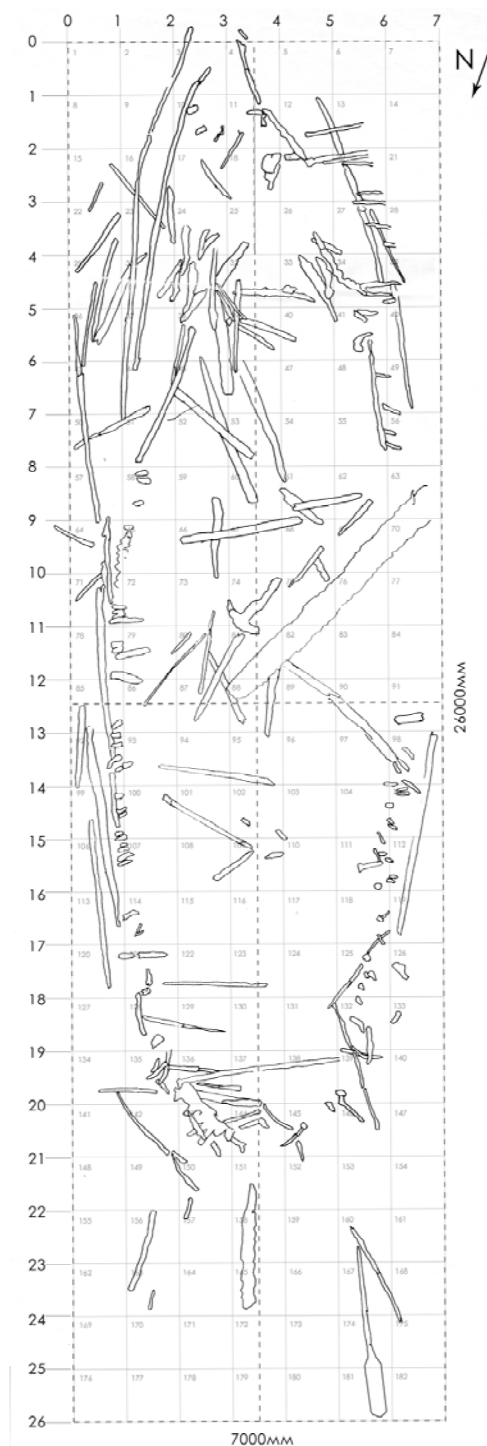
Илл. 4. 3D модель места кораблекрушения XI в. (*рис А. А. Башенковой*)

В результате исследований был составлен общий план места кораблекрушения. Для уточнения датировки судна «Балаклава-2» радиоуглеродным методом на поверхность с помощью ТНПА «Марлин-350» Севастопольского государственного университета были подняты фрагменты древесины. Проведенная радиоуглеродным методом датировка образцов показала дату: 976±35 BP (XI–XII вв. н. э.). На фрагментах шпангоутов, изготовленных из дуба, видны следы горения. Вероятно, причиной гибели данного судна явился пожар. Полученная датировка древесины схожа с результатами анализа древесины первого кораблекрушения у Балаклавы, что позволяет предположить одновременность гибели данных судов. Расстояние между двумя погибшими кораблями составляет 1200 м, их удаленность от берега — гора Кая-Баш 3700–3800 м (*цветная вклейка, фото 10*).

Полученные в ходе первого этапа исследований данные пока не позволяют сделать точные выводы о типах затонувших судов, их конструкции или оснащении.

Среди обнаруженных и полностью исследованных кораблей аналогичного периода необходимо отметить торговое судно XI в., найденное в заливе Серче Лимани[6] на глубине 32 м, направлявшееся, вероятно, из окрестностей Константинополя в Восточное Средиземноморье [Beltrame, Bondioli, 2006, p. 89–94; Pomey, 2004, p. 33–36]. Однако сохранившихся фрагментов конструкции судна оказалось недостаточно для его реконструкции. Еще один корабль, датирующийся более ранним временем того же периода — VII в., обнаруженный возле острова Ясси Ада, был раскопан полностью и реконструирован [Bass, van Doorninck, 1982, p. 313, fig. 14.1]. К этому же периоду относится судно XII–XIII вв., найденное в 20 км от Тартуса [Tanabe, Yoshizaki, Sakata, 1991]. Что касается Северного Причерноморья, к настоящему времени здесь обнаружено только два древних судна подобной сохранности, о которых упоминалось выше («Херсонес-А» и «Фаросский византиец»), но их исследования пока не продолжены.

Анализ опыта проведения подводно-археологических работ с применением ТНПА (на объектах Балаклава-1, Балаклава-2) подтвердил целесообразность и эффективность его использования. В процессе дальнейшего проведения работ, накопления опыта будет совершенствоваться методика использования ТНПА при исследованиях подводно-археологических объектов. Дальнейшее исследование с помощью ТНПА обнаруженных кораблекрушений у населенного пункта Балаклава позволит продолжить изучение данных уникальных археологических комплексов, сохранившихся под водой, а также ответить на вопросы, касающиеся возможной взаимосвязи гибели этих двух судов, особенностей их конструкции и функционального назначения.

Илл. 5. Графический план кораблекрушения XI–XII вв. (*рис. А. А. Башенковой*)

[6] О кораблекрушении «Серче Лимани» см.: [Bass, Matthews, Steffy et al., 2004].

Литература / References

Блаватский В. Д. Подводная археология и ее задачи // *Вопросы истории.* 1964. 12. С. 54–64 [Blavatsky V. D. Underwater Archeology and Its Tasks // *Voprosy Istorii* (*History Issues*). 1964. 12. Pp. 54–64 (in Russian)].

Вахонеев В. В., Лебединский В. В. Глубоководные средневековые кораблекрушения акватории Крыма // *Восток (Oriens).* 2016. № 5. С. 73–82 [Vakhoneev V. V., Lebedinski V. V. Medieval Deep Sea Shipwrecks in the Waters of the Crimea // *Vostok (Oriens).* 2016. 5. Pp. 73–82 (in Russian)].

Гинькут Н. В., Лебединский В. В. «Воротничковые амфоры» типа Gunsenin II с затонувшего близ Балаклавы византийского корабля // *Античная древность и средние века.* 2018. № 46. С. 151–165 [Ginkut N. V., Lebedinski V. V. "Collars Amphorae" of the Type Gunsenin II from a Byzantine Shipwreck at Balaklava // *Antiquity and Middle Ages.* 2018. 46. Pp. 151–165 (in Russian)].

Лебединский В. В., Гинькут Н. В., Татарков Д. Б., Двухшерстнов В. И., Пронина Ю. А. Подводно-археологическая разведка кораблекрушений византийского периода в районе Балаклавы // *Материалы международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока».* Том 1. Отв. ред. А. Д. Васильев. М., 2019. С. 168–178 [Lebedinski V. V., Ginkut N. V., Tatarkov D. B., Dvukhshorstnov V. I., Pronina Yu. A. // Vasil'ev A. D. (ed.). *Materials of the International Scientific Conference "Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East".* Moscow, 2019. Pp. 168–178 (in Russian)].

Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Двухшорстнов В. И., Пронина Ю. А. Подводно-археологические исследования Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета в прибрежной акватории Северной стороны г. Севастополя в 2017–2018 гг. // *Материалы международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом».* Сост. Васильев А. Д., Гинькут Н. В. М., 2018. С. 49–52 [Lebedinski V. V., Tatarkov D. B., Dvukhshorstnov V. I., Pronina Yu. A. Underwater Archaeological Research of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and Sevastopol State University in the Coastal Waters of the Northern Side of the City of Sevastopol in 2017–2018 // *Materials of the International Scientific Conference "Historical, Cultural, Interethnic and Religious Relations of the Crimea with the Mediterranean Region".* A. D. Vasil'ev, N. V. Ginkut (eds.). Moscow, 2018. Pp. 49–52 (in Russian)].

Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Золотарев О. А., Шакуро С. В., Двухшорстнов В. И., Пронина Ю. А. *Подводные археологические исследования в акватории Черного моря от с. Оленевка до пгт Черноморское (мыс Тарханкут — мыс Черный), г. Севастополь, в 2016 году.* Севастополь, 2017 [Lebedinski V. V., Tatarkov D. B., Zolotarev O. A., Shakuro S. V., Dvukhshorstnov V. I., Pronina Yu. A. *Underwater Archaeological Research in the Black Sea from the Village Olenevka to the Village of Chernomorskoye (Cape Tarkhankut — Cape Black), Sevastopol, in 2016.* Sevastopol, 2017 (in Russian)].

Татарков Д. Б., Лебединский В. В., Двухшорстнов В. И. *Методические рекомендации по использованию ТНПА осмотрового класса в ходе подводно-археологических исследований.* Севастополь, 2018 [Tatarkov D. B., Lebedinski V. V., Dvukhshorstnov V. I. *Guidelines for the Use of the Inspection Class in Underwater Archaeological Research.* Sevastopol, 2018 (in Russian)].

Ballard R. D. Archaeological Oceanography // *Oceanography*. 2007. 20.4. Pp. 62–67.

Ballard R. D. *Archaeological Oceanography.* Princeton, 2008.

Ballard R. D., Hiebert F. T., Coleman D. F., Ward C., Smith J. S., Willis K., Foley B., Croft K., Major C., Torre F. Deepwater archaeology of the Black Sea: The 2000 Season at Sinop, Turkey // *American Journal of Archaeology*. 2001. 105.4. Pp. 607–623.

Ballard R. D., Stager L., Master D., Yoerger D., Mindell D., Whitcomb L. L., Singh H., Piechota D. Iron Age Shipwrecks in Deep Water off Ashkelon, Israel // *American Journal of Archeology*. 2002. 106. Pp. 151–168.

Bass G. F. The Development of Maritime Archaeology // *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology*. Oxford, New York, 2011. Pp. 3–24.

Bass G. F., Matthews Sh. D., Steffy J. R., van Doorninck F. H. *Serçe Limani*. Vol. I. *The Ship and Its Anchorage, Crew, and Passengers*. Austin, 2004.

Bass G. F., van Doorninck F. H. *Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. V. I. Austin, 1982.

Beltrame C., Bondioli M. A Hypothesis on the Development of Mediterranean Ship Construction from Antiquity to the Late Middle Ages // *Connected by the Sea. Proceedings of the Tenth International Symposium on Boat and Ship Archaeology. Roskilde 2003*. Oxford, 2006. Pp. 89–94.

Davis D. Exploration and Excavation of the Two Deepwater Wrecks in the Black Sea // *The Study of Ancient Territories Chersonesos and South Italy*. Report for 2006–2007. Austin, 2008. Pp. 75–84.

McCann A. M., Freed J. Deep Water Archaeology: A Late-Roman Ship from Carthage and an Ancient Trade Route near Skerki Bank off Northwest Sicily. Ann Arbor // *Journal of Roman Archaeology*. Supplemental Series 13. 1994.

McCarthy J. K., Benjamin J., Winton T., van Duivenvoorde W. *3D Recording and Interpretation for Maritime Archaeology*. Coastal Research Library 31. Cham, 2019.

Pomey P. Principles and Methods of Construction in Ancient Naval Architecture // *The Philosophy of Shipbuilding: Conceptual Approaches to the Study of Wooden Ships*. Austin, 2004. Pp. 33–36.

Tanabe S., Yoshizaki S., Sakata Y. *Excavation of a Sunken Ship Found off the Syrian Coast: An Internet Report*. Kyoto, 1991.

Wachsmann Sh. Deep-Submergence Archaeology // *The Oxford Handbook of Maritime Archaeology*. Oxford, New York, 2011. Pp. 202–217.

Ward Ch., Ballard R. D. Deep-water Archaeological Survey in the Black Sea: 2000 Season // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2004. 33.1. Pp. 2–13.

БОГ ВЕЛИКИЙ (*ntr aA*) И БОГ ПРЕКРАСНЫЙ (*ntr nfr*) — ДВА ОБРАЗА БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ

О. И. Зубова*

Статья посвящена исследованию божественной природы царей Египта эпохи Древнего царства (IV–VI династии, сер. III тыс. до н. э.), которая выражалась в понятиях Бог Великий (*nTr aA*) и Бог Прекрасный (*nTr nfr*). Эти эпитеты рассматриваются главным образом в текстах тех памятников, где они употреблены вместе и связаны с именем царя. Особый акцент делается на их смысловой связи в надписях, которые сопровождают изобразительные ритуальные композиции синайских рельефов из Вади Магара царей Ниусерра (Sinai 10) и Пепи I (Sinai 16). Изучение этих памятников включается в контекст других изобразительных и письменных источников, прежде всего — «Текстов пирамид». Такой методологический подход позволил сделать вывод о том, что эпитеты *nTr aA* и *nTr nfr* входят в категорию понятий качественного состояния, не являются антитезой и дополняют друг друга, когда они встречаются на одном и том же царском памятнике. Фраза *nTr aA* подчеркивает особую силу личности царя в его качестве ритуального бога в функции Хора-воителя, держателя мирового порядка — Маат. Эпитет *nTr nfr*, часто сопровождающий в рассматриваемый период имя здравствующего фараона, относится к эпифаническому, совершенному его образу как воплощению Хора на земле. Эти эпитеты, как и ряд других имен и титулов царя, в том числе «сын Ра», отражают не столько иерархическую последовательность, сколько выявляют представления о собирательном образе сакральной сущности царя с акцентом на ее разных аспектах в традиционной для Египта мифоритуальной системе.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Бог Великий, Бог прекрасный, Хор Бехдетский, натура царя.

THE GREAT GOD (*nTr aA*) AND THE BEAUTIFUL GOD (*nTr nfr*) — TWO IMAGES OF A DIVINE NATURE OF AN EGYPTIAN KING

Olga I. Zubova

The paper is concerned with the investigation of some important features of a divine nature of Egyptian kings in the Old Kingdom (IV–VI dynasties, the middle of the III millennium B. C.). This nature may be expressed in the terms the Great God (*nTr aA*) and the Beautiful God (*nTr nfr*). These epithets are viewed mostly in the monuments where they are used together and related to king's names. A special accent is made on a correlation of these notions in texts explaining scenes of Sinai reliefs from Wâdy Maghârah of the kings Niuserrē (Sinai 10) and Pepy I (Sinai 16). The investigation of these monuments is included in the context of other pictorial and textual sources: firstly — the *Pyramid Texts*. This methodological approach gives the possibility to conclude that these epithets are mainly

* Ольга Игоревна ЗУБОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; an.b.zubov@gmail.com

Olga I. ZUBOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; an.b.zubov@gmail.com

the categories of quality. They are not antithesis and they add a meaning of each other when they are used in the one and the same king's monument. Words nTr aA stress the great power of the king's personality in his quality of the ritual god, as Horus the Warrior, supporting the world order — Maat. The epithet nTr nfr of the living king referred to his epiphanic perfect image as an embodiment of Horus on the earth. These epithets and other names and titles of the king, especially "the son of Re," express not a hierarchical sequence but a collective image of sacral essence of the king with an accent on its various aspects in Egyptian traditional mytho-ritual system.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Great God, beautiful God, Horus of Behdet, nature of the king.

Исследование древнеегипетских представлений о характере царской власти позволяет говорить о том, что ее суть заключалась в соединении в царе божественной и человеческой природы [1]. В данной статье внимание акцентируется на божественности царей Египта эпохи Древнего царства, имеющей также двойственное проявление, которое выражалось в понятиях nTr aA и nTr nfr.

Смысл и взаимосвязь эпитетов, появление которых отмечается в титулатуре египетских царей, начиная с IV династии (2630–2510 гг. до н. э.), являются предметом, и поныне стимулирующим научную дискуссию. Впервые обстоятельное объяснение этих терминов как антитезы было предложено О. Д. Берлевым в статье «Два царя — два солнца: к мировоззрению древних египтян», написанной в 1970 г. Все египтологи хорошо знакомы с концепцией этой статьи благодаря ее переводу на английский язык [Berlev, 2003, p. 19–35], и многим из них аргументация О. Д. Берлева действительно представляется убедительной[2]. Иерархический принцип, положенный в основу тезиса Берлева, — Бог Великий как Солнце, отец царя, «старший» и Бог Прекрасный (вар. — Красивый) — земной царь, «молодой», «младшее солнце» по отношению к его отцу[3], вполне мог укладываться в эту схему, если бы на некоторых памятниках Древнего царства эти термины в отношении царя не соседствовали друг с другом. По поводу таких довольно редких памятников О. Д. Берлев пишет в конце своей статьи: «Видимо, объявляя себя то nTr aA "старшим богом", то nTr nfr "младшим богом", цари IV и V династии (а иной раз еще и VI) подчеркивали разные аспекты своей достаточно сложной природы. По отношению к Солнцу, которое они все, начиная с Тетефре, называли своим отцом, они были "младшими"… По отношению же к остальным богам и, главное, по отношению к своим подданным, они были "старшими божествами", в качестве сыновей "старшего бога", Солнца, только тот был "владыкой неба", а они "владыками Обеих земель"» [Berlev, 2003, p. 17–18].

Таким образом, и эти памятники, хотя и предположительно, О. Д. Берлев воспринимал, исходя из иерархического принципа. Обратимся именно к этим памятникам (привлекая при этом дополнительные источники), в которых термины nTr aA и nTr nfr употреблены вместе, и попробуем определить, как они связаны с именами царей, и какой смысл можно извлечь из этих терминов, учитывая контекст каждого конкретного памятника.

[1] Подробнее об этом см., например: [Зубов, Зубова (Павлова), 2004, с. 204–225].
[2] См., к примеру: [Spalinger, 2015, p. 332–333].
[3] См. также другие работы О. Д. Берлева, где отражена эта его концепция: [Hodjash, Berlev, 1982, p. 37, n. b.; p. 44, n. d.; Берлев, 1999, с. 12, с. 14, прим. 18].

Илл. 1. Прорисовка оттиска печати с именем Хуфу (по: [Kaplony, 1981, Taf. 4, N1])

Как известно, впервые слова *nTr aA* и *nTr nfr* встречаются в надписи оттиска печати с именем Хуфу (музей Гиме): *nTr aA @r nbw nTr nfr nb tAwy* (Бог Великий, Хор золота, Бог Прекрасный, Владыка Обеих земель). Здесь же значится его имя и название его пирамиды в Гизе *Axt #wfw* (Небосклон Хуфу) (*илл. 1*) [Kaplony, 1981, Bd. IIb, Taf. 4, N1].

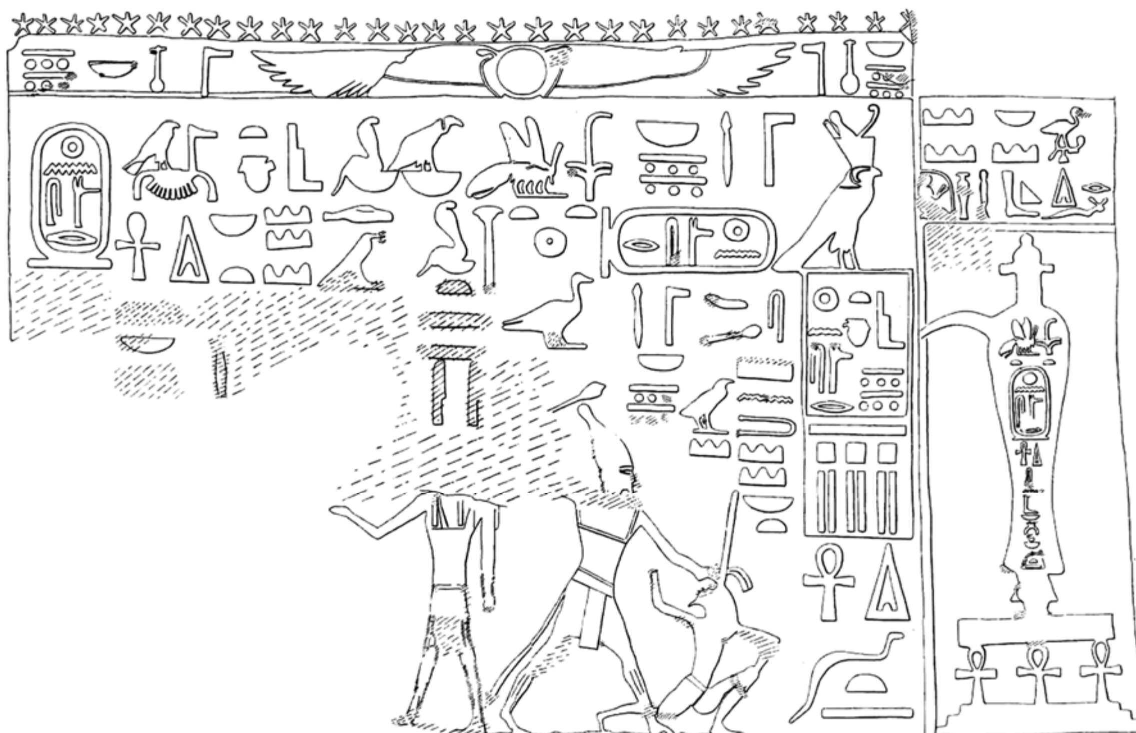
Сама по себе эта группа эпитетов не раскрывает их смыслового соотношения, хотя здесь важно отметить, что выражение *nTr nfr* тесно связано с представлением о владычестве царя над Обеими Землями, то есть двуединым Египтом. Гораздо более значимы для нашего исследования те памятники, в которых изображения сопровождаются надписями. Одним из таких памятников является синайский наскальный рельеф из Вади Магара царя V династии Ниусерра (*илл. 2*) [Sinai 10]. На этом рельефе царь представлен в верхнеегипетской Белой Короне, характерной для Хора-воителя[4] — с булавой, занесенной над головой поверженного чужеземца — традиционный мотив военного триумфа, запечатленный здесь же, на Синае, также на рельефах царей Джосера, Сехемхета и Снофру [Hall, 1986, fig. 11–13]. В сопровождающих Ниусерра надписях в верхней части рельефа, в его титулатуре, он назван «Богом Великим, Владыкой Обеих земель, Царем Верхней и Нижней Страны», строкой ниже — «сыном Ра»; в вертикальных столбцах, под картушем с его именем, — «Богом Великим, Владыкой Обеих земель, побивающим (*sqr*) кочевников (*mnTw*) всех чужеземных стран». Венчает рельеф изображение крылатого солнечного диска с уреями — символ Хора Бехдетского, по обеим сторонам крыльев которого одинаковые надписи — «Бог Прекрасный, Владыка Обеих земель». Полемизируя с К. Зете [Sethe, 1930, § 157, S. 129, Anm. 1] и А. Гардинером, посвятившим образу, значению и происхождению Хора Бехдетского специальную статью [Gardiner, 1944, p. 23–60], в отличие от них, О. Д. Берлев полагал, что эти эпитеты относятся к царю Ниусерра, а не к Хору Бехдетскому, которого он называл «Солнцем» [Berlev, 2003, p. 5–8][5].

С другой стороны, эпитеты, находящиеся по бокам Хора Бехдетского, должны были бы относиться к нему самому, так как сопровождают его изображение и отделены композиционно от расположенных ниже надписей и фигуры царя. Но, как справедливо отмечает О. Д. Берлев, для Хора Бехдетского гораздо более характерны эпитеты *nTr aA nb pt* (Бог Великий, Владыка неба), и эпитет этот он сохраняет вплоть до Птолемеевского периода, о чем свидетельствуют храмовые надписи в Эдфу, где он особо почитался. Но исключения все же есть: в Эдфу крылатый солнечный диск мог называться «Владыкой Обеих земель, чьи крылья объемлют небо» [Kees, 1987, S. 421] и даже быть *nTr nfr*, впрочем тогда, когда речь шла о слиянии образов Хора Бехдетского и Харсиесе — Хора, сына Осириса и Исиды. Но такая контаминация — явление достаточно позднее. По другим памятникам, например Shabaka Stone [BM 498, l. 14c, 20b], известно, что Хор,

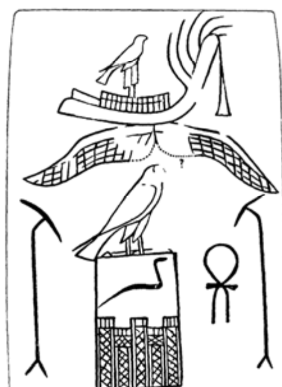
[4] См. напр. P/V/E 60 (PT 1066): «Велик ужас, который внушает Хор, являющийся в Белой Короне».

[5] С точкой зрения К. Зете и А. Гардинера согласуется мнение и других египтологов, которые полагали, что эпитет *nTr nfr* (они интерпретировали его как «Благой Бог»), относится к Хору. См. напр.: [Kees, 1987, S. 419; Матье, 1996, с. 305, прим. а].

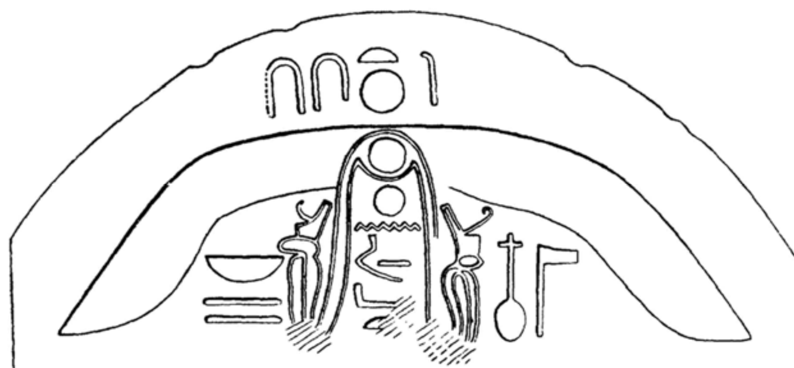
получивший в наследство весь Египет, величался Царем Верхней и Нижней страны. А в «Текстах пирамид» Хор именовался не только Владыкой неба [PT 467, § 888c], но и, будучи отождествленным с царем, Владыкой Обеих земель [PT 532, § 1258b].

Илл. 2. Прорисовка рельефа царя Ниусерра из Вади Магара (по: [Sinai 10])

Илл. 3. Изображение на гребне из Абидоса (по: [Gardiner, 1944, pl. VI, № 4])

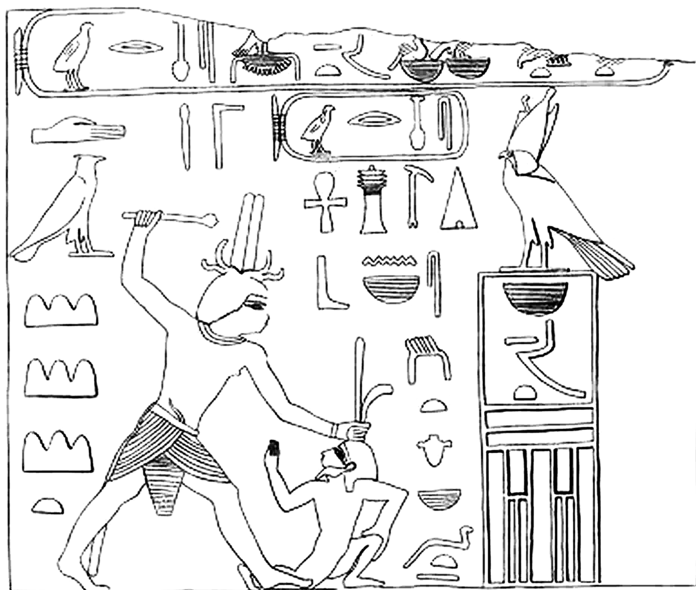

Илл. 4. Прорисовка изображения на стеле Аменемхета III из Серабит эль-Хадим (по: [Gardiner, 1944, pl. VI, № 2])

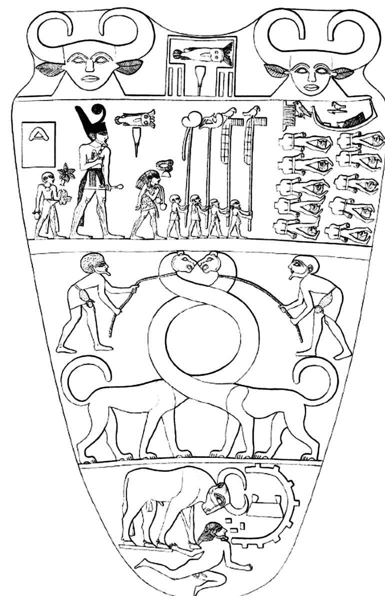
Вторым возможным объяснением наличия эпитетов *nTr nfr nb tAwy* рядом с крыльями Хора Бехдетского на рельефе Sinai 10, как и полагал О. Д. Берлев — это все же их связь с царем, для которого такое словосочетание является типичным для эпохи

IV–VI династий. Присутствие этих титулов скорее всего символизирует покровительство царя Хором Бехдетским. В качестве наглядного примера может служить хорошо известное изображение на гребне из Абидоса сокола в ладье над крыльями, осеняющими серех с хоровым именем царя I династии — «Зме́я» (*илл. 3*) [Gardiner, 1944, pl. VI, 4]. Другой пример, из эпохи Среднего царства: стела из Серабит эль-Хадим (Синай) с изображением солнечного диска с крыльями, охватывающими картуш с преноменом царя Аменемхета III — *Nj-mꜣꜥt-Rꜥ*, по обеим сторонам которого — царские титулы *nṯr nfr*, а также *nb tꜣwy* и два урея (*илл. 4*) [Gardiner, 1944, pl. VI, 2]. Эта роль Хора в его образе Хора Бехдетского как защитника царя и покровителя его власти сохранялась на протяжении всей истории Египта, что отразилось в мифах и преданиях.

Но, как представляется, следует учитывать и то, что царь сам как бог ритуала, несомненно, выступает в сцене синайского рельефа Ниусерра в качестве Хора Бехдетского, важной функцией которого как «сына Ра» и его помощника, было уничтожение реальных врагов в образах мифологических персонажей. Таким, например, Хор Бехдетский предстает в храмовых сценах Эдфу. В Вади Магара, как и тысячелетиями позже в Эдфу, происходит как бы взаимопроникновение образов Хора Бехдетского как царя, «Владыки Обеих Земель», и царя как воплощения Хора. Титул царя «Бог Великий» подчеркивает здесь его особое могущество и силу. Характерно, что и в эдфусских текстах, как ритуальный бог, царь (Птолемей), следуя древнеегипетской традиции, говорит о себе: «Я мститель Бога (Осириса, Ра. — *О. З.*), вышедший из Бехдета, и имя мое — Хор Бехдетский» (цит. по: [Матье, 1996, с. 280]).

Илл. 5. Прорисовка рельефа царя Снофру из Вади Магара (по: [Hall, 1986, fig. 13])

Илл. 6. Палетка царя Нармера (по: [Эмери, 2001, илл. 4(б)])

Если обратиться к сходному по теме наскальному рельефу из Вади Магара, связанному с именем Снофру (*илл. 5*) [Hall, 1986, fig. 13], то можно увидеть, что царь в тексте называется только «Богом Великим» и также побивает врага — символ победы над иными странами (*dꜣ ḫꜣswt*). Здесь нет имени Хора Бехдетского. Но важно хорово имя

Снофру — «Владыка Маат» (*Nb-MAat*)[6]. Как Бог Великий царь устанавливает мировой порядок, где нет места ничему враждебному. Сам Снофру изображен в короне с рогами быка — явная реминисценция типа гораздо более древних, архаических изображений правителя в образе быка, топчущего врагов (см., напр., *илл. 6*) [Эмери, 2001, илл. 3(б)]. Бычьи рога — символ небесного бога, владыки неба (= *nb pt*) [PT 254, § 281a, 283a, 293b; PT 304, § 470a, и т. д.], его мощи, и поэтому царь — Бог Великий, внушающий ужас одним своим видом.

Смысл такого понятия царя как Бога Великого можно «проиллюстрировать» текстуально одним из фрагментов «Текстов пирамид» гробницы Унаса [PT 252, § 272–274, W/A/W sup. l. 26–32], хотя речь там идет о царе, восставленном к новой жизни в ином мире, а об облике его в тексте ничего не сказано (*илл. 7*):

272 *Dd mdw fA Hr.Tn nTrw imyw _wAt*
j.n W mA.Tn sw xpr m nTr aA
jbs W m sdA DbA W
273 *mk.Tn r Dr.Tn wD W mdw n rmT*
wDa W mdw [n][7] *anxw m-Xnw jdb Ra*
Dd W r jdb pw wab jr.n.f Hms.f jm Hna wp nTrwj
274 *sxm W jr tp.f Ams W twr.f W*
Hms W Hna Xnnw wjA Ra
wDa W nfrt jr.f s W pj nTr aA

272 Речение слов: Поднимите ваши лица, боги, пребывающие в Дуате[8]
Пришел Унас, видите вы, (что) он стал Богом Великим.
Введите Унаса с трепетом, облачите Унаса.
273 Остерегайтесь[9] все вы, (ибо) Унас правит людьми,
Судит Унас живущих в пределах владения Ра[10].
Речет Унас этому чистому владению, в котором он создал себе

---

[6] Этим титулом, а также Богом Великим назван Снофру в надписи из гробницы Хетепхерес, причем в верхней части изображения этого памятника представлен Хор Бехдетский с символом защиты — *Sn* [Lehner, 1997, p. 117].

[7] После слова *mdw* в § 273b (W/A/W sup 28) отчетливо виден только детерминатив ⌐ (Y2), а от знака 𓈖 (N35) — только фрагмент. Корректор изобразил предлог *n* черной краской, но резчик не внес исправления [Mathieu, 1996, p. 293, n. 18]. Выражаю благодарность Е. Александровой, обратившей мое внимание на этот факт, отмеченный Бернаром Матье.

[8] Понятие Дуат в «Текстах пирамид» имеет разные значения, в этом контексте он ассоциируется с небесным владением Ра.

[9] Фразу *mk.Tn* транскрибируют и переводят по-разному. К. Зете [Sethe, Komm. I, S. 286] полагал, например, что смысл слова *mk(j)*, которое он переводит как «schützen» (см. также: [Wb, II, 160; Faulkner, 1969, p. 62, n. 1]), часто соответствует понятиям «ehren», «respektvoll», «behandeln», «verehren». Вероятно, исходя из того, что в более поздних вариантах PT 252, например, в C28126 (T13C, ковчег *@mn-Htp*, XIII–XIV династии) вместо иероглифа *k* (V31) в тексте употреблен знак *nb* (V30), в результате чего получается фраза *m nb.Tn* и таким образом меняется смысл выражения, Дж. Аллен переводит его как «as lord of you» (как господина вашего) [Allen, 2005, p. 43]. Но в PT 252 Унаса ясно читается иероглиф *k* (V31) [Piankoff, 1968, pl. 13]. Поэтому остается только гадать, допустил ли ошибку тот, кто переносил текст с папируса на стену пирамиды Унаса, или редактор позднейших времен намеренно изменил фразу. Предлагаемый здесь перевод фразы *mk.Tn* (где *mk* является императивом глагола *mkj*), по нашему мнению, наиболее соответствует контексту данного фрагмента.

[10] *Jdb* — буквально «берег Ра».

обитель вместе с Тем, кто рассудил двух богов[11].

274 (Знак) власти (*sxm*) Унаса на главе его[12], скипетр *Ams* Унаса — внушает он почтение к Унасу.

Восседает Унас с теми, кто правит ладьей Ра.

Приказывает Унас благое, и он[13] творит его, (ибо) Унас — Бог Великий.

Илл. 7. Речение PT 252 Текстов пирамиды Унаса (по: [Allen, 2013, III, PT 252])

[11] Вероятно, имеется в виду бог Тот в роли судьи Хора и Сета.

[12] В более раннем варианте текста в пирамиде Унаса вместо фразы «на главе его» *jr tp.f* (см. такую трактовку предлога *jr* в староегипетском языке у Э. Эделя [Edel, I, 1955, § 760, S. 370]), была фраза «на главе Унаса» (*r tp W*), следовательно, местоимение-суффикс *f* здесь и в заключительном § 274 относится именно к нему, а не к Тоту, как полагали некоторые переводчики, низводя таким образом роль Тота до исполнителя воли Унаса (см., напр., [Sethe, Komm., I. S. 283, 288; Mercer, 1952, II, p. 77; Spiegel, 1971, S. 425; Piankoff, 1968, p. 30; Faulkner, 1968, p. 62; Carrier, 2009, p. 113]).

[13] Приказывает и творит «благое» (*nfrt*) явно сам Унас в его качестве Бога Великого, а не Тот или Ра, как считал, например, Р. О. Фолкнер [Faulkner, 1968, p. 62, n. 5]. Кажется, наша трактовка здесь совпадает с переводом А. Коцейовского [Тексты пирамид, 2000, с. 176]. У Дж. Аллена «благое» непонятно почему совершает «гребец Ра» [Allen, 2005, p. 43].

Итак, из содержания речения PT 252 отчетливо видно, что в понятии Бог Великий соединяются качества Унаса-царя не только как могучего божества, но и божества всеблагого. Будучи при жизни хранителем и владыкой Правды и Порядка — Маат — царь, как строгий судья, продолжает быть им в инобытии.

В «Текстах пирамид» эпитет Бог Великий получает не только царь, но и, чаще всего, Ра (как и в более поздних заупокойных текстах) [PT 422, § 760; PT 571, § 1471c и т. д.], Осирис или царь в его качестве [PT 303, § 465b; PT 515, § 1180d и т. д.], редко — Геб [PT 592, § 1616c]. Двумя «Великими Богами» могут называться в «Текстах пирамид» Хор и Сет, Шу и Тефнут [PT 670, § 1985b]. Так предпочтение здесь в именовании богов «Великими» (по значению) явно отдается гелиопольской Девятерице.

В тексте погребального ковчега царя Меренра, в его титулатуре, он называется именем «Владыки Дуата» и наследником Геба — Осириса, а также «Богом Великим, владыкой неба», «Богом Великим, владыкой Ахета», «Хором Ахета, владыкой неба, живым, подобно Ра» [PT 9, § 7b, § 8d]. Так царь в качестве «Бога Великого» мыслится одновременно Хором и Осирисом в их царственном достоинстве владык иного мира: светозарной страны Ахета, Дуата, неба.

Характерно, что для обозначения «старшинства» в «Текстах пирамид» используется не слово *aA* (великий, большой), а чаще всего *smsw* или *wr smsw, wtwt*, например, царь как «старший» в значении «наследник» (*jwaw*) — сын Атума, Геба, Осириса (см.: [PT 256, § 301a-b; PT 660, § 1870a-b, PT 1013: P/F/N^{e} III, 87–88] и т. д.).

Что же касается употребления фразы *nTr aA* в других заупокойных текстах, то с ней происходит любопытная эволюция. Так уже в упомянутом тексте ковчега *@mn-Htp* из Фив C28126, а также ковчега M57C *%bk-Hr-Hb* из Меира [Allen, 2006, p. 270] их владельцев, как и царя во фрагменте Pyr. 272b, именуют *nTr aA*. А, например, в гробнице визиря Рехмира Нового царства, в этом же фрагменте его называют просто богом (*nTr*) (см.: [Kees, 1977, S. 249]). Этот же текст многократно повторяется, вплоть до птолемеевского времени [Allen, 1950, p. 70], в заупокойных формулах и используется теперь в магических целях превращения умершего «в бога». Сами же боги все чаще со временем получают эпитеты «богов великих», невзирая на свой статус.

После этого краткого экскурса обратимся вновь к синайским рельефам и рассмотрим еще один из них — с изображением Пепи I Мерира (*илл. 8*) (Sinai 16). В одной части этого рельефа царь, как и Ниусерра, представлен в Белой короне. Назван Пепи здесь «Богом Прекрасным, Владыкой Обеих Земель», «Хором (с) сильной рукой» и выступает, как и его предшественники, в качестве грозного бога-воина — Бога Великого, поражающего коленопреклоненного врага, который символизирует азиатские страны (булава в правой руке Пепи является точным соответствием иероглифу в слове (*sqr*) — «побивающий (булавой)»). Над ним — крылатое солнце с двумя уреями, названное Хором Бехдетским (*BHdtj*). Царь, будучи земным правителем Египта, является при этом воплощением Хора. Об этом недвусмысленно свидетельствуют и его эпитеты, и его иконография — белый венец — не только как владыки Верхнего Египта, но и как небесного бога.

В другой части рельефа Пепи, «Бог Прекрасный, Владыка Обеих Земель», осененный крыльями Хора Бехдетского, изображен в нижнеегипетской Красной короне в ритуальном беге праздника хеб-сед с символами, подтверждающими его царский сан (плеть *nxx* и футляр *mks*). Возможно, в данном контексте, его корона символизировала

царствование Пепи I на земле, что также подчеркивалось именованием его эпитетом *nTr nfr*, который, как уже отмечалось, был присущ в период Древнего царства только живому царю.

Илл. 8. Прорисовка синайского рельефа царя Пепи I (по: [Sinai 16])

Илл. 9. Стела царя Ка-Хеджета (по: [Ćwiek, 2003, fig. 12])

В «Текстах пирамид» этот эпитет не прилагается к имени царя. Там он — владыка иного мира. Единственный раз в этих текстах умерший царь (Пепи II Неферкара) после ритуала собирания его плоти, связанного с его восстанием из мертвых, назван *nfr* [PT 11]: «Защищаю (я) красоту твою (*nfr.k*) в утробе этого (моего) Ба», — говорит богиня неба Нут, символизирующая здесь погребальный ковчег. Эпитет «Бог этот прекрасный» (*nTr pn nfr*) относится в «Текстах ковчегов» к обóженному и преображенному телу умершего в его качестве Осириса [CT 45 = I, 199b]. Само же понятие *nfr/nfrw* и в «Текстах пирамид», и в «Текстах ковчегов» в отношении царей, богов или обожествленных умерших упоминается неоднократно и связано с представлениями об обновлении, новом рождении, о красоте божественной, совершенной, не подверженной смерти [Зубова, 2017, с. 81–90]. Как известно, цветение, молодость — один из важнейших аспектов эпитета *nfr*. Поэтому понятно, что и в надписях рельефа Пепи I, посвященного его первому хеб-седу, он именуется *nTr nfr nb tAwy*: этот титул как нельзя более подходит по смыслу к данному ритуалу, свидетельствующему о полноте молодых жизненных сил правителя единого Египта.

Итак, эпитеты *nTr aA* и *nTr nfr* в рассмотренных нами памятниках относятся к категории качественного состояния, не являются антитезой и дополняют друг друга, когда они встречаются в одном и том же тексте. Слова *nTr aA* подчеркивают особую силу и значительность личности — обожествленного при жизни царя или ставшего богом (*nTr*) умершего — будь то царь или его подданный. Хотя понятие *nfr* как «красивый» подразумевает в человеке и боге качество молодости, для обозначения этого качества в заупокойных текстах употребляется особые более часто встречающиеся слова — *rnpw, mAwj*. В «Текстах пирамид» «молодой» (в значении «маленький», «младший» ребенок) обозначается обычно также словами *nxn* [PT 378, § 663c, § 664a; PT 519, § 1214c], *Hwn* (букв. «юное дитя» — Хор) [PT 222, § 206a]. Эпитет *nfr*, сопровождающий в рассматриваемый период имя живого и здравствующего царя, несомненно относится к эпифаническому, совершенному его образу как воплощению Хора на земле.

В «Текстах пирамид» не упоминается Хор Бехдетский. Его важнейший культовый центр Верхнего Египта — Эдфу (*+bAwtj*), возможно, назван там один раз — в текстах пирамиды Пепи I [PT 1071 = P/V/E, 87]. Зато другие «Хоры», прежде всего Нехена и Летополя, встречаются в «Текстах пирамид» неоднократно. Объясняется это очевидно тем, что эти тексты во многих своих речениях древнее культа Хора Бехдетского, возвысившегося только при III династии. Но это не меняет сути древнеегипетской богословской традиции рассматривать царя как воплощения Хора («Вышнего») в качестве земного правителя *nTr nfr nb tAwy* и исполнителя его функции всесильного держателя мирового порядка и владыки Египта — *nTr aA nb MAat, nTr aA nb tAwy*. С одной стороны, египтяне явно воспринимали Хора и царя как разные сущности, с другой стороны, они могли представляться им нераздельными, соединенными единой божественной природой. В качестве иллюстрации к такому заключению приведем стелу царя конца III династии Ка-Хеджета (*илл. 9*) [Paris, Louvre E 25982; Ćwiek 2003, fig. 12], где он изображен в Белой короне, с булавой *sqr* в правой руке, в объятиях сокологолового бога. В серехе царя — его хорово имя, точно соответствующее ему как носителю Белой короны (*HDt*) — «Высок Белой короной». Рядом с его серехом — соколиный образ Хора, названного пребывающим в «Великом доме» — *Hwt aAt* (т. е. в храме Гелиополя). Мы не увидим на этой стеле ни величания царя как *nTr nfr*, ни

названия солнечного образа Хора *nTr aA nb pt* — это будет позже на других памятниках, но эти эпитеты были бы здесь вполне уместны: для царя как земного воплощения бога, богочеловека и Хора как царя небесного. Они различны, но они едины[14].

Весьма примечательно, что явленная в земном мире и связанная с именем Хора божественная «красота» была понятием, особенно характерным для имен и титулов царей IV и, прежде всего, V–VI династий. Так, например, царь Хафра именуется *Nfr @r nTr aA* (Прекрасен Хор, Бог Великий), притом он — *sA Ra nb xaw* (Сын Ра, владыка воссияний (вар. явлений)) [Kaplony, 1981, Bd. IIb, Taf. 13, № 1]. У Неферефра целая «программа» с *nfr* как в его имени (Прекрасен он, Ра), так и в титулатуре: его хорово имя – *Nfr xa*w (Прекрасен воссияними (вар. явлениями)), имя обеих владычиц — *Nfr m Nbty* (Прекрасен в Обеих Владычицах, т. е. Нехбет и Уаджит как венцах Обоих Египтов), «золотое имя» — *NTr-nbw nfr* (Прекрасен Бог Золота). «Золотое имя» как *nfr* встречается не только у Неферефра, но и у Усеркара (*@r-nbw nfr*) [Kaplony, 1981, Bd. IIb, Taf. 55, № 32]. Эпитет *nfr* включается в тронные имена *Nfr-jr-kA-Ra* (Прекрасен сотворенный ка Ра) и Пепи I (в его раннее имя *Nfr-sA-@r* — Прекрасен защитой Хора). В тронном имени Нефериркара особо подчеркивается то, что царь является порождением Ра, сыном по отношению к Ра, его отцу. Но, как известно из «Текстов пирамид», Ра «пребывает» в царе имярек и царь «пребывает» в нем: «Тети — это ты (т. е. Ра) и ты — это Тети» [PT 405, § 703a-b]. Царь — «сын» от «плоти» Ра-Атума навеки (*sA.k pw n Dt.k r Dt*), он плотью единый с Богом-творцом [PT 217, § 160a-c; PT 222, § 213b; PT 570, § 1461b].

Появление при V династии, у Джедефра, титула «сын Ра», который можно рассматривать в контексте понятий *nTr aA* и *nTr nfr*, по нашему мнению, нисколько не умаляло саму идею власти, как часто полагают египтологи[15], не сводило царя с его божественного пьедестала как Хора в его качестве «сына» Ра. Этот титул очевидно подчеркивал *родословие* царя в традиционной для Египта мифоритуальной системе и то, что сын *единосущен* отцу. Именно эту, вечную, рожденную от Ра(Атума) в мифологические времена, а точнее, предвечную природу царя [PT 486, § 1040] египтяне именовали божественной, и потому самого правителя величали Богом Прекрасным, сыном Ра, Богом Великим.

Царь — подобный Ра и сын Ра, Хор — сын Осириса и Исиды, Хор *%msw* (Старший) — как наследник Ра(Атума), Геба, Осириса, он *nTr aA* и *nTr nfr* — все эти имена и понятия, по сути, отражали не столько иерархическую последовательность, сколько выявляли представления о *собирательном* образе сакральной сущности царя с акцентом на ее разных аспектах.

---

[14] Это изображение царя с Хором можно сравнить с так называемыми «соколиными статуями» царей, где они представлены в объятиях соколов. См. всестороннюю трактовку смысла этих статуй: [Большаков, 2000, с. 73–87 и рис. 1–3].

[15] По этому вопросу см., например: [Morenz, 1996, p. 262; Hornung, 1996, p. 142, 192].

Сокращения / Abbreviations

BM — British Museum, London.
CT — de Buck A. *The Egyptian Coffin Texts*. Vol. I. Chicago, 1935.
P/V/E, 87 (PT 1071) — Leclant J., Berger-El Naggar C., Mathieu B., Pierre-Croisiau I. *Les textes de la pyramide de Pépy Ier*. Le Caire, 2001. Pl. XXII.
PT, Pyr. — Sethe K. *Die altägyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums*. Bd. I–IV. Leipzig, 1908–1922.
Sethe. Komm — Sethe K. H. *Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten*. Bd. I. Glückstadt, 1962.
Sinai 10, Sinai 16 — Gardiner A. H., Peet T. E., Černý J. *The Inscriptions of Sinai*. Vol. I. Oxford, 1952
Wb. — Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Vol. II. Berlin, 1955.

Литература / References

Берлев О. Д. Наследство Геба: представления о природе древнеегипетского землепользования // *Подати и повинности на древнем Востоке (сб. ст.)*. СПб., 1999. С. 6–33 [Berlev O. D. The Geb's Inheritance: Ideas about the Nature of the Ancient Egyptian Land Use // *Taxes and Duties in the Ancient Orient (Collection of Articles)*. Saint Petersburg, 1999. Pp. 6–33 (in Russian)].
Большаков А. О. Древнеегипетская скульптура и «хорово имя» // *Вестник древней истории*. 2000. № 2. С. 73–87 [Bolshakov A. O. Ancient Egyptian Royal Sculpture and «Horus Name» // *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*). 2000. 2. Pp. 73–87 (in Russian)].
Зубов А. Б., Зубова (Павлова) О. И. Природа власти царей древнего Египта (К проблеме «восточного деспотизма») // *Государство на древнем Востоке*. М., 2004. С. 204–225 [Zubov A. B., Zubova (Pavlova) O. I. The Nature of the Power of the Kings of Ancient Egypt (To the Problem of "Eastern Despotism") // *State in The Ancient Orient*. Moscow, 2004. Pp. 204–225 (in Russian)].
Зубова О. И. Понятие *nfr* как эпифания жизни в «Текстах Пирамид» // *Aegyptiaca Rossica*. Vol. 5. М., 2017. С. 81–90 [Zubova O. I. Concept of *nfr* as Epiphany of Life in the "Pyramid Texts" // *Aegyptiaca Rossica*. Moscow, 2017. Vol. 5. Pp. 81–90 (in Russian)].
Матье М. Э. *Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта*. М., 1996 [Mathieu M. E. *Selected Works on the Mythology and Ideology of Ancient Egypt*. Moscow, 1996 (in Russian)].
Тексты пирамид (перевод А. Л. Коцейовского). Под общей ред. А. С. Четверухина. СПб., 2000 [*The Pyramid Texts* (tr. by A. L. Kotseyovsky)ю Ed. A. S. Chetverukhin. Saint Petersburg, 2000 (in Russian)].
Эмери У. Б. *Архаический Египет*. СПб., 2001 [Emery W. B. *Archaic Egypt*. Saint Petersburg, 2000 (in Russian)].
Allen J. P. *A New Concordance of the Pyramid Texts*. Providence, 2013.
Allen J. P. *The Egyptian Coffin Texts*. Vol. 8. *Middle Kingdom Copies of Pyramid Texts*. Chicago, 2006.
Allen J. P. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Atlanta, 2005.
Allen T. G. *Occurrences of Pyramid Texts with Cross Indexes of These and Other Egyptian Mortuary Texts*. Chicago, 1950.
Berlev O. Two Kings — Two Suns: On the Worldview of the Ancient Egyptians // *Discovering Egypt from Neva. The Egyptological Legacy of Oleg Berlev*. Berlin, 2003. Pp. 19–35.
Carrier C. *Textes des pyramides de l'Egypte ancienne. Tome 2. Textes de la Pyramide de Pépy Ier*. Paris, 2009.
Ćwiek A. *Relief Decoration in the Royal Funerary Complexes of the Old Kingdom: Studies in the Development, Scene Content and Iconography. PhD Thesis*. Warsaw, 2003.
Edel E. *Altägyptische Grammatik*. Bd. I. Roma, 1955.
Faulkner R. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Oxford, 1969.

Gardiner A. H. Horus the Beḥdetite // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1944. 30. 1. Pp. 23–60.
Hall E. S. *The Pharaoh Smites his Enemies: a Comparative Study*. München, 1986.
Hodjash S., Berlev O. *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad, 1982.
Hornung E. *Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many (tr. by J. Baines)*. Ithaca, 1982.
Kaplony P. *Die Rollsiegel des alten Reichs*. Bd. IIb. Bruxelles, 1981.
Kees H. *Der Götterglaube im alten Ägypten*. Berlin, 1987.
Kees H. *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter: Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches*. Berlin, 1977.
Lehner M. *The Complete Pyramids*. New York, 1997.
Mathieu B. Modifications de texte dans la pyramide d'Ounas // *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 1996. 96. Pp. 289–311.
Mercer S. A. B. *The Pyramid Texts in Translation and Commentary*. Vol. II. New York, London, Toronto, 1952.
Morenz S. *Egyptian Religion (tr. by A. E. Keep)*. London, New York, 1973.
Piankoff A. *The Pyramid of Unas*. Princeton, 1968.
Sethe K. *Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter*. Leipzig, 1930.
Spalinger A. Concepts of Kingship: The Golden Horus Name // *7. Symposium zur Königsideologie. 7th Symposium on Egyptian Royal Ideology: Royal versus Divine Authority: Acquisition, Legitimization and Renewal of Power. Prague, June 26–28, 2013*. Wiesbaden, 2015. Pp. 331–350.
Spiegel J. *Das Auferstehungsritual der Unas-Pyramide: Beschreibung und erläuterte Übersetzung*. Wiesbaden, 1971.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ФУНАНИ ПО КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

А. О. Захаров*

Древнейшее индианизированное царство Индокитая Фунань (扶南) известно в первую очередь по сведениям китайских источников. В современных Камбодже и Вьетнаме Фунань обладает статусом легендарной древней империи, охватывавшей значительную часть Индокитая. Кхмеры считали Фунань, располагавшуюся в низовьях реки Меконг, своим древнейшим государством, а ее возникновение исследователи связывают с усилением международной торговли в начале новой эры. Царство испытало значительное влияние индийской культуры, хотя природа этого влияния и его инициаторы остаются спорными. В начале XX в. историки, в первую очередь индийские, например Рамеш Чандра Маджумдар, приписывали распространение индийских религий, письменности, зодчества и ваяния индийской колонизации Юго-Восточной Азии. После обретения странами региона независимости от этой концепции колонизации отказались. Историки первой половины XX в. считали Фунань государством. Во второй половине столетия возобладало мнение о том, что Фунань находилась на предгосударственной стадии развития и представляла собой вождество или совокупность вождеств. В данной статье на основе китайских свидетельств о Фунани исследуются вопросы о ее политическом строе и о распространении в ней индийской культуры.

Ключевые слова: государство, царство, становление государственности, индианизация, индийская культура, Фунань, Юго-Восточная Азия, китайские источники.

POLITICAL SYSTEM OF FUNAN ACCORDING TO CHINESE SOURCES

Anton O. Zakharov

The Kingdom of Funan (扶南) in the Lower Mekong Delta is a well-known Southeast Asian polity. It appears in many medieval Chinese chronicles and encyclopedias. Contemporary Cambodia and Vietnam share its memory as one of their ancient powerful states; for the Cambodians, Funan is their first true empire. Funan emerged on the ancient trade sea routes along the coastlines of South Vietnam and Cambodia and the Gulf of Siam. The rulers of Funan claimed and sometimes conquered the enclaves around the Gulf of Siam as well as in the inferiors of Indochina. The culture of Funan bears many traits of Indian or Indic influence. The scholarship of the early twentieth century viewed the reasons of this influence in a large-scale Indian colonization of Southeast Asia. The main proponent of this theory was the Indian historian Ramesh Chandra Majumdar. When Southeast Asian

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор Московского государственного психолого-педагогического университета; заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений Института стран Востока, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Professor, Moscow State University of Psychology and Education; Professor, Oriental University, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

nations gained independence, the colonization theory was no longer tenable. The scholars of the early twentieth century, Majumdar and George Cœdès among them, treated Funan as a full-fledged state. But later, in the last third of the century, Claude Jacques and Michael Vickery argued that Funan was at its best chiefdom or a conglomerate of chiefdoms. My paper aims at examining the Chinese chronicles to answer whether Funan was a state or not. Another point is to establish the stages of Indian or Indic influences in the Funan culture.

Keywords: state, kingdom, state formation, Indianization, Indian culture, Southeast Asia, Chinese chronicles.

В низовьях великой реки Меконг в первых веках нашей эры возникло одно из древнейших царств Юго-Восточной Азии (*илл. 1*). Китайские источники называют его *Фунань*. Согласно Мишелю Ферлюсу, который следует реконструкции Б. Калгрена, название *Фунань* (扶南) восходит к основе **bnəm/*bənəm*, соответствующей современному кхмерскому слову *bhnaṃ/*p^h*nəm* «гора; холмик, (искусственный) холм» [Ferlus, 2005, p. 3]; «защищенный юг» [cf. Pelliot, 1903, p. 288; Aymonier, 1903, p. 109], из *fu* + *nan*, подобно топониму *Читу* – «Красная земля»).

В отечественной историографии нет единства во мнении, как обозначать это царство. Д. В. Деопик [Деопик, 1981, с. 14–15] предложил использовать реконструкцию Б. Калгрена — *Бапном*, Л. А. Седов [Седов, 1967, с. 15–17) писал о Фунани, а Э. О. Берзин [Берзин, 1995, с. 98–115, 245–247] и Н. В. Ребрикова [Ребрикова, 1995, с. 97–101] пользовались этими названиями как синонимами. Я буду называть это царство Фунанью, поскольку под этим названием оно фигурирует в мировой историографии и поскольку его самоназвание нам неизвестно: местные источники его не содержат.

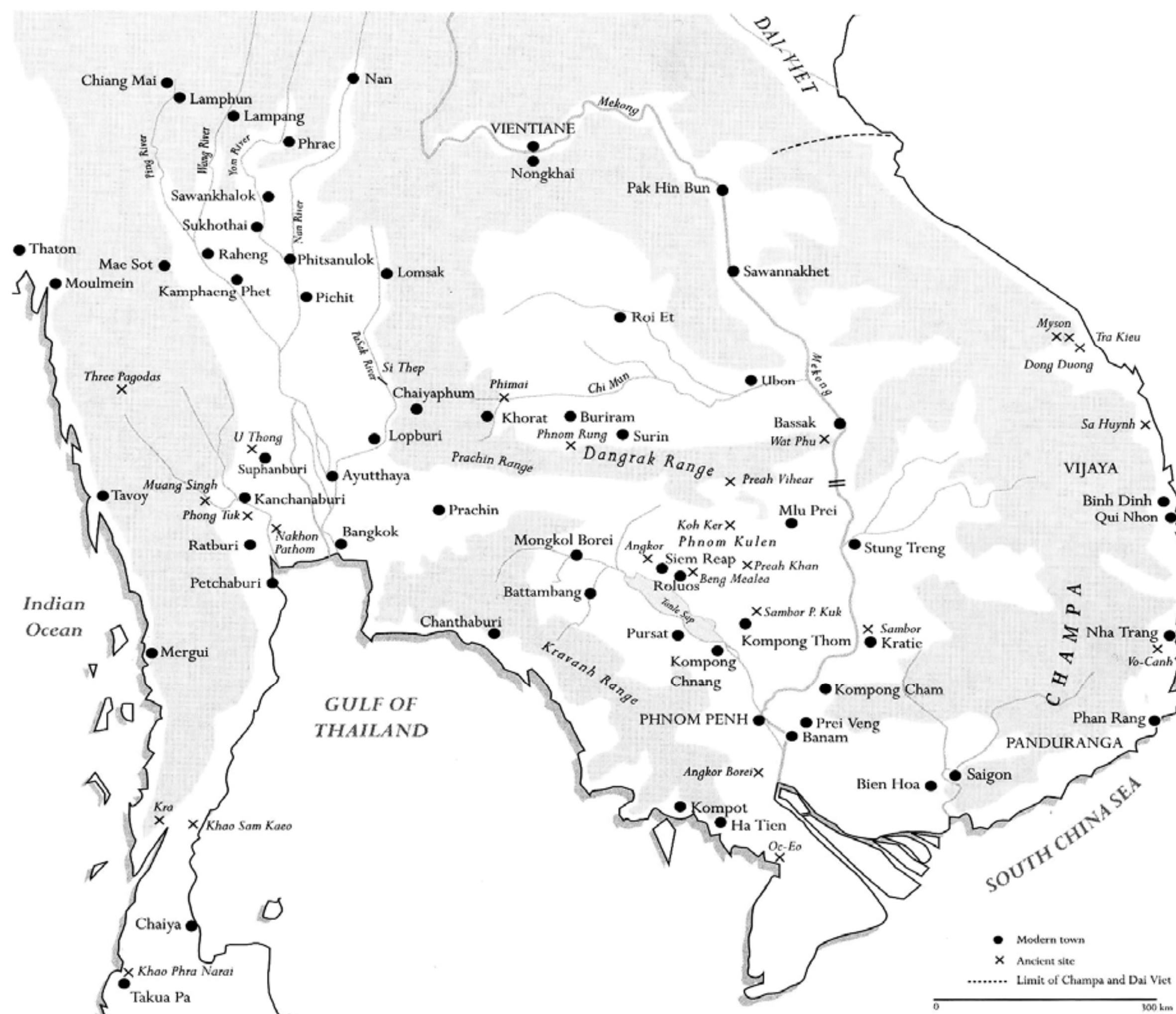
Политический строй Фунани ранее считали государственным. Так думали Жорж Сёдес, Лоуренс Палмер Бриггс, Л. А. Седов и другие ученые [Cœdès, 1944; 1968; Briggs, 1951; Седов, 1967]. Но во второй половине XX в. Клод Жак и Майкл Викери предположили, что Фунань была скорее конгломератом вождеств и не обладала признаками сложившегося государства [Jacques, 1979; Vickery, 1998].

В данной статье рассматриваются вопросы о том, можно ли считать Фунань государством, и о восприятии индийской культуры на территории древнего Индокитая — индианизации. Используется концепция раннего государства Л. Е. Гринина, согласно которой государство есть «отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы» [Гринин, 2011, с. 24].

Основную информацию о Фунани содержат китайские нормативные (династические) истории — *чжэн ши*: «Сань го чжи», «Цзинь шу», «Лю Сун шу», «Нань Ци шу», «Лян шу», «Синь Тан шу»; географическое сочинение «Шуй цзин чжу», энциклопедия «Тайпин юйлань». Подборка текстов из этих источников была переведена Полем Пелльо на французский, а Полом Уитли — на английский язык [Pelliot, 1903; Wheatley, 1983, p. 148–153].

Самые ранние сведения о Фунани восходят к отчетам Кан Тая (康泰) и Чжу Ина (朱應) второй четверти III в. н. э. и сообщениям о посольствах с III в. [Ishizawa, 1995, p. 11–31].

Первое упоминание Фунани встречается в «Сань го чжи» (三国志, «Описании трех царств / Троецарствия»), составленной в конце III в. Чэнь Шоу и охватывающей события 220–280 гг. [Вяткин, 1969, р. 542–543]. В содержащейся там биографии Люй Дая, губернатора Гуандуна в 225–231 гг. н. э. при основателе царства У Сунь Цюане (222–252 гг.), сообщается о прибытии послов ко двору от царей Фунани, Линьи и Танмина[1], а в другом месте сказано, что «в двенадцатый месяц шестого года *чиу* (243 г.) царь Фунани Фаньчжань прислал посольство, чтобы поднести в дар музыкантов и продукты своей страны» [Pelliot, 1903, p. 251, 303].

Илл. 1. Карта Древней Камбоджи (по: Jacques, Lafond 2007, fig. 13)

[1] Линьи часто отождествляется с Чампой, хотя ныне это оспаривается (Vickery, 2005; Захаров, 2015). Местонахождение Танмина не ясно.

Династический миф Фунани

В китайских пересказах отчета Кан Тая сохранился династический миф о возникновении Фунани. Процитируем один из них:

> «В начале правительницей Фунани была женщина по имени Люе[2]. И был человек из страны Мофу по имени Хуньшэнь (*Hun-chen* / **γuən ziĕn*), который ревностно служил некоему духу. Дух был тронут его глубокой набожностью. Ночью Хуньшэню приснилось, что некто дал ему божественный лук и приказал взойти на борт большого торгового судна и отправиться в море. Утром Хуньшэнь вошел в храм и у подножья дерева духа нашел лук. Затем он сел на большой корабль и отправился в море. Лук направлял ветер так, чтобы корабль прибыл в Фунань. Люе хотела ограбить корабль и захватить его. Хуньшэнь тогда поднял божественный лук и выстрелил. Стрела пронзила судно Люе от борта до борта. Люе, испугавшись, подчинилась, и так Хуньшэнь стал царем Фунани» [Берзин, 1995, с. 245–246 (с исправлениями); Pelliot, 1925, p. 245–246; Briggs, 1951, p. 17][3].

Ж. Сёдес видел в имени Хуньшэнь, которого он называл Хуньтянем, следуя «Нань Ци шу» и «Лян шу», отражение индийского имени *Каундинья* и помещал Мофу в Индии, на Малаккском полуострове или на южных островах [Cœdès, 1968, p. 37; Pelliot, 1903, p. 256, 265]. П. Пелльо локализовал Мофу на Малаккском полуострове (Pelliot, 1925, p. 248–249). Уравнение Хуньтянь / Хуньшэнь = Каундинья принимают почти все исследователи Фунани [Hall, 1985, p. 49; Ishizawa, 1995, p. 14; Vo Si Khai, 2003, p. 41; Седов, 1967, с. 15; Деопик, 1981, с. 20; Берзин, 1995, с. 99, 145]. Однако М. Викери на основе расхождений в изложении мифа о возникновении Фунани подверг сомнению отражение индийского имени в китайских терминах [Vickery, 2003, p. 105–107)].

«Цзинь шу» (晉書; «История государства Цзинь»), повествующая о событиях 265–419 гг., но составленная в конце VI – первой половине VII в. Фан Сюань-линем, говорит, что вначале Фунанью правила Елю и при ней на торговом корабле приехал чужеземец Хуньхуэй, который, получив лук от некоего духа, победил Елю и взял ее в жены [Pelliot, 1903, p. 254].

«Нань Ци шу» (南齊書; «История Южных Ци»), рассказывающая об эпохе 479–501 гг. и написанная Сяо Цзы-сянем в начале VI в., сообщает, что вначале правила Люе, затем из страны Цзи на корабле приплыл получивший от некоего духа два лука Хуньтянь, победивший Люе и взявший ее в жены [Pelliot, 1903, p. 256].

«Лян шу» (梁書; «История Лян»), описывающая события 502–556 гг. и составленная в первой половине VII в. Яо Сю-лянем, утверждает, что сначала правила Люе, затем из страны Цзяо на торговом корабле приплыл Хуньтянь с волшебным

[2] Передача имен правителей Фунани на русский язык далека от стандарта. Например, имя 范師蔓 (*Fàn-shī-mān*) Л. А. Седов пишет как *Фань-ши-мань* [Седов, 1967, с. 16], Д. В. Деопик — *Фаншиман* [Деопик, 1981, с. 22], Э. О. Берзин — *Фань Ши-мань* (Берзин, 1995, с. 103). Для упрощения текста все имена, как и топонимы, будут даны слитно (в противном случае для точной передачи иероглифики следовало бы писать «Фу Нань» или «Фу-нань»).

[3] Л. П. Бриггс и Э. О. Берзин исправляют имя Хуньшэнь на Хуньтянь, которое встречается в других пересказах Кан Тая.

луком, полученным от некоего духа, и победил Люе, взяв ее в жены [Pelliot, 1903, p. 265][4].

М. Викери выделяет два основополагающих несовпадения. Во-первых, имя легендарного чужестранца всегда состоит из двух иероглифов, тогда как имя Каундинья, по мнению исследователя, должно было передаваться в китайском языке посредством трех иероглифов[5]. Во-вторых, во всех рассказах место, откуда приехал иностранец, называется по-разному: Мофу, Цзи и Цзяо; либо вообще не уточняется. В этих топонимах, по мнению М. Викери, нет никаких указаний на Индию. Если же локализовать, следуя П. Пелльо, Мофу на восточном побережье Малаккского полуострова [Pelliot, 1925, p. 247–248], то это тоже не свидетельствует об индийском происхождении Хуньшэня / Хуньтяня [Vickery, 2003, p. 106–107].

Несовпадение топонимов, замеченное М. Викери, не должно сбивать с толку. Если во всех случаях называется разное исходное место, откуда в Фунань приехал обладатель волшебного лука, то это означает лишь то, что знание его точной локализации было несущественным, как отмечает и сам М. Викери [Vickery, 2003, p. 106–107]. Оно могло быть несущественным для информантов Кан Тая, для самого Кан Тая, для составителей китайских династических историй, для них всех вместе или для отдельных их групп. Во всяком случае, без упоминания места отправления обошелся составитель «Цзинь шу» Фан Сюань-линь. Нужно помнить и то, что локализовать Цзи и Цзяо так и не удалось. Это некое «Заморье» [Деопик, 1981, с. 20]. Именно поэтому эти топонимы могли относиться и к Индии, и к Малаккскому полуострову — к любой области, кроме собственно Фунани, т.е. низовий Меконга. Так что отрицать на этом основании индианизацию Фунани, как делает М. Викери, не очень убедительно — нужны иные доводы, и желательно археологического характера.

Серьезнее второе несовпадение: Хуньтянь ≠ Каундинья. В «Нань Ци шу» есть транскрипция имени Каундинья в древнекитайском языке — *Цзяочжэньжу*, встречающаяся в рассказе о событиях V в.: «При Цзинь (265–419) и Сун (420–478) (посол страны) регулярно приходил и приносил дань. К концу Сун царь Фунани носил родовое имя Цзяочжэньжу и личное имя Шэебамо (Джаяварман). Он отправил купцов торговать в Гуанчжоу…» [Pelliot, 1903, p. 257]. Таким образом, в этой хронике встречаются оба имени — Хуньтянь и Цзяочжэньжу, и они не смешиваются друг с другом. «Лян шу» тоже упоминает Каундинью, называя его брахманом из Индии, который был одним из преемников правившего в 357 г. (Тянь)чжу Чжантаня:

> «Цзяочэньжу был первоначально брахманом из Индии. Там он услышал голос свыше, сказавший ему, что “он должен править Фунанью”. Цзяочэньжу возрадовался в сердце своем. На юге он прибыл в Паньпань. Народ Фунани к этому подготовился. Все

[4] П. Пелльо видел в имени Люе попытку передать китайскими иероглифами исходное значение «Ивовый лист» или графическое изменение слова *Ее* (*Ye-ye*) «Лист кокосовой пальмы» [Pelliot, 1903, p. 254, n. 3; Pelliot, 1925, p. 245], но М. Викери предлагает видеть в праформе имени **Liəu-iäp* «попытку передать звучание имени безотносительно буквального значения использованных иероглифов» и сравнить его с китайскими транслитерациями названий Ченла (**Ts'iĕn-lâp*) и Линьи (**Liəm-iəp*) [Vickery, 2003, p. 110].

[5] Здесь М. Викери ссылается на статью и монографию П. Уитли, однако ссылки вводят в заблуждение: в них речь идёт о топониме Фунань 扶南 и нет ни слова о передаче индийских имен. См. [Wheatley, 1974, p. 97, n. 2; 1983, p. 147, n. 2].

царство с радостью поднялось ему навстречу и избрало его царем. Он снова изменил законы страны согласно обычаям Индии» [Pelliot, 1903, p. 269; Берзин, 1995, с. 111].

Здесь мы снова видим несовпадение Хуньтяня и Цзяочэньжу. Видны и различия в написании имени Каундиньи. Это может свидетельствовать о том, что транскрипция имен была не вполне устойчивой (по крайней мере, во время составления этих текстов), и, если принять во внимание то, что они включают более ранний рассказ Кан Тая, принадлежащий другой эпохе в истории древнекитайского языка с иной передачей иностранных имен, то появление в одном и том же тексте различных транскрипций исходного слова Каундинья вполне вероятно. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется сохранение Й. Исидзавой транскрипции Хуньтяня как Каундиньи [Ishizawa, 1995, p. 14].

Впрочем, М. Викери нашел аргумент против отождествления Хуньтяня с Каундиньей: «Лян шу» называет имя одного из наследников Хуньтяня — Хуньпаньхуан, вероятно, отождествляемого с известным по «Нань Цишу» Паньхуаном; в имени *Хуньпаньхуан* едва ли отражается какое-либо индийское имя или титул [Briggs, 1951, p. 17–19; Vickery, 2003, p. 109; Pelliot, 1903, p. 257, 265]. М. Викери предпочитает говорить о династии Хуней в Фунани, заимствуя эту идею у Л. П. Бриггса; она заслуживает пристального внимания[6].

Рассмотрим проблему под другим углом зрения. В каком случае признание Хуньтяня индийцем Каундиньей (или принятие им индийского имени) будет иметь существенное значение для реконструкции истории Фунани? Ведь речь идет о династическом предании, мифе о возникновении государственности, и если не видеть в нём отражение реальных событий, то не возникает никаких сложностей с его истолкованием — это идеологическая концепция божественного источника власти. Если считать, что миф не отражает реальности, а лишь фиксирует значимые для его рассказчиков и слушателей, пусть даже вымышленные, события, то получается, что для обитателей Фунани, от которых Кан Тай узнал этот миф, важен был приход правителя из-за моря (довольно распространённое явление — вспомним легенду о призвании варягов в Новгород или предание об Энее как прародителе Ромула и Рема). И если

---

[6] В санскритской надписи из Мишона в Чампе C. 96 (т.е. № 96 в перечне надписей Чампы) 579 г. эры шака / 658 г. н. э., сообщающей о дарении царя Пракашадхармана-Викрантавармана богам Ишанешваре, Шамбхубхадрешваре и Прабхасешваре, сообщается легенда о происхождении супруги чамского принца Шри Джагаддхармы по имени Шри Шарвани из рода Сомы и Каундиньи. Надпись гласит:

«Тогда прославленный Шри Джагаддхарма, обладатель великой власти, по определенным обстоятельствам отправился в город по имени Бхава (т.е. Бхавапура). Это там Каундинья, глава дваждырожденных / брахманов, воткнул копье, полученное от лучшего из дваждырожденных Ашваттхамана, сына Дроны. …была дочь царя змей по имени Сома, которая основала династию на земле. Любовью достигнув совершенно иной сущности, она обитала в жилище людей… Она стала супругой вождя (*puṅgava*) дваждырожденных по имени Каундинья ради религиозного обряда… От этой целомудренной жены Шри Шарвани, рожденной в семье Сомы, Шри Джагаддхарма родил любимого сына…» [Finot, 1904, p. 919–920, 923–924; Захаров, 2012a, с. 130, 132; 2015: 90–93; Majumdar, 1927, p. 23–24, строфы 15–18, 23; ср.: Берзин, 1995, с. 280–281].

Хотя эти данные недвусмысленно говорят о возведении родословной камбоджийских правителей Бхавапуры к Соме и Каундинье и термин «дваждырожденный» означает ‘брахман’ [Monier-Williams, 1899, p. 504], они подтверждают лишь существование такой родословной в VII в. Утверждать, что Каундинья действительно приехал в I в., на этом основании несколько рискованно.

перед нами индиец Каундинья, то этим обитатели Фунани подчеркивали роль Индии в их истории.

Напротив, если трактовать династический миф как отражение действительного прибытия индийского путешественника, победившего местную правительницу и создавшего собственно Фунань, то тогда получается, что государственность была принесена в низовья Меконга извне. Так и полагали историки первой половины XX в., в частности Ж. Сёдес, первое издание классической монографии которого — «Древней истории индуизированных государств Дальнего Востока» — вышло на французском языке в 1944 г. [Cœdès, 1944; 1948; 1968). Именно эта идея ныне вызывает наиболее энергичные возражения исследователей. Общим местом стала концепция местного, юго-восточноазиатского возникновения государственности и цивилизации. Индийцам теперь отводится в лучшем случае второстепенная роль в распространении индийских традиций, которые были заимствованы по инициативе местных правителей ЮВА и посредством местного мореходства.

Династический миф Фунани трактовался и в качестве собственно аустроазиатского (бракосочетание местной правительницы с победоносным пришельцем — обладателем волшебной силы [Деопик, 1981, с. 21]), и в качестве заимствованного из Индии, точнее у Паллавов, получивших его от скифских правителей Индии *шаков* [Finot, 1911, p. 30–37; Goloubew, 1924, p. 501–510; Голубев, 1997, с. 186–195; Берзин, 1995, с. 100–101], и в качестве соединения разнородных элементов [Gaudes, 1993, p. 338–358; Деопик, 1981, с. 21]. При всем сходстве скифского и фунаньского мифов (союз пришельца с местной правительницей, передача их сыну власти, волшебный лук) юго-восточноазиатская традиция в древнейшем варианте не подчеркивает хтонический, змеиный характер Люе. Эта трактовка возникает при отождествлении Люе с Наги («Змеей») Сомой (*Somā*). Но такой образ появляется в источниках существенно позже (с VII в., например, в санскритской надписи из Мишона С. 96 658 г., см. примечание выше) и поэтому параллель между женщиной-змеей Ехидной из пересказа скифского предания Геродотом [Hdt., IV, 8–10] и Люе выглядит спорно.

Несмотря на общую тенденцию современной историографии приуменьшать роль индийского влияния, выявить ее может только комплексное исследование всех имеющихся источников: археологических, эпиграфических, письменных, геоморфологических, лингвистических, насколько они доступны на сегодняшний день.

Описания Фунани

Если считать атрибутами государственности аппарат управления, аппарат насилия, территориальное деление и налогообложение, то нужно искать свидетельства о них в имеющихся письменных (в данном случае иноземных — китайских) источниках. Аппарат управления в государстве имеет не менее трех уровней. Это предполагает определенное пространственное выражение (иерархию поселений, монументальное строительство), в котором должны присутствовать идеологические аспекты. Власть заявляет о своем праве на господство и закрепляет его в пространстве посредством храмов, пирамид, каналов, дворцов… В силу специфики разных областей пространственное выражение власти может варьироваться. Местные материалы

определяют степень сохранности монументальных построек (вспомним судьбу египетских пирамид и месопотамских зиккуратов).

В «Цзинь шу» описание Фунани таково:

> «Там есть города, обнесенные стенами, с дворцами и жилыми домами. Все люди страшные и черные, их волосы вьются; они ходят голыми и в сандалиях. У них простой нрав, и у них нет воров. Они предаются земледелию. Они сеют один год и пожинают в течение трех[7]. Еще больше они любят гравировать и чеканить украшения. Для еды у них много утвари из серебра. Налог платят золотом, серебром, жемчугом и благовониями. У них есть книги и помещения для архивов и других вещей. Знаки для письма напоминают используемые народом *ху*. Погребальные и свадебные обряды проходят в общем как в *Линьи*» [Pelliot, 1903, p. 254; ср. Берзин, 1995, с. 109, 247].

П. Пелльо отметил, что помещения означают здесь не только библиотеки, а любые виды хранилищ, и что народы *ху* обитали в Центральной Азии и под знаками для письма имеется в виду индийская письменность [Pelliot, 1903, p. 254]. Необходимо помнить, однако, что в Центральной Азии в первые века нашей эры для передачи бактрийского и согдийского языков уже использовалась греческая по происхождению письменность, поэтому данное указание китайского текста само по себе ничего не значит.

«Нань Ци шу» сообщает следующее:

> «Люди Фунани злы и коварны. Они силой захватывают жителей соседних городов, которые не отдают им должное, и делают их своими рабами. Из товаров у них есть золото, серебро и шелк. Сын знатной семьи разрезает парчу, чтобы сделать себе саронг. Женщины одевают голову (куском ткани). Жители Фунани отливают золотые кольца и браслеты и серебряную посуду. Жители Фунани рубят деревья для постройки жилищ. Царь живет в двухэтажном павильоне. Они окружают свои поселения деревянной оградой. На берегу моря растет громадный бамбук, листья которого величиной от восьми до десяти футов. Листья сплетают, чтобы покрывать жилища. Люди тоже живут в приподнятых жилищах. Делают корабли длиной восемь–девять *чжанов*[8]. Они в ширину составляют шесть–семь футов. Нос и корма — как голова и хвост рыбы. Когда царь в пути, он едет на слоне. Женщины тоже могут ездить на слонах. Для развлечения жители устраивают бои петухов и свиней» [Pelliot, 1903, p. 261, ср. Берзин, 1995, с. 268].

«Лян шу» рассказывает: «Климат и нравы в целом такие же, как в Линьи. Страна производит золото, серебро, медь, олово, благовоние алоэ, слоновую кость, павлинов, голубых зимородков и попугаев пяти цветов» [Pelliot, 1903, p. 263]. Тот же источник повествует, что:

---

[7] По Кл. Жаку, это отражение подсечно-огневого или переложного земледелия [Jacques, Lafond, 2007, p. 51]. П. Уитли видел здесь свидетельство размножения черенками, корневыми отростками (ratooning), используемого в разведении саго и сахарного тростника, но в Фунани, вероятно, относящегося к орошаемому рисоводству [Wheatley, 1983, p. 79]. Недавно К. Холл интерпретировал это предложение буквально: «Они не собирают урожай, чтобы он рос еще в течение трех лет до новой посадки» (“In one year they sow and harvest for three [i.e., they leave it in and it will grow back three years before they have to replant]” [Hall, 2011, p. 48]). Как справедливо отметил Майкл Коу, «можно только предполагать, каким образом выращивали рис» [Coe, 2003, p. 55; Higham, 2001, p. 33].

[8] До 22,5 м, считая в 1 *чжане* 2,3–2,5 м [Берзин, 1995, с. 266], или до 30 м, считая в 1 чжане 3–3⅓ м.

> «Действительно, жители страны некрасивые и черные. Там, где они живут, они не копают колодцев. Несколько десятков семей имеют общий водоем, откуда они черпают воду. Их обычай — поклоняться духам неба. Они делают из бронзы образы этих духов неба; те из них, у кого два лица, имеют четыре руки; те, у кого четыре лица, имеют восемь рук. Каждая рука держит какую-нибудь вещь: то ребенка, то птицу, то четвероногое, или солнце и луну. Когда царь выезжает или возвращается, он едет на слоне; так же обстоит дело и с сожительницами и людьми дворца» [Pelliot, 1903, p. 269].

«Синь Тан шу» (新唐書; «Новая история Тан»), составленная в XI в. Оуян Сю и Сун Ци, содержит такое описание:

> «Фунань находится в 70(00) ли к югу от Жинани, земля там низменная, как в Хуаньване (т.е. в Чампе). Есть обычай жить в городах со стенами, дворцами и жилыми домами. Царь носит имя рода *кулун*[9]. Он живет в башне-бельведере в два этажа. Помещения огорожены частоколом, и там связывают листья бамбука для покрытия крыш. Когда царь выходит, он едет на слоне. Люди имеют черное тело и вьющиеся волосы, ходят голыми. Их обычай — не воровать. На их полях они сеют один год и пожинают в течение трех. Страна производит алмаз, похожий на дымчатый кварц *(quartz fumé)*. Он в изобилии рождается на дне вод на камнях. Люди ныряют, чтобы его достать. Им можно писать на нефрите, но если им ударить по бараньему рогу, он распадется. Люди любят устраивать борьбу петухов и свиней. Они платят налоги золотом, жемчугом и благовониями. Столица (царя) в городе Тему. Внезапно город был уничтожен (царством) Ченла, и он (царь) был вынужден перебраться на юг, в город Нафуна» [Pelliot, 1903, p. 273–274].

При анализе «Синь Тан шу» желательно помнить, что это текст XI в.

«Шуй цзин чжу» (水經注; «Комментарии к “Книге о реках”» [Кучера, 2002, с. 174], или «Канон вод / рек с комментариями» [Кобзев, 2009, с. 958–959]), написанный в конце V–начале VI вв. Ли Дао-юанем, цитирует Кан Тая:

> «Давно, во времена Фаньчжаня там был человек из страны *Таньян* по имени Цзясянли, который прибыл из своей страны в Индию и постепенно, занимаясь торговлей, добрался до Фунани. Он рассказал Фаньчжаню об обычаях Индии, о распространении закона, о грудах богатства, о плодородии земли. Он сказал, что там можно найти все, что пожелаешь, и что великие царства почитают это царство в течение многих поколений. Фаньчжань спросил его: “Каково расстояние до этой страны, сколько времени нужно, чтобы туда добраться?”. Ли ему ответил: “Индия должна находиться в более чем тридцати тысячах ли отсюда. Чтобы попасть туда и вернуться, нужно добрых три года, а можно не вернуться и за четыре года. Это — центр неба и земли”» [Берзин, 1995, с. 107 (с исправлениями и дополнениями по: Pelliot, 1903, p. 277–278)].

«Лян шу» содержит важные сведения о внешнеполитическом мероприятии царя Фунани Фаньчжаня — отправке посольства в Индию:

[9] В данном случае речь идет не о личном или тронном имени, а о древнекхмерском титуле *kuruṅ* ‘правитель, царь’, которое трактуется как отглагольное имя от корня *ruṅ* ‘прикрывать, защищать, заботиться’. Отсюда совр. кхмер. *kroŋ* ‘город’ и тай. *kruŋ* ‘город, столица. См.: Jenner, 2009a–b, entry ‘kuruṅ’. URL: http://sealang.net/ok/ (дата обращения 16.11.2019).

«Во времена [царства] У (222–280) царь Фунани Фаньчжань направил одного из своих родственников по имени Суву с посольством в это царство (Индии). Из Фунани Суву добрался до порта Туцзюли, а оттуда плыл по Великому заливу моря. Следуя на северо-запад, он посетил многие бухты и миновал много царств. Когда прошло более года, он достиг устья Индийской реки[10] и, поднявшись по реке на 7000 ли, прибыл к месту назначения. Царь Индии изумился и сказал: “На самом дальнем берегу Океана есть еще, оказывается, люди!” Затем он приказал, чтобы им показали царство. Более того, он направил двух человек, в том числе Чэньсуна, в Фунань, чтобы отблагодарить Фаньчжаня, и послал ему в дар четырех коней из земли Юэчжи. И он отправил назад Суву и других [послов]. И по истечении четырех лет они прибыли в Фунань. В это время (император царства) У отправил *чжунлана* Кан Тая с посольством в Фунань. Он видел Чэньсуна и других и расспрашивал их о стране и обычаях Индии…» [Берзин, 1995, с. 262 (с исправлениями и дополнениями по: Pelliot, 1903, p. 271)].

Согласно той же хронике, Кан Тай и Чжу Ин прибыли в Фунань уже в правление Фаньсюна [Pelliot, 1903, p. 268].

М. Викери считает эти сообщения «Шуй цзин чжу» и «Лян шу» указанием на то, что вплоть до правления Фаньчжаня жители Фунани не знали об Индии, и, соответственно, нет оснований говорить об индианизации Фунани ранее середины III в.; а если учесть время на освоение чужого опыта, то мы попадаем уже в IV–V вв., что означает самостоятельное развитие местной политической системы [Vickery, 2003, p. 109].

Эти умозаключения М. Викери представляются необоснованными. Китайские источники сообщают, что Фаньчжань выслушал рассказ Цзясянли об Индии и отправил туда посольство. Но они не говорят о том, что в более раннее время фунаньцы не знали об Индии. М. Викери исходит из посылки «жители Фунани узнавали об Индии из рассказов купцов», но интерпретирует ее так: «пока нет сведений о таком рассказе, их не было». Истинность этого положения вовсе не очевидна. Предшественники Фаньчжаня могли выслушивать сходные рассказы, о которых сведения до нас не дошли. Не следует забывать, что мы имеем дело с китайскими пересказами сообщений фунаньских информаторов.

Китайские нормативные истории повествуют и о запутанной политической истории Фунани после Хуньтяня / Хуньшэня, сообщая при этом важные для анализа политического устройства сведения.

По «Цзинь шу», потомки Хуньхуэя и Елюя ослабели, и «их потомство прекратило править. Полководец Фаньсюнь возобновил наследственное потомство царей Фунани» [Pelliot, 1903, p. 254]. По «Нань Ци шу», после Хуньтяня его

«сыновья и внуки передавали власть до смерти царя Паньхуана[11]. Люди страны посадили на трон его великого полководца (général) Фаньшиманя. Фаньшимань

[10] Традиционно считается, что речь идет о Ганге, однако Кл. Жак утверждает, что это Инд, с чем, судя по контексту, согласен М. Викери. См.: [Cœdès, 1968, p. 41; Деопик, 1981, с. 23; Берзин, 1995, с. 107, 262; Jacques, 1995, p. 14–23; Vickery, 2003, p. 108].

[11] Энциклопедия «Тайпин Юйлань» (太平御覽; «Высочайше просмотренное собрание книг, составленное в период правления Тайпин»), составленная в 977–983 гг. группой чиновников во главе с Ли Фаном по приказу императора Тайцзуна, царствовавшего в 976–997 гг., упоминает царя Фунани по имени Паньхуанчжао [Cœdès, 1968, p. 275, n. 5, со ссылкой на сообщение О. У. Уолтерса].

заболел. Сын его старшей сестры Чжаньму взошел на трон и убил (старшего) сына Фаньшиманя Цзиньшэна. Спустя десять с лишним лет младший сын Фаньшиманя Чан восстал и убил Чжаня. Он вспорол клинком живот Чжаня, говоря: "Некогда вы убили моего родного брата, сегодня именем брата я вам отмщаю". Тогда великий полководец Чжаня Фаньсюнь убил Чана. Люди царства назначили ему царское достоинство (т.е. избрали царем)» [Pelliot, 1903, p. 256–257].

Согласно «Лян шу», у Хуньтяня был сын, которому он назначил

«…царский лен (fief) из семи городов (*и*). Один из их наследников Хуньпаньхуан хитростью умел разделять города и возбуждал в них подозрительность (друг к другу). Потом он собирал войска, нападал на них и подчинял. Затем он посылал своих сыновей и внуков править каждым народом отдельно. Их называли малыми царями. Паньхуан умер в возрасте девяноста лет. Он оставил на престоле своего второго сына Паньпаня, который доверил все дела своему великому полководцу Фаньманю. Через три года Паньпань умер. Весь народ царства избрал (Фань)маня царем. Фаньмань был храбрый и способный. Он снова силой войска стал нападать на соседние царства и подчинил их. Все признали себя его вассалами. Он принял титул великого царя Фунани. Затем он построил большие суда. Пересек бескрайнее море и напал на более десяти царств, в том числе Цюйдукунь, Цзючжи и Дяньсунь. Он расширил свою территорию на 5–6 тысяч ли. Затем он пожелал подчинить царство Цзиньлинь (Золотой рубеж), но заболел и послал вместо себя своего сына, наследного принца Цзиньшэна. Сын родной сестры Фаньманя Чжань был тогда вождем двух тысяч человек. Благодаря им он занял место Фаньманя и провозгласил себя царем. Он послал людей обмануть Цзиньшэна и убить его. Когда Фаньмань умер, у него был младенец-сын по имени Чан, и он жил в народе. Когда ему исполнилось двадцать лет, он собрал храбрецов из народа, напал и убил Чжаня. Великий полководец Чжаня Фаньсюнь в свою очередь убил Чана, провозгласил себя царем и управлял царством; он построил бельведеры и павильоны (или башенки и беседки), куда ходил гулять. Утром и в полдень он давал три или четыре аудиенции. Иностранцы и люди из народа приносили ему в подарок бананы, тростниковый сахар, черепах и птиц» [Pelliot, 1903, p. 265–268; Берзин, 1995, с. 103–104, 246; Wheatley, 1979, p. 297].

«Шуй цзин чжу» и «Тайпин юйлань» утверждают, что царство Дуньсунь находилось в зависимости от Фунани; «его царь называется *куньлунь*. В стране пятьсот семей *Ху* из Индии (согласно П. Пелльо, это могли быть торговцы), двести семей *Футо* (буддистов) и свыше тысячи брахманов из Индии» [Pelliot, 1903, p. 279]. Согласно энциклопедии «Тайпин юйлань», цитирующей «Наньчжоу ивучжи» (南州异物志) Вань Чжэня, жившего в III в., «царство Фунань находится более чем в 3000 ли к западу от Линьи. Они сами выбирают себе царя. Все вассальные области имеют своих сановников. Главные чиновники слева и справа от сюзерена называются *куньлунь*»[12];

[12] Обычно термином *куньлунь* китайцы обозначали южных мореходов, совершающих набеги на разные земли вокруг Южно-Китайского моря. Г. Ферран предложил отождествлять их с древними малайцами, и это стало в историографии общим местом. Но в данном случае нужно проявить осторожность. Энциклопедия Ду Ю (杜佑) «Тундянь» (Всеобщий свод знаний), составленная в конце VIII — начале IX в., и «Тайпин юйлань» содержат примечательный отрывок: «Во времена Суй имя царской семьи было *кулун*. В этом царстве многие носят фамилию *кулун*. Когда стариков спрашивают, они говорят, что *куньлунь* — это не имя семьи. Это испорченное слово *куньлунь*» [Pelliot, 1903, p. 283]. Последнее высказывание —

«Дуньсунь более чем в 3000 ли от Фунани. Сначала это было независимое царство. Один из предшествующих царей Фунани Фаньмань был храбрым, он подчинил его, и ныне Дуньсунь зависит от Фунани» [Pelliot, 1903, p. 282]. Если эти сведения надежны, то именно Фань(ши)мань подчинил Дуньсунь.

Посольства из Фунани прибывали в Китай между 226–231 и 243–244, в 268, 285, 286, 287, 357, 434, 435, 438, 484, 503, 511, 512, 514, 517, 519, 520, 530, 535, 539, 559, 572, 588 и между 618–649 гг. [Wheatley, 1983, p. 153].

Фунань была не единственным царством, откуда приходили посольства. Согласно «Цзинь шу», «в 6-й год *тай-кан* (285), летом, в четвертый месяц десять царств, включая Фунань, поднесли дань»; «в тот же год (7-й год *тай-кан*) двадцать одно царство, включая Фунань, и одиннадцать царств, включая Махань, прислали послов поднести дань» [Pelliot, 1903, p. 252].

Хронология ранней истории Фунани довольно запутанна. Если основоположника династии традиционно помещают в I в. н. э., то о времени правления отдельных царей известно лишь то, что в 243 г. Фунанью правил (Фань)Чжань, отправивший посольство в Китай, согласно «Сань го чжи» (см. выше). Поскольку этот источник был составлен в конце III в., в отличие от других текстов, содержащих пересказы отчетов Кан Тая и Чжу Ина, постольку его информация представляется более достоверной. Однако в историографии правление его преемников относят даже к более раннему времени, например К. Холл утверждает, что «послы царства У Кан Тай и Чжу Ин посетили Фунань около 240 г. и предоставили отчеты о домене Фаньсюня и его истории» [Hall, 1985, p. 68; Берзин, 1995, p. 108; Деопик, 1981, с. 24]. Более вероятно, что Кан Тай и Чжу Ин побывали в Фунани между 245–250 гг., ведь вряд ли Фаньсюнь взошел на престол уже в 243 г.

Обобщим сведения китайских источников.

Во-первых, Фунань была страной городов со значительным разделением труда: в ней существовали земледелие, различные ремесла и торговля, в том числе на дальние расстояния.

Во-вторых, в Фунани существовало налогообложение. То, что налоги упоминаются не во всех текстах, не должно вводить в заблуждение, поскольку они копируют отчеты Кан Тая и Чжу Ина выборочно и сообщают лишь наиболее значимые для составителей факты. В самом деле, в Фунани налоги платят золотом, серебром, жемчугом и благовониями, а не в натуральной форме или в форме отработок (что свойственно Китаю). При этом «Синь Тан шу» не упоминает сбор налогов серебром.

В-третьих, жители Фунани строили корабли.

В-четвертых, цари выезжали на слонах не позднее чем с V в., о событиях которого повествует «Нань Ци шу».

В-пятых, по данным «Лян шу» (начало VII в.) статуи богов в Фунани были многорукими, что указывает на индийское влияние.

В-шестых, уже сведения о первом посольстве в Китай от царя Чжаня свидетельствуют о рабовладении: в дар были присланы музыканты.

дело китайских авторов. В слове *кулун* читается кхмерский титул правителей *курунг (kuruṅ)* [Vickery, 2003, p. 103].

Наконец, предположение о том, что в Фунани существовала письменность, может показаться недостаточно обоснованным, поскольку о ней упоминает только «Цзинь шу». Однако налогообложение, градостроительство, кораблестроение и дипломатическая деятельность, взятые сообща, увеличивают вероятность достоверности сведений «Цзинь шу». В «Нань Ци шу» рассказывается о прошении царя Шейебамо из рода Цзяочжэньжу (Каундинья Джаяварман, см. выше), отправленном с буддийским монахом Нагасеной к китайскому двору в 484 г., которое было представлено в письменном виде [Pelliot, 1903, p. 257, 260]. Об этом факте сообщает и «Лян шу» [Pelliot, 1903, p. 269]. Интересно, что там упоминаются священная гора Модань, культ Махешвары и процветание буддизма [Pelliot, 1903, p. 260]. «Лян шу» сообщает об обмене письмами между царями Фунани и царства Пицянь, локализация которого затруднительна: в источнике говорится, что оно находится на большом острове, а П. Пелльо в сноске заметил, что оно должно быть ближе к реке Иравади и Индийскому океану [Pelliot, 1903, p. 264].

Политическая история Фунани по китайским источникам

Что касается политической истории, то здесь трудно согласовать друг с другом разнообразные сведения. В целом китайские источники сходятся в том, что:

а) Фунань возникла в результате прибытия некоего иностранца, победившего местную правительницу;

б) ею правили цари в следующей последовательности: легендарный основатель Хуньтянь / Хуньшэнь / Хуньхуэй → …→ Фань(ши)мань [13] → (Фань)Чжань(му) → Чан → Фаньсюнь [Седов, 1967, с. 16–17];

в) из них Фань(ши)мань и Фаньсюнь были великими полководцами и их избрали царями «люди страны», хотя в отношении Фаньсюня эту информацию не подтверждает «Лян шу»;

г) Чжань захватил власть благодаря двум тысячам верных людей, скорее всего воинов, и Фаньсюнь сверг его убийцу Чана не без поддержки своих людей, что указывает на:

д) контроль над военной силой как основание власти;

е) значительные людские ресурсы Фунани.

Историки потратили много усилий, чтобы разобраться в династических линиях царей Фунани и правилах престолонаследия. Так, Л. П. Бриггс и М. Викери говорят о династиях Хуней, Фаней и Варманов, отмечая, что «мы не знаем, как вожди-Фани

---

[13] Согласно М. Ферлюсу, имя правителя Фаньшиманя (*Fàn-shī-mān;* 范師蔓) восходит к **brəm sri man*, т. е. Брахма / брахман, выдающийся **mān* (индийское или мон-кхмерское имя собственное) [Ferlus, 1995, p. 5]. Идея о передаче индийского термина *śrī* как *ши* представляется по меньшей мере сомнительной, поскольку китайцы традиционно передавали его двусложным термином *шили*, как в названии Шривиджаи — *Шилифоши* [Cœdès, 1918, p. 23–25]. В термине *Фань* многие видели отражение индийского титула -*варман* [Maspero, 1928, p. 53–54; Briggs, 1951, p. 26; ср.: Stein, 1947, p. 251], что выглядит сомнительно по двум причинам: во-первых, китайские авторы передавали этот титул сочетанием -*бамо*, как в имени Джаявармана = *Шэебамо* (см. ниже); во-вторых, окончание -*варман* всегда ставится в конце имени (Рудраварман, Бхававарман, Ишанаварман, Мулаварман, Пурнаварман и т.п.), а *Фань* — в начале, и следовательно, нужно еще объяснять, почему китайские авторы совершали такую перестановку при транслитерации. Согласно М. Викери, Фань — это титул *poñ*, обозначавший в кхмерских надписях VII в. областных вождей [Vickery, 1998, p. 190–204, 446].

соотносились с поздними правителями (и соотносились ли вообще) или как последние соотносились друг с другом до рубежа V–VI вв. и царей Джаяврмана и Рудравармана» [Briggs, 1951, p. 17–36; Vickery, 2003, p. 103, 108, 117]. М. Викери полагает, что при Фанях законным могло считаться наследование от дяди к племяннику (авункулат), которое оспаривали родные дети умершего владыки [Vickery, 1998, p. 116–118]. О возможном существовании двух разных принципов наследования в Фунани: патрилинейного и матрилинейного — писал Д. В. Деопик [Деопик, 1981, с. 22].

Л. А. Седов [Седов, 1967, с. 16] трактует сообщение об избрании Фань(ши)маня и Фаньсюня народом буквально. К. Холл замечает, что Фаньшимань «мог легко захватить власть как с одобрения совета вождей или племенных старейшин, представляющих народ Фунани, так и без оного» и это обусловливалось его военной мощью [Hall, 1985, с. 64]. По существу, мы не знаем, кого китайские источники называют «народом». Это могли быть и совет вождей, и племенных старейшин, как думает К. Холл, или собрание воинов, как было у франков времен Меровингов («мартовские поля»), или подлинное народное собрание с правом избирать короля, как у германцев времен Тацита. Ясно лишь то, что цари Фунани не были самовластными.

Была ли Фунань (ранним) государством — вопрос внешне запутанный. Для ранних историков этот вопрос не существовал: они изначально считали Фунань государством [Cœdès, 1968, p. 36ff.; Majumdar, 1944, p. 25–43). Из современных авторов этого определения придерживается К. Холл [Hall, 1982, p. 81–106; Hall, 1985, p. 26–77; Hall, 2011, p. 59, но ср. с. 51 и 53]. Но Кл. Жак думает, что она всегда была лишь совокупностью вождеств [Jacques, 1979, p. 371–379]. Его поддерживает П. Уитли:

> «По моему мнению, сохранившиеся данные о политическом состоянии долины Нижнего Меконга в первой половине I тыс. н.э. предполагают не столько изобилие независимых центров территориальной власти, сколько матрицу клановых вождей (chieftainships), встроенных в постоянно меняющуюся модель вождеств (chiefdoms)» [Wheatley, 1983, p. 143].

М. Викери пишет о совокупности портов, чья политическая значимость постоянно менялась, и каждый из которых управлял своим небольшим внутренним районам [Vickery, 1998, p. 325]. Д. О'Рейли полагает, что «ранние политии ЮВА были скорее сложными вождествами, чем государствами» [O'Reilly, 2007, p. 202]. П.-И. Мангэн, считая политический строй Фунани государственным, вместе с тем осторожно замечает, что «остается неизвестным, была ли она тесно связанной федерацией городов-государств или более централизованным государством» [Manguin, 2009, p. 111].

Нужно уточнить, о каком периоде идет речь. Собранные выше источники содержат разнообразную информацию: и синхронную времени их составления (современную посольству Кан Тая и Чжу Ина в III в.), и диахроническую — от преданий о возникновении Фунани в I–II вв. до предполагаемого китайской традицией завоевания ее Ченлой в VI–VII вв.

Соответственно перед нами длительный процесс эволюции, в котором выделяются разные этапы. По обозначению правителей можно сказать, что были эпохи Хуней, Фаней и Варманов, причем Хуни правили еще до появления первых

письменных свидетельств о Фунани, т.е. не позднее II в. (их эпоху можно называть легендарной), Фани — в III, а Варманы — начиная с V в.

Что происходило в IV в., остается неизвестным, если не считать посольства от (Тянь)чжу Чжаньтаня в 357 г., который «преподнес в качестве дани ручных слонов», но их китайцы отослали назад, согласно «Цзинь шу» [Pelliot, 1903, p. 252–253, 255]. Источник отмечает, что «незнакомец Чжу Чжаньтань принял титул царя (*чэньван*)» [Pelliot, 1903, p. 255; Lévi, 1936, p. 81]. «Лян шу» упоминает об этом факте, называя царя именем Чжу Чжаньтань [Pelliot, 1903, p. 269]. Интересно, что между 287 и 434 гг. было лишь одно это посольство. Данный факт указывает на резкое ослабление внешнеполитической активности правителей Фунани.

Согласно гипотезе французского историка С. Леви, Чжаньтань — транскрипция титула индийских царей из династии Кушанов *чандана* [Lévi, 1936, p. 79–82; Cœdès, 1968, p. 46; Деопик, 1981, с. 24; Берзин, 1995, с. 101–102, 110]. К С. Леви, разделявшему господствовавшую в первой половине XX в. теорию индийской колонизации ЮВА, восходит и предположение о том, что после подчинения Северной Индии Самудрагуптой в 357 г. ветвь кушанской династии отправилась искать счастья на другой стороне Бенгальского залива, в «Золотой земле» (*Suvaṃabhūmi*), т. е. в Фунани, где ей удалось посадить на престол своего ставленника [Lévi, 1936, p. 82].

Усиленная авторитетом Ж. Сёдеса [Cœdès, 1968, p. 46], эта гипотеза до недавнего времени была общепринятой. Однако М. Викери видит здесь пример неудержимой романизации истории — «идеи того, что нескольким аристократам хватит царской крови, чтобы переселиться и быть принятыми в новом обществе, где они не имеют корней или традиционно верных слуг» [Vickery, 2003, p. 113].

Причина такого подхода М. Викери лежит в стремлении доказать поздний характер индианизации Фунани, что подтверждается следующим его замечанием: «Итак, все ранние умствования о “индусе” Чжаньтане, представляющем новый тип индианизации, должны быть отброшены, даже если его семья пришла из Индии, и он был, в конце концов, вождем Фунани» [Vickery, 2003, p. 113].

Такой подход едва ли правомерен. Сам М. Викери признает, что термин (*тянь*)*чжу* указывает на индийское происхождение и не опровергает индийского происхождения Чжаньтаня [Vickery, 2003, p. 113]. И то, что он не был связан с предшествующей династией Фаней, можно считать установленным фактом [Cœdès, 1968, p. 46; Деопик, 1981, с. 24; Берзин, 1995, с. 110].

Начиная с V в. сомнения в значительном влиянии индийской политической культуры на Фунань полностью исчезают. Выше уже цитировался отрывок «Нань Ци шу» о правителе Джаяврамане = Шейебамо: «При Цзинь и Сун (посол страны) регулярно приходил и приносил дань. К концу Сун царь Фунани носил родовое имя Цзяочжэньжу и личное имя Шэебамо (Джаяварман). Он отправил купцов торговать в Гуанчжоу…» [Pelliot, 1903, p. 257]. Цзяочжэньжу — это Каундинья. Джаяварман воспользовался услугами буддийского монаха из Индии Нагасены, в китайском написании *Нацзясянь* [Pelliot, 1903, p. 257]. Согласно «Лян шу», один из его предшественников, подавший прошение и приславший подарки китайскому императору Вэнь-ди из династии Сун, правившему в 424–453 гг., носил имя

Чилитобамо, а «в период *юнмин* (483–493 гг.) династии Ци посольство с данью отправил царь Шесибамо, т.е. Джаяварман» [Pelliot, 1903, p. 269][14].

Ж. Сёдес видел в имени Чилитобамо отражение санскритских имен Шри Индраварман или Шрештхаварман (*Śrī Indravarman* / *Śreṣṭhavarman*) [Cœdès, 1968, p. 56]. Согласно более ранней династической истории «Лю Сун шу», посольства 434, 435 и 438 гг. отправил царь Чилибамо, у которого в 431–432 гг. царство Линьи просило войска для разгрома Цзяочжоу, т.е. Кантона [Pelliot, 1903, p. 255]. Окончание *-бамо* передает санскритский корень *-варман*; в «Лю Сун шу» мы имеем его первое датированное появление применительно к ЮВА. В V в., судя по эпиграфике Юго-Восточной Азии, это был показатель царского положения: на востоке Калимантана правителем был Мулаварман, на западе Явы царством Тарума правил Пурнаварман, а в Центральном Вьетнаме располагалось царство Бхадравармана [Захаров, 2006, с. 31–55; 2011, с. 16–24; 2012б, с. 49–69; 2015, с. 63–69, 117–121].

Таким образом, китайские источники отражают процесс постепенного освоения индийской культуры, выраженный сменой царских имен.

Заключение

Что касается эволюции политической системы Фунани, то здесь видно волнообразное развитие с установлением временной гегемонии. После Хуньтяня / Хуньшэня, покорившего царство Люе, некоторые источники предполагают период упадка, затем воинственный царь Хуньпаньхуан подчинил соседние города, далее центральная власть ослабела, ибо царю Фаньшиманю снова пришлось приводить соседей к покорности; затем разразились внутренние усобицы, победителем из которых вышел Фаньсюнь, после чего вплоть до 357 г. о Фунани нет известий.

Безусловно, только поздние китайские источники сообщают о завоеваниях Фаньшиманя и о столкновении с соседними городами. Однако существование сложной политической системы представляется очень вероятным, если принять во внимание значительное население (вспомним две тысячи сторонников Чжаня), общие описания городов со стенами, письменность и налоги, посольства в Китай и Индию в III в.

Эта система вполне отвечает и признакам раннего государства [Гринин, 2011, с. 24]:

а) она охватывала определенную территорию с разными поселениями (не забудем и о заморских экспедициях);

б) в III в. вела дипломатические сношения с Китаем;

в) цари пользовались суверенностью (китайские выражения о дани — хорошо известный способ восприятия китайцами иноземцев) и могли перераспределять ресурсы — хотя бы для организации посольств и строительства кораблей.

Поэтому китайские источники позволяют считать политическую систему Фунани ранним государством не позднее III в. и свидетельствуют о неустойчивости этого политического образования, обязанного своим появлением сильным воинственным правителям.

---

[14] В двух источниках транслитерация имени Джаявармана различна. Однако дата посольства Нагасены в «Нань Ци шу» — 484 г. — совпадает с периодом *юнмин*, поэтому можно считать, что речь идет об одном царе. Это снова подтверждает предположение, что единообразия в транслитерации у китайцев еще не было.

Литература / References

Берзин Э. О. *Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века.* М., 1995 [Berzin E. O. *Southeastern Asia from the Earliest Epochs till the 13th Century.* Moscow, 1995 (in Russian)].

Вяткин Р. В. Сань Го чжи // *Советская историческая энциклопедия.* Гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 12. М., 1969. С. 542–543 [Vyatkin R. V. San Guo Zhi // *Soviet Historical Encyclopedia.* Ed. E. M. Zhukov. Vol. 12. Moscow, 1969. Pp. 542–543 (in Russian)].

Геродот. *История в девяти книгах* / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972 [Herodotus. History. Transl. by G. A. Stratanovsky. Leningrad, 1972 (in Russian)].

Голубев В. Легенды о Наги и Апсаре. Пер. с фр. Ю. Ю. Будниковой // *Ариаварта.* 1997. № 1. С. 186–195 [Goloubev V. Legends about Nāgī and Apsara / Tr. from French by Yu. Yu. Budnikova //*Ariavarta.* 1997. 1. Pp. 186–195 (in Russian)].

Гринин Л. Е. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* М., 2011. [Grinin L. E. *The State and Historical Process: The Era of State Formation: General Context of Social Evolution for the State Formation.* Moscow, 2011 (in Russian)].

Деопик Д. В. Кампучия с древнейших времен до середины XIX в. // *История Кампучии. Краткий очерк* / Отв. ред. Ю. Я. Михеев. М., 1981. С. 10–115 [Deopik D. V. Kampuchea from the Ancient Times to the Middle of 19th Century // *History of Kampuchea: A Concise Essay* / Ed. Yu. Ya. Mikheev. Moscow, 1981. Pp. 10–115 (in Russian)].

Захаров А. О. *Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант.* М., 2006 [Zakharov A. O. *Political Organization of Southeast Asian Insular Polities in Early Middle Ages (5th–8th Centuries): A Constructivist Perspective.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Захаров А. О. Надписи Бхадраварманa I, царя Чампы: перевод и комментарий // *Восток (Oriens).* 2011. № 2. С. 16–24 [Zakharov A. O. The Inscriptions of Bhadravarmana I, King of Champa: A Translation with a Commentary // *Vostok (Oriens).* 2011. No 2. Pp. 16–24 (in Russian)].

Захаров А. О. Надпись Пракашадхармы-Викрантавармана из Мишона 658 г. Вступ. ст., пер. с санскрита и коммент. // *Восток (Oriens).* 2012a. № 1. С. 126–138 [Zakharov A. O. The Inscription of Prakāśadharman-Vikrāntavarman from Mỹ Sơn dated from 658 CE: Introduction, Tr. from Sanskrit and Commentaries // *Vostok (Oriens).* 2012a. No 1. Pp. 126–138 (in Russian)].

Захаров А. О. *Политическая история и политическая организация раннесредневековой Индонезии (V–начало X в.).* М, 2012б [Zakharov A. O. *Political History and Political Organisation of Indonesia in Early Middle Ages (the 5th – early 10th centuries).* Moscow, 2012б (in Russian)].

Захаров А. О. *Политическая история Центрального Вьетнама во II–VIII вв.: Линьи и Чампа.* М., 2015 [Zakharov A. O. *Political History of Central Vietnam in the Second – Eighth Centuries: Linyi and Campā.* Moscow, 2015 (in Russian)].

Кобзев А. И. Шуй цзин // *Духовная культура Китая: энциклопедия*: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. М., 2009. С. 958–959 [Kobsev A. I. Shui Jing // *Chinese Spiritual Culture: Encyclopedia* (in 5 Vols.) Ed. M. L. Titarenko. V. 5. Science, Technological and Military Theories, Medicine, and Education /Ed. M. L. Titarenko et al. Moscow, 2009. Pp. 958–959 (in Russian)].

Кучера С. И. Историография истории древнего Китая // *Историография истории древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. Учебное пособие* / Под ред. В. И. Кузищина. СПб: 2002. С. 163–301 [Kuchera S. I. Historiography of the History of Ancient China // *Historiography of the History of Ancient Orient: Iran, Central Asia, India, and China: A Textbook* / Ed. by V. I. Kuzischin. Saint-Petersburg, 2002. Pp. 163–301 (in Russian)].

Ребрикова Н. В. Индокитай. Государство Фунань (Бапном) // *История Востока*. Т. II. *Восток в средние века* / отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1995. С. 97–101 [Rebrikova N. V. Indochina. The State of Funan (Bapnom) // *History of the Orient*. V. II. *The Orient in the Middle Ages* / Eds. L. B. Alaev, K. Z. Ashrafian. Moscow, 1995. Pp. 97–101 (in Russian)].

Седов Л. А. *Ангкорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.)*. М., 1967 [Sedov L. A. *Angkorian Empire (Socio-Economic and State System of Cambodia in the 9th–14th Centuries)*. Moscow, 1967 (in Russian)].

Шарма Р. Ш. *Древнеиндийское общество* / Пер. с англ. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. Послесловие А. А. Вигасина. М., 1987. [Sharma R. Sh. *Ancient Indian Society*. Moscow, 1987 (in Russian)].

Aymonier É.-F. Le Fou-nan // *Journal asiatique*. 1903. 10–1. Pp. 109–150.

Briggs L. P. *The Ancient Khmer Empire*. (*Transactions of the American Philosophical Society, Held in Philadelphia for promoting useful knowledg*e, New Series. 41.1). Philadelphia, 1951.

Coe M. D. *Angkor and the Khmer Civilization*. New York, 2003.

Cœdès G. *Histoire ancienne des états hindouisés d'Extrême-Orient*. Hanoi, 1944.

Cœdès G. Le royaume de Çrīvijaya // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient*. 1918. 18.6. Pp. 1–36.

Cœdès G. *Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie*. P., 1948. Cœdès G. *The Indianized States of Southeast Asia* / Ed. W. F. Vella, tr. by S. Brown Cowing. Honolulu, 1968.

Ferlus M. *L'intérêt linguistique des transcriptions chinoises concernant le Cambodge ancien (Fou-nan et Tchen-la)*. Communication présentée aux Dix-neuvième Journées de Linguistique de l'Asie Orientale, organisées par le Centre de Recherches Linguistiques sur l'Asie Orientale (EHESS – CNRS), 2005. 30 juin – 1er juillet.

Finot L. Notes d'épigraphie : Les inscriptions de Mì-sơn // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient*. 1904. 4.3. Pp. 897–977.

Finot L. Sur quelques traditions indochinoises // *Mélanges d'Indianisme: offerts par ses élèves à M. Sylvain Lévi* / *Bulletin de la Commission archéologique de l'Indochine*. 1911. 11. Pp. 20–37.

Gaudes R. Kauṇḍinya, Preah Thaong, and the "Nāgī Somā": Some Aspects of a Cambodian Legend // *Asian Folklore Studies*. 1993. 52–2. Pp. 338–358.

Goloubew V. Mélanges sur le Cambodge ancient // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient*. 1924. 24/3–4. Pp. 501–510.

Hall K. R. *Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia*. Honolulu, 1985.

Hall K. R. The "Indianization" of Funan: An Economic History of Southeast Asia's First State // *Journal of Southeast Asian Studies* 1982. 13–1. Pp. 81–106.

Hall K. R.. *A History of Early Southeast Asia: Maritime Trade and Societal Development, 100–1500*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, 2011.

Higham C. *The Civilization of Angkor*. Berkeley, Los Angeles, 2001.

Ishizawa Y. Chinese Chronicles of 1st–5th Century A.D. Funan, Southern Cambodia // Scott R., Guy J. (eds.). *South East Asia & China: Art, Interaction & Commerce; Colloquies on Art and Archaeology in Asia* No. 17. London, 1995. Pp. 11–31.

Jacques C. "Funan", "Zhenla": The Reality Concealed by These Chinese Views on Indonesia // Smith R. B., Watson W. (eds.). *Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography*, Oxford, New York, Kuala Lumpur, 1979. Pp. 371–379.

Jacques C. Funan, Zhenla, Srīvijaya. *Les apports de l'archéologie à la connaissance des anciens États en Thaïlande, 3e Symposium franco-thaï, 11–13 décembre 1995*. Bangkok, 1995. Pp. 14–23.

Jacques C., Lafond Ph. *The Khmer Empire: Cities and Sanctuaries, Fifth to the Thirteenth Centuries*. Bangkok, 2007.

Lévi S. Kaniṣka et Śātavāhana // *Journal asiatique*. 1936. 228. Pp. 61–121.

Majumdar R. C. *Ancient Indian Colonies in the Far East*. Vol. I. *Champa*. Book III: *The Inscriptions of Champa*. Lahore, 1927.

Majumdar R. C. *Kambuja-Desa, or Ancient Indian Colony in Cambodia*. Madras, 1944.

Manguin P.-Y. The Archaeology of Fu Nan in the Mekong River Delta: The Oc Eo Culture of Viet Nam // *Tingley N. Arts of Ancient Viet Nam: From River Plain to Open Sea*. Houston, 2009. Pp. 103–118.

Maspero G. *Le royaume de Champa*. Paris, Bruxelles, 1928.

O'Reilly D. J. W. *Early Civilizations of Southeast Asia*. Lanham, New York, Toronto, Plymouth (UK), 2007.

Pelliot P. Le Fou-nan // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient*. 1903. 3.1. Pp. 248–303.

Pelliot P. Quelques textes chinois concernant l'Indochine Hindouisée // *Études asiatiques, publiées à l'occasion de vingt-cinqième anniversaire de l'École française d'Extrême-Orient par ses membres et ses collaborateurs*. T. II. Paris, 1925. Pp. 243–263.

Stein R. Le Lin-yi, sa localisation, sa contribution à la formation du Champa et ses liens avec la Chine // *Han-Hiue Bulletin du Centre d'Études Sinologiques de Pékin*. II. 1947. Pp. 1–335.

Vickery M. Funan Reviewed: Deconstructing the Ancients // *Bulletin de l'École Française d'Extreme Orient*. 2003–2004. 90–91. Pp. 101–143.

Vickery M. *Society, Economics, and Politics in Pre-Angkor Cambodia: The 7th–8th Centuries*. Tokyo, 1998.

Vo Si Khai. The Kingdom of Fu Nan and the Culture of Oc Eo // James C. M. Khoo (ed.). *Art & Archaeology of Fu Nan, Pre-Khmer Kingdom of the Lower Mekong Valley*. Bangkok, 2003. Pp. 35–85.

Wheatley P. *Nāgara and Commandery: Origins of the Southeast Asian Urban Traditions*. Chicago, 1983 (Research Paper Nos. 207–208).

Wheatley P. The Mount of the Immortals: A Note on Tamil Cultural Influence in the Fifth-Century Indochina // *Oriens Extremus*. 1974. 21–1. Pp. 97–108.

Wheatley P. Urban Genesis in Mainland South East Asia // Smith R. B., Watson W. (eds.). *Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography*. Oxford, New York, Kuala Lumpur, 1979. Pp. 288–303.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Corpus de inscriptions khmères. URL: https://cik.efeo.fr/ (дата обращения 17.11.2019).

Corpus of Khmer Inscriptions. URL: http://www.sealang.net/classic/khmer/ (дата обращения 17.11.2019).

Jenner Ph. N. *Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009b Pacific Linguistics, 598. URL: http://sealang.net/ok/ (дата обращения 17.11.2019).

Jenner Ph. N. *Dictionary of Pre-Angkorian Khmer*. Canberra, 2009a. Pacific Linguistics, 597. URL: http://sealang.net/ok/ (дата обращения 17.11.2019).

Khmerkhom. URL: https://khmerkhom.wordpress.com/khmer-inscription/inscriptions-images/ (дата обращения 17.11.2019)

Monier-Williams M. *Sanskrit-English Dictionary*. URL: https://www.sanskrit-lexicon.uni-koeln.de/monier/ (ата обращения 17.11.2019).

Monier-Williams M. A *Sanskrit–English Dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages*. Oxford, 1899. URL: http://www.sanskrit-lexicon.uni-koeln.de/monier/ (дата обращения 17.11.2019).

The Dictionary of Old Khmer. URL: http://sealang.net/ok/ (дата обращения 17.11.2019).

The epigraphic team examines inscription C. 198 at the museum in Duy Xuyên, Quảng Nam province // *Corpus of the Inscriptions of Campā*. URL: http://isaw.nyu.edu/publications/inscriptions/campa/ (дата обращения 17.11.2019).

РОМАНИЗИРУЮЩАЯ БАТАЛЬНАЯ СЦЕНА ИЗ МЕРОИТСКОГО ХРАМА АБУ ЭРТЕЙЛЫ (СУДАН): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. З. Куватова*

В настоящей работе исследуется батальная сцена, найденная в 2017 г. на стене в одном из помещений мероитского храма в Абу Эртейле (Республика Судан), исследуемого Российско-итальянской археологической экспедицией (Институт востоковедения РАН — IsMEO). Стиль композиции явно проистекает из традиций римского и романизирующего греческого искусства конца I в. до н. э. — II в. н. э. На основании важных иконографических деталей в работе предлагается интерпретация сюжета как битвы гладиаторов. Репрезентации таких битв со сходной фризовой композицией встречаются на памятниках Апеннинского полуострова и Восточного Средиземноморья. Изображение удлиненного прямоугольного щита-*скутума*, имеющего италийское происхождение, фактически исключает возможность мифологической интерпретации сцены. Вместе с тем ряд иконографических особенностей выделяет роспись Абу Эртейлы из ряда таких памятников. В первую очередь, удивляет крайний лаконизм в трактовке оружия, средств защиты и одежды гладиаторов. Тщательная визуализация снаряжения гладиаторов играла важную роль в силу специфического символизма гладиаторских боев. Небрежность в этом вопросе могла означать как отсутствие удобных моделей для копирования, так и отсутствие у заказчиков интереса к «классическому» римскому символизму сюжета. Складывается впечатление, что роспись Абу Эртейлы тяготеет к иконографическому типу, сформировавшемуся на эллинизированном Востоке. Если западная, римская трактовка сосредоточена на моменте ожидания победителем решения толпы о судьбе побежденного, восточная, напротив, тяготеет к изображению яростной битвы и тесного физического контакта сражающихся гладиаторов. Для римского мира гладиаторские игры символизировали римскую власть и порядок, что проявлялось через роль зрителей в решении судьбы побежденного. Эллинизированный Восток воспринимал их как одну из форм элитарных состязаний, реализации героического начала.

Ключевые слова: римская живопись, гладиаторские бои, Мероитское царство, искусство Судана, романизация Мероэ.

ROMANIZING BATTLE PAINTING FROM MEROITIC TEMPLE OF ABU ERTEILA (SUDAN): A COMPARATIVE ANALYSIS

Valeria Z. Kuvatova

This study attempts to investigate a battle painting found on the wall of the Abu Erteila temple in 2017 by the Italian-Russian archaeological mission in the Sudan (IOS RAS — IsMEO). The painting style clearly relies on Roman and Romanizing Hellenistic art of the late 1st century B.C. – 2nd century A.D. The author argues, on the basis of important iconographic details, that the painting

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosha@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kintosha@mail.ru

represents a gladiatorial battle reminiscent of gladiatorial friezes on the monuments of the Italic Peninsula and the Eastern Mediterranean region. The depictions of elongated rectangular shields (*scuta*) rule out any mythological interpretation of the episode. The *scuta* originated in the Italic Peninsula and were never depicted in episodes that didn't include Roman protagonists. In the meantime, some iconographic characteristics place the Abu Erteila painting apart from such monuments. The lack of interest towards detailed representation of gladiatorial weapons and paraphernalia is particularly conspicuous, for the Roman art paid close attention to the details distinguishing gladiatorial classes. For Romans, the gladiatorial games impersonated the power and order of *Pax Romana*. For the Hellenized East, they alluded at Greek aristocratic agonal contests and the cult of heroes. The Abu Erteila painting tends towards the Eastern symbolism. Some small works containing the depictions of gladiatorial scene are likely to have served as models for Abu Erteila painter.

Keywords: Roman painting, Meroitic Kingdom, art of Sudan, Romanization of Meroe, gladiatorial games.

В 2017 г. совместная российско-итальянская археологическая экспедиция в Абу Эртейле (Судан) обнаружила крупные фрагменты монументальной живописи в нескольких помещениях сильно разрушенного храма, основанного мероитским царем Натакамани в I в. н. э. Фрагмент исследуемой фигуративной композиции расположен на северной стене небольшой прямоугольной замкнутой кубикулы, находящейся в северо-восточном углу помещения 39 (*цветная вклейка, фото 1–4*). Внешние (длинная, южная, и западная, короткая) стенки кубикулы были пристроены позднее. Они фактически и обеспечили сохранность нижнего фрагмента росписи, которая, по-видимому занимала все пространство северной стены помещения 39. Функциональное назначение кубикулы невозможно интерпретировать однозначно. Длина сохранившегося фрагмента росписи составляет 180 см, высота сохранившегося фрагмента — около 47 см. Вся поверхность стены покрыта тонким слоем известковой штукатурки, по которой выполнена роспись в технике *al secco*. Фигуры и высокий позем написаны, в основном, в двух оттенках охры — желтом и светло-коричневом. Силуэты фигур уверенно нарисованы тонкими черными линиями.

Композиция разворачивается в виде фриза. Прилегающая восточная стена целиком покрыта плотным слоем красноватой краски (*цветная вклейка, фото 2*). Поскольку она сохранилась лишь на одну треть высоты уцелевшего фрагмента северной стены, то в настоящее время нельзя с уверенностью говорить о том, была ли она покрыта фигуративной живописью. Пигмент на восточной стене заметно отличается от пигмента, которым написан позем на северной стене: он краснее и ярче. Композиция на северной стене состоит из мужских фигур, объединенных в четыре группы. Две группы в восточной части сравнительно хорошо «читаются», в то время как группы в западной части сохранились совсем фрагментарно.

Самая восточная группа фигур, сохранившаяся лучше остальных, представляет собой пару воинов (*цветная вклейка, фото 4*). Стоящий справа воин (сохранилась нижняя часть фигуры до половины своей высоты) изображен в профиль, обращенный влево. Он одет в короткую желтую тунику и держит в левой руке меч, направленный на воина, лежащего у его ног. К сожалению, абрис оружия практически не сохранился, поэтому нельзя однозначно говорить о его конкретном типе. Однако он производит впечатление короткого и прямого. Предположительно, это гладиус (*gladius)* — оружие римских легионеров и некоторых классов гладиаторов. Щита у стоящего воина, если он

и был, в настоящее время не видно. Складывается впечатление, что гладиатор держал меч двумя руками. Такая поза объяснила бы, почему в условиях плохой сохранности росписи воин выглядит так, как будто держит меч в левой руке. К сожалению, абрис правой руки сохранился лишь как фрагментированный след. Второй воин изображен лежащим на линии позема, лицо его обращено к зрителю. Верхняя часть туловища опирается на правую руку, согнутую в локте, левой рукой он держит большой прямоугольный щит-*скутум* (scutum), которым прикрывается от противника. В настоящее время его одеяние не сохранилось, однако множественные черные линии на уровне бедер позволяют предположить, что на нем была набедренная повязка. На голове воина — шлем, силуэт которого почти не виден, однако высокий гребень и широкие поля, особенно по совокупности с мечом-*скутумом*, говорят в пользу гладиаторского класса мурмиллонов [Nossov, 2009, p. 96–97]. Левее была расположена еще одна фигура, от которой сохранилась лишь одна ступня, развернутая в сторону лежащего мужчины.

Слева от вышеописанной группы размещена вторая пара воинов со скрещенными мечами (прямыми и длинными). Фигура справа изображена в профиль, поза левой фигуры более сложная, чуть скрученная вокруг центральной оси. Такая поза часто встречается в греческих и римских сценах битв [Guzzo, 2013, p. 69]. Туловище воина развернуто фронтально, левая нога слегка согнута в колене, правая отставлена назад. Складывается впечатление, что он держит меч в левой руке, а щит — в правой. Видимо, он был изображен в желтой набедренной повязке. К сожалению, в настоящее время о позе и одежде воина справа ничего нельзя сказать с уверенностью. Левее сохранились едва заметные следы еще одной фигуры. В самой западной части стены заметны очертания последней пары воинов, хотя их силуэты практически не читаются. Видимо, фигура правого воина была трактована в профиль, левого — в трехчетвертном развороте, характерном для изображений воинов. Оба были одеты в желтые одежды и, вероятно, держали в руках удлиненные красноватые объекты (скутумы?). Судя по тому, что фигуры расположены очень близко друг к другу, они были либо вовлечены в рукопашную схватку, либо сражались на коротких мечах типа гладиуса.

Бросается в глаза разница в сравнительных размерах четырех пар фигур. Самая высокая группа размещена в центре (воины со скрещенными мечами). Пара в восточной части стены уже меньше, но все еще сопоставима с размерами центральной. Коленопреклоненный воин значительно меньше обеих групп на востоке от него. Фигуры западной группы меньше всех остальных. Причины такой разницы в размерах неочевидны: у художника не было проблем с ограниченным изобразительным пространством. К западу от миниатюрных фигур остается достаточно свободной поверхности.

Самая восточная фигура расположена возле изображения крупного красноватого прямоугольного объекта, напоминающего колонну. Он занимает восточный угол стены на всю ее сохранившуюся высоту. Объект ритмично разбит на несколько прямоугольников черными двойными линиями, расположенными параллельно линии пола. Однозначная трактовка объекта вряд ли возможна, однако сравнительные размеры фигур и прямоугольника позволяют, как минимум, предположить возможность его интерпретации как архитектурного сооружения. Двойные параллельные линии

формируют регулярные ряды, напоминающие *cavea* (горизонтальные секции зрительских сидений в римских амфитеатрах).

Фигуры размещены на очень высоком слое желтоватого позема, фактически формирующего цокольный регистр. Верхняя граница позема отчерчена красноватой волнистой линией. Нижняя горизонтальная граница позема расположена чуть выше тонкой линии белого грунта. Видимо, это граница отмечает уровень пола в комнате.

Иконография сцены

Батальные сцены были исключительно популярны в древнегреческом и римском искусстве. Можно выделить четыре основных типа таких сцен — мифологические, абстрактно-символические, исторические битвы и гладиаторские бои. Два первых типа были важнейшей частью репертуара греческого искусства. Позднее они успешно вошли в римский репертуар. Римский интерес к собственной военной истории и славе породил богатую традицию исторического батального искусства. Этрусские гладиаторские бои, которые были частью погребальных ритуалов, также вошли в число древнеримских обычаев. Несмотря на то, что гладиаторские бои воспринимались как элемент культа императора и римской армии [Hope, Whitehouse, 2003, p. 304–305], их ранние (поздняя республика – ранняя империя) изображения в римском искусстве изначально появились в погребальном контексте [Iorio, 2001, p. 62; Nossov, 2009, p. 12–13]. Гробницы с изображениями гладиаторов чаще принадлежали не гладиаторам, а владельцам гладиаторских школ, то есть римской элите [Coulton, 2009, p. 196][1].

Плохая сохранность росписей Абу Эртейлы препятствует их однозначной интерпретации. В то же время, хорошо сохранившееся изображение лежащего воина, прикрывающегося щитом-*скутумом*, свидетельствует о римском происхождении иконографии сцены. Полуцилиндрические щиты впервые появились в Италии и традиционно ассоциируются с римскими легионерами [Sarantis, 2013, p. 163], поскольку они входили в их экипировку с середины I по середину III в. н. э. [Nabbefeld, 2008, p. 45]. Датировка археологического материала укладывается в этот временной диапазон.

Римский подход к иконографии батальных сцен отличался большой аккуратностью и исторической точностью. Скутумы никогда не изображались в греческих мифологических сюжетах и исторических баталиях, в которых римляне не участвовали. Два стукковых рельефа из региона Помпей, датируемых примерно одной эпохой — из Дома ларария (Помпеи) [Guzzo, 2013, p. 69] и из дома Фестия Амплиата (Геркуланум) [Cooley, 2014, p. 77, pl. 4.3; Kockel, 1983, tafel 20] — ярко иллюстрируют римский подход к иконографическим деталям батальных сцен. Оба рельефа датируются серединой I в. н. э. [Guzzo, 2013, p. 68 (ларарий); Cooley, 2014, p. 77 (гробница Амплиата)]. Помпейский рельеф состоит из сцен, посвященных Троянской войне. В том, что касается трактовки фигур воинов и их экипировки, его иконография носит выраженный эллинизирующий характер. Они защищаются круглыми щитами греческого типа. Фриз из гробницы Амплиата, практически полностью разрушенный морозами в 1815 г. [Kockel, 1983, p. 79], включал в себя изображения нескольких групп гладиаторов, принадлежащих к разным классам. Хотя в настоящее время для

1 См. Relief with Gladiators // *Yale University Art Galleries*. URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/79336 (дата обращения 11.09.2019).

исследования доступны лишь рисунки XIX в., по ним вполне можно судить о типичной гладиаторской экипировке. Складывается впечатление, что скульптор очень добросовестно подошел к трактовке одежды и экипировки гладиаторов, характерной для каждого класса. Среди других видов щитов, представленных на рельефе, скутумы выделяются своей многочисленностью.

Такой же подход характеризует и республиканский период. Скутумы отсутствуют на знаменитой помпейской напольной мозаике, посвященной битве Александра Македонского и персидского царя Дария (ок. 100 г. до н. э.) [Guzzo, 2010, p. 59]. В то же время, на живописном фризе из гробницы Статилиев (некрополь Эсквилинского холма, в настоящее время в Национальном музее Рима, ок. 55–35 гг. до н. э. [Holliday, 2005, p. 90, 95, fig. 4–7], посвященном мифологической истории римлян, можно видеть изображения римских воинов с прямоугольными щитами. Более поздние памятники демонстрируют то же осторожное обращение с иконографическими деталями батальных сцен. На исторических рельефах колонны Траяна (113 г. до н. э.)[2] римские легионеры изображены в полном обмундировании, включая скутумы. Иконографическая программа обширного корпуса римских саркофагов II в. н. э. включает батальные сцены, выполненные с тем же скрупулезным отношением к иконографическим деталям. Скутумы не встречаются в эпизодах греческих мифологических войн[3], но появляются в «биографических» батальных сценах с участием римских воинов[4]. Подобный подход был характерен не только для Аппенинского полуострова, но и для римских провинций. Батальные сцены на рельефах малоазийского саркофага из Хьюстонского музея искусств (битва греков и амазонок (ок. 140–170 гг. до н. э.))[5], еще одного малоазийского саркофага (из Докимейона) из музея RISD (II в. н. э., Троянская война)[6], сидонского саркофага из Британского музея (200–250 гг. н. э., битвы греков с амазонками и кентавров с лапифами)[7] выполнены в эллинизирующей иконографической традиции, особенно в том, что касается репрезентации воинов и их экипировки. Рельефы саркофага из Музея искусств Далласа (ок. 190 г. н. э.) посвящены битве римской армии с германскими

² Reliefs Scene by Scene on Trajan's Column in Rome // *Trajans-column.org.* URL: http://www.trajans-column.org/?page_id=107#PhotoSwipe1564344182767 (дата обращения 11.09.2019).

³ Например, саркофаг со сценой разрушения Трои, ок. 170 г. н. э., Мантуя, Палаццо Дукале [Zanker, 2012, p. 107, fig. 93]; саркофаг с изображением Париса и Пентесилеи, ок. 240 г. н. э., Ватиканский музей [Zanker, 2012, p. 47, fig. 36].

⁴ Например, рельеф из Палаццо Канчеллерия, посвященный выступлению армии во главе с императором из Рима, ок. 81–96 гг. н. э. [Kleiner, 1992, fig. 159]; саркофаг Портоначчо, ок. 180–200 г. н. э., Национальный музей Рима, Палаццо Массимо, инв. № 112327 [La Regina, 2005, p. 162–163]; саркофаг Людовизи, ок. 260 г. н.э., Национальный музей Рима, Палаццо Альтемпс [Zanker, 2012, 239, fig. 207].

⁵ Саркофаг из Малой Азии. Sarcophagus Depicting a Battle between Soldiers and Amazons (Warrior Women) // *The Museum of Fine Arts. Houston.* Номер доступа 2006.35.A, B. URL: https://www.mfah.org/art/detail/74957?returnUrl=%2Fart%2Fsearch%3Fclassification%3DMummies%252C%2BTomb%2B%2526%2BFunerary%2BArt (дата обращения 07.12.2019).

⁶ Саркофаг из Малой Азии. Roman Sarcophagus, 2nd century CE // *RISD Museum.* Инв. № 21.074. URL: https://risdmuseum.org/art-design/collection/sarcophagus-coffin-21074?return=%2Fart-design%2Fcollection%3Fsearch_api_fulltext%3Droman%2Bsarcophagus#content__section--description—942771 (дата обращения 07.12.2019).

⁷ Саркофаг из Сидона. Sarcophagus // *British Museum.* Инв. № 1846,0831.1. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3102284&partId=1&searchText=Sarcophagus+Amazonomachy&page=1 (дата обращения 07.12.2019).

племенами в районе Дуная[8]. Несмотря на то, что скульптор, по всей видимости, использовал в качестве модели пергамский памятник III в. до н. э. [Bromberg, 2001], короткие римские мечи-*гладиусы* и щиты-*скутумы* вполне узнаваемы.

Чаще всего в римском искусстве щиты-*скутумы* встречаются в сценах гладиаторских боев. Самые ранние рельефы и фрески, посвященные этому сюжету, найдены на Апеннинском полуострове, в первую очередь в погребальном контексте. На одном из фрагментов рельефов из так называемой гробницы *Lukus Feroniae* (I в. до н. э., Фьяно Романо) [Coleman, 2019, p. 23, fig. 6 (b)][9] сохранилось изображение двух пар гладиаторов, представляющих разные классы. Пару справа сопровождает рефери. Оба бойца экипированы эллипсовидными щитами. Поза лежащего гладиатора, прикрывающегося щитом, напоминает позу воина из росписи Абу Эртейлы. Поза гладиатора со второго сохранившегося рельефа той же гробницы также сходна с позой одного из воинов на росписи из Абу Эртейлы [Coleman, 2019, p. 23, fig. 6 (a)][10]. Однако пространственные взаимоотношения между фигурами в каждой паре на рельефах и росписи заметно отличаются. Гладиаторы из левой части рельефа экипированы двумя различными видами щитов — скутумом и круглым щитом. Поза левого гладиатора очень типична для греческого и римского искусства: торс изображен почти фронтально, одна нога отставлена в сторону, другая слегка согнута в колене, рука с мечом простирается над оставленной ногой, щит в другой руке слегка заведен за торс. Его соперник изображен в профиль, коленопреклоненным, как один из воинов на росписи Абу Эртейлы. Вновь можно констатировать определенное сходство поз стоящего гладиатора и воина из второй пары на росписи Абу Эртейлы. Различные варианты описанных поз множились в сценах, посвященных гладиаторским сражениям, и дополнялись другими устойчивыми пространственными решениями. В то же время, иконография гладиаторских боев не приобрела «канонического» характера, скульпторы и художники обладали полной творческой свободой. Единственной относительно жесткой чертой фризовых композиций было объединение групп фигур в пары или трио (включая рефери). Такая пространственная организация следовала естественной логике гладиаторских боев. Деление на пары и трио подчеркивалось дополнительным пространством между ними и было характерно для ранних фризовых изображений [Berns, 2015, p. 149].

Популярность сцен гладиаторских состязаний росла в течение I в. до н. э. — I в. н. э. Тема сохраняла актуальность до конца III в. н. э. (*mutatis mutandis*). В то время как ранние изображения фокусировались на состязаниях между людьми, начиная со II в. н. э. интерес частично сместился в сторону *venationes* (охоты на арене). Напольная мозаика из амфитеатра в Злитене (Ливия), датируемая первой половиной II в. н. э. [Dunbabin, 1999, p. 121], а также погребальный памятник из Кибиры (Турция, вторая половина II в. н. э. [Berns, 2015, p. 150], являются красноречивыми примерами такого развития гладиаторской тематики. На обоих памятниках часть изобразительного пространства выделена под изображения гладиаторских боев, а другая часть — под *venationes*.

[8] Саркофаг. Battle sarcophagus // *DMA (Dallas Museum of Art)*. Инв. № 1999.107. URL: https://collections.dma.org/artwork/5320527 (дата обращения 21.08.2019).
[9] Национальный музей этрусков, Вилла Джулия, Рим, инв. № 261855.
[10] Национальный музей этрусков, Вилла Джулия, Рим, инв. № 261838.

Как уже упоминалось, сцены гладиаторских сражений чаще всего встречались в погребальном контексте: либо в виде рельефов погребальных стел, либо как росписи/рельефы на стенах гробниц. Их можно видеть также в иконографических программах общественных зданий, а также на торжественных памятниках, устанавливавшихся в античных городах [Coulton, 2009, p. 197]. Даже частные дома иногда украшались гладиаторскими сценами. Наиболее известный такой пример — фреска из дома Актия Аницета из Помпеи, датируемая второй половиной I в. до н. э. [Guzzo, 2010, p. 113][11]. Иногда гладиаторские фризы украшали базы памятников, как, например, фриз из греческой Патры, датируемый поздним I — ранним II в. н. э. [Papastolou, 1989, p. 388, fig. 32]. Среди ранних изображений гладиаторских битв преобладают рельефы и фрески, причем рельефы встречаются чаще, чем живопись. Один из нечастых известных примеров росписи — фреска из гробницы Приска из Помпеи (начало 70-х гг. I в. н. э. [Clarke, 2003, p. 189], выполненная в форме панно, на котором изображена пара гладиаторов. Начиная с I в. н. э. появляется все больше объектов малой пластики и декоративно-прикладного искусства, посвященных теме гладиаторов и гладиаторских сражений. Они изготовлены из самых разных материалов, в том числе бронзы, стекла, терракоты, слоновой кости и полудрагоценных камней [Coulton, 2009, p. 197]. Со II в. н. э. тема часто получала выражение в иконографических программах напольных мозаик.

С точки зрения географии, большинство погребальных и общественных сооружений с изображениями гладиаторов было обнаружено на Апеннинском полуострове, в Малой Азии и Греции [Coulton, 2009, p. 196–197]. В Сирии, Ливане и Египте как эпиграфические упоминания, так и изображения гладиаторов встречаются очень редко [Robert, 1940, p. 239–266]. Л. Роберт подчеркивает особую необычность этого факта для Египта на фоне огромного корпуса папирусов [Robert, 1940, p. 120]. Хотя со времени публикации его исследования были обнаружены новые артефакты, связанные с темой гладиаторов, они все еще являются большой редкостью, тем более что гладиаторские игры скорее всего проводились в Александрии [Hope, Whitehouse, 2003, p. 305–306]. Мозаичные изображения состязаний гладиаторов набирали популярность, начиная со II в. н. э., однако за пределами Апеннинского полуострова они были распространены, в основном, в западных провинциях империи (современные Германия, Франция, Испания и Великобритания), а также — до определенной степени — в Греции, включая острова, и Малой Азии. Такие мозаики исключительно редко встречаются в Северной Африке [Dunbabin, 1999, p. 120] и полностью отсутствуют в Сирии и Ливане. Сцены *venationes* и состязаний атлетов были в этих регионах значительно популярнее.

Что касается малой пластики и предметов декоративно-прикладного искусства, то, благодаря своим размерам, они получили намного более широкое распространение. Один из сосудов, входящих в корпус так называемого беграмского стекла — расписной кубок с изображениями гладиаторов, — был обнаружен в Афганистане. Большинство исследователей склоняется к египетскому происхождению расписного беграмского стекла [Kurz, 1954, p. 108; Coarelli, 1963, p. 65; Harden, 1969, p. 59; Price, 1983, p. 215; Whitehouse, 1989a, p. 97; 1989b, p. 153; Menninger, 1996, p. 71; Nenna, 1998, p. 155; Mairs,

[11] В настоящее время в Археологическом музее Неаполя, инв. № 112222.

2012, p. 61–74]. Его химический состав соответствует александрийской атрибуции [Brill, 1972, p. 78]. Стекло данного типа обычно датируется I–II вв. н. э. [Kurz, 1954, p. 104; Whitehouse, 1989a, p. 153; 1989b, p. 97]. Отдельные исследователи, тем не менее, предлагают более позднюю датировку [Menninger, 1996, p. 63], а именно поздний II — ранний III в. н. э.

Еще один великолепный сосуд был найден в 2002 г. в Исмант эль-Харабе (оазис Дахла). Он украшен тонкой росписью, посвященной гладиаторскому бою, и, возможно, был изготовлен в Александрии [Hope, Whitehouse, 2003, p. 306]. Сосуд датируется поздним III — ранним IV в. н. э. [Hope, Whitehouse, 2003, p. 292].

Фрагмент кубка сходного типа с изображением гладиаторского боя из музея Метрополитен датируется серединой II в. н. э. и, вероятно, имеет египетское происхождение [Picón et al, 2007. 378, fig. 442] [12] (*цветная вклейка, фото 5*). В Судане расписное стекло было найдено в Мерое и Седеинге (без гладиаторских сцен) [Hope, Whitehouse 2003, p. 303; Brill, 1991, p. 11–19]. Росписи на стеклянных сосудах такого типа отличаются высоким качеством и иконографической детализацией. Особенно внимательно художники относились к изображению одежды и экипировки гладиаторов.

Другой тип стеклянных изделий с гладиаторскими сценами — выдутые в формах сосуды — также представлен в коллекции музея Метрополитен и датируется примерно 50–80 гг. н. э. [Picón et al, 2007, p. 379, fig. 443][13] (*цветная вклейка, фото 6*). С точки зрения постановки фигур и композиции сцена гладиаторского сражения следует традициям римского искусства, хотя, в силу особенностей техники, в ней отсутствует привычная детализация.

Терракотовые лампы (*цветная вклейка, фото 7–8*), сосуды и другие керамические изделия также часто украшались изображениями гладиаторов и гладиаторских боев. Ранние известные экземпляры датируются рубежом тысячелетий [14], как, например, фрагмент фаянсовой вазы из коллекции музея Метрополитен, вероятно, египетского происхождения[15], а также многие другие терракотовые изделия с фигурами гладиаторов [Hope, Whitehouse, 2003, p. 306].

Как правило, изображения гладиаторов, вне зависимости от материала памятников, тяготели к максимально возможной иконографической детализации. К. Бернс подчеркивает, что даже простейшие граффити отражают в нюансах характеристики вооружения представленного гладиаторского класса [Berns, 2015, p. 153]. Такое же внимание к одежде, вооружению и защитным приспособлениям демонстрируют предметы малой пластики, расписное стекло, живопись, мозаики и прочие артефакты.

[12] Номер доступа 22.2.36, 37.

[13] Номер доступа 81.10.245.

[14] Например, терракотовые лампы: Roman Terracotta oil lamp 1st half of 1st century A.D. // *Metropolitan Museum*. Номер доступа 74.51.1938. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/241492 (дата обращения 07.12.2019); Lamp 1881,0824.91 // *British Museum*. URL: https://research.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=400177&partId=1&searchText=1881,0824.91&page=1 (дата обращения 07.12.2019).

[15] Фрагмент фаянсовой вазы: Faience vase fragment. Egyptian, Roman. Late 1st century B.C. –1st century A.D. // *Metropolitan Museum*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/250212 (дата обращения 07.12.2019).

Пространственные взаимоотношения между соперниками также являются важной характеристикой репрезентаций гладиаторских боев. К. Бернс полагает, что западный иконографический тип предусматривает продуманную дистанцию между фигурами гладиаторов и избегание визуализации контактного боя [Berns, 2015, p. 153]. Восточный тип, напротив, сосредоточен на переломных моментах битвы, чем напоминает сцены традиционных греческих боевых искусств [Berns, 2015, p. 149], далекие от римских коннотаций. Изображения западного типа подчеркивают момент ожидания победителем решения зрителей в отношении проигравшего, а также момент признания им своего поражения [Berns, 2015, p. 154]. Такие акценты отражают культурный символизм гладиаторских боев в «классическом», римском восприятии. Низкий социальный статус гладиаторов в Италии обусловливался тем, что большинство из них набирали из числа военнопленных, рабов, осужденных преступников и добровольцев из самой презираемой социальной прослойки [Nossov, 2009, p. 145]. Наиболее успешные гладиаторы, способные продемонстрировать качества, которые сами римляне считали типичными римскими добродетелями, получали признание и популярность [Berns, 2015, p. 154; Coulston, 2009, p. 197]. Попытки римской аристократии стать участниками гладиаторских боев встречали резкое сопротивление общества [Berns, 2015, p. 154]. Гладиаторские бои оставались на Апеннинском полуострове символом римской власти и порядка. Эта власть красноречиво проявляла себя в момент ожидания победителем решения судьбы побежденного. В то же время на эллинистическом Востоке сформировался совершенно иной символизм, связанный с гладиаторскими играми. В восточной части империи среди гладиаторов преобладали свободные добровольцы. Восприятие игр сдвинулось в сторону прославления физической силы и культа героев. Иконографические акценты на Востоке сместились в сторону жесткого физического контакта между сражающимися. Таким образом, разница между восточным и западным иконографическим типом обусловлена их различными коннотациями. Расхождение было неполным, однако вполне очевидным [Berns, 2015, p. 155].

В контексте описанных выше наблюдений ряд особенностей живописи из храма Абу Эртейлы приводит к определенным предположениям.

Изображение удлиненного прямоугольного щита-*скутума* фактически позволяет исключить мифологическую интерпретацию сцены. Скорее всего, она представляет собой изображение гладиаторского боя. Композиция выполнена в форме фриза, наподобие погребальных рельефов и некоторых мозаичных фризовых декоров (например, мозаики из виллы Злитен), датируемых, в основном, I в. до н. э. — первой половиной II в. н. э. В то же время решение сцены из Абу Эртейлы довольно необычно. Как правило, фигуры гладиаторов на фризовых композициях размещаются на нижней границе прямоугольника фриза. Еще один популярный вариант — воображаемая линия позема, формируемая ступнями самих воинов, расположенными на одной высоте от границы изобразительного пространства. В Абу Эртейле нижняя часть композиции занята толстым слоем позема, который, оставаясь частью гладиаторской сцены, выполняет также функцию нижнего регистра. Часто нижние регистры живописных программ представляли собой имитацию облицовки из ценных пород камня. Такой подход можно видеть в других частях здания мероитского храма в Абу Эртейле. Однако автор гладиаторского фриза, по-видимому, был не слишком хорошо знаком с

традиционными решениями монументальной живописи. С этим, возможно, связаны и бросающиеся в глаза различия в сравнительных размерах фигур. В то же время, художник, без сомнения, хорошо ориентировался в нюансах греко-римской традиции изображения батальных сцен, «канонических» позах воинов и взаимоотношениях между фигурами. Размеренный пространственный ритм фигур, не вовлеченных в тесный физический контакт, демонстрирует тяготение к римскому иконографическому типу, преобладавшему в конце I в. до н. э. — начале II в. н. э. Этот период вписывается в диапазон датирования археологического контекста. В то же время, композиция отражает как моменты победы (римский символизм), так и разгар гладиаторских боев (символизм эллинизированного Востока).

Бросается в глаза небрежность в изображении деталей вооружения, средств защиты и одеяний гладиаторов. Это необычно в контексте обоих иконографических типов, но особенно не характерно для римского. Либо конкретные детали были неважны для заказчиков росписи, либо художник был плохо знаком с иконографией гладиаторов. В Абу Эртейле вполне могли реализоваться оба условия. Несмотря на определенные исторические факты, подтверждающие проведение гладиаторских игр в Александрии Египетской, нет никаких свидетельств, что традиция проникла на более южные территории — в царство Мероэ. Абу Эртейла расположена вдалеке от всех мест, где проводились гладиаторские бои. Мозаика виллы Злитен остается ближайшим монументальным памятником, посвященным теме гладиаторских игр. Однако предметы декоративно-прикладного искусства, в силу их мобильности, могли достичь Абу Эртейлы и послужить моделями для росписи. Это предположение проливает свет на отсутствие важных иконографических деталей в изображении вооружения и средств защиты. Так, выдутый в форму сосуд из музея Метрополитен является хорошим примером такой гипотетической модели (*цветная вклейка, фото 6*). Сцены боев ритмично распределены вокруг чаши, формируя фризообразную композицию, которую, однако, было бы сложно перенести на плоскую стену. Позы и пространственные взаимоотношения фигур на чаше вполне традиционны, но детали практически отсутствуют.

Проблема в том, что в Абу Эртейле не обнаружен археологический материал, однозначно подтверждающий данную гипотезу, хотя оплавленные стеклянные элементы все же были найдены. Их состояние, к сожалению, не позволяет сделать никаких выводов относительно наличия у художника модели для копирования. Если такой модели не было, то художник должен был быть очень хорошо знаком с магистральным римским искусством, даже при отсутствии у него опыта росписи монументальных памятников. Если же модель существовала, можно предполагать его знакомство с определенными визуальными аспектами римской материальной культуры. Поза лежащего гладиатора, прикрывающегося скутумом, удивляет своей «классицистичностью». Даже такая мелкая деталь, как завиток в верхней части щита, наводит на определенные предположения. Скутумы действительно имели в горизонтальном разрезе изогнутую форму, но рокайльный завиток производит впечатление чисто декоративного. Таких элементов нет на известных изображениях скутумов, однако на настоящем скутуме из Дура Эвропос сохранились декоративные

завитки[16]. Возможно, это был популярный декоративный орнамент римских щитов-скутумов. Таким образом, роспись в Абу Эртейле может представлять собой компиляцию визуального опыта художника.

Не имея качественной модели, было бы намного сложнее воспроизвести элементы вооружения и средств защиты. Возможно, в этом причина отсутствия деталей на росписи Абу Эртейлы. Весьма вероятно также, что заказчики росписи и не нуждались в традиционной греко-римской детализации. Римский политический символизм вряд ли играл значительную роль на южной границе *Pax Romana*. Роспись в большей степени передает коннотации аристократических состязаний, популярных на эллинизированном Востоке. Ритмическая римская композиции вступает в определенное противоречие с эллинизирующими элементами, такими, как акцент на жестоких боях, а также с пренебрежением деталями в изображении вооружения. По-видимому, роспись из Абу Эртейлы следует иконографической традиции, которая изначально базировалась на римском искусстве, однако впоследствии трансформировалась в соответствии со вкусами провинциальной культурной среды. На иконографию росписи, вероятно, оказало влияние искусство римского Египта и, в частности, Александрии римской эпохи.

Литература / References

Berns C., Ekinci H. A. Gladiatorial Games in the Greek East: A Complex of Reliefs from Cibyra // *Anatolian Studies*. 2015. 65. Pp. 143–179.

Brill R. H. A Laboratory Study of a Fragment of Painted Glass from Begram // *Afghanistan*. 1972. 25.2. Pp. 75–81.

Brill R. H. Scientific Investigations of Some Glass from Sedeinga // *The Journal of Glass Studies*. 1991. 33. Pp. 11–28.

Clarke J. R. *Art in the Lives of Ordinary Romans. Visual Representations and Non-Elite Viewers in Italy, 100 B.C. – A.D. 315*. London, 2003.

Coarelli F. Su alcuni vetri dipinti scoperti nella Germania indipendente e sul commercio alessandrino in occidente nei primi due secoli dell'impero // *Archeologia Classica*. 1963. 15. Pp. 61–83.

Coleman K. M. Defeat in the Arena // *Greece & Rome. The Classical Association*. 2019. 66.1. Pp. 1–36.

Cooley A. E., Cooley M. G. L. *Pompeii and Herculaneum. A Sourcebook*. Second Edition. London, 2014.

Coulston J. C. N. Victory and Defeat in the Roman Arena: The Evidence of Gladiatorial Iconography // T. Wilmott (ed.). *Roman Amphitheatres and Spectacula: A 21st Century Perspective*. Oxford, 2009. Pp. 195–210.

Dunbabin K. M. D. *Mosaics of the Greek and Roman World*. Cambridge, 1999.

Guzzo P. G., Sampaolo V. (eds.) *The National Archaeological Museum of Naples. Guide*. Napoli, 2010.

Guzzo P. G. *Pompei, Ercolano, Stabiae, Oplontis. Le città sepolte dal Vesuvio*. Napoli, 2013.

Harden D. B. Ancient Glass, II: Roman // *Archaeological Journal*. 1969. 126. Pp. 44–77.

Holliday P. J. The Rhetoric of "Romanitas: The Tomb of the Statilii" Frescoes Reconsidered // *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 50. Michigan, 2005. Pp. 89–129.

[16] Скутум, номер доступа 1933.715, Галерея искусств Йельского университета. Scutum, 1933.715 // *Yale University Art Gallery*. URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/5959 (дата обращения 23.08.2019).

Hope C. A., Whitehouse H. V. The Gladiator Jug from Ismant el-Kharab // Bowen G. E., Hope C. A. (eds.) *The Oasis Papers 3, Proceedings of the 3rd International Conference of the Dakhleh Oasis Project. Dakhleh Oasis Project Monograph 14*. Oxford, 2003. Pp. 291–310.

Iorio V. La decorazione pittorica in contesti funerary: l'esempio di Pompei // A. Barbet (ed.). *La peinture funéraire antique IVe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C. Actes du VIIe colloque de l'Association internationale pour la peinture murale antique (AIPMA). 6–10 octobre 1998*. Paris, 2001.

La Regina A. (ed.). *Museo Nazionale Romano. Palazzo Massimo alle Terme*. Firenze, 2005.

Kleiner D. E. E. *Roman sculpture*. New Haven, London, 1992.

Kockel V. *Die Grabbauten vor dem Herkulaner Tor in Pompeji*. Göttingen, 1983.

Kurz O. Begram et l'occident gréco-romain, in Nouvelles recherches archéologiques à Begram // Hackin J. (ed.). *Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*. Paris, 1954. 11. Pp. 93–146.

Mairs R. Glassware from Roman Egypt at Begram (Afghanistan) and the Red Sea trade // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2012. 18. Pp. 61–74.

Mehendale S. Begram: Along Ancient Central Asian and Indian Trade Routes // *Cahiers d'Asie centrale*. 1996. 1. Pp. 47–64.

Menninger M. *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram (Afghanistan)* in *Würzburger Forschungen zur Altertumskunde* 1. Würzburg, 1996.

Nabbefeld A. *Römische Schilde. Studien zu Funden und bildlichen Überlieferungen vom Ende der Republik bis in die späte Kaiserzeit*. Rahden, 2008.

Nenna M-D. Le rôle d'Alexandrie et de l'Égypte dans les arts verriers à l'époque hellénistique // G. Grimm and J.-Y. Empereur (eds) *La Gloire d'Alexandrie. Exhibition catalogue*. Paris, 1998. Pp. 152–154.

Nossov K. *Gladiator. Rome's Bloody Spectacle*. Oxford, 2009.

Papastolou I. A. Monuments de gladiateurs à Patras // *Bulletin de correspondance Hellénique*. 1989. 113.1. Pp. 352–401.

Price J. Glass // Henig M. (ed.). *A Handbook of Roman Art*. Oxford, 1983. Pp. 205–19.

Robert L. *Les gladiateurs dans l'Orient grec*. Amsterdam, 1940.

Sarantis A. Military Equipment and Weaponry: A Bibliographic Essay // Sarantis A., Christie N. (eds.) *War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives*. Leiden, Boston, 2013. Pp. 153–175.

Whitehouse D. Begram, the Periplus and Gandharan Art // *Journal of Roman Archaeology*. 1989(a). 2. Pp. 93–99.

Whitehouse D. Begram Reconsidered // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1989(b). 22. Pp. 151–157.

Whitehouse D. Begram: The Glass // *Topoi*. 2001. 11.1. Pp. 437–449.

Zanker P., Ewald B. C. *Living with Myths. The Imagery of Roman Sarcophagi*. Oxford, 2012.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Battle sarcophagus // *DMA (Dallas Museum of Art)*. Инв. № 1999.107. URL: https://collections.dma.org/artwork/5320527 (дата обращения 21.08.2019).

Faience vase fragment. Egyptian, Roman. Late 1st century B.C. –1st century A.D. // *Metropolitan Museum*. URL: https://www.metmuseum.org/art/ collection/search/250212 (дата обращения 21.08.2019).

Lamp 1881,0824.91 // *British Museum*. URL: https://research.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=400177&partId=1&searchText=1881,0824.91&page=1 (дата обращения 07.12.2019).

Relief with Gladiators // *Yale University Art Galleries*. URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/79336 (дата обращения 11.09.2019).

Reliefs Scene by Scene on Trajan's Column in Rome // *Trajans-column.org*. URL: http://www.trajans-column.org/?page_id=107#PhotoSwipe1564344182767 (дата обращения 11.09.2019).

Roman Sarcophagus, 2nd century CE // *RISD Museum*. Инв. № 21.074. URL: https://risdmuseum.org/art-design/collection/sarcophagus-coffin-21074?return=%2Fart-design%2Fcollection%3Fsearch_api_fulltext%3Droman%2B sarcophagus#content__section--description--942771 (дата обращения 07.12.2019).

Roman Terracotta oil lamp 1st half of 1st century A.D. // *Metropolitan Museum*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/241492 (дата обращения 20.08.2019).

Sarcophagus // *British Museum*. Инв. № 1846,0831.1. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3102284&partId=1&searchText=Sarcophagus+Amazonomachy&page=1 (дата обращения 07.12.2019).

Sarcophagus Depicting a Battle between Soldiers and Amazons (Warrior Women) // *The Museum of Fine Arts. Houston*. URL: https://www.mfah.org/art/detail/74957?returnUrl=%2Fart%2Fsearch%3Fclassification%3DMummies%252C%2BTomb%2B%2526%2BFunerary%2BArt (дата обращения 07.12.2019).

Scutum, 1933.715 // *Yale University Art Gallery*. URL: https://artgallery.yale.edu/collections/objects/5959 (дата обращения 23.08.2019)

МОНГОЛЬСКИЕ РИТУАЛЫ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Ю. И. Дробышев*

В статье обсуждаются ритуалы, которые были вынуждены совершать русские князья при посещении ставок монгольских ханов: проход между огней, поклонение солнцу и луне, кусту, антропоморфным изображениям («идолам»). Вера в очистительную способность огня известна у кочевников еще с древнетюркской эпохи, ее унаследовали и монголы, заставлявшие чужеземцев проходить между двух костров и проносить меж них дары, прежде чем быть принятыми ханом. Почитание светил также зафиксировано у номадов, в том числе у средневековых монголов. Требование поклониться идолам, вероятно, подразумевало совершение поклонения фигуре Чингисхана, а не овеществленным духам предков монголов — так называемым онгонам, к которым иностранцев не подпускали. Особое внимание уделено наиболее сложному для понимания обряду — поклонению кусту. Привлечение сообщения Плано Карпини и этнографических сведений позволило автору предположить, что куст представлял собой реальный ботанический объект, находившийся близ ханской ставки и символизировавший «мировое древо». Смысл всех этих обязательных процедур заключался в символическом переводе «чужих» в категорию «своих», в результате чего покорившиеся (в данном случае — русские князья) встраивались в монгольскую правящую иерархию и приобретали право владеть своими землями. Совместная трапеза также служила достижению этой цели. Упорное и демонстративное нежелание выполнять указанные ритуалы означало отказ от подчинения и влекло за собой жестокую казнь. Русские летописцы и агиографы расценивали эти ритуалы как отступничество от христианства и, по-видимому, несколько их преувеличивали, добавляя от себя не существовавшие в реальности. Автор опирается на классическое исследование Н. И. Веселовского.

Ключевые слова: монгольские ритуалы, русские источники, поклонение кусту, перевод «чужих» в «свои», Н. И. Веселовский.

MONGOLIAN RITUALS IN RUSSIAN CHRONICLES

Yuliy I. Drobyshev

The article discusses rituals that Russian princes were forced to perform when visiting the headquarters of the Mongol Khans: Passage between the campfires, worship of sun and moon, a bush, and anthropomorphic images (“idols”). The belief in the purifying power of fire is known among nomads since the Old Turks’ era; it was inherited by the Mongols, who forced foreigners to pass between two campfires and carry gifts between them before being accepted by the Khan. Veneration of luminaries is also recorded among the nomads, including the medieval Mongols. The requirement to worship idols probably meant worshipping the figure of Genghis Khan, and not reincarnated spirits of the Mongol ancestors — so-called ongons, to which foreigners were not allowed to come. Special attention is paid to the most difficult ritual to understand — worship of a bush. The attraction of Piano Carpini’s report and ethnographic information gave the author an opportunity to assume that the bush

* Юлий Иванович ДРОБЫШЕВ, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru

was a real botanical object located near the Khan's headquarters and symbolized the "world tree". The meaning of all these mandatory procedures was the symbolic transformation of "strangers" into the category of "ours", as a result of which the conquered (in this case — the Russian princes) were included into a Mongol ruling hierarchy and acquired a right to own their lands. Eating together also served that purpose. Persistent, demonstrative unwillingness to perform these rituals meant refusal of submission and entailed a cruel execution. Russian chroniclers and hagiographers regarded these rituals as apostasy from Christianity and, apparently, exaggerated them somewhat, adding from themselves what did not exist in reality. The author relies on the classical research of Nikolai I. Veselovsky.

Keywords: Mongolian rituals, Russian sources, bush worship, transformation of "strangers" into "ours", Nikolai I. Veselovsky.

Столкнувшиеся с монгольским нашествием народы оставили сведения о диковинных обычаях и ритуалах номадов, в христианской культуре воспринятых как языческие суеверия и заблуждения, следовать которым было предосудительно. Увы, многим вольным или невольным гостям монгольских ханов пришлось пройти через поклонение «идолам» и другие не менее оскорбительные для христианского самосознания процедуры, смысл которых, как правило, оставался непонятным не только для них самих, но и для летописцев, и даже для поздних историков. Некоторые ритуалы, совершавшиеся в Орде, до сих пор не имеют общепринятого толкования. Ниже мы рассмотрим некоторые из них.

Первым попытался научно объяснить сообщения европейцев о бытовавших у монголов традициях бурятский лама Галсан Гомбоев (1822–1863) еще в середине XIX в. Он проанализировал отчет францисканца Плано Карпини, ходившего в 1245–1247 гг. к монголам по распоряжению Папы Римского Иннокентия IV, и извлек оттуда сведения о 21 обычае, для трактовки которого привлек современный ему этнографический материал по монголам и бурятам [О древних монгольских обычаях и суевериях, 1859, с. 236–256]. Теперь его работа представляет не более чем историографический интерес.

Описанию ритуалов «татар» в русском летописании пристальное внимание уделил более века назад археолог и историк Н. И. Веселовский (1848–1918) [Веселовский, 1916, с. 81–101]. Отчасти его выводы можно признать устаревшими и не отвечающими реальности, отчасти ими можно по-прежнему руководствоваться в работе по реконструкции религии и ритуалов кочевников, пришедших на Русь в XIII в. Веселовский черпал материалы из не отличающегося точностью Никоновского летописного свода, составленного сравнительно поздно — в середине XVI в., однако для истолкования встречающихся там реалий монгольского культа он широко привлекал данные как из средневековых западных и восточных источников, включая монгольские, так и современные ему этнографические сведения о тюркоязычных народах Российской империи. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу разбирать все верные или ошибочные положения исследователя, однако находим удобным следовать его изложению и упомянем лишь те положения, которые способствуют раскрытию нашей темы.

Практически все, что сохранилось в русских источниках о монгольских обычаях и ритуалах, проникло туда в составе повествований о поездках в орду русских князей. Развернутое описание связано с обстоятельствами казни там Михаила Черниговского в 1246 г., канонизированного русской церковью как мученика за веру. Православный князь и его боярин Феодор якобы предпочли умереть, нежели совершить языческие

действия. Впрочем, беспристрастный анализ этих роковых событий позволяет увидеть в них политическую подоплеку, тем более что монголы никого не заставляли отрекаться от веры и не навязывали свою, но сейчас это для нас непринципиально[1]. Ритуалы, вызвавшие резкое неприятие Михаила Черниговского, изображены в «Слове о новосвятых мучениках…» следующим образом: «И вот какой обычай был у хана и Батыя[2]: когда приедет кто-нибудь на поклон к ним, то не велели сразу приводить такого к себе, но приказано было волхвам, чтобы шел он сначала через огонь и поклонился кусту и идолам. А из всех даров, которые привозили с собой для царя, часть брали волхвы и бросали сначала в огонь, а уже потом к царю допускали и самих пришедших и дары. Многие же князья с боярами своими проходили через огонь и поклонялись солнцу, и кусту, и идолам ради славы мира этого, и просил каждый себе владений. И им невозбранно давались те владения, какие они хотели получить — пусть прельстятся славой мира сего» [Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского, 2001, с. 243]. Автор Галицко-Волынской летописи в рассказе о приезде к Бату князя Даниила Галицкого добавляет любопытную деталь — кусту не просто поклонялись, а ходили вокруг него: «Приходивших к ним царей, князей и вельмож водили вокруг куста для поклонения солнцу, луне, земле, дьяволу и умершим и находящимся в аду их отцам, дедам и матерям» [Памятники литературы… 1981, с. 313]. Разумеется, летописец мог допускать ошибки, не говоря уже о его понятной эмоциональности в вопросах, касающихся веры, но, по-видимому, в данном случае он точно передал центральноазиатский обычай ритуального обхода сакральных объектов, в том числе и шаманских деревьев (см. ниже). Обход осуществляется строго посолонь, обычно три раза, и в процессе движения человек может совершать дополнительные ритуальные действия — кропить молоком или водкой, возлагать свои подношения и так далее.

Один из ритуалов, обязательно предшествовавших приему монгольским ханом посольств или подарков, было проведение послов и пронесение их даров меж двух костров. Н. И. Веселовский верно определил назначение этого действа, но ошибся в его распространенности в кочевом мире: «Меры против колдовства выразились в проведении людей и животных и пронесении предметов между двух огней — установление монгольское, у других шаманских народов в этой форме неизвестное» [Веселовский, 1916, с. 82]. Между тем, этот обычай зафиксирован уже у древних тюрков. Согласно сообщению византийского историка VI в. Менандра Протектора, византийское посольство во главе с Зимархом ко двору западно-тюркского кагана

[1] Удивительно прозорливо звучат слова Н. И. Веселовского: «На основании всего изложенного можно заключить, что наши летописи погрешили, конечно, неумышленно, приписав Батыю намерение затронуть религиозные убеждения князя Михаила Черниговского. Причисленный к лику святых, Михаил Всеволодович совершил великий христианский подвиг, пожертвовав за свою веру жизнью, и его мученическая кончина укрепляла народ в православной вере; но с грустью приходится сознаться, что погиб он со своим боярином Федором по печальному недоразумению и потому напрасно» [Веселовский, 1916, с. 100–101].

[2] По прошествии некоторого времени после подчинения монголам русские летописцы достаточно хорошо разобрались в субординации монгольских властей и словом «хан» обозначали великого хана (хагана), сидящего в Каракоруме, а по отношению к правителям Улуса Джучи, включая и Бату (Батыя) употребляли титул «царь». Были и исключения: особенно могущественные, склонные к сепаратизму персоны, как, например, темники Ногай и Мамай, порой тоже удостаивались в летописях царского титула. Подробнее см.: [Селезнев, 2013, с. 53–61].

Истеми (ум. 576 г.) в 568 г. было вынуждено пройти через эту процедуру: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имеют способность отгонять несчастья, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали» [Византийские историки, 1860, с. 376]. Очевидно, что этот источник остался Н. И. Веселовскому неизвестен.

Летописи упоминают и такое действо, к которому монголы принуждали князей, способное поставить в тупик не только средневекового русского князя, но и современного исследователя. Среди обязательных ритуалов фигурирует поклонение кусту. В поисках ответа Н. И. Веселовский обращается к свидетельству Плано Карпини, которое и мы находим не лишним привести здесь: «Мы видели также, что Оккодай хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал; если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута» [Плано Карпини, 1997, с. 38][3]. Из этого сообщения следует, как минимум, то, что куст был вполне реальным ботаническим фактом, а не каким-то неведомым европейцу символом типа совокупности чего-либо. Попробуем разобраться, с какой целью на сакральный куст покушались люди и расплачивались за свое святотатство бичеванием и «злыми побоями», и откуда у самого Плано Карпини явилось вдруг неодолимое желание обзавестись каким-нибудь прутом для подстегивания своего коня именно тогда, когда он оказался близ этого таинственного куста. Иными словами, почему все эти люди не хотели или не могли раздобыть себе хворостину с какого-нибудь другого куста или дерева?

К сожалению, источники не донесли информации, ни как выглядел этот куст, ни что его окружало. Единственное, что мы можем говорить определенно, это то, что он рос не где-то вдалеке от жилья, не в потаенном ханском святилище, а в довольно оживленной местности и был легко доступен даже для чужеземцев. Поскольку же он

[3] Новый перевод этого фрагмента, выполненный С. В. Аксеновым, снимает одни вопросы, но ставит другие: «Видели мы также, что Оккодай-кан, отец нынешнего императора, позволил одному кусту расти во спасение души умершего. При этом он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто-то срежет там какую-нибудь веточку, то, как мы сами видели, он должен подвергнуться бичеванию, вразумлению и плохому обращению. И когда нам очень нужна была [ветка], чтобы погонять коней, мы не решились срезать там ни единой ветки» (цит. по: [Юрченко, 2007б, с. 172]). Здесь Угэдэй не сажает никаких кустов, а «позволяет» расти уже имевшемуся; вызывает недоумение эта хаганская милость остаться одному лишь кусту в живых, как будто все остальные вокруг были по его приказу вырублены. Можно только беспочвенно фантазировать на предмет того, что великий хан приказал расчистить место для своей ставки от росших там кустов, но один из них решил сохранить в ритуальных целях. Затем, не уточняется, «во спасение» чьей души продолжил этот куст свое существование. Плано Карпини как будто намекает на Чингис-хана. Однако о каком «спасении души» может вообще идти речь в случае средневековых монголов, пусть и знакомых с несторианской ересью, и как куст мог бы этому поспособствовать, даже если душе что-то угрожало?

был посажен Угэдэем «за упокой души», т. е., несомненно, имел важное ритуальное значение, можно предположить, что куст находился возле хаганской ставки. Данное предположение кажется нам тем более не лишенным смысла, что аналог этого куста имелся и в ставке Бату. Плано Карпини не говорит, где именно видел этот куст, но сообщает о нем в связи с похоронными обрядами монголов. Помимо столичного Каракорума, Угэдэй имел несколько сезонных ставок, и привязать местопребывание куста к какой-либо из них затруднительно.

Рассмотрим и другую версию. После раздела Чингисханом захваченных земель между сыновьями, Угэдэю досталась северо-восточная часть Семиречья, запад Монголии, Тарбагатай и верховья Иртыша. Там, в своем улусе, он и был похоронен. Английский востоковед Дж. Бойл предположил, что Плано Карпини мог лицезреть куст в районе могилы Угэдэя, которая, возможно, находится где-то на склонах горы Музтау — высочайшей (3816 м над уровнем моря) вершины хребта Саур на нынешней границе Казахстана и Китая. Дж. Бойл не сомневается, что этот куст был точной копией того леса, который вырос на горе Бурхан-Халдун в Монголии, где, скорее всего, покоятся останки Чингисхана [Boyle, 1977, p. 50].

Прежде чем пойти в наших поисках дальше, коснемся аналогии с кустом, не ускользнувшей от внимания и других специалистов, включая Н. И. Веселовского: у многих тюркоязычных и монголоязычных народов Центральной Азии существовал (и существует поныне) культ священных деревьев и рощ, нередко называемых шаманскими, ввиду того что там совершались шаманские обряды и погребались шаманы. Семантически в центральноазиатской культуре дерево и роща отстоят друг от друга гораздо дальше, чем биологически. Если роща могла приобрести сакральный статус благодаря некоему расположенному в ней или около нее пользующемуся почитанием природному объекту (скале, пещере, роднику и т. п.), либо указывать на «место силы», распознать которое мог, наверное, любой шаман, то дерево, чем-либо отличающееся от прочих (одиночно стоящее в степи, очень высокое, очень мощное, древнее, сильно ветвистое, двух- и более вершинное) имело шанс удостоиться статуса еще более высокого — стать «мировым древом», «осью мира» для локальной общины и даже более крупного объединения людей.

Можно полагать, что «Сокровенное сказание монголов» — поистине драгоценный памятник степной историографии XIII в., повествует именно о таком дереве, так как возле него монголы праздновали важные события, например, избрание нового хана: «Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаганом Хутулу. И пошло у Монголов веселие с пирами и плясками. Возведя Хутулу на хаганский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясались, что, как говорится, “выбоины образовались по бедро, а кучи пыли — по колено”» [Козин, 1941, § 57]. Когда Тэмучжин — будущий Чингис-хан — и Чжамуха побратались, «на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом» [Козин, 1941, § 117]. Об этом дереве Чингисхан вспоминает позже еще раз [Козин, 1941, § 206]. Поскольку речь идет о южном склоне горы, который в Монголии будет, скорее всего, безлесным, а дерево названо «развесистым», есть основания думать, что оно одиноко стояло среди

степи, что и позволило ему, не конкурируя за свет с другими деревьями, расти не столько вверх, сколько, как говорят лесоводы, «в сучья». По этому формальному признаку оно удовлетворяет критериям, предъявляемым к «мировому древу».

«Мировое древо» не просто соединяет три мира шаманизма — Верхний, Средний и Нижний в единое мироздание, но и служит проводником человеческих душ: по нему спускаются в мир людей младенческие души[4], по нему поднимаются на небеса души умерших, словом, через него осуществляется круговорот и контакт поколений. Видимо, ритуальные действа под таким деревом осмысливались как совместные с теми родичами, кто еще не появился на свет или уже ушел. Отсюда становится понятным смысл поклонения этим деревьям. Это верно для людей, объединенных родственными связями, но как быть с чужаками, которыми в рассматриваемом случае являлись русские князья? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, зачем монгольские ханы вызывали к себе князей или, по крайней мере, вынуждали их приехать. Хорошо известно, что в орде князья получали ярлыки на княжение, а чтобы стать обладателем такого ярлыка, им приходилось проходить через унизительную и весьма тягостную для православного человека процедуру поклонения мертвому к тому времени Чингисхану, «идолам», солнцу, кусту…[5] Совершенно прозрачен ритуал с огнями: очищение от зла, но для чего все остальное? А остальное было нужно для совершения ритуала перевода гостей из категории «чужих» в категорию «своих», посредством которого князья приобщались к сакральным силам монгольской культуры,

---

[4] Здесь можно вспомнить древнюю уйгурскую легенду о происхождении предков каганского рода, изложенную Ата-Маликом Джувейни: «В то время две реки Каракорума, одна из которых называлась Туула, а другая — Селенга, сливаясь, протекали вместе по местности, называемой Камланчу; и между теми двумя реками близко друг к другу стояли два дерева; одно из них, по форме похожее на сосну, называется кушук, и крона его зимой сходна с кроной кипариса, а плоды его по форме и вкусу напоминают кедровые орехи; другое же называется тоз. Между двумя деревьями вырос огромный холм, и на него сходил свет с небес; и с каждым днем холм становился все больше. Увидев сие зрелище, уйгурские племена изумились; и, почтительно и со смирением приблизившись к холму, услышали сладкие и приятные звуки, похожие на пение. И каждую ночь этот свет освещал все вокруг на тридцать шагов, и, как беременной женщине приходит срок рожать, так и в нем открылась дверь, и за ней было пять отдельных помещений, похожих на юрты, в каждой из которых сидел младенец мужского пола; против рта каждого младенца висела трубочка, из которой он мог сосать молоко; а над юртой была натянута серебряная нить. Вождь племени пришел посмотреть на это чудо и с благоговением преклонил колени в знак верности. Когда детей коснулось дуновение ветра, у них прибавилось сил, и они стали двигаться. Наконец они вышли из юрт и были вверены попечению кормилиц, и люди почитали их и служили им. Как только они были отняты от груди и научились говорить, они спросили, кто их родители, и люди указали на те два дерева. Они подошли к тем деревьям и поклонились им так почтительно, как послушные дети кланяются своим родителям; они также выказали знаки уважения и почтения к земле, на которой росли деревья. Тогда деревья заговорили и сказали следующее: "Хорошие дети, наделенные благородными качествами, всегда следуют этой тропой, исполняя свой долг перед родителями. Да будет долгой ваша жизнь, а ваши имена сохранятся навеки!" Все племена этого края пришли посмотреть на детей и оказали им почести, подобающие царским сыновьям; и, уходя, они дали имя каждому из них: старшего они назвали Сонкур-тегин, следующего за ним — Котур-тегин, третьего — Тюкель-тегин, четвертого — Ор-тегин и пятого — Буку-тегин» [Джувейни, 2004, с. 36–37].

[5] Следует заметить, впрочем, что некоторые князья избежали этой участи, и среди них Даниил Галицкий (если мы, конечно, примем подробности рассказа о его посещении ставки Бату за чистую монету). Кроме того, русские книжники могли приукрасить свои повести живописаниями всевозможных языческих «мерзостей», которых при дворе монгольских ханов не было, но, по их мнению, им там было самое место (см.: [Веселовский, 1916, с. 87]).

что и открывало им путь в разноплеменную элиту Монгольской империи. Конечно, они оставались в подчиненном положении, но занимали не последние места в имперской иерархии, что наделяло их определенными правами и привилегиями.

Ни русские летописцы, ни Плано Карпини ничего не говорят о почитаемых монголами деревьях, хотя единодушно упоминают куст. Может ли куст быть субститутом дерева? По-видимому, да. Как обособленный и более или менее вертикальный объект он мог становиться центром воспроизведения древних ритуалов. Вопрос о том, откуда он появлялся близ ханской ставки — рос ли сам по себе еще до прихода монголов или был ими специально посажен, приходится оставить открытым, хотя более правдоподобным кажется естественное его возникновение, ибо степным номадам совершенно чужды посадки деревьев и/или кустарников. И наконец, последний вопрос: что мешало монголам использовать для этой цели полноценное дерево? Здесь нам на помощь должна прийти география. Монголы кочевали в степных ландшафтах, где деревья либо не растут вообще вследствие особенностей их физиологии, не позволяющей им довольствоваться количеством доступных в степи осадков, либо занимают тенистые склоны более или менее высоких гор. В то же время, степи обжиты различными видами кустарников, из которых наиболее многочисленны караганы, способные превосходить ростом человека. Ставки ханов размещались среди степей, поэтому не исключено, что именно какой-то примечательный куст «назначался» на роль людей, «мирового древа». Отсюда становится понятным и странное, на первый взгляд, желание оказавшихся близ угэдэевого куста, поживиться его веткой: просто окрест, на степных просторах, не было другого подходящего растения с крепкими ветвями.

Есть, по меньшей мере, еще одно средневековое сообщение о монголах, в котором фигурирует куст, но, скорее всего, оно не имеет никакой связи с изложенными выше наблюдениями. Армянский историк и государственный деятель Хетум Патмич (Гайтон) (сер. 1240-х –1310-е гг.) приводит монгольскую легенду о спасении Чингисхана от врагов в недрах некоего куста. Чингисхан якобы ехал с небольшим отрядом всадников и внезапно подвергся нападению. Он яростно набросился на противников, но конь под ним был убит, и хан упал на землю, а его спутники в страхе бросились бежать. Пока враги преследовали бежавших, хан затаился в кустарнике. Вернувшиеся недруги принялись искать его и хотели уже заглянуть в кустарник, как вдруг прилетела птичка и спокойно села на этот куст. Увидев это, искавшие рассудили, что если бы Чингисхан укрывался в кусте, осторожная птичка на него бы не села, и отбыли ни с чем [Гайтон, 2006, с. 251]. Ранее мы предположили, что в этой легенде могли преломиться реальные факты из биографии Чингисхана, в ту пору еще носившего детское имя Тэмучжин, а именно его бегство от меркитов на покрытую густым лесом гору Бурхан-Халдун [Дробышев, 2019, с. 122]. Однако в данном случае рассказчик акцентирует внимание не на кусте, а на птичке, которую, по его словам, называли «князем» (нам пока нечего предложить в плане ее зоологической номенклатуры). В знак признательности за спасение хана каждый монгол якобы старался украсить свой головной убор пером этой птицы [Гайтон, 2006, с. 252].

Поклонение идолам представляется менее сложной загадкой. То, что в летописях названо идолами, должно, казалось бы, обозначать онгоны — антропоморфные фигуры, напоминающие кукол, которых монголы изготавливали из войлока, хранили в

своих юртах и проводили ритуал их «кормления». Их также брали в военные походы. Однако этому предположению противоречит тот общеизвестный факт, что онгоны символизировали предков, и к их культу имели отношение только члены той семьи, в чьей юрте они находились. Более того, попытки посторонних проникнуть в места их хранения сурово пресекались. Фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие ко двору монгольских владык, предоставил на сей счет исчерпывающие аргументы: «Они веруют только в единого Бога, однако они делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей… И затем, если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их. И в этот дом нельзя входить ни одному чужестранцу. Один раз я хотел войти, но меня очень жестоко выбранили» [Рубрук, 1997, с. 127]. Отсюда следует невозможность принуждения кого-либо к поклонению этим фигурам, о чем верно судит уже Н. И. Веселовский [Веселовский, 1916, с. 97].

Тем не менее летописные рассказы о поклонении (или отказе от поклонения) каким-то рукотворным и, очевидно, походящим на людей предметам возникли не на пустом месте. Существует мнение, основанное, в частности, на сообщении францисканца Бенедикта Поляка, сопровождавшего Плано Карпини в Монголию, что князей заставляли воздавать почести статуе Чингисхана, возможно, изготовленной из золота или позолоченной: «Кроме того, когда-то они сделали идол Чингис-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правящего] кана и приносят ему дары. Кони же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности покоренную знать. Поэтому недавно случилось так, что правитель Михаил (Черниговский. — *Ю. Д.*), из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на [непоколебимости своей] веры в Христа, было приказано бить его пяткой ноги в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичестве, то ему перерезали горло ножом, а воину, который поощрял, отсекли голову» [Христианский мир, 2002, с. 116–117][6].

Аналог описанного монумента мы видим в киданьской империи Ляо, где практиковалось поклонение скульптурным изображениям умерших императоров: «Когда правитель умирает, устанавливается большая юрта, а из золота отливается его изображение, перед которым в дни новолуния и полнолуния, в дни праздников и в дни кончины императоров и императриц приносятся жертвы. Для этого сооружается возвышение высотой более одного чжана[7], на котором в тазах сжигаются вино и пища. Это называется сожжением пищи» [Е Лун-ли, 1979, с. 315]. Однако могла ли существовать связь между киданьским и монгольским обычаями? Могла. Монгольская культура впитала довольно многое из киданьской и, по нашему мнению, сама имперская

[6] Этот сюжет подробно разбирается в работе: [Юрченко, 2002, с. 245–260].
[7] Мера длины, в XIII в. — чуть более 3 м. — *Ю. Д.*

идея монголов берет истоки там же [Викторова, 1980, с. 139–178; Дробышев, 2012, с. 274–314; 2014, с. 29–31; 2015, с. 240–249]. Обряд поклонения статуе усопшего главы государства, безусловно, представлял собой элемент имперской идеологии, раз к нему привлекали покорившихся властителей.

Важнейший аспект кочевой культуры — совместная трапеза, в ходе которой гость приобщается к миру хозяина. Это неписаное правило действует в Монголии до сих пор, но в средневековье оно было не просто формальной частью этикета, а имело важное практическое значение. Не случайно, описывая прием у Бату, Рубрук отметил: «Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме» [Рубрук, 1997, с. 118]. Принятие предложенных монгольским ханом пищи и напитков демонстрировало добрые намерения гостя; отказ говорил о его враждебности и нежелании подчиниться и занять положенное место в монгольской имперской иерархии. В русских летописях можно найти и те, и другие примеры. Достаточно показательна история Даниила Галицкого, вынужденного в 1245 г. явиться к Бату: «Он поклонился по обычаю их и вошел в шатер Батыя. И сказал ему Батый: “Даниил, почему ты раньше не приходил? А сейчас пришел — это хорошо. Пьешь ли черное молоко[8], наше питье, кобылий кумыс?” Даниил сказал: “До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью”. Тот сказал: “Ты уже наш, татарин. Пей наше питье!” Даниил выпил, поклонился по обычаю их, проговорил положенные слова и сказал: “Иду поклониться царице Баракчин”. Батый сказал: “Иди!” Он пришел и поклонился по обычаю. И прислал ему Батый ковш вина, говоря: “Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!”» [Памятники литературы, 1981, с. 315]. Данный эпизод уже был подробно проанализирован А. Г. Юрченко [Юрченко, 2007а, с. 62–70]. Весьма показательны слова Бату «Ты уже наш, татарин», констатирующие, по всей видимости, факт перевода строптивого галицкого князя из «чужих» в «свои». Несмотря на очевидно неприятную для Даниила ситуацию, он в результате сохранил не только свою жизнь, но и земли.

Совсем другой финал ожидал удельного ростовского князя Василько Константиновича (1208–1238), захваченного монголами на реке Сити. Монголы якобы склоняли пленного князя к совместным военным походам, но тот предпочел смерть измене. Характерно, что свой отказ он выразил также в том, что «ни брашна, ни пития ихъ не прия» [Софийская первая летопись, 2000, с. 295][9]. Уже неоднократно упомянутого выше Михаила Черниговского перед отправкой в орду предостерегал его духовный отец: «не иди через огонь, не поклоняйся ни кусту, ни идолам их, ни пищи, ни пития их не бери в уста свои» [Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского, 2001, с. 244]. Такой демонстративный отказ от подчинения, т. е., по существу, от встраивания в имперскую систему власти, не мог иметь для князей следствием ничего иного, кроме жестокой казни.

[8] Имеется в виду так называемый черный кумыс — продукт длительной переработки кислого кобыльего молока, представляющий собой слабоалкогольную бесцветную прозрачную жидкость. Он очень ценился монголами и подавался к ханскому столу.

[9] Более ранние летописные своды не говорят о неприятии князем монгольского угощения, отмечая лишь, что он отверг их «поганые обычаи», но можно не сомневаться, что для него еда и питье из вражеских рук были совершенно неприемлемы наряду со всеми остальными предложениями монголов.

Еще один ритуал, с которым столкнулись в орде русские князья, — поклонение солнцу и луне. Хорошо известно, что сами монголы поклонялись светилам, но из их древнейшего памятника историографии — «Сокровенного сказания», как и из других источников, нельзя вывести заключение, что это был государственный культ, пусть первоначально государства у монголов и не существовало. Отсюда можно усомниться в справедливости утверждений русских книжников о принуждении князей к исполнению этого ритуала, но если он все же имел место, каких-либо серьезных загадок он не оставляет. Что касается монгольского требования совершать поклонение земле, то оно выглядит более сомнительно, поскольку для кочевника его земля ассоциируется с матерью, и приобщать к ее культу чужака представляется делом маловероятным даже в процессе его перевода в категорию «своих».

Как следует из вышеизложенного, монгольское повеление русским князьям (и не только им) выполнять комплекс ритуалов при дворе хана не означало, конечно же, требования отречься от своей веры, а подразумевало магическое очищение от зла и последующее включение в монгольскую элиту. Отказ от совершения этих процедур расценивался монголами как упорное нежелание стать «своими» и влек за собой адекватные меры. Впрочем, нам не известно ни одного случая, чтобы кто-то еще, за исключением русских князей и бояр, пострадал из-за такого отказа, хотя являться к великому хану в Каракорум приходилось знатным особам со всех концов огромной империи. Более того, о необходимости поклоняться кусту или светилам не сообщает ни один известный нам источник, кроме русских летописей и агиографической литературы. Если эти языческие обряды были столь противны христианам, к какой бы конфессии они ни принадлежали, резонно было бы ожидать их обличения на страницах армянских, грузинских, сирийских, византийских и латинских сочинений, однако единственное, что мы можем узнать из них (и то, скорее, в виде исключения), — это требование пройти между огней[10] и совершить поклон статуе Чингисхана. Наблюдаемое противоречие может объясняться тем, что ни в столичном Каракоруме, ни в ставке Ильханов не было никакого куста, вокруг которого совершались бы обряды. Там «ось мира» могло маркировать что-то другое. Со своей стороны, русские книжники не отметили такие обязательные и широко известные установления монголов, как запрет наступать на порог ханской юрты или стирать одежду либо купаться близ орды, может быть, ввиду их явной дистанцированности от религии.

Благодаря ли своей повышенной чуткости к духовным вопросам или некоторой склонности к преувеличениям, средневековые русские источники описали монгольские ритуалы и дали им вполне ожидаемое объяснение как дьявольскому искушению. Истинный их смысл становится понятным при обращении к другим современным им источникам и к этнографическим материалам.

Литература / References

Ата-Мелик Джувейни. *Чингис хан: История Завоевателя Мира.* Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004 [Ata-Melik Juvaini. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror* / Tr. by E. E. Kharitonova. Moscow, 2004 (in Russian)].

Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям // *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия.* Ч. LXIV. 1916. Июль. Пг., 1916. С. 81–101 [Veselovsky N. I. On

[10] Ср.: [Золотая Орда, 2003, с. 166].

Religion of Tatars according to Russian Chronicles // *Journal of the Ministry of Public Education. New Series*. Chapter LXIV. 1916. July. Petrograd, 1916. Pp. 81–101 (in Russian)].

Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860 [Byzantine Historians. Tr. by S. Destunis. Saint Petersburg, 1860 (in Russian)].

Викторова Л. Л. *Монголы. Происхождение народа и истоки культуры*. М., 1980 [Viktorova L. L. *Mongols. The Origin of the People and the Origins of Culture*. Moscow, 1980 (in Russian)].

Гайтон. Цветник историй земель Востока // *Книга странствий*. Пер. Н. Горелова. СПб., 2006 [Hetum. Flower Garden of Stories of Lands of the East // *Book of Wanderings*. Tr. by N. Gorelov. Saint Petersburg, 2006 (in Russian)].

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // *Путешествия в восточные страны*. М., 1997 [Guillaume de Rubruk. Journey to the Eastern Countries // *Journeys to the Eastern Countries*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Дробышев Ю. И. «Киданьский след» в становлении имперской идеологии монголов // *На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам)*. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Отв. ред. В. И. Гуляев. М., 2014. С. 29–31 [Drobyshev Yu. I. “Khitan trace” in the Formation of the Imperial Ideology of the Mongols // Gulyaev V. I. (ed.). *On the Threshold of Civilization and Statehood (According to Archaeological and Other Sources). Abstracts of the All-Russian Academic Conference*. Moscow, 2014. Pp. 29–31 (in Russian)].

Дробышев Ю. И. Киданьские истоки монгольского «мироустроения» // *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2015. С. 240–249 [Drobyshev Yu. I. Khitan Origins of the Mongolian “World Order” // Dashkovsky P. K. (ed.). *Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia*. Barnaul, 2015. Pp. 240–249 (in Russian)].

Дробышев Ю. И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых армянских источниках // *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 117–134 [Drobyshev Yu. I. Reflection of Mongol Imperial ideas in Medieval Armenian Sources // *Vostok (Oriens)*. 2019. 4. Pp. 117–134 (in Russian)].

Дробышев Ю. И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // *Общество и государство в Китае*. Т. XLII. Ч. 3. М., 2012. С. 274–314 [Drobyshev Yu. I. At the Origins of the Imperial Ideology of the Medieval Mongols // *Society and State in China*. Vol. XLII. Part 3. Moscow, 2012. Pp. 274–314 (in Russian)].

Е Лун-ли. *История государства киданей*. Пер. В. С. Таскина. М., 1979 [E Lun-li. *History of the Khitan State*. Tr. by V. S. Taskin. Moscow, 1979 (in Russian)].

Золотая Орда и источниках. Т. I. *Арабские и персидские сочинения*. Сост., вводная статья и комм. Р. П. Храпачевского. М., 2003 [*The Golden Horde in Sources*. Vol. I. *Arab and Persian Works*. Comp., intr. and comm. by R. P. Khrapachevsky. Moscow, 2003 (in Russian)].

Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М., Л., 1941 [Kozin S. A. *The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow, Leningrad, 1941 (in Russian)].

О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини. [Соч.] Ламы Галсан-Гомбоева // *Труды Русского археологического общества*. Т. XIII. СПб., 1859. С. 236–256 [On the Ancient Mongol Customs and Superstitions Described by Piano-Carpini. [Work by] Lama Galsan-Gomboev // *Proceedings of The Russian Archaeological Society*. Vol. XIII. Saint Petersburg, 1859. Pp. 236–256 (in Russian)].

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981 [*Monuments of Literature of Ancient Russia. 13th Century*. Moscow, 1981 (in Russian)].

Плано Карпини. История могалов // *Путешествия в восточные страны*. М., 1997 [Piano Karpini. History of the Mogals // *Journeys to the Eastern Countries*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Селезнев Ю. В. *Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках*. Воронеж, 2013 [Seleznev Yu. V. *Russian Princes as Part of the Ruling Elite of the Juchi Ulus in the 13th–15th Centuries*. Voronezh, 2013 (in Russian)].

Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // *Повести и сказания Древней Руси*. Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2001 [The Legend of Murder in the Horde of Prince Michael of Chernigov and His Boyar Theodore // Likhachev D. S. (ed.). *Stories and Tales of Old Russia*. Saint Petersburg, 2001 (in Russian)].

Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000 [*Sofia First Chronicle of the Elder Izvod*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002 [*The Christian world and the "Great Mongolian Empire". Materials of the Franciscan Mission of 1245*. Saint Petersburg, 2002 (in Russian)].

Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингисхана (русские и латинские известия) // *Тюркологический сборник 2001*. М., 2002. С. 245–260 [Yurchenko A. G. Golden Statue of Genghis Khan (Russian and Latin data) // *Turkological Collection 2001*. Moscow, 2002. Pp. 245–260 (in Russian)].

Юрченко А. Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // *Монголика-VII*. СПб., 2007а. С. 62–70 [Yurchenko A. G. Kumis ceremony at the court of Batu Khan // *Mongolica-VII*. Saint Petersburg, 2007a. P. 62–70 (in Russian)].

Юрченко А. Г. Средневековые монгольские погребения: соотношение этнического и имперского // *Теория и практика археологических исследований*. Отв. ред. А. А. Тишкин. Вып. 3. Барнаул, 2007б. С. 159–176 [Yurchenko A. G. Medieval Mongolian burials: The Ratio of Ethnic and Imperial // Tishkin A. A. (ed.). Theory and Practice of Archaeological Research. Issue 3. Barnaul, 2007b. P. 159–176 (in Russian)].

Boyle J. A. The Burial Place of the Great Khan Ögedei // *The Mongol World Empire, 1206–1370. Collected Essays*. London, 1977.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ТОЖДЕСТВЕ САМОМУ СЕБЕ В ТОЛКОВАНИЯХ АБХИНАВАГУПТЫ НА «ИШЬВАРАПРАТЬЯБХИДЖНЯ-КАРИКИ» УТПАЛАДЕВЫ: «ИШЬВАРАПРАТЬЯБХИДЖНЯ-ВИМАРШИНИ» И «ИШЬВАРАПРАТЬЯБХИДЖНЯВИВРТИ-ВИМАРШИНИ»

С. Ч. Офертас*

Эта статья начинает череду работ, посвященных узнаванию и исследованию того, что же такое ты сам. В Индии этому узнаванию посвящает себя целая философская школа, которая так и называет себя: школа «узнавания» или «непосредственного узнавания», которую ныне обыкновенно относят к учениям так называемого «Кашмирского шиваизма». Предмет исследования естественно определяется кругом источников. Это исходное сочинение Утпаладевы — «Ишьварапратьябхиджня-карики», с его толкованием «Ишьварапратьябхиджнякарика-вртти» и два толкования Абхинавагупты «Ишьварапратьябхиджня-[вртти]-вимаршини» и «Ишьварапратьябхиджнявиврти-вимаршини», а так же позднейшее толкование на «Вртти-вимаршини» Бхаскаракантхи. Способ исследования этих философских сочинений можно описать как их внимательное прочтение на языке, на котором они созданы, на санскрите, без привнесения в это прочтение каких-либо кросс- или над-культурных представлений и насаждения последних в качестве неких «матриц» или исходных и безусловных образцов понимания сказанного, — прочтение с попыткой воссоздавать понятийный строй этих творений, избегая навязывания понятий, которые по умолчанию представляются нам как общепригодные. В этом и некая новизна работы. Понятия, которые используют сочинители, даже в самых общих своих определениях почти никогда не совпадают, а часто никак и не пересекаются с понятиями и преставлениями нашего понятийного мира. Поэтому их приходится изобретать, имея в виду, прежде всего, не то, что слово означает в словаре, а как оно работает и что оно значит в высказывании, что оно такое внутри всего строя индийской мысли, стараясь передавать эти индийские понятия и соображения (в санскрите, как правило, укладывающиеся в сложные слова-сокращения, которые легко развертываются в законченные высказывания) не какими-то искусственными, туманными и непроглядными терминами, берущимися из различных европейских философий; а с помощью средств русского языка делать их понятными, проглядными и податливыми нашей мысли так, чтобы то, что мыслят и делают индийцы, можно было бы мыслить и делать на русском языке в круге европейского мышления. Ведь философия — это изобретение зачатков понятий, в след которому разворачиваются наши новые представления и новое понимание; продумывание того, что другие примут как данное. И, наконец, это может помочь нам увидеть ограниченность или недостаточность наших прежних представлений. Всех, а не только о том, что такое ты сам.

* Станислав Чеславович ОФЕРТАС, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; stas_off@list.ru

Stanislav Ch. OFERTAS, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; stas_off@list.ru

Ключевые слова: Абхинавагупта, Утпаладева, пратьябхиджня, тождество, различие, узнавание, опознавание, признание, сознавание, ты сам, собственник, светоявление, являющий свет.

ON THE IDENTITY WITH ONESELF IN THE INTERPRETATIONS OF ABHINAVAGUPTA OF UTPALADEVA'S "ISHWARAPRATYABHIJNA-KARIKAS": "ISHWARAPRATYABHIJNA-VIMARSHINI" AND "ISHUVARAPRATYABHIJNAVIVRTI-VIMARSHINI"

Stanislav Ch. Ofertas

This article begins a series of works on recognizing and exploring what you yourself are. In India, an entire philosophical schoolfocuses on this recognition and calls itself accordingly: the school of "recognition", or "direct recognition", usually referred nowadays as the teachings of the so-called "Kashmir Shaivism". The subject of present research is naturally determined by a range of sources. This is the original composition of Utpaladeva — "Ishvarapratyabhijnarika-karikas", with his interpretation of "Ishvarapratyabhijnjakarika-vrtti" and two interpretations of Abhinavagupta's "Ishvarapratyabhijna-[vrtti]-vimarhini" and Bhaskarakanthi's "Ishvarapratyabhijnavivrti-vimarsini". The method of studying these philosophical works can be described as just a careful reading in Sanskrit, without introducing into this reading any cross- or supra-cultural representations and planting the latter as some "matrices" or original and unconditional examples of understanding of what was said with an attempt to recreate the conceptual structure of these works, avoiding the imposition of concepts that, by default, seem to us to be generally acceptable. This is a certain novelty. The concepts used by writers, even in their most general definitions, almost never coincide, and often do not overlap with the concepts and representations of our conceptual world. Therefore, they have to be invented, having in mind not what the word means in the dictionary, but how it works and what it means in saying that it is inside the whole structure of Indian thought, trying to convey these Indian concepts and considerations (in Sanskrit, usually fit into complex abbreviations, which are easily deployed into finished statements) not by some artificial, vague and impenetrable terms taken from various European philosophies; and using the means of the Russian language to make them understandable, visible and pliable to our thoughts so that what Indians think and do can be thought and done in Russian in a circle of European thinking. Indeed, philosophy is the invention of the beginnings of concepts, in the wake of which our new ideas and new understanding unfold; thinking over what others will take as given. And finally, it can help us see the limitations or insufficiency of our previous ideas. Everyone, not just what you yourself are.

Keywords: Abhinavagupta, Utpaladeva, pratyabhijñā, identity, difference, recognition, identification, acknowledgement, cognition, yourself, owner, light manifestation, manifesting light.

Как всегда, когда на основе каких-то философских произведений ставится какой-то новый вопрос, а тем более такой, одновременно столь общий и предельно неотвлеченный, что прописан нами в заглавии, возникает опасность свести существо вопроса к спору о понятиях, прояснение которых для понимания того, что излагается в самих сочинениях, конечно же, чрезвычайно важно, но все же иногда за этим спором от нашего взгляда может ускользать направленность поднимающегося вопроса, либо существо исследуемого предмета. И действительно, очень часто случается так, что понятия не бывают окончательно ясными с самого начала разбора, да и сама их сила и наполнение проясняются или даже меняются

постепенно не только при все более внимательном рассмотрении вопроса, но и в самих сочинениях, по ходу их изложения. И потому мы бы хотели обратиться к благорасположенному читателю (и надеемся на его благосклонность) с уверением, что, даже если не всегда ему с самого начала будет казаться обоснованным выбор тех или иных русских слов для отображения древнеиндийских понятий и представлений, наше толкование и передача применяемых здесь индийских понятий не совсем случайны: по меньшей мере, это плод достаточно продолжительного знакомства с предлагаемыми сочинениями и довольно долгой и кропотливой работы по их переводу и их пониманию. Ведь так или иначе, в этой небольшой работе, у которой, наверное, будет свое продолжение, мы вполне осознанно ограничиваем себя попыткой высветить лишь некоторые грани поднимающегося вопроса в уповании, что и в дальнейшем у нас или у кого-то еще сохранится открывающаяся здесь возможность продолжить нащупывать менее зыбкие места, по которым можно было проложить гать туда, где мог бы сложиться некий новый язык, с которым стало бы возможно мыслить по-русски то, что мыслят и делают эти два безусловно значительных индийских мыслителя.

Сочинения, названия которых вынесены в заглавие данной работы, являются главными философскими трудами Абхинавагупты — известного мыслителя Индии, жившего на рубеже прошлого тысячелетия (≈ 970–1025 гг. н. э.). Оба они представляют собою толкования на сочинения его прaучителя Утпаладевы, жившего на полустолетие ранее (≈ 920–975 гг. н. э.). Исходный труд Утпаладевы, с которым нам, так или иначе, придется иметь дело, носит название «Ишьварапратьябхиджня-карик» (*Īśvarapratyabhijñā-kārikā*), то есть «Стихов о распознавании [себя] как [предельного] обладающего». На эти карики, как и полагается, Утпаладева дал толкования. Их два. Краткое — «Ишьварапратьябхиджнякарика-вртти» (*Īśvarapratyabhijñākārikā-vṛtti*) (опубликованное в академическом издании с английским переводом Рафаэлем Тореллой) [ĪK], и развернутое (написанное как толкование уже на это последнее) — объемное философское толкование «Ишьварапратьябхиджня-виврти», которое теперь считается утраченным и лишь частично сохранившимся либо отдельными небольшими отрывками, либо в составе его переистолкования в работе Абхинавагупты «Ишьварапратьябхиджнявиврти-вимаршини» (*Īśvarapratyabhijñāvivṛti-vimarśinī*), которая была опубликована тремя томами в трудах Кашмирской серии и до сих пор ни на один современный язык не переводилась [ĪVV]. Помимо того что словесная ткань этого абхинавовского переистолкования представляет собою большие трудности по части философского содержания, эта работа трудна еще и тем, что в ней довольно сложно определить, где свое толкование-«виврти» ведет Утпаладева, а где в свои права вступает Абхинавагупта с его толкованием «виврти-вимаршини» и на какие опущенные части сочинения Утпаладевы в своих рассуждениях он откликается.

Другое же толкование Абхинавагупты «Ишьварапратьябхиджня-вимаршини» (*Īśvarapratyabhijñā-vimarśinī*), на котором по большей части и будут основываться наши заметки, хотя по части философской и несет в себе трудностей ничуть не меньше, все-таки в качестве источника для первичной работы более приемлемо. Даже если до сих пор оно и не претерпело выверенного академического издания, издавалось оно, тем не менее, дважды: сначала трудами Мукунды Рамы Шястри и Мадхусуданы Каулы Шястри в Кашмирской серии [ĪV], а затем, что особенно ценно, было издано в сопровождении позднего толкования XVII века кашмирского пандита Бхаскаракантхи (*Bhāskarakaṇṭha*), в

составе так называемого «Бхаскари» (*Bhāskarī*) [ĪVBh] — толкования, которое в той или иной степени проливает свет на достаточно темные места и понятия сочинения Абхинавагупты. Это издание «Ишьварапратьябхиджня-вимаршини» вместе с «Бхаскари» было осуществлено двумя томами в 1930-х гг. К. А. Субрахманьей Айяром и Канти Чяндра Пандеем почти сразу же после того, как в 1931 году в Шринагаре была найдена единственная неполная рукопись сочинения Бхаскаракантхи. В 1954 году Канти Чяндра Пандей третьим дополнительным томом издал свой перевод карик и толкования Абхинавагупты (но не «Бхаскари») на английский язык [ĪVBh, III]. Перевод этот, хотя и обнаруживает достаточно глубокое знание переводчиком основных понятий учения пратьябхиджни, порою довольно далеко отходит от буквального смысла исходного сочинения и более напоминает пересказ или переложение для ознакомления любопытствующего, но в целом неискушенного читателя, нежели перевод. И, к нашему сожалению, главное, что пропадает при таком переводе, так это захватывающее читателя напряжение спора с предполагаемым противником, когда живое обсуждение — беседа, вопросы, ответы и возражения — перерабатываются в некое обстоятельное порядливое изложение, призванное представить несведущему читателю основные, пусть даже и вполне верно подаваемые, положения излагаемого учения.

Однако как мы увидим, индийское наставление-шястра не таково. Это всегда доказательство, чаще всего доказательство от противного, призванное посредством тонкой игры утверждений, убеждений и доводов показать читателю неизбежную истинность завершающего или окончательного положения, которое не может уже не принять мыслящий и честный в рассуждении читатель.

Эта совокупность произведений, на которую в данном случае направлено наше исследовательское внимание, получила именование «пратьябхиджни» (*pratyabhijñā*), и в дальнейшем в Индии этим словом стали называть отдельную философскую школу. На санскрите слово «пратьябхиджня» обычно употребляется в значении «непосредственное узнавание, опознавание, распознавание, признание». Начало же школы ее основатели возводят к работе «Как видит Шива» или «Взгляд Шивы» (*Śivadṛṣṭi*) праучителя Утпаладевы Сомананды (≈ 880–930 гг. н. э.), и хотя такое словечко, «пратьябхиджня», в его сочинении и не встречается, сам Утпаладева, которого впоследствии и стали считать основоположником этой школы, истоки своего понимания возводит именно к работе Сомананды:

iti prakaṭito mayā sughaṭa eṣa mārgo navo mahāgurubhir ucyate sma śivadṛṣṭiśāstre yathā |

«Так был мною сделан явственным этот новый путь, легко проторенный, так как прежде он был явлен праучителем моим [Сомanaндой] в [его] наставлении “Как видит Шива” [“Шивадршти” (*Śivadṛṣṭi*)]» [ĪK, p. 80].

О том же говорит и Абхинавагупта, когда в посвятительных стихах «Вртти» называет «Ишьварапратьябхиджня-карики» отражением, пратибимбакой (*pratibimbaka*), «Шивадршти», что карики эти суть

śrīsomānandanāthasya vijñānapratibimbakam ||

«отражение понимания Славного покровителя [нашего] Сомананды» [1] [ĪV, vol. I, p. 2].

[1] Можно дать здесь и более точный перевод: «то, что имеет в качестве отражаемого виджняну Сомананды». Эту игру отражаемого мы постараемся показать в наших дальнейших работах, где в связи с

И объявляя основоположником своего учения Сомананду, Утпаладева говорит, что собственная его задача заключалась лишь в том, чтобы превратить уже указанный Сомanандой в «Шивадршти» прямой путь в «цепочку доказательных высказываний, проникающих в самое сердце»:

so'yam avakra evābhinavo mārgaḥ sākṣātkṛtaparameśvarabhaṭṭārakākārair bhaṭṭaśrīsomānandapādaiḥ śivadṛṣṭināmni prakaraṇe nirdiṣṭo mayā yuktinibandhanena hṛdayaṃgamīkṛtaḥ |

«Этот вот путь, совсем не петляющий и совершенно новый, в работе, именуемой “Шивадршти”, явственно означенный (*nirdiṣṭa*) стопами Его Сиятельства Славного Сомананды, в чьем обличье сиятельного наставника сделался зрим сам Предельный обладающий (*parameśvarā*)[2], сделан мною посредством цепочки доказательных высказываний идущим в самое сердце» [ĪK, p. 80].

При этом Утпаладева, и когда заявляет, что пратьябхиджня — «путь совершенно новый» (*abhinavo mārgaḥ*), и когда подчеркивает значимость непрерываемой «цепочки доказательных высказываний» по сравнению с выведением правомочности сказываемого из откровенных писаний, некоторым образом ставит себя и свое учение вне принятого обыкновения. И само выражение «новый путь», в устах какого-нибудь европейского философа для нашего слуха вполне привычное, нас несколько удивляет, когда мы представляем его исторгающимся из уст индийца, ведь мы давно усвоили, что любая индийская философия старается выставлять себя неким непрерывным преданием, берущим начало от некоего основоположника и непосредственно развивающим и продолжающим его мысль не иначе как путем последовательного наслоения толкований. Представление о «философском повороте» обыкновенно ей чуждо. Что, разумеется, не означает, что индийская философия на самом деле поворотов и переворотов не знала, а говорит просто о том, что создатель какого-либо нового представления стремился сделать его для своего времени обоснованным и правомерным, с большей или меньшей натяжкой стараясь вычитать его в писаниях какого-нибудь именитого предшественника, и редко открыто притязал на то, что он создает что-либо новое. И источник своей правомочности пратьябхиджня черпает не в достоверности писаний. Даже если на поверку она вдохновляется теми не причастными непосредственному переживанию умозрительными положениями недвойственного шяйвизма, что уже прописаны в агамах, от своих последователей она не требует, чтобы те в их собственное тождество с безусловным бытием-вниманием, о котором говорится в откровенных писаниях-агамах, веровали. Да и Абхинавагупта не преминет сделать необходимую оговорку, что пратьябхиджня — путь совершенно новый вовсе не потому, что агамам противоречит, а просто потому что до того сокрыт был от людей в многообразных тайных наставлениях:

…*abhinavaḥ sarvarahasyaśāstrāntargataḥ sannigūḍhatvād aprasiddhaḥ*…

«…совсем новый [он] потому, что содержался внутри всяческих тайных наставлений и из-за такой [своей] совершенной сокрытости (*sannigūḍhatva*) не был общеизвестен (*aprasiddha*)…» [ĪV, vol. II, p. 271].

изложением подхода, обычно обозначаемого как «шямбхава-упая», подробно рассмотрим, что такое «бимба», «пратибимба», «пратибимбака» и т. д.

[2] О том, что такое «ишьвара́» и «парамешьвара́», см. [Офертас, 2012, с. 218–220, сн. 10].

И мы можем заметить, что сочинение Утпаладевы внимание откровенным писаниям, конечно же, уделяет, однако посвященный им третий раздел (раздел об агамах — «Агама-адхикара») приводится в наставлении только после того, как заявленные в нем положения уже разобраны и доказаны в двух первых разделах собственно философскими средствами, то есть, только в конце, перед заключительным четвертым разделом, завершающим наставление и призванным представить читателю его краткое обобщение. И потому вполне можно говорить о том, что этот третий раздел, раздел об агамах, строго говоря, в доказательное рассуждение ничего не привносит и предназначен лишь для того, чтобы уже вторым ходом показать совместимость заключений, полученных путем размышления и наблюдения, с сочинениями, принимаемыми за откровения.

Так что вполне можно понимать это так, что на самом деле ни тайноводством, ни богословием пратьябхиджня представлять себя не стремится, а предпочитает избрать для себя собственно философскую и в некотором смысле даже феноменологическую установку на рассматривание являемого, и ее создатели определяют свою затею как простое рассудительное разбирательство, касающееся исключительно лишь того что является:

…tathā hi sphuṭatarabhāsamānanīlasukhādipramānveṣaṇādvāreṇaiva pāramārthikapramātṛlābha ihopadiśyate |

«…Так, к примеру, здесь дается подсказка, как обрести положение свидетеля, стремящегося к предельному (*pāramārthikapramātṛ*), лишь только посредством наблюдения (*anveṣaṇā*) свидетельствований, являющихся [нам] наиболее явным образом, таких как “темно-синее”, “довольство” и прочее»[3] [ĪV, vol. I, p. 18].

Пратьябхиджня, как и многие другие индийские воззрения, считает, что я сам, вполне осознавая, что я есть некое основание и собственник всего, не сознаю, в чем же это собственничество состоит, и что значит быть таким основанием. Но она вовсе не пытается утверждать, что вопросу «о существе основания» суждено вечно пребывать безответным, или же только и слышать в ответ неизменно утвердительные и не предполагающие сомнений положения из того или иного откровенного писания, ибо по ее представлениям открывать то что я есть, я могу, просто обращаясь к рассудительному рассмотрению переживаемых мною явлений. Причем такое разыскание и раскрытие собственного своего тождества обладает для последователей пратьябхиджни некой безусловной чисто философской общезначимостью и потому никаким образом не может зависеть ни от породы, ни от пола или веры того, кто пытается этим разысканием заняться. И потому оба наших шиваита, противопоставляя себя брахманской правоучительности, утверждают, что пускаться на подобные изыскания и усвоить эту «науку о себе» способен «всякий рождающийся» (*jantu*).

И вот перед нами самая первая карика, где Утпаладева прямо заявляет:

kathaṃcid āsādya maheśvarasya dāsyaṃ janasyāpy upakāram icchan |
samastasaṃpatsamavāptihetuṃ tatpratyabhijñām upapādayāmi ||

[3] Причем «темно-синее» (*nīla*) здесь — предельный или первый цвет, отличный от безусловной черноты — отсылает к самому возникновению цвета посредством включения способности зрения и обозначает обыкновенно все то, что действием чувственных способностей выводится ими во внешнее, а «довольство» (*sukha*) указывает на собственное состояние сознающего и служит для знаменования всего, что описывается как «внутреннее».

«Каким-то чу́дным образом достигнув состояния исполнительства от предельного обладающего, а так же желая посодействовать в этом людям, предъявляю я его узнавание основанием полного обретения всех достижений без исключения» [ĪK, p. 1].

Оговорившись для начала, что «дасья» (*dāsya*), рабство у предельного обладающего, обозначает здесь прежде всего свободу, примерно так, как в раннем христианстве «раб божий» означало, что ты ничей, что ты ничья собственность, что ты никому не принадлежишь, что ты свободен какой-то такой свободой, на которую никто кроме Бога покуситься не может, заметим, что Абхинавагупта в своем толковании указывает, что словечко «джяна» (*jana*) помимо значения просто «люди» имеет и отвлеченное значение «человек», человек вообще, а ежели кто отважится на некое вольнодумство и позволит себе пуститься в некие мыслительные вольности, то в его понимании оно вполне сможет означать и «человечество», и «все множество живых существ»:

janasyeti yaḥ kaścij jāyamānas tasyety anenādhikāriviṣayo nātra kaścin niyama iti darśayati…

«Этим [словом] “людям” он показывает, что кем бы кто ни рождался (*jāyamāna*), тут [в случае распознавания] для него по части годности (*adhikārin*) [для наставления] никакого ограничения нет…» [ĪV, vol. I, p. 14].

В конце же своих карик Утпаладева скажет:

janasyāyatnasiddhyartham udayākarasūnunā |
īśvarapratyabhijñeyam utpalenopapāditā ||

«Это узнавание [себя как] предельного обладающего было предложено в качестве основания (*upapādita*) Утпалой, сыном Удаякары, ради того чтобы человек (*jana*) достигал его без усилий» [ĪK, p. 81].

И Абхинавагупта, когда он и в этом месте возьмется толковать словечко «джяна», опять подтвердит:

yasya kasyacij jantor iti nātra jātyādyapekṣā kācid iti sarvopakāritvam uktam |

«О содействии всякому (*sarva*) здесь говорится потому, что кто бы кем ни родился (*jantu*), никакой связи с породой (*jāti*) и прочим тут нет» [ĪV, vol. II, p. 276].

Но коль скоро мы были вынуждены сразу же подмечать рассудочность и даже некоторую феноменологичность рассуждения Пратьябхиджни, то нам стоило бы также принять во внимание и другую, не менее важную сторону этого рассуждения, — тем более что в какой-то степени она первую и задает — а именно то, что направлено оно на спор и на переубеждение другого. И в самом деле, в то время когда Утпаладева составлял свои «Карики», те тантрические в своей основе течения, с которыми он себя соотносил, считавшиеся обычным брахманством лежащими за пределами истинного ведийского предания, старались выйти из под замкнутости и ограниченности тайных учений, в качестве каковых первоначально они зарождались и каковыми справедливо считались, и распространить свое влияние не только на повседневную жизнь, но и во дворцы, и на области возвышенной жизни [Офертас 2012, с. 210]. Подобному притязанию работа Утпаладевы стремиться полностью соответствовать. Так, помимо того что он в своем наставлении старается смягчить и притушевать первозначимость той явной установки на тайноводство и посвящение, которая была определяющей для этих учений, он пытается отстраниться или хотя бы на время отвлечься от правомочности и предопределенности откровенных писаний ради того, чтобы

вступить в по-настоящему философский спор с великими брахманскими и буддийскими школами. И на этом ристалище, в тонкой игре рассуждения, пратьябхиджня вырабатывает собственное представление о тождестве, противопоставляя себя всем своим противникам: как брахманам, так и буддистам. И здесь нашему взору предстает во всем своем великолепии действо, которое включает в себя и неочевидные и сложные отношения взаимной поддержки, и заключение противоречивых и ненадежных союзов в расчете на будущие тщательно просчитанные ходы; и неявное подстрекательство, заманивание в тайные и заранее приготовленные ловушки; и подлавливание на слове, передергивание и оборачивание смысла; сокрушение теперешних своих противников с помощью доводов других своих противников и обращение на них же самих их собственного понятийного вооружения. И не важно, захватывается ли это вражеское оружие с бою, открыто, или же посредством военной хитрости, либо каких-то иных ухищрений, — затем оно перековывается, перекалибровывается и направляется на прежнего или уже нового своего врага. И терминотворчество также является частью этой войны. Ведь всякая индийская философская школа стремится отчеканивать свои положения и высказывания в четкие и почти однозначные речения — сокращения, где посредством опущения средств выражения падежных и иных отношений некое сложное предложение или высказывание сбивается в исполненное искомого смысла речение, которое воспринимается уже как единое и однозначное слово и становится зачастую знаменем этой школы или даже ее новым оружием. И какое наслаждение получает противник, когда ему удается откованную и слаженную, казалось бы, сбойку-самасу (*samāsa*), где все части пригнаны плотно и склепаны без какого-либо смыслового зазора, перетолковать в нужном ему ключе — ловко заменить в отдельном ее сочленении отношение, допустим, шестого падежа на отношения третьего или пятого; навязать понимание татпуруши как бахуврихи или применить какой-то иной прием, отчего все высказывание рушится, а сокращение приобретает другой, противоположный, или просто нужный этому столь лукавому толкователю смысл!

Понимание всего этого для западного читателя чаще всего закрыто, ибо предполагает полное и виртуозное владение громадным, намеренно вырабатываемым, отточенным и закалившимся в этих схватках искусственным словарем, потому что ко времени, когда Утпаладева и Абхинавагупта свои произведения создавали, буддизм и разные брахманские школы уже насотворяли себе целые понятийные вселенные, которые, если и не полностью в самих себе замкнуты, даже на самый первый взгляд выглядят как явно разные и несходные миры, накопившие запасы понятий и представлений, каковые если друг с другом и сообщаются, то разве что на уровне обмена ударами. И особенно обидно за западного читателя, когда философы, ведущие такую игру, совершают свои выпады и наносят свои уколы исподтишка, действуют посредством намеков, иногда и вовсе не упоминая противников, и ждут восхищенного признания сокрушающей мощи этих действий от читателя-знатока, искушенного ценителя философии, который явно разделит радость и удовольствие сочинителя, когда вдруг увидит, как слабый и тонкий намек выбивает опору из под громадного и прочного здания какой-нибудь соперничающей школы и вся эта громоздкая и многими веками производимая стройка валится на глазах.

Разумеется, мы сами не дерзнем считать себя такими вот знатоками, поднаторевшими в распознавании всего этого набора понятийных вооружений и представлений всех соперничающих индийских школ. Но задачу понимания нам облегчает то, что работу Утпаладева и Абхинавагупта ведут философскую, не замыкаются в кругу собственного исповедания, а обращаются ко «всеобщности разума», пытаясь выстроить свое собственное понимание путем оборачивания и превращения всех употребляемых ими понятий внутри общего и понятного для них потока индийской мысли, на языке которой строится и их собственное учение. Ибо заимствуют ли они понятия или выдумывают и изобретают сами, эти понятия не просто определения, застывающие, как только они сложились, — это всегда мерцающие, неожиданно вспыхивающие или внезапно высвечивающиеся отражения других понятий в несущем их то мутном и бурном, то ясном и прозрачном потоке размышления, что составляет внутреннюю их движущую силу и придает на определенном срезе их взаимным отражениям единство стройного философского высказывания.

И само то, как устроено индийское философское наставление-шястра, облегчает нам решение наших задач. Сама его направленность на доказательство и убеждение другого заставляет его создателя выходить в своем рассуждении за пределы узкошкольных понятий и представлений и сосредоточивать свое внимание на обсуждении, на рассмотрении противостоящих доводов и доказательств, на опровержении возражений, на развенчании негодных мыслительных приемов, на полном разубеждении противника, свидетелем чего и станет благонастроенный читатель, который сам будет удостоверяться в правоте наставляющего. И потому подобное наставление просто вынуждает своего составителя работать по большей части не столько со своими, сколько с чужими понятиями и представлениями. Ведь и в самом деле, всякая шястра включает в себя, прежде всего, «пурвапакшу» (*pūrvapakṣa*) — «затравочное положение» или «первую посылку», то есть исходное положение противника и подкрепляющие его доводы (или же несколько положений, принадлежащих разным противникам с их собственными доводами), иначе говоря, некий «предрассудок»; затем — основательный разбор и развенчание этого предрассудка; и, наконец, — выдвижение «положения или заключения поверх прежнего» (*uttarapakṣa*), которое и станет «окончательным доказательством» (*siddhānta*), так сказать достижением положения, обязательность которого была показана рассуждением. Подобный ход рассуждения Абхинавагупта выставляет как нечто общеобязательное, потому как только через предваряющий разбор положений противников можно сделать ум читателя достаточно открытым и восприимчивым для того, чтобы он был склонен признавать необходимость и неопровержимость какого-либо вашего положения:

iha yat paramārtharūpaṃ tad āśaṅkyamānapratipakṣapratikṣepeṇa nirūpayiṣyamāṇaṃ suṣṭhutamāṃ spaṣṭīkṛtaṃ bhavati |

«Здесь, чтобы сделалось явственным существо предельного, представляемым оно должно быть наилучшим образом (*suṣṭhutamām*): посредством опровержения одного за другим (*pratikṣepa*) каждого из предполагаемых положений противников» [ĪV, vol. I, p. 51].

И потому Утпаладева и Абхинавагупта не только создают свое понимание тождества посредством рассуждения, оспаривающего правильность других представлений, они еще побуждают нас обратить взор на то, что же означает само безусловное присутствие подобного рассуждения, зачем же подобной рассудительности надо следовать, и почему подобное представление о тождестве может быть полностью понимаемым и принимаемым только посредством ее наличия и полного ее раскрытия, то есть обретаться только посредством последовательного рассуждения, идущего от изложения учений, настоящими только кажущихся, проходя через их внимательный разбор к раскрытию «предельного», точно тем же путем как, по мнению этих сочинителей, перед нами развертывается явление мира. Так, Абхинавагупта во вводном стихе ко второй главе первого раздела, посвященной тому, что же такое «пурвапакша», отождествляет ход рассуждения, ведущего нас от «первой посылки» к «конечному положению», с мировым движением, посредством которого развертывается вся полнота мира:

pūrvapakṣatayā yena viśvam ābhāsya bhedataḥ |
abhedottarapakṣāntar nīyate taṃ stumaḥ śivam ||

«Славим мы Шиву — того, кем все[4], что является посредством явления первой посылки (*pūrvapakṣatā*) через различье (*bhedatas*) ведется внутрь неразличения (*abheda*) конечного положения (*uttarapakṣa*)» [ĪV, vol. I, p. 51].

Однако что это за узнавание такое, посредством которого мы, производя различения, с необходимостью должны будем прийти к конечному положению? Для Утпаладевы и Абхинавагупты в том, что мы себя узнаем (не важно, узнаем мы себя в себе тутошнем и нынешнем или распознаем и опознаем себя в чем-то другом), есть нечто таинственное и даже неимоверное. Что, по их мнению, и будет предопределять и наше осознавание, и наше освобождение. Я сознаю, что я и есть я, иначе бы я себя и не узнавал бы, но я не совсем знаю, кто я и что я, а если б я знал, то мне и не приходилось бы себя узнавать. У меня есть сознавание своего тождества, что я есть я, сам по себе, а не только такой-то и такой-то, и именно это сознавание во всяком узнавании себя прежде всего в глаза и бросается, но само то, что делает возможным мое постоянство как узнаваемого и как себя узнающего, от меня ускользает. Как раз потому, что вполне сознавая, что я остаюсь все тем же, я не ведаю о том, что же служит основанием для этой тождественности. Именно потому, что я существо страдающее, подчиненное, чуждое самому себе в собственном смысле слова, я лишен некой самодостаточности, возвратить которую мне может только полное распознавание своего подлинного существа. И потому философы пратьябхиджни в противовес этому повседневному узнаванию себя, предстающему как то, что знаменует одновременно и мое привычное и признаваемое тождество, и заложенное в самой основе этого узнавания непризнание себя, предлагают некое предельное узнавание высшего порядка, — высшего, поскольку оно предполагает полное и окончательное постижение того, что я есть.

В жизни же трудно найти что-либо более привычное, нежели узнавание самого себя. И к чему б ты ни обратился, самого себя или признаки и следы того, что это был, сознавал, делал или чувствовал ты, ты всегда узнаешь. Так, ты узнаешь себя в зеркале, точно так же ты узнаешь себя на детской своей фотографии; ты узнаешь себя и свои

[4] «Все» здесь, как и повсюду в философских сочинениях, означает не просто «весь мир», но именно все являющееся.

мысли в письме, которое ты писал кому-то когда-то, точно так же как ты опознаешь себя в рассказах своих старых знакомых, когда они вспоминают о том, что некогда вместе вы вытворяли или переживали, когда по каким-то действиям, словечкам, поступкам ты вдруг понимаешь, что тот, о ком идет речь, и на самом деле был ты, а не кто-то иной. И не важно, сопровождается ли такое узнавание чем-то вроде утешения: «А я не так уж и изменился!», или опустошения от осознания полной беспомощности: «Чем я был, и чем же я стал, и что еще будет со мною?», такое узнавание всегда содержит в себе некое удивление и даже недоумение: неужели вот то, в зеркале, на фотографии или в рассказе — это я? При обнаружении этого тождества во мне поднимается некое самодовольство, что на самом деле, несмотря на всяческие превращения, я остаюсь все тем же, и в то же время в меня закрадывается сомнение, что все это неправда, что на самом деле ничего этого нет, что все поменялось, что я, пусть я думаю, что я тот же самый, — я на самом деле другой. Вокруг меня и во мне плодятся только мои двойники. И ни в отражении, ни на фотографии, ни в письме, ни в рассказах мне себя не найти. Узнавание себя предполагает отличение себя от себя, различье с самим собой. И с этим различьем закрадывается подозрение: «Быть может, мое тождество совершенно искусственно, что оно только кажется мне, мерещится, ибо где в точности проходит граница между изменением себя самого и превращением в иное? Престаю быть самим собой и становлюсь чем-то другим я когда?»

Тот, кто во всем этом себя признает, обычно в оправданье пытается выдать такой ответ: «Да это все потому, что во мне имеется некое единство сознания, память, и я могу воспроизводить воспоминания, узнавая себя как то же самое поверх всяких изменений, со мною происходящих, и эта-то вот непрерывность сознания и наделяет меня моим тождеством, полагаясь на которое, я думаю о себе: я мыслю, я существую, я вспоминаю». Однако такое узнавание или опознавание дает знать мне, скорее, о том, что в миг, каковой я едва ли могу уловить, я уже себя прозевал, уже успел подзабыть себя настолько, что мне снова приходится себя опознавать. Такое повторное овладение собой говорит мне о том, что во мне самом всегда возникает зазор или отступ, из-за которого мне приходится себя схватывать, воспринимать себя как самого себя, превращать себя в предмет своего восприятия. И это обратное восприятие себя как самого себя ставит под сомнение законность моего равенства себе, истинность моего тождества.

Здесь нам стоит припомнить, что в истории индийской философии буддизм как раз и стал тем учением, под ударами которого всякое тождество себя самому себе развалилось и, казалось бы, было окончательно похоронено. Ведь он учит: всем правит закон непостоянства. В этом всеобщем и постоянном преобразовании всякое изменение себя становится превращением в иное, ведь когда что-то от себя отличается, оно тут же становится иным, и подобное различение с самим собой, раз уж оно с необходимостью подразумевает превращение в иное, прямо разрушает всякое тождество. И тогда мнимым оказывается всякое узнавание, потому как ничто и никогда самому себе тождественным не бывает, ведь это вечное возникновение отличия есть также постоянное разрушение и исчезновение того, что уже есть, и что бы мы не узнавали или не опознавали, узнаем и опознаем мы всегда не по праву; и потому для буддистов узнавать — это просто строить в умозрении, мысленно собирать некое совершенно отвлеченное тождество, искусственно сооружаемое при упразднении и

полном забвении той безусловной единичности, что в каждое мгновение, исчезая, тут же появляется вновь. И то «само́», себя, вещи, — то, что узнается, для буддистов исключения из этого закона не составляет, потому как вся борьба с тождеством и будет разворачиваться вокруг этого «сама́» вещи или «сам» самого тебя. Ведь именно такая возвратность — сам, собой, самое себя, ты сам — подводит под нечто его самое как его собственную основу, делает все для самого себя и самому себе основанием. Но такое обращение для буддистов не есть какое-то исконное настоящее, сущность, которая обеспечивала бы тождество основания, но только некое производное от нашей способности измышлять мнимое тождество там, где существует лишь постоянное превращение в иное, и то, что мы объявляем основанием, подкладкой, подлежащим, является лишь чредой мгновенных прилучений, неизбывно друг от друга отличных. «Вечному возвращению того же самого» буддисты противопоставляют вечное возвращенье различья.

Это вечное возвращение ставит под вопрос любой вид тождества, включая и тождество, которым я дорожу больше всего, — тождество меня самого. И кто бы в Индии ни принимал этот бросаемый буддистами вызов, кто бы ни отвечал бы на этот удар, оказывается перед выбором: либо признать, что всякое различье и есть лишь только превращение в иное, и пытаться мыслить тождество как простое неразличение, или же, вычитая различье из бытия, твердить о том, что «небытия нет», — и это решение, которое в Индии приписывается адвайта-веданте; либо все же пытаться понимать тождество, не объявляя его загодя противостоящим всякому виду различения, постараться произвести нечто подобное включению различья в тождество, а тождества — в различье, предполагая, что тождество держится различием и из различья, но держится, не устраняя его, а вторит себя в различьи, непременно присутствуя в нем как то, что различается. Может ли тогда различье определяться иначе, нежели просто порождением или наличием иного, а то же самое — иначе, нежели просто отсутствием различья? Может ли продолжаться различье в тождестве, а тождество повторять себя в различьи, вырывая его, ко всему прочему, из-под власти здравого смысла, когда мыслит только немыслимое, ощущает неощущаемое, видит только невидимое? И может ли тождество устранить этот разрыв в способностях, и есть ли, вообще, этот разрыв? И так ли необходимо все время выпадать в предметное, чтобы затем вновь подверстывать под него основание? И если тождество повторяет себя в различьи, то, как различье, коли оно длится в некоем вечном свечении в себе, в неколебимом безмолвии или безветрии, нирване, может породить перепад, мысль, понижение силы этого света, его погружение во тьму, в толщу бытия? Обреченные на противостояние буддизму, пратьябхиджня и разные другие брахманские школы, в том числе и некоторые ответвления веданты, вступая на этот второй путь, пытались пробиться к решению этих вопросов и признавать более или менее приемлемыми для себя некоторые из находимых решений.

Так кто же все-таки я такой, согласно Утпаладеве, кем себя же мне надо узнать? С кем или с чем свое тождество установить? Кажется, что в его ответе нет почти ничего нового для брахманских школ. Узнать себя, как о том говорит само название его стихов («Ишьварапратьябхиджня-карики» или «Стихи об узнавании себя как предельного обладающего»), надо — что вполне согласуется с шиваитскими агамами — «ишьваро́й» (*īśvarā́*) или «махешьваро́й» (*maheśvarā́*), то есть «предельным обладающим»,

«всесобственником», (причем, «маха-» (*mahā-*) в этом «махешьваре́» также приходится толковать не только как высшую степень чего-либо, исключительность или образцовость, но и как высшую степень охвата: как «предельновсеобъемлющее») [Офертас 2012, с. 218-220, сн. 10], то есть как-то уловить, или же уяснить свое тождество (*tādātmya*) между мною, живущим, переживаемым и переживающим, и Шивой или Махешьваро́й, которого большинство брахманских школ склонно изображать как некое безусловное и беспредельное, условно говоря, сознание, обладающее бесконечными действительностями-шякти (*śakti*), как это во множестве шяйвских сочинений чаще всего и описывается.

Ведь и Утпаладева, и Абхинавагупта, казалось бы, так прямо и заявляют, что понимание, заложенное в основу их учения, исходя из которого все это ученье выстраивается, по большей части уже изложено в «агамах» — в сочинениях, которые в шяйвизме считаются откровениями. И в самом деле, согласно этим агамам я не есть что-либо из тех частностей, в коих я обыкновенно привык себя узнавать, ведь я не есть ни свое собственное тело, ни разные переживаемые состояния сознания, с этим телом связанные и потому привязанные к некой чреде последовательных точек пространства и времени. Ибо на самом-то деле, я есть вечнонеизменное вмещающее бытие-внимание, явление-внимание, — «чит» (*cit*), вне которого не существует ничто. Я есть вечнонеизменное (*nitya*) бытие и внимание, которое на поверхности этого вечнонеизменного всеявляющего и всевмещающего бытия предстает как сознание, то есть, которое, давая мне быть, сознает и действует во мне беспрестанно, так же как и во всех других существах, нисколечки не изменяясь. Однако благодаря тому, что это всеявляющее бытие-внимание «чит» способно себя недоосознавать, оно может рассматриваться и выступать как сознание, которое свойством вечной неизменности наделяют лишь по какой-то нелепой опрометчивости. И более того: это вечное неизменное явление и включение всего, «чит», уже способное себя недоосознавать, способное становиться частично для самого себя непрозрачным, каким-то неимоверным образом доходит до того, что в какой-то степени забывает, что оно есть одно-единственное всеохватывающее, всесознающее и всетворящее, различающееся с собой и повторяющее себя, основание — одновременно, опора, подлежащее и собственник всего.

И согласно неудваивающим шяйвским агамам, как раз потому, что обыкновенно я отчужден, сделан чужим самому себе этой способностью выделившегося и отграниченного сознания себя дурачить, я есть подлежащее для страдания и для смерти, однако, безусловное единство бытия и внимания есть вечное блаженство, к которому я могу прийти при условии, что пойму, кто я есть.

— Ну и кто же тогда в пратьябхиджне себя узнает? Кто, являющийся этим вечнонеизменным бытием-вниманием, выступающим как всеохватывающее сознание, впадает в самоослепление, которое заставляет узнавать себя в чем-то, а не во всем? Где и в чем он должен найти и опознать то бытие, в котором он стремиться себя узнать и отождествить?

— Мы уже говорили, что пратьябхиджня, следуя агамам, предлагает тебе осознать себя в предельном обладающем, ишьваре́, — господе, владыке, владетеле, хозяине, владельце или собственнике всего.

— Но, а если такое тождество только измышляемо? И разве не окажется тогда такое неправомерное тождество подстановкой, принятием на веру, ничем не обеспеченным отождествлением себя с тем, что не есть ты сам? Ведь так, когда ты еще не знаешь себя, можно признать себя в чем угодно: в боге, в сверхчеловеке, в чистом сознании, космическом сознании, в некоем «высшем я», в собственном мозге, теле, в отвлеченно представляемом бытии? Такое тождество ничем, кроме веры, не обеспечено и окончательно обеспеченным быть никак не может.

— Тогда, может быть, нам лучше вернуться к тому, о чем мы уже говорили, к той чистой возвратности «ты сам», которая уже упоминалась нами как основание всякой очевидности и как чистое выражение всякого тождества. Ведь как мы уже отмечали, пратьябхиджня пытается идти по пути иного понимания различия и тождества и пытается под нападками буддиста наличие этого «ты сам» отстоять и для этого как бы понарошку соглашается даже на предположение о существовании у этого «ты сам» некоего сознания, или же свойств сознания. Мы же, однако, оставив пока в стороне обсуждение вопроса о существовании или несуществовании сознания (которое, заранее оговоримся, есть, конечно же, чистая выдумка), пойдем на поводу у этого предположения, всегда имея в виду, что сознания нет. Никакого сознания нет. А не только отдельного от бытия. То есть будем держать четкую установку на неудвоение, простодушно ожидая, что в итоге наших изысканий к недвойственности и отсутствию другого мы все-таки придем.

Ведь это только на первый взгляд кажется, что речь в сочинении идет о «Махешьваре́», великом или предельном обладающем, как о некоем господе, с которым, дескать, неизбежно (чаще всего после уже умирания) надо отождествиться. Так, уже во второй карике первой главы-ахники (а в «Бхаскари» эта карика вообще заявляется как первая) [ĪVBh, vol. I, p. 48], высказывается недоумение, что когда само собой и совершенно естественно ты сам — предельный обладающий, только существо бессознательное или невнимающее станет доказывать или отвергать то, что выступает как единственная, подлинная и настоящая очевидность — себя самого:

kartari jñātari svātmany ādisiddhe maheśvare |
ajaḍātmā niṣedhaṃ vā siddhaṃ vā vidadhīta kaḥ ||

«Когда же ты сам по себе есть изначально уже очевидный (*ādisiddha*) создатель (*kartṛ*), сознаватель (*jñātṛ*), предельновсеобъемлющий владыка-собственник [всего], кто, если он не бессознателен (*ajaḍa*) сам, станет приводить опровержения или доказательства наличия самого же себя?» [ĪK, p. 2].

Конечно же, перевести можно было бы и гораздо резче: «Да кто, если он сам по себе не полный болван, будет производить доказательство, либо опровержение по отношению к самому себе — сознающему, действующему, изначально уже очевидному, предельновсеобъемлющему владыке-собственнику [всего]?»; однако словечко «джячжа» (*jaḍa*), все-таки, помимо указания на невменяемых брахманских противников, придерживающихся представлений о бессознательности тебя самого, обозначает здесь еще и все то косное, что противостоит живому, переживающему, внимающему и отвечающему, то есть тому, что не-косно, в данном случае тому, что наделяется исключительными свойствами, силами, быть внимающим, откликающимся, а значит, сознающим, действующим; и только далее к этим положительным способностям

добавится и третья способность — действительность исключения, могущество исключать, изымать, откладывать или опровергать (*apohanaśakti*).

Абхинавагупта же в своем толковании, разобрав решения разных брахманских школ на счет бессознательности и невменяемости, либо сознательности и вменяемости тебя самого, подытоживает содержание этой карики, обращая внимание на то, что тот, кто силится доказать или опровергнуть существование самого себя, этим «ты сам» уже наделен еще до всякого отношения к тому, принимают ли его (это сам) за сознательное или за бессознательное, а если говорить точнее, за являющее (*ajaḍa*) или неявляющее (*jaḍa*):

na ca jaḍātmā svātmany api durlabhaprakāśasvātantryaleśaḥ kiṃcit sādhayituṃ niṣeddhuṃ vā prabhaviṣṇuḥ pāṣāṇa iva; na cājaḍātmano'py etad ucitam, tathā hi sa svātmani siddhim itthaṃ kuryād yady asya so'bhinavatvena bhāsamānaḥ pūrvaṃ na bhāsate, anābhāsanaṃ cej jaḍataiva | niṣedhaṃ cetthaṃ vidadhyād yadi sa na prakāśate tathā ca jaḍaḥ, na ca jaḍasyaitad yuktam ity uktam, nāpy ajaḍasya; tasmāt saṃvitprakāśa eva ghaṭādiprakāśaḥ, na tv asau svatantraḥ kaścid vāstavaḥ; prakāśa eva cātmā; tan na tatra kārakavyāpāravat pramāṇavyāpāro'pi nityatvavat svaprakāśatvasyāpi tatra bhāvāt ||

«Ведь неверно говорить, что нечто само по себе неявляющее (*jaḍa*), не получившее для себя даже частички столь трудно обретаемой самодостаточности являющего света (*prakāśa*), способно что-либо опровергать в отношении самого себя (*svātman*) или доказывать, словно булыжник. Но это же невозможно говорить и в отношении того, что само по себе ненеявляющее (*ajaḍa*). Ведь так, к примеру, если оно подобное доказательство [в подтверждение существования] самого себя осуществляет, то из-за проявления себя как полностью нового оно прежде не является, [а потом является]. А ведь непроявляться — это значит быть неявляющим.

И точно так же опровержения [в отношении существования самого себя] оно [являющее, небессознательное (*ajaḍa*)] не произведет, ведь если являться оно не будет, то тогда оно неявляющее. И тем самым сказано, что все вот это [опровержение и подтверждение в отношении существования самого себя] для неявляющего [бессознательного] невозможно, но так же [невозможно] и для являющего. От того и свет, являющий сознание, — это то же что и свет, являющий горшок и прочее, а это вот [являемое] не самодостаточно и какой-либо бытийности не имеет[5]. Являющий же свет — это ты сам и есть. И тогда получается, что, оттого что его [этого "ты сам"] бытование есть вечнонеизменный сам себя являющий свет, то как к нему, вечнонеизменному, неприложимы задающие действие знаменователи-караки (*kāraka*), так неприложимо к нему и свидетельство (*pramāṇa*)» [ĪV, vol. I, p. 34–35].

[5] Выходит, что то, что мы называем сознанием, противопоставляя его либо бытию, либо бессознательному, есть нечто в строгом смысле несуществующее, ибо его можно явить и представить: оно само имеет ровно ту же степень бытийности, что и горшок. То есть, по большому счету оно есть являемое, а не являющее. Однако что это здесь за сознание такое, чье свойство — являться, являть себя и себе, все проявлять, всему давать быть? Ведь в новоевропейском понимании сознание призвано сознавать уже существующее, уже явленное, бытующее, то, что есть до сознания. И словом «сознание» мы привыкли называть недостаточное, то, за чем что-то «есть». Какая-то другая действительность. В объем новоевропейского понятия сознания это свойство — являть себе все всегда и сразу — не умещается. И потому наше слово «сознание» не совсем годится для передачи индийского понятия «чит», которое есть и вмещающая полнота, охватывающая все бытие, и одновременно являющее внимание, дающее быть всему, на что оно ни разомкнется.

Как мы тут видим, пратьябхиджня, исходя просто из общеиндийских философских представлений, показывает, что существование тебя самого ни опровергаться, ни доказываться не может. Хотя бы потому, что опровергать и доказывать — это действия. А как действие, так и сознавание, а уж тем более свидетельствование, — это события словесно обуславливаемые, из искусственно разъединяемых частей слагаемые, и созидаются они как таковые лишь на основе рассуждений совершенно определенных, в данном случае, создаются как производные от различений индийских грамматиков, где, например, для того чтобы определялось наличие действия (*kriyā́*), надо обязательно и преднамеренно выделять его деятеля (*kartr̥*), затем — дело или предмет, на что это действие направлено, в предложении выражаемый прямым дополнением (*kárman*), а потом еще — средство или орудие исполнения (*karaṇa*). Словом, действие есть то, что составляется из знаменователей или составителей действия — «карак» (*kāraka*); а значит, само такое искусственно сообразуемое действие недействительно. Так что деятелем (*kartr̥*), подлежащим действия, ты становишься только по недоразумению, по заблуждению, и вкушаешь плоды своих действий, лишь занимая место внутри этого круга словесных различений. Такое понимание как раз и служит основанием, на котором строятся учения о недеянии не только в пратьябхиджне, но и в некоторых других, прежде всего тантрических, индийских философских школах, причем как брахманских, так и буддийских. Точно так же, чтобы при дознавании или в рассуждении тебе стать свидетелем (*pramātr̥*), подставиться, занять место в этом искусственном круге свидетельствования (*pramā́*), произвести время и обрести пространство, то есть выстроить для себя и для других представления, надо выделить для этого являющего света свидетеля (*pramātr̥*), свидетельствуемое (*prameya*), саму улику-свидетельство (*pramāṇa*); и только лишь тогда это станет «настоящим» освидетельствованием (*pramiti*), установлением правильности, судебной или научной истинности, которое будет работать для других, но не для тебя самого, который всегда есть исключительно лишь «ты сам» (*ātman*) — мерило всему, ясный, всегда сознающий и всегда все сам себе являющий, все задающий свет, пра-свет (*prakāśa*).

Продолжая же и далее всматриваться в этот отрывок и представляя себе все следствия приводимого в нем рассуждения, мы также понимаем, что это «ты сам», будучи основанием самого себя, единственно тем, что только по-настоящему и существует, не только являет все, но и предоставляет себя для всего остального в качестве основания. Дробится на множество оснований. Так, исходя из своей чистой возвратности, оно дает свои правомочия всем остальным основаниям, а не только действию, сознаванию, существованию или свидетельствованию: возникает предмет — оно будет этому предмету подлежащим; возникает восприятие — оно будет воспринимающим; сознавание — сознающим, свидетельство — свидетельствующим, переживание — переживающим, воспоминание — вспоминающим; в узнавании оно будет узнающим, в действии оно будет действующим, в обладании — владеющим, собственником, в высказывании — сказывающим, и так далее. И при явлении чего-либо, когда происходит размыкание этого света, при любой возвратности к тому «из чего», что бы не представало основанием являемого, что бы ни оказывалось ему подлежащим, подкладкой, подом, подложкой, подметкой или основой, речь всегда идет

о тебе самом — о том само́м, что сознает, являет, воспринимает, действует, переживает, вспоминает, говорит, мыслит или рассуждает.

Можно привести пример, как в знаменитой «Тантра-алоке», «Обозрении тантр» (*tantrāloka*) [TĀ] Абхинавагупты, во второй главе, описывающей освобождение без подхода (*anupāya*), когда ты становишься свободен тут же, вдруг, внезапно, как только понял (*sakṛt*), из-за того что этот круг не разомкнут, что он размыкается только умышленно, под останавливающим, коснящим взглядом созерцателя, нарочито возникающего в виде основы, в этом свете, который есть ты сам, «когда не присутствуют еще ни деятель, ни дело, ни [само] действие» (*kartṛkarmakriyojjhite*) [TĀ, vol. 2, ch. 2, p. 21], все что ни подставляется в качестве основы чего-либо настоящим основанием не будет, ибо таким основанием, держащим на себе все другие подметки и подложки, может быть только чистая возвратность тебя самого как явления всего, как являющего и озаряющего света, светоявления (*prakāśa*):

Naiṣa śaktir mahādevī na paratrāśrito yataḥ |
Na caiṣa śaktimān devo na kasyāpy āśrayo yataḥ ||24||
Naiṣa dhyeyo dhyātrabhāvān na dhyātā dhyeyavarjanāt |
Na pūjyaḥ pūjakābhāvāt pūjyābhāvān na pūjakaḥ ||25||
Na mantro na ca mantryo'sau na ca mantrayitā prabhuḥ |
Na dīkṣā dīkṣako vāpi na dīkṣāvān maheśvaraḥ ||26||

«Он не действительность-шякти, не великая богиня,
Оттого что иному не прилагается.
И он так же не бог — обладатель действительности,
Оттого что ничему не опора.
Не созерцаемое он, из-за отсутствия созерцающего,
И не созерцатель, из-за выключения созерцаемого.
Не обожаемое он, из-за отсутствия обожателя,
Из-за отсутствия обожаемого он и не обожающий.
Не речение он и не рекомое,
И не изрекающий — всеисточающий.
Не посвящение он и не посвящающий,
И посвящению он не держатель — предельный обладающий» [TĀ, vol. 2, ch. 2, p. 19–20].

Эта чистая возвратность, обращая на себя всякое основание, каждый раз непостижимым образом подвертывается как основа и для предмета, и для мысли, и для высказывания, и для существования. Но подстилаясь, подлегая, становясь подложкой или подметкой, подходя под всякое являющееся основание, она всегда одна и та же — то, без чего бы не было ничего, ничего бы не возникало бы. При возникании и беспрестанном мельтешении любой двоицы: предмета и подлежащего, бытия и сущего, мыслящего и мыслимого, бытия и сознания и так далее (и не важно, что тут первее: подлежит ли предмету подлежащее, основывается ли на нем предмет, притыкается ли подлежащее к прочно существующему предмету как простой привесок нему, или подлежащее как основание уделяет предмету часть своей признанной и неотторжимой бытийности) — только эта чистая возвратность наделяет этих двоих, предмет и его основание, единым отношением: они различаются, случаются, являются, получаются, повторяются и обращаются в нем. Всякое подлежащее и всякий предмет чего бы то ни

было получают их надежное основание только от тебя самого. Однако это «ты сам» не дается ни как внешнее, ни как внутреннее: оно ближе ближайшего и дальше дальнего; оно каждый раз, возвращаясь, дает этому внешнему и этому внутреннему стать: миру — миром, собственнику — самим собой, наделяя их действительностью и дозволяя им быть тем, что они есть. Будучи и миром, и собственником, оно не подставляется под передачу его языком предметного описания.

Когда же мы обращаем внимание на то, как переводится индийское слово, передающее это возвратное «ты сам» на языки европейского круга, у нас появляется невольное ощущение трагикомичности происходящего. Ведь к сожалению, об этой возвратности «ты сам» и о том, что дело всегда идет о тебе самом, переводчики индийских шястр либо не слишком подозревали, либо же не стремились к тому, чтобы об этом заподозрил кто-то еще, предпочитая оставлять словечко это, «атман», без перевода, и тогда читатель волен был видеть в нем какой-то диковинный предмет, нечто неопределенное и не совсем понятное — какого-то странного индийского философского бога, дух, душу, мировую душу, южно-азиатскую разновидность сознания, вселенское или космическое сознание или еще что-либо подобное из набора столь же общих вещей. Иногда же это слово в переводах приводится и с большой буквы «Атман» с намеком на нечто возвышенное, исключительное или священное, и — тут уж воображению неискушенного читателя всегда будет где разгуляться.

Но то было по большей части во времена стародавние, ныне же появилось обыкновение — и оно стало более или менее общепринятым — передавать это индийское слово «*ātman*» европейским искусственным словечком «самость» (иногда с большой буквы), что опять же искушает тебя как читателя видеть в этом существительном хотя и нечто необычайно существенное, но существующее от тебя отдельно, даже если это внутри тебя самого, — некое глубинное и сокрытое «я», «бессознательное» или, наоборот, самое чистое и отрешенное сознание, пребывающее в тебе, или вне тебя, но всегда как то, что может быть или не быть где-то, у кого-то, либо же у всех или во всем сразу. И к тому же слово «самость», сопрягающее в себе качества и назначения существительного, которые от него не отмысливаются, наделяет то, к чему оно отсылает, бытийностью существительного и исподволь побуждает рассматривать это как нечто иное, как некое отдельное сущее, которое легко подставляет себя в качестве двойника, как некое подлежащее или основание, существующее само по себе (даже если при первом же вопрошании подобное основание выкажет свою безосновность); поощряет к удвоению и предвосхищению в нем того, что уже наличествует и присутствует, только еще не воспринимается, предвоспринимается, однако самим этим предощущением полагается непременно существующим, выставляется в предметное (даже если запрет на его опредмечивание заявляется загодя) и тем самым невинно допускает явственную возможность того, что не только с ним самим, но и с тем, удвоением чего оно является, к чему отсылает и что обозначает, как с существительным можно и обращаться, что его, как существующее и существом обладающее, можно рассматривать и им обладать. Но само то, что-де призвано обозначать это существительное «самость», оно такое, что неприложима к нему не только существительность, неприложима к нему даже бытийность нашего «быть»; ведь как не может оно быть существительным, так не может оно выражаться и через бытийность этого нашего «быть», и как «быть» всего, и уж тем более как «быть»

наряду с чем-то и кем-то. Такая «самость» тебя неизбежно удваивает, производит тебе двойника. Все и каждый могут обладать такой «самостью» как чем-то, как всякий и каждый обладает, к примеру, личностью.

Но ты сам, эта вот самость, — не чья-то. Где-то еще и у кого-то ее нет. Существительным она быть не может. Она не надуманный твой двойник. Она только ты сам. Как чистая возвратность «ты сам» она не может тебя удвоить и вывести вне себя.

И словно внемля древнему совету, призыву античной философской «махавакьи» «*γνῶθι σαυτόν*» — «сознавай себя» — начертанной на дверях храма Аполлона в Дельфах, пратьябхиджня предлагает своим последователям опомниться и узнать и каждое мгновение сознавать, что же такое ты сам. Почти уговаривает:

— Ну, вот видишь: ты все можешь, всем обладаешь! Ну хотя бы потому, что ты же еще и Шива, Махешьвара́, — сознавай!

Литература / References

Офертас С. Ч. Мир без Другого. Одна онтологическая возможность Индии (На основе сочинений шиваитской Парама-адвайты) // *Индия — Тибет: Текст и феномены культуры. Рериховские чтения 2006–2010*. М., 2012. С. 209–225 [Ofertas S. Ch. World without the Other. An Ontological Possibility of India (Based on the Works of Sivaism Parama-Advaita) // *India — Tibet: Text and Cultural Phenomena. Roerich Readings 2006–2010*. Moscow, 2012. Pp. 209–225 (in Russian)].

ĪV — *The Īśvara-pratyabhijñā of Utpaladeva with the Vimarśini by Abhinava-gupta*. Ed. with notes by M. R. Shāstrī. Kashmir Series of Texts and Studies 22 and 33. 2 vol. Srinagar, 1918, 1921 [].

ĪVBh — *Īśvara-pratyabhijñā-vimarśinī of Abhinavagupta. Doctrine of Divine Recognition*. Vol. I & II: Sanskrit Text with the Commentary Bhāskarī. Ed. by K. A. S. Iyer and K. C. Pandey. The Princess of Wales Saraswati Bhavana Text. 70, 84, Allahabad, 1938, 1950.

ĪVBh, III — *Īśvara-pratyabhijñā-vimarśinī of Abhinavagupta. Doctrine of Divine Recognition*. Vol. III. Tr. by K. C. Pandey, ed. by R. C. Dwivedi. The Princess of Wales Saraswati Bhavana Text 84. Allahabad, 1954. — XVII.

ĪVV — *The Īśvarapratyabhijñā Vivritivimarśini by Abhinavagupta*. Ed. by M. K. Shāstrī. Kashmir Series of Texts and Studies 60, 62, 65. 3 vol. Bombay, 1938, 1941, 1943.

LIV [ĪK] — Torella R. *Īśvarapratyabhijñākārikā of Utpaladeva with the Author's Vṛtti*. Critical Edition and Annotated translation (Roma, 1994). Corrected Edition, Motilal Banarsidass, Delhi, 2002.

ŚD — *The Śivadriṣṭi of Śrisomānandanātha with the Vritti by Utpaladeva*. Ed. with Preface and Intr. by M. K. Shastri, Kashmir Series of Texts and Studies 54, Srinagar, 1934.

TĀ — *The Tantrāloka of Abhinavagupta with Commentary by Rājānaka Jayaratha*. ed. with notes by M. K. Shāstrī, Kashmir Series of Texts and Studies 23, 28, 29, 30, 35, 36, 41, 47, 52, 57, 58 & 59. 12 vol. Allahabad, Srinagar, Bombay, 1918–1938.

В ПОИСКАХ ЭМОЦИЙ ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ, ИЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ К «АФФЕКТИВНОМУ ДИСКУРСУ». ЧАСТЬ IV. ЛИДЕРЫ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

И. П. Глушкова*

Памяти
д-ра Ашока Келкара (1929–2014)

В обзорной статье из пяти эпизодов представлены основные теоретико–методологические подходы в области emotional / affective studies, популярных в западной академической науке и малозаметных в отечественной. Предваряя публикацию 5-го тома междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА), прокладывающего дорогу к анализу эмоциональных парадигм южноазиатского ареала, статья одновременно задается вопросом: каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложим к другой? Первый эпизод с опорой на классические труды по философии и психологии ставил вопрос о терминологических дефинициях и, с учетом доминирования англо-саксонской школы, о смысловых коррелятах из других языковых и культурных систем. Второй эпизод, черпая из трудов социальных и культурных антропологов по исследованию «экзотического чужого», продемонстрировал расхождение универсалистской концепции, утверждающей одинаковость эмоций для разных культур и времен, и конструктивистской, считающей их культурно обусловленными и/или социально конструируемыми. Третий эпизод был посвящен преимущественно двум направлениям в лингвистическом анализе эмоций — метафорическому и смысловому и их знаменитым авторам, в числе которых, Джордж Лакофф, Золтан Ковечеш, Анна Вежбицкая и Виктор Шаховский. Четвертый — предлагаемый ниже — эпизод выделяет наиболее важные труды и концепты в области «истории эмоций», уже получившей широкое признание как самостоятельной дисциплины, и прослеживает ее историографию.

Ключевые слова: эмоциональный / аффективный поворот, эмоционология, эмоциональный стандарт, эмоциональный опыт, эмотив, теория речевых актов, «гидравлическая» модель, аффективное сообщество, объект историзации.

IN SEARCH OF EMOTIONS UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA, OR AN INVITATION TO THE 'AFFECTIVE DISCOURSE'. PART IV. LEADERS OF THE HISTORY OF EMOTIONS

Irina Glushkova

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

In remembrance of
Dr Ashok Kelkar (1929–2014)

This five-episode survey deals with main theoretical and methodological approaches within the field of emotional / affective studies, well established in the Western academic scholarship but are still of unspectacular character in Russia. Briefly prefacing a publication of the 5th volume of the 'Under the Skies of South Asia' project (USSA), which starts the road to the analysis of the emotional paradigms of the South Asian milieu, the paper also asks ourselves if a discourse on emotions in one cultural model can be applicable to another? The 1st episode drawing from classical works in philosophy and psychology dealt with terminological definitions, and, taking into account the domination of Anglo-Saxon school of thought, dwelt on semantic correlates from alien linguo-cultural contexts. The 2nd episode, drawing from the studies of social and cultural anthropologists of an "exotic other," demonstrated the divergence of a universalist concept that affirms the sameness of emotions for different cultures and times, and a constructivist one that considers them culturally conditioned and / or socially constructed. The 3rd episode focused on two principal approaches — metaphorical and semantic — towards description of the linguistics of emotions, and to their promoters, including George Lakoff, Zoltan Kövecses, Anna Wierzbicka, and Victor Shakhovsky. The following 4th episode highlights the most important works and concepts in the field of "history of emotions" already widely recognized as an independent discipline, and traces its historiography.

Keywords: emotional / affective turn, emotionology, emotional standard, emotional experience, emotive, theory of speech acts, "hydraulic" model, affective community, object of historization.

В научном дискурсе за пределами России общие позиции все-таки существуют, в том числе, признание приоритета французского историка Люсьена Февра и его статей «Психология и история» [Febvre, 1938] и «Чувствительность и история» [Febvre, 1941] в качестве посыла к историзации душевных движений личности и коллектива [Plamper, 2015, p. 40; Зорин, 2016, с. 9]. В 1985 г. американцы Питер и Кэрол Стёрнс, историк и психолог, опираясь на труды антропологов, подытожили начальный период нового направления, как они полагали, в рамках социальной истории, сформулировав по сути манифест о признании истории эмоций — эмоционологии — самостоятельной дисциплиной [Стёрнс, Стёрнс, 1985]. Пользуясь личными дневниками, автобиографиями, художественной литературой в соединении с материалами из эмоционально накаленных эпох социального протеста (забастовки, демонстрации, революции), они предложили различать «эмоциональные стандарты», т. е. предписанные реакции, и «эмоциональный опыт», т. е. частное выражение эмоций, отличные друг от друга в разные исторические периоды и у разных социальных групп. Пламper справедливо указывает, что тем самым в повестку дня был внесен принципиальный вопрос — об источниках, их труднодостижимости и вследствие этого вопрос претензий относительно неполноты, ограниченности или нерепрезентативности подручного материала. К тому же с появлением к началу XXI в. таких исследовательских маркеров, как «тело», «гендер», «возраст» и т. д., соединение эмоционологии с социальной историей стало выглядеть неоправданным [Plamper, 2015, p. 57–58].

В дальнейшем безусловными лидерами в формировании механизмов истории эмоций стали два американских историка — упомянутый в Части III моего обзора автор «иного эмотива» Уильям Редди и Барбара Розенвейн. Редди изобрел свой эмотив позже,

Илл. 1. Уильям Редди (по: http://people.duke.edu/~wmr/portrait%20jan%2014.jpg)

но, естественно, независимо от В. И. Шаховского [1], и обосновал в статье «Против конструктивизма: историческая этнография эмоций» [Reddy, 1997]. Ее название указывает на несогласие Редди (*илл. 1*) с гипертрофированной социализацией процесса чувствования, поскольку социально сконструированное может иметь только локальное значение. Он отталкивается от постструктуралистских философских, социологических, историко-культурных и пр. платформ Мишеля Фуко, Пьера Бурдьё, Энтони Гидденса и других крупных мыслителей XX в., в разные периоды своей жизни отдавших дань увлечения психологией, психопатологией и психиатрией, но дискутирует не с ними, а с наиболее известными социал-конструктивистами, прежде всего с упомянутыми в Части II настоящего обзора Лилой Абу-Лагход и Катериной Лац [2], а также с Бенедикт Грима [Grima, 1991; 1992], более десятилетия прожившей в тесном контакте с афганскими беженцами и местными пуштунскими племенами на северо-западе Пакистана. Т. е. фактически американец-франкофон формулирует новый концепт, отталкиваясь от «экзотического» чувствования бедуинов Аравии, микронезийцев с тихоокеанского атолла и, что важно для проекта ПНЮА, ираноязычной группы из отдаленного уголка «под небом Южной Азии», при признании гендерного фактора и даже его преимуществ, поскольку вступает в спор с антропологами-женщинами, получившими доступ в женский мир, закрытый для мужчин–исследователей. Пересказывая выводы именно Грима относительно *gham* («sorrow, pain, hardship, suffering») и ее квалификации эмоции как артефакта культуры, Редди вскрывает в специфике эмоции двуединство описания и действия. Возвращаясь к «мужскому» философскому взгляду и «философии обыденного языка» Джона Остина [Austin, 1975], Редди транспонирует оба полюса — универсализм и социальный конструктивизм — на разработанную Остиным «теорию речевых актов», сопоставив первый с «констативом», т. е. с попыткой говорящего идентифицировать свое внутреннее, не видимое никому, ощущение и тем самым произвести его оценку, а второй — с «перформативом», поскольку выраженное чувство («мне грустно», например) оказывает воздействие на само чувствование: «Подобные высказывания, в которых референт высказывания меняется под его воздействием, я предлагаю называть “эмотивом”... Эмотивы сами являются инструментами для прямой замены, создания, сокрытия, усиления эмоций...» и т.д. [Reddy, 1997, p. 331]. В конечном счете, утверждая, что природа и культура взаимозависимы, а выражение чувств представляет собой своего рода перевод универсального опыта на язык культуры, Редди, синтезируя универсализм и конструктивизм, интерпретирует *gham* пуштунских женщин не как «[концепт], навязывающий [в определенных ситуациях переживание] горя, но как некоторые, конвенционально более предпочтительные по сравнению с другими, эмотивы, через какой-то промежуток времени начинающие существенно влиять на индивидуальную

[1] О концепции В. И. Шаховского и соответствующую библиографию см. [Глушкова, 2019б, с. 179–182].

[2] О работах Абу-Лагход и Лац и соответствующую библиографию см.: [Глушкова, 2019а].

эмоцию, что приводит к определенному балансу в жизни общества и идеологической усвояемости [заложенных в эмотивах смыслов]» [Reddy, 1997, p. 334].

В монографии «Навигация чувств: рамка для истории эмоций» [Reddy, 2001], ставшей своего рода испытательным полигоном, Редди расширяет дискуссионное поле и уточняет предложенные им термины. В Части I с уже привычным названием — «Что такое эмоции?» (в сопровождении ответов из когнитивной психологии, антропологии, теории речевых актов и концепции «эмоциональной свободы», или минимизации страдания) он излагает усовершенствованную теорию, экспериментируя с ней в Части II на примере французских исторических эпох с характерными для них социокультурными и политическими процессами (1700–1789 [сентиментализм], 1789–1815 [французская революция], 1815–1848 [романтизм]) и конкретного судебного case-study из начала XIX в. Итогом этого почти 400-страничного труда стало введение в оборот еще ряда концептов, в том числе, «эмоциональный режим» (комплекс предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками); «эмоциональная навигация» (маневрирование между различными конфликтующими объектами, на которые направлены эмоции); «эмоциональные страдания», «эмоциональные убежища» и т. д. «Навигация чувств: рамка для истории эмоций» в действительности представляет собой популярный в наши дни framing, или «рамочный анализ», однако концептуально-дисциплинарные рамки, в которых раскручивается мысль самого Редди, охватывают такое широкое и глубокое пространство, что исключают любую, чреватую упрощенной редукцией и собственной интерпретацией, попытку ее пересказа.[3]

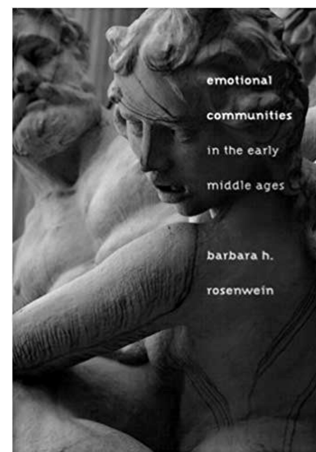
Историк-медиевист Барбара Розенвейн (*илл. 2*), в немалой степени под воздействием классического труда XX в. нидерландского историка культуры Йохана Хёйзинги «Осень средневековья» [Хейзинга, 1995], по-прежнему популярного через сто лет после его первой публикации (1919), но и в полемике с провозглашенным его автором приоритетом «детской непосредственности» в выражении чувств[4], инициировала исследование отдельной эмоции — anger, множественно проявленной в мифологии и истории древности и средневековья [Розевейн, 1998а]. Коллекция из десятка разных видов anger (монашеского, монаршего, крестьянского и т.д.), извлеченных разными авторами из средневековых источников, завершается «Заключением» самой Розенвейн [Розенвейн, 1998б]. В нем она подвергает критике «пневматическую», или «гидравлическую» модель этой эмоции (и эмоций вообще), отразившую медицинские представления средневековья о неукротимом бурлении

[3] Сомневаюсь, что это удалось и Пламперу, хотя он уделил пересказу-анализу наибольшее количество страниц [Plamper, 2015, p. 251–265]. Чтение Редди требует основательной подготовки в области тех дисциплин, элементы которых Редди привносит в свою теорию, а также — чтобы оценить ее эффективность — глубокого знания французской истории. К слову, его статья 1997 г. сопровождается сразу шестью реакциями на введение «эмотива» (одна из которых принадлежит Лац). «Навигация...», естественно, также стала объектом многочисленных рецензий, в том числе, Барбары Розенвейн («амбициозная, смелая и важная книга» [Rosenwein, 2002, p. 1181]).

[4] «Когда мир был на пять веков моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которыми и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка» [Хёйзинга, 1995, с. 19].

телесных жидкостей (humor [5]), рвущихся наружу, что зафиксировано в метафорах языкового тезауруса.

Илл. 2. Барбара Розенвейн и «Эмоциональные сообщества в раннем средневековье» (по: https://eu.spb.ru/images/newsimg/l_prev160514-2-1.jpg; https://blackwells.co.uk/bookshop/product/9780801444784?gC=5a105e8b&gclid=Cj0KCQiAno_uBRC1ARIsAB496IWUkFVWVXgy1GSdLaqJ05k8LznqXTAVPvZCSdLM80cllVK38KsW-q4aAn-nEALw_wcB)

Последовавший за этим историографический обзор «С беспокойством об эмоциях в истории» Розейнвейн ценен тем, что расходится во многих оценках с «Историей эмоцией» Плампера: упоительно-тонкий, местами едкий анализ Розенвейн выдает в ней генератора идей, в то время как тактично-сдержанный Плампер в большей степени выступает в роли их агрегатора. Розенвейн начинает как раз с Февра, осознавшего, как она полагает, в контексте нацистской оккупации Парижа эмоциональный, а не политический, потенциал истории, способный в любую минуту «захлестнуть» интеллектуальную жизнь, и призвавшего к изучению ее «темных сторон» — ненависти (hate), страха (fear) и жестокости (cruelty), а также любви (love), легко переходящей в навязчивую страсть (passion) и похоть (lust) (*илл. 3*). Но она же и критикует Февра за фактическую легитимацию «детскости» Средневековья» на фоне призывов к созданию «моральной истории» [Rosenwein, 2002, p. 821–823]. А вслед за ним и Стёрнсов с их «несимпатичным», но полезным неологизмом «эмоционология», хотя и «сводящим диапазон ее применения фактически к периоду, который ее создал», т. е. описанному Питером Стёрнсом в исследовании об американском гневе [Stearns, 2006]. Этот период — со

Илл. 3. Эмблема Центра исследования эмоций (Queen Mary University of London) (по: https://twitter.com/emotionshistory)

[5] Ср. лат. humor, «влага», фр. humeur (XII в.), англ. humour / humor (XVI в.), рус. «юмор» как результат «бурления» внутренних «соков», приводящих к хорошему настроению. См. подр. [Зализняк, 2012].

второй половины XVIII в. и далее — характеризуется утратой «детской» непосредственности [Rosenwein, 2002, p. 826], ставшей, как это объяснял Норберт Элиас [Элиас, 2002] и его единомышленники на образцах поведения придворной элиты, объектом сдерживания и, наконец, подчинившейся диктату современных государств, которые превратили частные уклады и эмоциональные стили в обязательные общие нормы. «Короче говоря, — резюмирует пролегомены к собственным построениям Розенвейн, — история Запада выглядит как история нарастающего эмоционального сдерживания. О Греции и Риме вообще можно забыть: разве Гомер не воспевал сладостный восторг гнева? Средневековье по эмоциям соответствовало непосредственному, несдержанному, открытому и не знающему смущения ребенку. Современный период (определяемый по-разному) принес с собой самодисциплину, контроль и подавление» [Rosenwein, 2002, p. 827][6]. Охватывая диапазон от Макса Вебера и кальвинистов до Зигмунда Фрейда и Мишеля Фуко и сопоставляя исследовательские векторы США и Европы, Розенвейн обнаруживает все ту же «гидравлическую» модель, которая все еще перекачивает соматические «соки»[7], что, наряду с идеями, закрепленными в языке, остается питательной почвой для универсализма и лежит в основе гранд-нарратива [Rosenwein, 2002, p. 836].

Розенвейн утверждает, что эта модель опровергнута уже дважды. Когнитивный подход 1960-х гг. рассматривает эмоции как часть процесса восприятия и оценки, а не как силы, ищущие выхода вовне, т. е. когнитивные психологи усматривают в них результат суждения о «радости и горе» (weal and woe) или индивидуального понимания того, что хорошо или плохо, приятно или болезненно: сначала — оценка, затем эмоциональный сигнал (учащенное сердцебиение, потоотделение) и, наконец, готовность к действию: убежать, ударить или что-то еще. «Хотя большинство когнитивных психологов верят в некоторые базовые эмоции, общие для всех — например, fear (страх) и anger (гнев) включены почти в любой список, — ясно, что разное восприятие разными индивидами того, что отвечает или нет их собственным “радости и горю”, воспроизведут в сходных ситуациях совершенно разные эмоции» [Rosenwein, 2002, p. 836]. В 1970-х гг. к когнитивной модели присоединилась социально-конструктивистская: «эмоции зависят от языка, культурных практик, ожиданий и этических убеждений, что означает, что каждая культура располагает своими правилами для чувствования и поведения; каждая накладывает свои ограничения и поощряет некоторые формы экспрессивности» [Rosenwein, 2002, p. 837].

Переходя напрямую к истории эмоций, Розенвейн еще раз дезавуирует «детскость» Средневековья, ссылаясь, в том числе, на немецкого историка Герда Алтхоффа, который интерпретирует выделенные Хёйзингой непосредственность / несдержанность и прямоту как политический прием демонстрации власти: «[э]моции

[6] Концентрируясь на историках, чьи имена ассоциируются с формированием истории эмоции, Розенвейн не упускает случая «бросить камень» и в представителей других дисциплин, попутно замечая в пристраничной сноске: «У философов есть свой гранд-нарратив на пару с историками, ошибочно полагающий, что ранние философы разделяли mind и body, а также разум и эмоцию» [Rosenwein, 2002, p. 827, fn. 32].

[7] Одна из самых популярных книг 1990-х гг., написанных для широкой публики под воздействием распространения affective studies, «Эмоциональный интеллект. Почему он значит больше, чем IQ» Дэниела Гоулмэна, даже вынесла эту «гидравлику» в посвящение: *For Tara, wellspring of emotional wisdom* («Таре, источнику эмоциональной мудрости») [Goleman, 1996].

телеграфировали информацию». Она отмечает, что «эмотивы» Редди поглощают «эмоционологию» Стёрнсов, а сам Редди преувеличивает роль эмоционального вокабуляра, поскольку считает вербализацию чувства доказательством его осознанности, хотя в ряде культур такие физические проявления, как «покраснение», «дрожь», «распухание» могут иметь большее значение, чем слова. По убеждению Розенвейн, серьезные медиевисты более чем в словах заинтересованы в жестах, присутствующих в большом числе источников — хрониках, балладах, хартиях, юридической документации [Rosenwein, 2002, p. 841]. Виртуозно выписанный Розенвейн историографический обзор — жемчужина своего жанра — на самом деле открывает дверь к ее собственной «негидравлической» инновации — «эмоциональным сообществам», выводимым ею из социальных ячеек (семья, соседи, гильдия и т.д.): «исследователь должен вскрыть систему их чувствования: что эти сообщества (и индивиды внутри их) определяют и оценивают как полезное или вредное; как они определяют качество эмоций других; каковы признаваемые аффективные связи между людьми и каковы модальности эмоционального выражения, которое они ожидают, поощряют, терпят и порицают» [Rosenwein, 2002, p. 842]. Розенвейн подчеркивает обыденность перехода из одного сообщества в другое («из таверны в зал суда»), сопровождаемое соответствующим эмоциональной перенастройкой, что предполагает сосуществование в индивиде более одной культурной модели. Даже конкретная эмоция» из XIV в., например, hatred («ненависть») — может квалифицироваться как «болезнь души» в тетрадке псаломщика и как праведное чувство (*ius*), позитивный компонент чести в марсельских кварталах того же периода, одновременно не признававшийся Анжуйской монархией, чьи официальные лица формировали иное эмоциональное сообщество, но возвращались к ненависти–чести, оказываясь не при дворе, а в своем квартале [Rosenwein, 2002, p. 844]. Статья Розенвейн стала ее манифестом, обозначившим направление поисков: «Новый нарратив будет распознавать разные эмоциональные стили, эмоциональные сообщества, эмоциональные отдушины и эмоциональные сдерживания в *каждый* период и будет объяснять, как и почему они со временем менялись» [Розенвейн, 2002, с. 845].

Как и Редди, который сначала вынес «эмотив» в публичный дискурс и раскрыл его потенциал в книге, уже второе десятилетие остающейся на пике горячих дебатов, Розенвейн сформулировала новый концепт в вышеуказанном обзоре, но раскрыла механизм его действия на конкретных примерах в монографии «Эмоциональные сообщества в раннем средневековье» (*илл. 2*) [Rosenwein, 2006]. Выбранный исторический диапазон с VI по VII в. автор считает звеном между древностью и средними веками, предшественником современной западной цивилизации. Этот период изобилует родовыми и видовыми «эмоциональными» словами, несмотря на то, что ни одно из них не является собственно «эмоцией», проникшей в среду англофонов в период «психологического бума» XIX в., хотя латинские источники содержат выражения *motus animi,* «движения души», и *commotus,* «шаткий» и «возбужденный», послужившие основой для дальнейшей деривации все еще неопределенного термина [Rosenwein, 2006, p. 32–56]. Фактически Розенвейн на материалах Римской Галлии и Франкского государства разбирает четыре case studies (погребальные надписи из Трира, Клермона и Вьена; проникновенную переписку между епископом Тура Григорием Турским и епископом Пуатье Венанцием Фортунатом; официальные корреспонденции

из нейстринской канцелярии короля Хлотаря II и гневные тексты в жанре *passiones*, отражающие страдания мучеников) и этими примерами конкретизирует и углубляет разработанную теорию. Редди охарактеризовал ее достижения как real tour de force, подлинный / подлинные «прорыв / чудеса ловкости и изобретательности / проявление таланта», и landmark, «ориентиром / береговым знаком», не удержавшись от использования «навигационной» лексики, хотя русский перевод может предложить и другие варианты — «веха / поворотный пункт».

Абсолютной ценностью в методологиях обоих авторов–оппонентов является их приверженность строго отмеренным историческим срезам и узко-локальным социальным группам, что подразумевает опору на оригинальные первоисточники (недостижимый — в связи с лингвистическим угасанием — подход в отечественной индианистике). Исследуя конкретное, они обнаруживают общее, и их case studies превращаются в эталон микроисторических исследования[8]. Наконец, Редди (в статье «Исторические исследования самого себя и эмоций» [Reddy, 2009]) и Розенвейн, периодически подвергая ревизии историографию «эмоционального бума» и учитывая разновекторные находки из разных областей гуманистики, социальных и когнитивных наук, путем отбора позиций и концептов формируют (каждый свое) видение истории «истории эмоций». Последний — просветительский («для неоперившихся исследователей») — совместный труд Розенвейн и Рикардо Кристиани «Что такое история эмоций?» открывается сентенцией из «Анны Карениной» Льва Толстого («Может ли кто-либо в действительности сказать, что чувствует другой?») и недоуменной ремаркой Дездемоны из шекспировского «Отелло» («Я понимаю ярость в твоих словах. Но не твои слова») [Rosenwein, Christiani, 2018, p. 1][9]. В четырех компактных главах — «Наука», «Подходы», «Тела», «Будущее» — густо сконцентрировано главное: анализ «легиона» научных дефиниций «эмоции»; эксперимент по сопоставлению текстовых методик Стёрнсов, Редди, Розенвейн и перформативной методики Алтхоффа на примере такой неэмоциональной сущности, как Декларация независимости США (*илл. 4*) (с извлечением из нее «счастья» [happiness] как универсального и неотъемлемого права); выделение концепта «открытого и пористого» (open и porous) тела — в противопоставлении его «закрытому и автономному» (bounded и autonomous) — в его постоянном взаимодействии с окружающим миром; и демонстрация «нетронутого потенциала» и прагматики истории эмоций при анализе продуктов современной массовой культуры — детской литературы и видеоигр. Неоднократно упоминаемый мною в качестве «ариадниной нити» труд

[8] Как раз этот путь в свое время прошел Виктор Тэрнер, англо-американский антрополог, по результатам полевой работы в центральноафриканском племени ндембу на основе идей лаиминальности и коммунитарности создавший одну из самых глобально дискутируемых теорий паломничества. См. [Глушкова, 2000; Глушкова, 2008]. По тому же принципу в целом организован сборник «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоции» [Плампер, Шахадат, Эли, 2010], хотя в самом названии «история эмоций» перехлестывается с «культурной историей», также уже ставшей самостоятельным направлением.

[9] Пер. обоих эпиграфов с англ. яз. — мой. В день, когда я, находясь в г. Пуне (Махараштра, Индия), читала «Что такое история эмоций?» Розенвейн и Кристиани, удивляясь соседству Толстого и Шекспира, и писала эти строки, в маратхиязычной газете *Loksattā* (24.11.208) была опубликована статья «Шекспир: с точки зрения Толстого…» (автор Манодж Патхаркар) о критическом отношении Толстого к английскому драматургу, изложенная Толстым в очерке «О Шекспире и драме» (1906).

Илл. 4. Декларация независимости США (по: https://emotionsblog.history.qmul.ac.uk/wp-content/uploads/2019/10/Declaration.jpg)

Я. Плампера также носит широкий просветительский характер, а его автор явно «зависает» на страницах, посвященных Редди, в то время как меня — рационально-эстетически — влекут неумолимая логика, изысканная простота и тонкое остроловие розенвейнских построений [10]. Впрочем, у меня есть и другие «любимчики» из разных уголков эмоционально-аффективного дискурса.

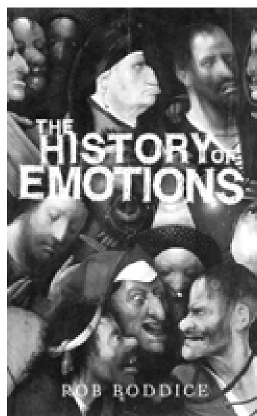
Последнее слово в этой области [11] принадлежит молодому и плодовитому английскому историку Робу Боддису, только что представившему еще одну обобщающую «Историю эмоций» [Boddice, 2018] [12]. Он принципиально отрицает создание истории этого феномена путем перечисления хронологических вех без главного — историзации объекта изучения, т.е. самой эмоции. Подобно Редди и

[10] Что не отменяет моих общих сомнений относительно равных возможностей западных теорий при исследовании незападного материала. В июне 2017 г. Розенвейн была главным докладчиком на пленарном заседании Ежегодной конференции Международного общества по культурной истории, посвященной *Senses, Emotions & the Affective Turn. Recent Perspectives and New Challlenges in Cultural History* (университет г. Умео, Швеция). Мой вопрос-комментарий о специфических проблемах исследователя, находящегося за пределами англо-саксоно-латинского тезауруса и исследующего эмоциональную структуру социума вне пределов как англо-саксоно-латинского мира, так и собственной культуры, она перевела в русло «вообще».

[11] «Последнее слово» — исключительно в темпоральном смысле, поскольку речь идет о работах 2017–2019 гг., однако Боддис, как и Розенвейн и Анна Вежбицкая (см. Часть II настоящего обзора), одновременно является моим собственным выбором, обошедшим труды таких известных в «эмоциональном поле» ученых, как американского историка и теоретика риторики Дэниэля М. Гросса (эмоции как риторические конструкты, выражающие определенные социальные идеологии) [Gross, 2006; Gross, 2017] и историка из Германии Уте Фреверт (возникающие и исчезающие эмоции на примере генеалогии сочувствия, сострадания и т.д.) [Frevert, 2011]. Упомянутые книги (за исключением Вежбицкой) совершенно эмоционально дополняют позиции своих авторов: обложка уже вышедшей «История эмоций» Боддиса плотно забита средневековыми уродцами с гиперактивной мышечной мимикой на искаженных лицах; рекламируемая «История чувств» представляет сбитые в кучу монохромные портреты как бы «корчащих рожи» персонажей Нового времени; «Эмоциональные сообщества» Розенвейн, наоборот, не вполне логично представлены единичной римской статуей, пребывающей в изумлении, возможно, отображающем процесс наложения одной культурной модели на другую; на обложке «Эмоции в истории? Потерянные и обретенные» изображены три яркие фигуры со стертыми чертами лиц, вернее, пустыми овалами на их месте; наконец, супрематический стиль «Секретной истории» Гросса бьет по глазам черно-красно-белой гаммой, словно заманивающая реклама триллера.

[12] Манифест подготавливал почву для восприятия весьма жесткой и энергичной «Истории эмоций» с разбивкой по главам, вписывающим эмоцию («скользкую категорию») в разные пласты человеческого опыта, в том числе, в процессе «делания» истории [Боддис, 2018]. В 2019 г. ожидается его же «История чувств» (*A History of Feelings*) с реконструкцией истории «невысказанного [словом]» — жестов, аффектов и испытанного на пересечении таких комплексов исторического исследования, как власть, практика, общество и мораль. См. Frevert U. *Emotions in History: Lost and Found.* URL: https://www.jstor.org/stable/10.7829/j.ctt1281z9 (Дата обращения 07.12.2019).

Розенвейн, Боддис в качестве тизера предваряет свою книгу интенсивно-насыщенным манифестом «История эмоций. Прошлое, настоящее и будущее», в котором упрекает (т. е., «подливает масла в огонь») историков эмоций за неучастие в попытках дефиниции исследуемого объекта и одновременно призывает, вслед за социальными нейронауками последних лет, к преодолению зависимости от психологизма: «Мы не можем сначала определять, что такое эмоции, а потом спокойно писать о них» [Boddice, 2017, p. 11] (*илл. 5*), поскольку качество эмоции, а вместе с ней и дефиниция, меняются сообразно изменениям социального контекста. Такой подход, по мнению Боддиса, полностью выхолащивает из упрощенной диады природа–культура навязанный ей смысл и выводит на первый план концепцию биокультурного целого, интегрирующей «подсознательное» и «сознательное». Будучи связанным с историей медицины и проблемами морального статуса / авторитета, в том числе, при контактах человека с животным [13], Боддис провозглашает «биокультурный поворот», что означает упор на эволюционную биологию и нейропластичность, а не на социальный конструктивизм, и тем самым коренным образом меняет исследовательскую парадигму. Он объявляет эмоции эпифеноменом исторического опыта и поэтому нацеливает историков на понимание не эмоций per se, но форм и последствий их возбуждения и переживания, а также на открытое ниспровержение каких бы то ни было «моделей базовых эмоций» вкупе с основными положениями многочисленных теорий аффектов [Boddice, 2017, p. 12].

Илл. 5. «История эмоций» и «История чувств» Роба Боддиса (по: https://manchesteruniversitypress.co.uk/9781784994280/; http://www.reaktionbooks.co.uk/display.asp?ISB=9781789140675)

Блистательный лингвист д-р Ашок Келкар (*илл. 6*), которому посвящен обзорный текст, считался, по общему мнению, «сухарем», с чем я категорически не согласна. Страдающий рядом телесных недугов и малоподвижный, он разговаривал акустически неярко, к тому же приглушая себя неистребимой привычкой полуприкрывать рукой собственный рот. Речь его, однако, была преисполнена множеством «ароматов» и «соков» (он любил английское слово flavour и санскритское *rasa*), доступных восприятию тех, кто был частью сложившегося вокруг него «аффективного сообщества». Он придумал «остро-терпкое» название для эссе о своей семейной жизни, написанное по моей просьбе, — *The Plural of Spouse is Spice*, название которого я так и не смогла перевести. В нем, в частности, он кратко упомянул о том, что семью заводить не намеревался и его брак был «устроен» его родителями в соответствии с индусскими обычаями. Как вдруг: «Скоро я обнаружил, что существую и поэтому чувствую. Я также обнаружил, что безудержно влюбляюсь в свою жену. Как я теперь задним умом понимаю, она, вероятно, не была подготовлена к этому и даже

[13] Его докторская работа (2006) называется «Скотские удовольствия: кровавый спорт в Англии, 1776–1876» (*Beastly Pleasures: Blood Sports in England, C. 1776–1876*).

Илл. 6. Ашок и Диша Келкары (*фото автора*)

расстроилась — правда, весьма очаровательно, но, безусловно, расстроилась. Перед свадьбой ее все убеждали, что она выходит замуж за человека в высшей степени рассудительного… Она же восхищалась мною, была влюблена в мою любовь к ней (которая, наверное, все-таки создавала для нее определенные неудобства), и ей почти что удалось полюбить меня самого. Почти, но не совсем…» [Келкар, 1996, с. 232–233]. Мне доподлинно известно, какие страсти бушевали после этого в доме Келкаров.

Литература / References

Глушкова И. *Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры*. М., 2000 [Glushkova I. *Indian Pilgrimage: the Metaphor of Motion and the Motion of Metaphor*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Глушкова И. *Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры*. М., 2008 [Glushkova I. *Mobility and Endeavour. Theory and Practice of Tirtha-Yatra.* Moscow, 2008 (in Russian)].

Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть II. «Рог изобилия» и свобода трудного выбора // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(а). № 2. С. 247–255 [Glushkova I. P. In Search of Emotions under the Skies of South Asia, or an Invitation to the 'Affective Discourse. Part II. "The Cornucopia" and Freedom of Difficult Choice // *Vestnik Instituta vostokovedenia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 2. Pp. 247–255 (in Russian)].

Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть III. Экскурс в эмоционально-лингвистическую прагматику // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(б). № 3. С. 170–183 [Glushkova I. In Search of Emotions under the Skies of South Asia, or an Invitation to the 'Affective Discourse. Part III. An Overview of the Linguo-Emotional Pragmatism // *Vestnik Instituta vostokovedenia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 3. Pp. 70–183 (in Russian)].

Зализняк А. А. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира* // М., 2012. С. 419–427 [Zaliznyak A. A. Humour and Wit in the European Cultural Perspective // Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Constants and Variablles in the Russian Language World Picture*. Moscow, 2012. Pp. 419–427 (in Russian)].

Зорин А. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века*. М., 2016 [Zorin A. *The Appearance of the Hero. From the History of the Russian Emotional Culture of the Late 18th—Early 19th Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Келкар А. Брачный союз: точки зрения партнеров // Глушкова И. П. (отв. ред.) *Индийская жена. Исследования, эссе*. М., 1996. С. 228–236 [Kelkar A. Marital Life: the Partners' Perspective // Glushkova I. P. (ed.). *Indian Wife. Research papers and essays.* Moscow, 1996. Pp. 228–236 (in Russian)].

Пламппер Я. *История эмоций*. Пер. с англ. К. Левинсона. М., 2018 [Plamper I. *The History of Emotions.* Tr. By K. Levinson. Moscow, 2018 (in Russian)].

Пламппер Ян, Шахадат Ш., Эли М. (отв. ред.). *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций*. М., 2010 [Plamper I., Shahadat Sh., Eli M. (eds). *The Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Хёйзинга Й. *Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XIV веках во Франции и Нидерландах*. Т. I. Сост. и пер. Д. Б. Сильвестров. М., 1995 [Huizinga J. *The Waning of the Middle Ages. A Study of the Forms of Life, Thought and Art in France and the Netherlands in the 14th and 15th Centuries*. Moscow, 1995 (in Russian)].

Элиас Н. *Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М., 2002 [Elias N. *The Court Society: Studies in the Sociology of the King and the Court Aristocracy*. Moscow., 2002 (in Russian)].

Austin J. L. *How to do Things with Words*. Harward, 2nd ed. (1962), 1975.

Boddice R. *The History of Emotions*. Manchester, 2018.

Boddice R. The History of Emotions. Past, Present, Future // *Revista de Estudios Sociales*. 2017. 62. Pp. 10–15.

Febvre L. La sensibilité et l'histoire: Comment reconstituer la vie affective d'autrefois? // *Annales d'histoire sociale (1939–1941)*. T. 3. 1941. No. ½. Pp. 5–20.

Febvre L. Psychologie et histoire // *Encyclopédie francaise*. Vol. 8. *La vie mentale*. Paris, 1938.

Frevert U. *Emotions in History? Lost and Found*. Budapest, New York, 2011.

Goleman D. *Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ*. New York,1996.

Grima B. The Role of Suffering in Women's Performance of Paxto // Appadurai Arjun, Korom F. J., Mills M. A. (eds.). *Gender, Genre and Power in South Asian Expressive Traditions*. Philadelphia, 1991. Pp. 81–101.

Grima B. *The Performance of Emotion among Paxtun Women*. Austin, 1992.

Gross D. M. *The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science*. Chicago, 2006.

Gross D. M. *Uncomfortable Situations: Emotion between Science and the Humanities*. Chicago, London, 2017.

Plamper J. *The History of Emotions. An Introduction*. Tr. by Keith Tribe. Oxford, 2015.

Plamper Jan. *Geschichte und Gefül. Grundlagen der Emotionsgeschichte*. München, 2012.

Reddy W. M. Historical Research on the Self and Emotions // *Emotion Review*. 2009. 1.4. Pp. 302–315.

Reddy W. M. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, 2001.

Reddy W. M. Against Constrictivism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. 38.3. Pp. 327–351.

Rosenwein B. H. *Anger's Past. The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages*. Ithaca, London, 1998a.

Rosenwein B. H. Controlling Paradigms // Rosenwein B. H. *Anger's Past. The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages*. Ithaca, London, 1998b. Pp. 233–247.

Rosenwein B. H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, London, 2006.

Rosenwein B. H., Christiani R. *What is the History of Emotions?* Cambridge, 2018.

Rosenwein B. H. Review Essay. Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*. 2002. 107.3. Pp. 821–845.

Rosenwein B. H., Reddy W. M.. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions // *Amercian Historical Review*. 107.4. Pp. 1181–1182.

Stearns P. N. *American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. London, 2006.

Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. 1985. 90. Pp. 813–836.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Frevert U. *Emotions in History: Lost and Found*. URL: https://www.jstor.org/stable/10.7829/j.ctt1281z9 (дата обращения 07.12.2019).

СОВРЕМЕННЫЕ ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ В МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В. В. Досовицкая*

Проблема политики Японии в первой половине XX в. вызывает активный интерес в самой Японии и за ее пределами. Книжные магазины Японии заполнены как научно-популярной, так и более специализированной литературой, каждый год выходят многочисленные работы, связанные с политикой Японии в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. В данной статье мы остановимся на литературе, которая посвящена большому эпизоду в истории Японии — политике Японии в маньчжуро-монгольском регионе в первой половине XX в. Под современными исследованиями будут подразумеваться работы, вышедшие в 2000–2019 гг. Это публикации Асада Масафуми, Кобаяси Хидэо и Като Йоко. Автор не ставит перед собой цель охватить работы всех исследователей, а останавливается на самых ярких представителях японского научного сообщества.

Ключевые слова: японская историография, внешняя политика Японии, ЮМЖД, Маньчжуро-Монголия, Маньчжурия, Первая мировая война, Вторая мировая война, империализм.

MODERN JAPANESE SCHOLARS ON JAPANESE POLITICS IN MANCHURIA-MONGOLIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Vera V. Dosovitskaya

The problem of Japanese politics in the first half of the 20th century arouses active interest in Japan and in the world. Japan's bookstores are filled with popular scientific literature as well as with specialized works. Numerous publications related to Japanese politics in East, Southeast and Central Asia are issued every year. In this article, we will focus on the literature, which is devoted to a large episode in the history of Japan — Japanese policy in the Manchuria-Mongolian region in the first half of the 20th century. Some works published in 2000–2019 will be analyzed in this article. Among those are publications of Asada Masafumi, Kobayashi Hideo and Kato Yoko. The author of the article will focus on the works by the most prominent representatives of the Japanese scientific community and he does not pursue to cover all the works by all the scholars.

Keywords: Japanese historiography, foreign policy of Japan, South Manchuria Railway, Manchuria-Mongolia, Manchuria, the First World War, the Second World War, imperialism.

* Вера Валерьевна ДОСОВИЦКАЯ, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dosovitskaya@ivran.ru

Vera V. DOSOVITSKAYA, PhD (History), Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dosovitskaya@ivran.ru

Маньчжуро-монгольский регион (также известный как Маньчжуро-Монголия, в японской историографии — *маммо:*, 満蒙), о котором пойдет речь в статье, — территория, населенная маньчжурскими и монгольскими народами. В территорию *маммо:* входят, собственно, сама Маньчжурия (по-японски — *мансю:*, 満洲), а также восточная часть Внутренней Монголии (по-японски — *наймо:ко*, 内蒙古). На современной карте мира *маммо* — это три провинции в Северо-Восточном Китае (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) и восточная часть автономного района в составе КНР — Внутренняя Монголия, то есть территория, которая на данный момент входит в состав Китайской Народной Республики [Асада, 2014, с. 3; Кобаяси, 2008, с. 14]. На севере *маммо:* граничит с Россией, на востоке — с Монголией (также известна как Внешняя Монголия), на западе — с российским Дальним Востоком, на юге омывается Восточно-Китайским морем и на юго-западе граничит с Корейским полуостровом.

Термин *маммо:* впервые появился после русско-японской войны 1904–1905 гг., когда по Портсмутскому мирному договору 1905 г. Японии отошли Южный Сахалин, права на аренду Ляодунского полуострова и южная часть Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) — так называемая Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД, яп. 南満洲鉄道, *минамимансю:тэцудо:*). Этот термин мало распространен в отечественной историографии, однако в архивных документах Российских Государственных архивов встречается нередко, особенно в переводах сводок японской прессы [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 183. Л. 9; Ф. 532. Оп. 4. Д. 335. Л. 58].

В 1906 г. на основе ЮМЖД было создано акционерное общество — Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (ЮМЖК, яп. 南満洲鉄道株式会社, *минамимансю:тэцудо:кабусикигайся*, или кратко 満鉄, *мантэцу*). Создание общества стало главной мерой по экономическому и политическому укреплению Японии в Маньчжуро-Монголии. *Мантэцу* превратилась в основной канал проникновения сюда японского капитала и в главное средство эксплуатации этих земель. Дело в том, что кроме железных дорог и железнодорожных мастерских, эта компания владела угольными шахтами в Фушуне и Яньтане, железными рудниками в Аншане, газовыми лесопильными заводами, доменными печами и т.д. Крупнейшие японские *дзайбацу* «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» владели акциями *мантэцу* [Досовицкая, 2014, с. 30]. Япония активно эксплуатировала ресурсы этого региона, а после Маньчжурского инцидента в 1931 г. и основания годом позже Маньчжоу-го (яп. 満州国, *мансю:коку*) Япония стала безраздельно владеть этой территорией.

В Маньчжурии началось строительство металлургических, химических, машиностроительных и горнодобывающих предприятий, то есть, делалось все для подготовки Японии к войне на материке. Вся промышленность находилась под жестким государственным контролем, а большинство предприятий принадлежало государственным или полугосударственным компаниям.

Очень характерно описывают роль Маньчжурии для Японии некоторые исследователи: она являлась «плацдармом Японии на континенте», «источником сырья, продуктов, растущим рынком для сбыта японского экспорта, а также ценным объектом инвестирования и перспективным местом для переселения возрастающего населения» [Stewart, 1935, p. 182], ресурсной базой [Culver, 1945, p. 160], «Фландрией и Эльзас-Лотарингией» Дальнего Востока [Lattimore, 1932, p. 290.], «Балканами Дальнего

Востока» и «землей обетованной» для китайских беженцев и переселенцев из Японии [Kawakami, 1932, p. 111]. А японские власти настаивали на том, что именно маньчжуро-монгольский регион является экономически и географически самым благоприятным для Японии как поставщик недостающих продуктов и промышленного сырья [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 183. Л. 116].

В данной статье мы остановимся на работах некоторых представителей японского научного сообщества, которые, на наш взгляд, в наибольшей степени характеризуют тенденции в японской науке, задают общее направление в научном поиске и оказывают сильное влияние на формирование общественного мнения.

В первую очередь, хотелось бы отметить работы молодого японского исследователя современной истории Японии, России, Китая и Маньчжурии — **Асада Масафуми** [1]. Несколько работ Асада — «История управления КВЖД — Россия и Маньчжурия. 1896–1935» [Асада, 2012], «Маньчжуро-Монголия. Передовая Японии, России, Китая» [Асада, 2014], «Сибирская интервенция — семилетняя война, забытая современной Японией» [Асада, 2016], «СССР и международная политика в Восточной Азии. 1919–1941» [Асада, 2017] «Современная история России и Японии: 100 лет войны и мира» [Асада, 2018] — высоко ценятся в научном сообществе и привлекают внимание и широкого круга читателей.

Одной из наиболее отличительных черт работ Асада является то, что он использует широкий круг российских архивных источников из Российских Государственных архивов — ГАРФ (Ф. Р-6081 — Управление КВЖД), АВПРИ (Ф. 150 — Японский стол), АВПРФ (Ф. 0111 — Референтура по Японии), РГАСПИ (Ф. 17 — ЦК КПСС), РГИА (Ф. 323 — правление общества КВЖД), РГВИА (Ф. 400 — Главный штаб), РГАЭ (Ф. 7733 — Министерство финансов СССР) [Асада, 2012, с. 359–447; 2014, с. 272–311].

Асада также обращается к опубликованным в сборниках архивным материалам: «ВКП(б), Коминтерн и Китай» [1994–2007], «ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае» [1994], «ВКП(б), Коминтерн и Корея» [2007], «ВКП(б), Коминтерн и Япония» [2001], «Монголия в документах Коминтерна» [2012], «Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля» [2007; 2009], а также «Документы внешней политики СССР. Т. 1-8» [1957–63].

Кроме того, Асада много работает с литературой первой половины XX в., например, с воспоминаниями врача тибетской медицины Бадмаева [Бадмаев, 1925] и русского дипломата и государственного деятеля С. Ю. Витте [Витте, 1960], востоковеда И. Я. Коростовца [Коростовец, 1923], обращается к переписке И. В. Сталина и В. М. Молотова [Письма… 1996], И. В. Сталина и У. Черчиля [Переписка… 2004], И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с Л. М. Караханом [Переписка… 2008]. Асада цитирует работы писателя и общественного деятеля Б. Б. Глинского [Глинский, 1916], историка Б. А. Романова [Романов, 1928], писателя Е. Х. Нилуса [Нилус, 1923], а также ссылается

---

[1] Асада Масафуми (麻田雅文, 1980 — н. в.) — выпускник исторического факультета Университета Гакусюин. В 2010 г. Асада защитил диссертацию, по 2012 г. работал в Обществе по продвижению науки, затем почти год проработал в Университете Дж. Вашингтона, с 2012 по 2014 гг. — в Университете Хоккайдо, в Славянском научном центре, затем был научным сотрудником в Университете Тохоку. В настоящий момент занимает должность доцента Университета Иватэ. В сферу его научных интересов входят история Маньчжурии, русского Дальнего Востока, КВЖД.

на работу исторической комиссии по описанию действий флота [Русско-японская война… 1912].

Необходимо отметить и то, что Асада следит за работой современных отечественных специалистов: в его работах можно найти ссылки на исследования Н. Е. Абловой [Аблова, 2005], В. Г. Дацышена [Дацышен, 1997], Н. П. Крадина [Крадин, 2001], И. В. Лукоянова [Лукоянов, 2008] и, конечно, В. Э. Молодякова [Молодяков, 2005; 2006; 2006].

Работы Асада также привлекают внимание широким использованием литературы на английском языке, например, исследований Д. Вольфа [Wolff, 1999], П. Е. Данскомба [Dunscomb, 2011], Дж. Лэнсена [Lensen, 1974; 1982], А. Розенбаума [Rosenbaum, 1976], Д. Схиммельпеннинка [Schimmelpenninck, 2006] и других.

Что касается японских изданий, то публикации Асада богаты японской историографией по данной теме, в частности, изданиями, считающимися классикой японской историографии, например, это работы известного японского русиста Вада Харуки [Вада, 1997; 2002; 2009], японского историка, профессора Токийского университета Кавасима Син [Кавасима, 2007; 2008; 2010], почетного профессора Университета Хоккайдо Хара Тэруюки [Хара, 1989; 1993; 1997; 1998; 2003; 2011].

В первую очередь, остановимся на работе, которая, по нашему мнению, имеет прямое отношение к исследуемой теме — «Маньчжуро-Монголия. Передовая Японии, России, Китая» [Асада, 2014]. В монографии автор пытается ответить на вопрос, какую роль сыграла Маньчжурия в международных отношениях и в мировой политике первой половины XX в., почему этот регион называли «линией жизни», «передовой России, Японии и Китая». Асада описывает события конца XIX — первой половины XX в., анализируя и японо-китайскую войну 1984–1985 гг., и историю создания КВЖД, и Боксерское восстание, и русско-японскую войну 1904–1905 гг., и другие события. По многим оценкам, это серьезная работа, в которой автор рассматривает роль железных дорог в первой половине XX в., их стратегическое и экономическое значение.

Асада стал одним из немногих исследователей, поднимающих вопрос о 270 тыс. японцев, принудительно отправленных на освоение и развитие *маммо:*[2] [Асада, 2014, с. 235]. Он призывает не забывать этот редко упоминаемый эпизод истории Японии 1920–1930 гг., унесший жизни тысяч людей. Отдавая дань роли Российской империи на Дальнем Востоке, Асада утверждает, что, вопреки заявленным целям (мир, спокойствие и безопасность), своей политикой, к сожалению, она не принесла на Дальний Восток и в Восточную Азию в целом ничего, кроме бедствий [Асада, 2014, с. 269–271].

В другой работе, «История управления КВЖД – Россия и Маньчжурия. 1896–1935» [Асада, 2012], Асада показывает, что КВЖД была не просто акционерным обществом, но настоящей колонизационной компанией наподобие Ост-Индской компании. Она контролировала весь дальневосточный регион, являлась в нем гарантом стабильности. В 30-х гг. XX в. роль КВЖД изменилась: она стала бесполезной как колонизационная компания и была продана Маньчжоу-го в 1935 г.

«Сибирская интервенция. Семилетняя война, забытая современной Японией» [Асада, 2016] — одна из книг, которые призывают не забывать о так называемой семилетней войне в Сибири — Сибирской интервенции, который предпочитают

[2] Подробнее об этой проблеме см.: [Досовицкая, 2016, с. 144–160].

умалчивать, как неприятный эпизод в истории Японии первой половины XX в. Когда происшедшее именуется в японской историографии «спасением чехословацкого корпуса», исследователи стараются выбелить бесславные события 1918–1925 гг. В своей книге Асада показывает, что Сибирская интервенция стала некой репетицией будущей Тихоокеанской войны, он описывает, как зародилась политическая система, приведшая к Маньчжурскому инциденту 1931 г. и Тихоокеанской войне 1937–1945 гг., подробно и поэтапно анализирует события, которые разворачивались на Дальнем Востоке России и в Сибири на протяжении семи лет.

Другая работа, «Современная история России и Японии: 100 лет войны и мира», [Асада, 2018], стала в некотором роде обобщающей книгой, в которой автор старается проследить всю историю взаимоотношений двух держав в период наиболее напряженных событий в Восточной Азии. Асада пытается показать, что мирные отношения между двумя государствами являются гарантом стабильности в регионе и основой для процветания обеих стран. И именно в этот период между Россией и Японией должны быть четко очерчены границы и согласованы сферы влияния.

Кобаяси Хидэо [3] также принадлежит к числу ведущих исследователей по истории Японии первой половины XX в. К наиболее известным его работам относятся «Японо-китайская война» [Кобаяси, 2007], «История Маньчжурии» [Кобаяси, 2008], «Исследовательский отдел ЮМЖД» [Кобаяси, 2015] и другие.

В своих работах Кобаяси использует источники и литературу только на японском языке. Если в его книгах и присутствуют ссылки на издания зарубежных авторов, то это официальные переводы на японский язык. Кобаяси широко цитирует работы политолога Джозефа Найя [Най, 2004], историка Эдварда Мида Эрла [Эрл, 1978], журналиста Эдгара Сноу [Сноу, 1987; 1988], в списке литературы также числится работа отечественного исследователя Аварина [Аварин, 1973].

Кобаяси много работает с трудами известных японских исследователей и политических деятелей первой половины XX в. — современников данной эпохи — Комай Токудзо [Комай, 1912; 1933; 1937; 1941] [4], Мацуока Ёсукэ [Мацуока, 1931; 1937] [5], Вада Сэй [Вада, 1939] [6] и Яно Дзинъити [Яно, 1941] [7]. Кобаяси также широко использует

[3] Кобаяси Хидэо (小林英夫, 1943 — н. в.) — японский историк и экономист. В данный момент занимает должность Советника Научно-исследовательского института автомобильной промышленности Университета Васэда. Специализируется на экономической теории Восточной Азии и колониальной экономической истории. Проводит исследовании по политике Японии в Восточной Азии до второй мировой войны, а также послевоенное экономическое развитие Японии. Родился в Токио, в 1966 г. закончил факультет экономики Токийского столичного университета, в 1971 г. аспирантуру в этом университете, в 1978 г. защитил диссертацию. До 1997 г. Кобаяси являлся профессором кафедры экономики в Университете Комадзава. В 1997 г. стал профессором Высшей школы исследований Университета Васеда. В 1998 г. совместно с Питером Дуэсом (выпускник Гарварда, сейчас почетный профессор Стэндфордского Университета) написал книгу «Иллюзия о имени Империя» [Дуэс, Кобаяси, 1998]. В 2014 г. вышел на пенсию.

[4] Комай Токудзо (駒井徳三, 1985–1962) — секретарь Государственного Совета Маньчжоу-го.

[5] Мацуока Ёсукэ (松岡洋右, 1880–1946) — японский политический деятель, министр иностранных дел Японии 1940–1941 гг.

[6] Вада Сэй (和田清, 1890–1963) — японский историк, специалист по истории стран Восточной Азии.

[7] Яно Дзинъити (矢野仁一, 1872–1970) — японский историк, специалист по истории стран Восточной Азии, почетный профессор Киотосского Университета.

информацию из отчетов и обзоров различных обществ по изучению Маньчжурии: Южно-Маньчжурской железнодорожной компании [Минамимансю:, 1919; 1925; 1928] и [Мансю:но:гё:иминхо:саку, 1936], Восточноазиатского бюро экономических исследований [То:акэйдзайтё:сакёку, 1936], ежегодников Маньчжурии [Мансю:нэнкан, 1939; Мансю:кокуцу:синсяхэн, 1940].

Она из самых известных работ Кобаяси — «История Маньчжурии» [Кобаяси, 2008] состоит из восьми глав, каждая из которых посвящена отдельному этапу в истории Северо-Восточного Китая. Кобаяси не ограничивается лишь историей первой половины XX в. Он начинает свое исследование с XVII в., в тех времен, когда Маньчжурия входила в состав Цинской империи. Конечно, особое внимание автор уделяет второй половине XIX – началу XX вв., то есть самому последнему периоду существования империи Цин и таким ключевым событиям, как японо-китайская война 1898–1899 гг., строительство КВЖД, создание Англо-японского союза 1902 г.

Кобаяси рассматривает историю Маньчжурии поэтапно, останавливаясь на каждом важном моменте. Так, вторая глава посвящена положению Японии и Маньчжурии в период больших потрясений в Восточной Азии и их влиянию на последовавшую континентальную политику Японии: русско-японская война 1904–1905 гг., победа Японии в войне и последовавшее укрепление позиций Японии на континенте в виде создания акционерного общества *мантэцу*, Синьхайская революция 1911–1913 гг., Первая мировая война и т. н. «двадцать одно требование» 1915 г., Русские революции 1917 г. [Кобаяси, 2008, с. 31–54].

В третьей главе описываются события 1920-х гг., то есть период от окончания Первой мировой войны и до создания Квантунской армии и 1931 г. — Маньчжурского инцидента [Кобаяси, 2008, с. 55–88]. Кобаяси показывает, какую роль сыграли мукденские военачальники — Чжан Цзолинь и его преемник Чжан Сюэлян. Здесь же Кобаяси уделяет особое внимание истории ЮМЖД, ведь именно в 1920-е гг. происходит экономическое укрепление влияния Японии в этом регионе, когда в лице *мантэцу* создается структура, не только занимающаяся строительством железных дорог, но и владеющая крупными промышленными предприятиями, а исследовательский отдел *мантэцу* проводит аналитическую работу и является источником ценной информации [Кобаяси, 2008, с. 41–42].

И, конечно, большая часть работы — это история государства Маньчжоу-го. Этому вопросу полностью посвящены четвертая, пятая и шестая главы [Кобаяси, 2008, с. 89–246]. Кобаяси не останавливается лишь на описании устройства государства, но также анализирует, для чего было создано Маньчжоу-го и чем оно стало для Японии. Кобаяси показывает, какие ошибки были сделаны изначально и почему все инициативы в отношении Маньчжоу-го оказались неудачными. Кобаяси рассматривает такие проблемы, как создание и реализация пятилетнего плана развития Маньчжоу-го, идею переселения японского населения в Северо-Восточный Китай [Кобаяси, 2008, с. 163–208], описывает обычную повседневную и культурную жизнь в Маньчжоу-го [Кобаяси, 2008, с. 210–246]. По мнению Кобаяси, создание Маньчжоу-го стало бесценным опытом, который Япония смогла использовать позже в 1960-х гг. — в период рекордного роста экономики (японское экономическое чудо).

Вместе с тем, конечно, необходимо отметить, что книга не совсем подходит широкому кругу читателей. В работе используется довольно сложный язык и

терминология, и ее стоит рекомендовать скорее специалистам или уже подготовленным читателям. Также к безусловным минусам работ Кобаяси необходимо отнести не совсем точный подход к указанию источников информации. Автор не дает постраничных ссылок на использованную литературу и источники. Он лишь приводит общий список литературы в самом конце книги, который выглядит как простое перечисление использованных работ [Кобаяси, 2007, с. 226–230; 2008, с. 279–286].

Интересно, что до 2013 г. работы Кобаяси высоко оценивались в научном сообществе, и многие отмечали довольно объективные оценки Кобаяси, однако затем ситуация резко изменилась. Дело в том, что в 2013 г. известный историк Хара Акира (原朗) стал публично критиковать Кобаяси за плагиат в работе 1975 г., когда Кобаяси и Акира тесно сотрудничали. Кобаяси подал на Акира в суд за клевету, и в 2019 г. его выиграл, но Хара подал апелляцию [8]. Ситуация пока не разрешилась, но научное сообщество резко разделилось на приверженцев одной или другой стороны, и работы Кобаяси подверглись жесткой критике.

Работы профессора Токийского университета **Като Йоко** [9] также посвящены истории Японии новейшего времени. Наиболее значимые ее работы — «Военная история современной Японии» [Като, 2002], «От Маньчжурского инцидента до Тихоокеанской войны» [Като, 2007], «И все равно японцы выбрали войну» [Като, 2009], «Переговоры, определившие довоенную историю, и провал Японии» [Като, 2016].

В своих трудах Като в основном использует источники и литературу на японском языке. Работы зарубежных авторов, если и присутствуют, то в переводном варианте, как в работах Кобаяси. Как и у Кобаяси, в работах Като отсутствуют постраничные ссылки на литературу, но даже при беглом взгляде видно, что исследовательница использует работы крупных специалистов в своей области: Усуи Кацуми [Усуи, 1972; 1974; 1995; 1998][10], Ито Такаси [Ито, 1978; 1983; 1993][11], Банно Дзюндзи [Банно, 1985; 1993; 2004][12], Хатано Сумио [Хатано, 1988; 1991][13], Фудзивара Акира [Фудзивара, 1991; 1997; 2001][14] и Тадзима Нобуо [Тадзима, 1992; 2008][15].

---

[8] Подробнее о конфликте Хара Акира и Кобаяси Хидэо на сайте, созданном в поддержку Хара Акира https://sites.google.com/view/aharashien/ホーム (дата обращения 23.10.2019).

[9] Като Йоко （加藤陽子, 1960 – н.в.) — японский историк, профессор Токийского Университета. В 1989 г. закончила аспирантуру Токийского Университета, некоторое время вела исследовательскую работу в Стэнфорде. Специалист по истории Японии новейшего времени.

[10] Усуи Кацуми (яп. 臼井勝美, 1924 – н.в.) — японский историк, почетный профессор Университета Цукуба. Специалист по японо-китайским отношениям периодов Тайсё и Сёва.

[11] Ито Такаси (伊藤隆, 1932 – н.в.) — японский историк, почетный профессор Токийского Университета, специалист по политической истории Японии новейшего времени, в особенности начального периода Сёва.

[12] Банно Дзюндзи (坂野潤治, 1937 – н.в.) — японский историк, почетный профессор Токийского Университета, специалист по политической истории Японии новейшего времени.

[13] Хатано Сумио (波多野澄雄, 1947 – н.в.) — специалист по внешней политике Японии, почетный профессор Университета Цукубы. Специализируется на истории дипломатии Японии.

[14] Фудзивара Акира (藤原彰, 1922–2003) — японский историк, специальность — современная история Японии. Почетный профессор Университета Хитоцубаси. Президент Исторического научного общества Японии.

Трудно не заметить, что в основном Като ссылается на литературу конца XX — начала XIX вв. И действительно, ее работы скорее носят публицистический характер и не являются научными исследованиями, построенными на привлечении исторических источников.

Первые работы Като были посвящены военной истории Японии. Так, в одной из своих первых работ, «Военная история современной Японии» [Като, 2002], Като пытается показать, что вступление Японии в Тихоокеанскую войну было обусловлено неудовлетворительными для Японии итогами Первой мировой войны. Некоторые оценки автора вызывают ощущение, что Като как будто пытается оправдать действия японских военных и политических деятелей первой половины XX в.

Однако в целом работы Като высоко оцениваются как историками, так и филологами. Так, за одну из самых известных своих работ, «И все равно японцы выбрали войну» [Като, 2009], Като получила премию Кобаяси Хидэо (小林秀雄賞, *кобаясихидэосё:*, литературная премия авторам гуманитарных исследований за выдающееся владение родным языком). Работа написана в форме лекций, где профессор истории (сама Като) приходит в клуб историков к ученикам средней и старшей школы и читает лекции в течении недели. Тема — история современной Японии с конца XIX в. (с японо-китайской войны 1984–1985 гг.) по окончание Второй мировой войны.

1–5 главы книги посвящены основным событиям первой половины XX в.: китайско-японской войне, русско-японской войне, первой мировой войне, маньчжурскому инциденту и тихоокеанской войне. Като рассматривает события поэтапно и приходит к основной мысли своей работы — весь ход истории Японии в первой половине XX в. стал отражением воли самого японского народа.

Тема история Японии в первой половине XX в. очень популярна в Японии. Конечно, это явление носит глобальный характер, а связано это, пожалуй, с тем, что пришло время для переоценки уже устоявшихся положений на основе ввода в научный оборот новых или пересмотра старых источников. Особое внимание получают вопросы, которые не поднимались ранее, рассматривались частично или были подвержены острой идеологической пропаганде. Так, например, в советское время данная тема рассматривалась на страницах общих работ по истории Дальнего Востока, Китая и Японии лишь частично, тема была политизирована и не освещалась должным образом. И только в последнее время стали появляться работы современных отечественных исследователей, которые могут претендовать на объективность и непредвзятость, на максимальное использование возможных источников и литературы.

Кроме того, необходимо помнить, что история Японии в Маньчжуро-Монголии — эти история нескольких стран: Японии, Китая, СССР, Монголии, Англии, США. Поэтому перед исследователями стоит трудная задача — оставаться максимально непредвзятыми, учитывая точки зрения всех участников. Кто-то стремится работать в этом направлении, кто-то намеренно игнорирует его, но вместе они во многом отражают тенденции в японском обществе и в целом в Японии, которая, как и другие страны, в условиях вызовов современного мира ищет себя в новой политической реальности XXI века.

[15] Тадзима Нобуо (田嶋信雄, 1953 – н.в.) — японский политолог, специалист по истории международных отношений, в особенности политики Германии на Дальнем Востоке. Профессор юридического факультета Университета Сэйдзё.

Литература / References

Аблова Н. Е. *КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века).* М., 2005 [Ablova N. E. *CER and Russian emigration to China: International and political aspects of history (first half of the 20th century).* Moscow, 2005 (in Russian)].

Бадмаев П. А. *За кулисами царизма: архив тибетского врача Бадмаева.* Л., 1925 [Badmaev P. A. *Behind the scenes of tsarism: the archive of the Tibetan doctor Badmaev.* Leningrad, 1925 (in Russian)].

Витте С. Ю. *Воспоминания.* В 3-х томах. М., 1960 [Witte S. Yu. *Memoirs.* 3 vols. Moscow, 1960 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. В 5 т. РГАСПИ, Ин-т Дальнего Востока РАН, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина. 1994–2007 [*VKP (b), Comintern and China: Documents.* 5 v. / RGASPI, Institute of the Far Eastern studies RAS, East Asian Seminar of the Free University of Berlin. 1994–2007 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007 [*VKP (b), the Comintern and Korea. 1918–1941.* Moscow, 2007 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. М., 1994 [*VKP (b), the Comintern and the national revolutionary movement in China.* Moscow, 1994 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2001 [*VKP (b), the Comintern and Japan. 1917–1941.* Moscow, 2001 (in Russian)].

Глинский Б. Б. *Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С. Ю. Витте.* Петроград, 1916 [Glinsky B. B. *Prologue of the Russo-Japanese War: materials from the archive of Count S. Yu. Witte.* Petrograd, 1916 (in Russian)].

Дацышен В. Г. *Военный потенциал Северо-Восточного Китая конце XIX в. // Международные отношения Тихоокеанском регионе в XIX–XX вв.* Хабаровск, 1997. С. 67–72 [Datsyshen V. G. *Military potential of Northeast China at the end of the 19th century // International relations of the Pacific region in the 19th and 20th centuries.* Khabarovsk, 1997. Pp. 67–72 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. 1–8. М., 1957–1963 [*Documents of USSR Foreign Policy. T. 1–8.* Moscow, 1957–1963 (in Russian)].

Досовицкая В. В. Маньчжурский вектор внешней политики Японии накануне и период Первой мировой войны // *Проблемы востоковедения.* 2014. № 4. С. 30–33 [Dosovitskaia V. V. The Manchurian vector of Japanese foreign policy on the eve and during the First World War // *Problems of Oriental Studies.* 2014. 4. Pp. 30–33 (in Russian)].

Досовицкая В. В. Японская иммиграция в Маньчжоу-Го // П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Тубчинов, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенов, А. В. Шемелин. *Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки.* Иркутск, 2016. С. 144–160. [Dosovitskaia V. V. Japanese immigration to Manchukuo // P. N. Dudin, V. V. Dosovitskaya, L. V. Kuras, S. V. Karasev, A. V. Tubchinov, V. M. Fomenko, B. D. Tsybenov, A. V. Shemelin. *State and quasi-state nature of Manchukuo: historical essays.* Irkutsk, 2016. Pp. 144–160 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: дневник И. Я. Коростовец, секретаря графа Витте.* Пекин, 1923 [Korostovets I. Ya. *The Hage from the History of Russian Diplomacy. Russian-Japanese Talks in Portsmouth in 1905: The Diary of I. Ya. Korostovets, Secretary of Count Witte.* Beijing, 1923 (in Russian)].

Крадин Н. П. *Харбин — русская Атлантида.* Хабаровск, 2001 [Kradin N. P. *Harbin — Russian Atlanti*s. Khabarovsk, 2001 (in Russian)].

Лукоянов И. В. *«Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке конце XIX — начале XX вв.* СПб, 2008 [Lukoyanov I. V. *"Keeping up with the Powers ..." Russia in the Far East, late XIX — early XX centuries.* Saint Petersburg, 2008 (in Russian)].

Молодяков В. Э. *Гото Симпэй и русско-японские отношения.* М., 2006 [Molodyakov V. E. *Goto Simpei and Russian-Japanese relations.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Молодяков В. Э. *Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско- японских отношений (1899–1929).* М., 2005 [Molodyakov V. E. *Russia and Japan: Over the Barriers. Unknown and forgotten pages of Russian-Japanese relations (1899–1929).* Moscow, 2005 (in Russian)].

Молодяков В. Э. *Россия и Япония: рельсы гудят.* М., 2006 [Molodyakov V. E. *Russia and Japan: the rails are buzzing.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Улан-Удэ, 2012 [*Mongolia in the documents of the Comintern (1919–1934).* Ulan-Ude, 2012 (in Russian)].

Москва — Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 годы: сборник документов. М., 2007. Книга 1. 1921–1926 годы [*Moscow — Tokyo: Kremlin politics and diplomacy. 1921–1931: a collection of documents.* Moscow, 2007. Book 1. 1921–1926 (in Russian)].

Москва — Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 годы: сборник документов. М., 2009. Книга 2. 1926–1931 годы [*Moscow — Tokyo: Kremlin politics and diplomacy. 1921–1931: a collection of documents.* Moscow, 2009. Book 2. 1926–1931 (in Russian)].

Нилус Е. Х. *Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг.* Харбин, 1923 [Nilus E. Kh. *Historical overview of the China Eastern Railway. 1896–1923.* Harbin, 1923 (in Russian)].

Переписка И. В. Сталина и Г. В Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом (Документы. Август 1923 г. – 1926 г.). М., 2008 [*Correspondence of I. V. Stalin and G. V Chicherin with the plenipotentiary of the USSR in China L. M. Karakhan (Documents. August 1923–1926).* Moscow, 2008 (in Russian)].

Переписка И. В. Сталина и У. Черчиля: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы и комментарии, 1941–1945. М., 2004 [*Correspondence of Stalin and Churchill: Rzheshevsky O. A. Stalin I. V. and Churchill. Meetings Conversations. Discussions: Documents and Comments, 1941–1945.* Moscow, 2004 (in Russian)].

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. (Сборник документов). М., 1996 [*Letters from I. V. Stalin to V. M. Molotov. 1925–1936 (Collection of documents).* Moscow, 1996 (in Russian)].

Романов Б. А. *Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма.* Л., 1928 [Romanov B. A. *Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the history of the foreign policy of the autocracy during imperialism era.* Leningrad, 1928 (in Russian)].

Русско-японская война 1904–1905 гг.: работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. СПб., 1912 [*The Russo-Japanese War of 1904–1905: the work of the Historical Commission to describe the actions of the fleet in the war of 1904–1905 at the Naval General Staff.* Saint Petersburg, 1912 (in Russian)].

Culver M. S. Manchuria: Japan's Supply Base // *Far Eastern Survey Coverage.* 1945. 14.12. Pp. 160–163.

Dunscomb P. E. *Japan's Siberian intervention, 1918–1922: "A Great Disobedience Against the People".* Lanham, Md.: Lexington Books, 2011.

Kawakami K. K. Manchurian background I // *Pacific Affairs.* 1932. 5.2. Pp. 111–130.

Lattimore O. *Manchuria, Cradle of Conflict.* New York, 1932.

Lensen G. A. *Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–99.* 2 vol. Tallahassee, 1982.

Lensen G. A. *The Damned Inheritance: The Soviet Union and the Manchurian Crises 1924–1935.* Tallahassee, 1974.

Rosenbaum A. Railway Enterprise and Economic Development: The Case of the Imperial Railways of North China, 1900–1911 // *Modern China.* 1976. 2.2. Pp. 227–272.

Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan.* Illinois, 2006.

Stewart J. R. Manchuria as Japan's Economic Life-Line // *Far Eastern Survey Coverage.* 1935. 4.23. Pp. 182–186.

Wolff D. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914.* Stanford, 1999.

Аварин В. *Рэккё:-тай манко:сакуси (История создания Маньчжурии великими державами).* Хара сёбо:, 1973 [Avarin V. *Rekkyo:tai manko:sakushi.* Hara shobo:, 1973 (in Japanese)].

Асада Масафуми. *Маммо:. Нитиротю:-но сайдзэнсэн. (Маньчжуро-Монголия. Передовая Японии, России, Китая).* Кодансе, 2014 [Asada Masafumi. *Mammo: nichirochu:-no saizensen.* Kodansha, 2014 (in Japanese)].

Асада Масафуми. *Нитирокиндайси. Сэнсо-то хэйва-но хякунэн (Современная история России и Японии. 100 лет войны и мира).* Кодансе, 2018 [Asada Masafumi. *Nichirokindaishi. Senso:-to heiwa-no hyakunen.* Kodansha, 2018 (in Japanese)].

Асада Масафуми. *Сибэриа сюппей. Киндайнихон-но васурэта нананэнсэнсо:. (Сибирская интервенция. Семилетняя война, забытая современной Японией).* Тюокоронсинся, 2016 [Asada Masafumi. *Shiberia shuppei. Kindainihon-no wasureta nananensenso*:. Chuokoronshinsha, 2016 (in Japanese)].

Асада Масафуми. *Сорэн-то хигасиадзиа-но кокусайсэйдзи. 1919-1941. (СССР и международная политика в Восточной Азии. 1919-1941).* Мидзудзу сёко, 2017 [Asada Masafumi. *Soren-to higashiazia-no kokusaiseizi. 1919-1941.* Mizuzu shoko, 2017 (in Japanese)].

Асада Масафуми. *Тю:то:тэцудо:кэйэйси — Росиа-то мансю:. 1896–1935. (История управления КВЖД – Россия и Маньчжурия. 1896–1935).* Нагоя дайгаку сюппанся, 2012 [Asada Masafumi. *Chu:to:tetsudo:keieishi — Rosia-to manshu:. 1896-1935.* Nagoya daigaku shuppansha, 2012 (in Japanese)].

Банно Дзюндзи. *Киндайнихон-но гайко:-то сэйдзи (Дипломатия и политика современной Японии).* Кэмбун сюппан, 1985 [Banno Junzi. *Kindainihon-no gaiko:-to seizi.* Kembun shuppan, 1985 (in Japanese)].

Банно Дзюндзи. *Сёваси-но кэттэйтэкисюнкан (Решающий момент в истории Сёва).* Тикума синсё, 2004 [Banno Junzi. *Sho:washi-no ketteitekishunkan.* Tikuma shinsho, 2004 (in Japanese)].

Банно Дзюндзи. *Тайкэй Нихон-но рэкиси (13). Киндайнихон-но сюппацу (Серия История Японии (13) Рождение современной Японии).* Сёгаккан райбурари, 1993 [Banno Junzi. *Taikei nihon-no rekishi (13). Kindai nihon-no shuppatsu.* Shogakkan raiburari, 1993 (in Japanese)].

Вада Сэй. *Синатихо: дзидзихаттацуси (История местного самоуправления в Китае).* Тюодайгаку, 1939 [Wada Sei. *Shinatiho: zizihattatsushi.* Chuodaigaku, 1939 (in Japanese)].

Вада Харуки. *Дайитидзисэкайтайсэн (Первая мировая война).* Ямакава сюппанся, 1997 [Wada Haruki. *Daiichizisekaitaisen.* Yamakawa shuppansha, 1997 (in Japanese)].

Вада Харуки. *Нитиросэнсо: – кигэн-то кайсэн (Русско-японская война – генезис и начало).* Иванами сётэн, 2009 [Wada Haruki. *Nichirosenso: – kigen-to kaisen.* Iwanami shoten, 2009 (in Japanese)].

Вада Харуки. *Симпансэкайкаккокуси (22). Росиаси (Новые издания мировой истории (22) История России).* Ямакава сюппанся, 2002 [Wada Haruki. *Shimpansekaikakkokushi (22). Rosiashi.* Yamakawa shuppansha, 2002 (in Japanese)].

Дуэс П., Кобаяси Х. *Тэйкоку-тойу гэнсо: (Иллюзия империи).* Аоки сётэн, 1998 [Duus P., Kobayashi H. *Teikoku-to yu: genso:.* Aoki shoten, 1998 (in Japanese)].

Ито Такаси. *Коноэсинтайсэй (Новая политическая структура принца Коноэ).* Тюко синсё, 1983 [Ito Takashi. *Konoeshintaisei.* Chuko shinsho, 1983 (in Japanese)].

Ито Такаси. *Сё:ваки-но сэйдзи (дзоку) (Политика периода Сёва (продолжение).* Ямакава сюппанся, 1993 [Ito Takashi. *Sho:waki-no seizi (zoku).* Yamakawa shuppansha, 1993 (in Japanese)].

Ито Такаси. *Тайсё:ки «Какусин» ха-но сэйрицу (Создание школы «Какусин» в эпоху Тайсё).* Ханава сэнсё, 1978 [Ito Takashi. *Taisho:ki kakushin ha-no seiritsu.* Hanawa sensho, 1978 (in Japanese)].

Кавасима Син. *Нитиросэнсо:-ни окэру тю:гокугайко: (Китайская дипломатия в русско-японской войне).* Юмани сёбу, 2008 [Kawashima Shin. *Nichirosenso:-ni okeru chu:gokugaiko:.* Yumani shobu, 2008 (in Japanese)].

Кавасима Син. *Сиридзу тю:гокукингэндайси (2) Киндайкокка-э-но мосаку 1894–1925 (Серия Современная история Китая (2) На пути к современному государству 1894–1925).* Иванами синсё, 2010

[Kawashima Shin. *Shirizu chu:gokukingendaishi. Kindaikokka-e-no mosaku 1894-1925*. Iwanami shinsho, 2010 (in Japanese)].

Кавасима Син. *Хигасиадзиа кокусайсэйдзиси (История международной политики в Восточной Азии)*. Нагоя дайгаку сюппанкай, 2007 [Kawashima Shin. *Hihashiazia kokusaiseizishi*. Nagoya daigaku shuppankai, 2007 (in Japanese)].

Като Йоко. *Мансю:дзихэн-кара ниттю:сэнсо:-э (От Маньчжурского инцидента до Тихоокеанской войны)*. Иванами сётэн, 2007 [Kato Yoko. *Manshu:zihen-kara nicchu:senso:-e*. Iwanami shoten, 2007 (in Japanese)].

Като Йоко. *Соредэмо нихондзинва сэнсо:-о эранда (И все равно японцы выбрали войну)*. Асахи сюппанся, 2009 [Kato Yoko. *Soredemo nihonzinwa sensou:-o eranda*. Asahi shuppansha, 2009 (in Japanese)].

Като Йоко. *Сэнсо:-мадэ рэкиси-о кимэта ко:сё:-то нихон-но сиппай (Переговоры, определившие довоенную историю, и провал Японии)*. Асахи сюппанся, 2016 [Kato Yoko. *Senso:-made rekishi-o kimeta ko:sho:-to nihon-no shippai*. Asahi shuppansha, 2016 (in Japanese)].

Като Йоко. *Сэнсо:-но нихонкингэндайси (Военная история современной Японии)*. Кодався, 2002 [Kato Yoko. *Senso:-no nihonkingendaishi*. Kodansha, 2002 (in Japanese)].

Кобаяси Хидэо. *Мансю:-но рэкиси (История Маньчжурии)*.Кодався гэндай синсё, 2008 [Kobayashi Hideo. *Manshu:-no rekishi*. Kodansha gendai shinsho, 2008 (in Japanese)].

Кобаяси Хидэо. *Мантэцу тё:сабу (Исследовательский отдел ЮМДЖ)*. Кодався гакудзюцу бунко, 2015 [Kobayashi Hideo. *Mantestu cho:sabu*. Kodansha gakuzutsu bunko, 2015 (in Japanese)].

Кобаяси Хидэо. *Ниттю:сэнсо. Сэммэцусэн-кара сё:мо:сэн-э (Японо-китайская война. От войны на истребление до войны на истощение)*. Кодався гэндай синсё, 2007 [Kobayashi Hideo. *Nicchu:senso:. Semmetsusen-kara sho:mo:sen-e*. Kodansha gendai shinsho, 2007 (in Japanese)].

Комай Токудзо. *Дайманcю: кокукэнсэцурёку (Записи о создании Великого Маньчжоу-го)*. Тюокоронся, 1933 [Komai Tokuzo. *Daimanshu: kokukensetsuryoku*. Chuokoronsha, 1933 (in Japanese)].

Комай Токудзо. *Кё:вакай-това нандзоя (Что такое общество Кёвакай?)*. Мансю: хэйронся, 1937 [Komai Tokuzo. *Kyo:wakai-towa nanzoya*. Manshu: heironsha, 1937 (in Japanese)].

Комай Токудзо. *Мансю:дайдзурон (О сое в Маньчжурии)*. Юхикаку сёбо:, 1912 [Komai Tokuzo. *Manshu:daizuron*. Yuhikaku shobo:, 1912 (in Japanese)].

Комай Токудзо. *Мансю:кё:вакай-но хаттацу (Развитие общества Кёвакай в Маньчжурии)*. Тюокоронся, 1941 [Komai Tokuzo. *Manshu:kyo:wakai-no hattatsu*. Chuokoronsha, 1941 (in Japanese)].

Мансю:кокуцу:синсяхэн (Информационное агентство Маньчжоу-го). *Мансю:кайтакунэнкан (Ежегодник о развитии Маньчжурии)*. Мансю:кокуцу:синся сюппамбу, 1940 [Manshu:kokutsu:shinshahen. *Manshu:kaitakinenkan*. Manshu:kokutsu:shinsha shuppambu, 1940 (in Japanese)].

Мансю:но:гё:иминхо:саку (Сельскохозяйственная иммиграционная политика в Маньчжурии). Мантэцукэйдзайтё:сакай, 1936 [*Manshu:no:gyo:iminho:saku*. Mantetsukeizaicho:sakai, 1936 (in Japanese)].

Мансю:нэнкан (Ежегодник Маньчжурии). *Сё:вадзю:гонэнбан (Издание к 15 году эпохи Сёва)*. Мансю:бункакёкай, 1939 [Manshu:nenkan. *Sho:wajyu:gonenban*. Manshu:bunkakyokai, 1939 (in Japanese)].

Мацуока Ёсукэ. *Мантэцу-о катару (Поговорим о ЮМЖД)*. Дайиппанся, 1937 [Matsuoka Yosuke. *Mantetsu-o kataru*. Daiippansha, 1931 (in Japanese)].

Мацуока Ёсукэ. *Угокумаммо: (Изменяющаяся Маньчжуро-Монголия)*. Сэнсинся, 1931 [Matsuoka Yosuke. *Ugokumatmo:*. Senshinsha, 1931 (in Japanese)].

Минамимансю: тёцудо:кабусикигайсяхэн (Издание ЮМЖД). *Минамимансю:тёцудо: кабусикигайсядзю:нэнси (Десятилетняя история ЮМЖД)*. Сёмансю тэцудо кабусикигайся, 1919 [Minamimanshu: tetsudo:kabushikigaishahen. *Minamimanshu:tetsudo: kabushikigaishajyu:nenshi*. Shomanshu tetsudo kabushikigaisha, 1919 (in Japanese)].

Минамимансю: тэцудо:кабусикигайся сёмубутё:сака (Отдел исследования общих вопросов ЮМЖД). *Мансю:-ни окэр усангё:кумиай (Промышленный союз в Маньчжурии)*. Минамимансю: тэцудо: сёмубутё:сака, 1925 [Minamimanshu: tetsudo: kabushikigaisha shomubucho:saka. *Manshu:-ni okeru sangyou:kumiai*. Minamimanshu: tetsudo: shomubucho:saka, 1925 (in Japanese)].

Минамимансю: тэцудо:кабусикигайся сёмубухэн (Отдел общих вопросов ЮМЖД). *Хо:тэнсё:-но дзайсэй (Финансовое состояние провинции Фэнтянь)*. Минамимансю: тэцудо:, 1928 [Minamimanshu: tetsudo:kabushikigaishahen. *Ho:tensho:-no zaisei*. Minamimanshu: tetsudo:, 1928 (in Japanese)].

Най С. Джозеф. *Софуто пауа: (Мягкая сила)*. Нихон кэйдзай симбунся, 2004 [Nye S. Joseph. Soft power. Nihon keizai shinbunsha, 2004 (in Japanese)].

Сноу Эдгар. *Адзиа-но сэнсо: – ниттю:сэнсо:-но кироку (Война в Азии – записи о японо-китайской войне)*. Тикума сёбо:, 1988 [Snow Edgar. *Azia-no senso: – nicchu:senso:-no kiroku*. Chikuma shobo:, 1988 (in Japanese)].

Сноу Эдгар. *Кёкуто:сэнсэн (Дальневосточный фронт)*. Тикума сёбо:, 1987 [Snow Edgar. *Kyokuto:sensen*. Chikuma shobo:, 1987 (in Japanese)].

Тадзима Нобуо. *Натидзумугайко:-то мансю:коку (Дипломатия нацизма и Маньчжоу-го)*. Тикура сёбо:, 1992 [Tazima Nobuo. *Nachizumugaiko:-to manshu:koku*. Chikura shobo:, 1992 (in Japanese)].

Тадзима Нобуо. *Хигасиадзиакокусайканкэй-но нака-но нитидокуканкэй (Японо-германские отношения в международных отношениях в Восточной Азии)*. Токио дайгаку сюппанкай, 2008 [Tazima Nobuo. *Higashiaziakokusaikankei-no naka-no nichidokukankei*. Tokyo daigaku shuppankai, 2008 (in Japanese)].

То:акэйдзайтё:сакёку (Восточноазиатское бюро экономических исследований). *Сина-ни окэру гин-то букка (Серебро и цены в Китае)*. Тоа кэйдзай тё:сакёку, 1936 [To:akeizaicho:sakyoku. *Shina-ni okeru gin-to bukka*. To:a keizai cho:sakyoku, 1936 (in Japanese)].

Усуи Кацуми. *Мансю:дзихэн (Маньчжурский инцидент)*. Тюко синсё, 1974 [Usui Katsumi. *Manshu:zihen*. Chuko shinsho, 1974 (in Japanese)].

Усуи Кацуми. *Мансю:коку-то кокусайрэнмэй (Маньчжоу-го и Лига наций)*. Ёсикава кобункан, 1995 [Usui Katsumi. *Manshu:koku-to kokusairenmei*. Yoshikawa kobunkan, 1995 (in Japanese)].

Усуи Кацуми. *Ниттю:гайко:сикэнкю: (Исследование по японо-китайской дипломатии)*. Ёсикава кобункан, 1998 [Usui Katsumi. *Nicchu:gaiko:shikenkyu:*. Yoshikawa kobunkan, 1998 (in Japanese)].

Усуи Кацуми. *Нихон-то тю:гоку (Япония и Китай)*. Хара сёко, 1972 [Usui Katsumi. *Nihon-to chu:goku*. Hara shoko, 1972 (in Japanese)].

Фудзивара Акира. *Гасисита эйрэйтати (Духи, умершие от голода)*. Аоки сётэн, 2001 [Fujiwara Akira. *Gashishita eireitachi*. Aoki shoten, 2001 (in Japanese)].

Фудзивара Акира. *Нанкин-но ниппонгун (Японская армия Нанкина)*. Оцуки сётэн, 1997 [Fujiwara Akira. *Nankin-no nippongun*. Otsuki shoten, 1997 (in Japanese)].

Фудзивара Акира. *Сёва:тэнно:-но дзю:гонэнсэнсо: (Пятнадцатилетняя война императора Сёва)*. Аоки сётэн, 1991 [Fujiwara Akira. *Sho:watenno-no zyu:gonensenso:*. Aoki shoten, 1991 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Индигирукаго-но хигэки – 1930нэндай-но росиакёкуто: (Трагедия парохода Индигирка – Дальний Восток России в 1930-е гг.)*. Тикума сёбо:, 1993 [Hara Teruyuki. *Injikiruka-no higeki – 1930nendai-no rosia kyokuto:*. Chikuma shobo:, 1993 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Ниторосэнсо:го-но росиакёкуто: – тиикисэйсаку-то кокусайканкё: (Дальний Восток России после Русско-японской войны – региональная политика и международная ситуация)*. Росиаси кэнкю, 2003 [Hara Teruyuki. *Nichirosenso:go-no rosiakyokuto: – chiikiseisaku-to kokusaikankyo:*. Rosiashi kenkyu:, 2003 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Росиакакумэй-то сибэриасюппей (Русская революция и Сибирская интервенция)*. Иванами сётэн, 2011 [Hara Teruyuki. *Rosiakakumei-to shiberiashuppei*. Iwanami shoten, 2011 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Сибэриасюппэй – какумэй-то кансё: (Интервенция в Сибирь – революция и вмешательство).* Тикума сёбо:, 1989 [Hara Teruyuki. *Shiberia shuppei – kakumei-to kansho:*. Chikuma shobo:, 1989 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Сэнсо:-то какумэй-то хэйва–сибэриасюппэй-о мэттэ (Война, революция и мир – поздравления с сибирской интервенцией).* Иванами сётэн, 1997 [Hara Teruyuki. *Senso:-to kakumei-to heiwa – siberia shuppei-o mette*. Iwanami shoten, 1997 (in Japanese)].

Хара Тэруюки. *Урадиосутоку моногатари (Рассказ о Владивостоке).* Сансэйдо, 1998 [Hara Teruyuki. *Urajiosutoku monogatari*. Sanseido, 1998 (in Japanese)].

Хатано Сумио. «*Дайто:асэнсо:»-но дзидай (Эпоха «Великой войны в Восточной Азии»).* Асахи сюппанся, 1988 [Hatano Sumio. *'Daito:a senso:'-no zidai*. Asahi shuppansha, 1988 (in Japanese)].

Хатано Сумио. *Бакурё:тати-но синдзю:ван (Офицеры бакурё Перл-Харбор).* Асахи сэнсё, 1991 [Hatano Sumio. *Bakuryo:tachi-no shinzyu:wan*. Asahi sensho, 1991 (in Japanese)].

Эрл Эдвард Мид. *Синсэнряку-но со:сися (Создатели новой стратегии).* Хара сёбо:, 1978 [Earle Edward Mead. *Shinsenryaku-no so:shisha*. Hara shobo:, 1978 (in Japanese)].

Яно Дзинъити. *Мансю:киндайси (Современная история Маньчжурии).* Кобундо сёбо:, 1941 [Yano Jinichi. *Manshu:kindaishi*. Kobundo shobo:, 1941 (in Japanese)].

Архивные документы / Archive documents

Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Ф. 532. Оп. 4. Д. 335. Л. 58.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 183. Л. 116.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 183. Л. 9.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Сайт, созданный в поддержку Хара Акира. URL: https://sites.google.com/view/aharashien/ホーム (дата обращения 23.10.2019).

О:ТА ГЮ:ИТИ. «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА». СВИТКИ I, II (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ)

С. А. Полхов*

В данной публикации представлен перевод I и II свитков хроники «Синтё:-ко: ки» О:та Гю:ити, одного из ключевых источников по истории Японии второй половины XVI в. В свитках повествуется об успешном походе даймё Ода Нобунага в 1568 г. на Киото, в ходе которого ему удалось быстро преодолеть сопротивление дома Роккаку и войти в столицу. При поддержке Нобунага сёгуном был провозглашен Асикага Ёсиаки. В хронике рассказывается и о последующих событиях: о нападении на временную резиденцию сёгуна в Хонкокудзи «трех вассалов Миёси» и их поражении, строительстве новой укрепленной резиденции Ёсиаки и ремонте императорского дворца по воле Нобунага, успешном его походе в провинцию Исэ и занятии замка Окавати, твердыни клана Китабатакэ.

Ключевые слова: «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Асикага Ёсиаки, Сэнгоку дзидай.

ŌTA GYŪICHI. «SHINCHŌ-KŌ KI». BOOKS I, II (TRANSLATION INTO RUSSIAN WITH COMMENTS)

Svyatoslav A. Polkhov

The article provides a translation into Russian of the books I and II of “Shinchō-kō ki”, chronicle written by Ōta Gyūichi, an important source on the history of Japan of the second half of the 16th century. The first two books narrate about a successful march of daimyō Oda Nobunaga on Kyoto in 1568, during which he was able to quickly overcome the resistance of the Rokkaku house and enter the capital. With the support of Nobunaga, the Ashikaga Yoshiaki was proclaimed as a shogun. The chronicle also tells about subsequent events: the attack on the shogun’s temporary residence in Honkokuji by the army of “the three Miyoshi vassals” and its defeat, the construction of the new fortified residence of Yoshiaki and the repair of the imperial palace, organized by Nobunaga, his successful military campaign in Ise province and occupation of Okawati castle of Kitabatake house.

Keywords: “Shinchō-kō ki”, Ōta Gyūichi, Oda Nobunaga, Ashikaga Yoshiaki, Sengoku Jidai.

В работе представлен комментированный перевод на русский язык двух первых свитков «Записей о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки») О:та Гю:ити [1] — важнейшего источника по истории Японии, содержащего жизнеописание Ода Нобунага (1534–1582), одного из даймё провинции Овари, положившего начало политической консолидации Японии после почти столетнего

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

[1] Краткий обзор изучения этого источника в японской историографии см.: [Полхов, 2019].

периода «воюющих княжеств» (*Сэнгоку дзидай*, 1467–1573). Не исключено, что О:та Гю:ити мог завершить работу над текстом хроники уже на рубеже XVI–XVII вв., один из автографов его сочинения — список дома Икэда датирован 1610 годом. Научные переводы на русский язык этого памятника до сих пор не издавались. Вместе с тем появилось несколько переводов хроники на современный японский, а позднее на английский и украинский языки [Накагава, 2014; Сакакияма, 2017; Сакагути, 2018; The Chronicle, 2011; Коваленко, 2013]. Памятник написан стилем близким к *ваканконго:бун* (和漢混交文)[2], разновидности старописьменного японского языка, представляющей собой смешение стиля *вабун* («японского письма») и японизированного китайского литературного языка *камбун*[3].

Перевод выполнен по списку Ё:мэй бунко бон (Список библиотеки Ё:мэй[4]), опубликованному ранее с комментариями Ивасава Ёсихико и Окуно Такахиро [Синтё:-ко: ки, 1996]. Данная рукопись является копией автографа О:та Гю:ити из 15 свитков (так называемого списка из святилища Такэисао), а также содержит еще один свиток («Начальный свиток»). Список библиотеки Ё:мэй, скопированный в самом конце XVII в., представляет собой 16 отдельных тетрадей, соответствующих 16 свиткам. В начале каждого свитка приводится краткое оглавление из пронумерованных заголовков его частей [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 454, 455]. В «Начальном свитке» изложены события из жизни Нобунага до 1567 г. Каждая из последующих 15 книг описывает один год из 15 лет правления и деяний Нобунага (1568–1582) после его прибытия в Киото. В I и II свитках повествуется о событиях, произошедших в 1568 и 1569 гг. После победоносного похода Нобунага на Киото сёгуном стал Асикага Ёсиаки. Нобунага же приобрёл статус фактического его соправителя. Хроника описывает начало превращения Нобунага из удельного правителя в могущественного властителя большей части Японии.

Свиток I

Сложил это О:та Идзуми-но ками.

Записал [здесь] жизнь князя Ода Дандзё:-но тю:[5] Нобунага с 11-го года [девиза правления] Эйроку, дракона и старшего брата земли[6]

[2] См. [Каваниси, 1995, с. 77].

[3] Стилем *ваканконго:бун* написано множество японских средневековых военных повестей (*гунки*). В соответствующих текстах наряду с иероглифами употреблены знаки слоговых азбук *катакана* или *хирагана*. Часть текста, написанная *камбун,* зачастую снабжена особой разметкой, позволявшей читать её по правилам японской грамматики.

[4] Библиотека Ё:мэй — хранилище книг и документов дома Коноэ, ветви древнего рода Фудзивара.

[5] Дандзё:-но тю: (弾正忠) — чиновник 3-го разряда (*ханкан* или *дзё:*) Ведомства инспекций цензоров (Дандзё:тай 弾正台) при императорском дворе. Дандзё:тай в период Нара осуществляло надзор за чиновничеством и следило за исполнением законов. *Сэнгоку даймё:* из соображений престижа использовали в своей документации названия придворных должностей, далеко не всегда получая формальное назначение на них из Киото. Дандзё:-но тю: — почетный титул, который носил и Ода Нобухидэ (1510–1551), отец Нобунага. Ранее Нобунага именовал себя другими титулами: в 1554 г. — управителем провинции Кадзуса (Кадзуса-но ками), затем — помощником управителя провинции Кадзуса (Кадзуса-но сукэ). В 1563 г. он нарёк себя Сансукэ (общее название помощников управителей трёх восточных провинций — Хитати, Кадзуса, Ко:дзукэ) [Окуно, 1988, с. 37, 39, 70, 71]. Впоследствии Нобунага стал называть себя управителем провинции Овари (Овари-но ками), а с 1568 г. — Дандзё:-но тю: [Окуно, 1988, с. 124–125, 151].

[6] 1568 г.

1. О самоубийстве его светлости *кубо:*.

2. О том, как господин Итидзё:ин испросил помощь Сасаки Дзё:тэй и Асакура, но [её] не добился.

3. О том, как [Ёсиаки] испросил помощь Нобунага, и [тот ответил] согласием.

4. О том, как Нобунага прибыл в Киото, и [Ёсиаки] за десять дней с небольшим [стал] повелевать землями Гокинай и [был] возведён [в должность] великого полководца покорителя варваров.

5. О том, как Кандзэ даю: и Компару даю: исполнили [пьесы] Но.

6. О том, как Нобунага удостоился грамоты [сёгуна] с похвалой.

(1) О самоубийстве прежнего *кубо:* Ко:гэнъин Ёситэру[7], его младшего брата Рокуонъин, а также о гибели в бою именитых владетельных особ[8]. Истоки [случившегося таковы]: зная, что [сёгун] должно быть затаил вражду [к дому] Миёси оттого, что Миёси Сюри-но дайбу[9] властвовал над Поднебесной, [Миёси] пустили ложный слух о том, что [Ёситэру] замышляет высочайший мятеж, и, [приводя всевозможные оправдания], говорили то так, то этак. В 19-й день 5-й луны 8-го года [девиза правления] Эйроку под предлогом посещения храма Киёмидзу ранним утром [Миёси] собрали войско, и вскоре все [их] силы ворвались в палаты [сёгуна]. [Его светлость Ёситэру] был ошеломлен, но участь [его] была предрешена. Не единожды [он] бросался вперёд [с мечом], врубаясь, вносил смятение [во вражеские ряды] и ранил многих. Но хоть его светлость *кубо:* и бился [доблестно], не [в силах] устоять перед [столь] многочисленным [войском], [он] пустил огонь во дворце и в конце концов соизволил покончить с собой. Также и к господину Рокуонъин[10], третьему младшему брату [Ёситэру], [Миёси] подослали убийцей Хирата Идзуми, и в тот же час [господин

[7] *Кубо:* Ко:гэнъин Ёситэру — Асикага Ёситэру (1536–1565), 13-й сёгун династии Асикага. *Кубо:* — обычное именование сёгуна в источниках эпохи Муромати, изначально это слово указывало на императорский двор и сферу «публичного» и «государственного» в противоположность «частному». В источниках XIV–XVI вв. *кубо:* также называли и наместников из рода Асикага, возглавлявших Камакурскую ставку и управлявших областью Канто: и прилегавшими к ней землями (*Камакура кубо:* или *Канто: кубо:*) [Сэкай дайхякка, 2007]. Ко:гэнъин — посмертное имя Ёситэру. Стал сёгуном в провинции О:ми во время вынужденного отъезда своего отца Ёсихару из столицы после мятежа могущественного вассала. Из-за конфликта с даймё Миёси Нагаёси (1522–1564), являвшегося фактическим правителем окружающих Киото девяти провинций, Ёситэру вынужден был покидать столицу и скрываться в соседних землях. После смерти Нагаёси, с которым Ёситэру успел примириться, сёгун проявил очевидное нежелание быть послушным орудием в руках влиятельных вассалов Миёси — Мацунага Хисахидэ (1510–1577) и «трех вассалов Миёси» (*Миёси саннин-сю:* 三好三人衆) — Миёси Масаясу (1528–1615), Миёси Нагаюки (?–?), Иванари Томомити (?–1573). В 1565 г. на укрепленную усадьбу сёгуна внезапно напали отряды Миёси Нагаюки и Мацунага Хисамити, сына Хисахидэ [Иматани, 2008, с. 255, 256]; рассказ об этом нападении приведен в I свитке «Записей о князе Нобунага». Ёситэру совершил *сэппуку*, а по другой версии погиб в бою. После этого в Японии не было сёгуна до 1568 г.

[8] Владетельные особы — *сёко:* (諸侯). *Ко:* (кит. *хоу*) в древнем Китае называли князей, управлявших пожалованными от императора уделами, а в Японии в конце Средних веков и в Раннее новое время — князей–даймё:. В данном случае *сёко:* — приближенные и прямые вассалы сёгуна.

[9] Титул Сюри-но дайбу (глава Управления строительных и ремонтных работ в императорском дворце и столице) носил могущественный даймё Миёси Нагаёси. Однако не исключено, что О:та Гю:ити здесь указывает на его младшего брата и наследника Миёси Ёсицугу (?–1573). В одном из последующих фрагментов текста Гю:ити ошибочно приписывает Ёсицугу этот титул.

[10] Рокуондзи Сю:су: (鹿苑寺周嵩) — младший брат Асикага Ёситэру, принявший монашеский постриг.

Рокуонъин] покончил с собой. Спутники [его] все до единого разбежались. Из них только Миноя Косиро:, юноша всего лишь 15–16 лет [от роду], которому давно благоволил [господин Рокуонъин], зарубив предводителя[11] убийц Хирата Идзуми, последовал [за господином и сделал *сэппуку*], — беспримерный подвиг! Как говорят, [из-за] погибели сего высочайшего дома[12] скорбь всего люда Поднебесной[13] была поистине безмерной.

(2) Тем временем Миёси Сюри-но дайбу и Мацунага Дандзё:[14] заверили второго сына[15], младшего брата [убитого сёгуна], Ёсиаки из [храма] Итидзё:ин в Южной столице[16], что коль скоро унаследовал [он пост настоятеля] этого храма, [с их стороны] нет ни малейшего намерения причинить его особе вред. [Ёсиаки] молвил [в ответ]: «Быть посему», и некоторое время оставался в храме. Однажды, соизволив втайне покинуть Южную столицу, [он] доверился Вада Ига-но ками[17], и, пройдя через Ига[18] и Ко:ка, соблаговолил перебраться в селение Ядзима в провинции О:ми[19]. Не единожды и разными способами [Ёсиаки объявлял] высочайшую волю, думая положиться на Сасаки Сакё:-но дайбу Дзё:тэй[20]. Но [тот], позабыв о благодеяниях, [оказанных] вассалу господином, не ответил согласием. В конце концов, приведя всевозможные доводы, [Дзё:тэй] безжалостно изгнал [Ёсиаки], и [сквозь листья] дерева, ставшего [его] пристанищем, просачивался дождь, все было напрасно, и тогда [Ёсиаки] соизволил направиться в Этидзэн[21].

---

[11] Предводитель — в тексте *тайсё:* (大将), дословно — военачальник.

[12] Сей высочайший дом — *гото:кэ* (御当家). Дом сёгунов Асикага.

[13] Поднебесная — *тэнка* (天下). Среди значений этого бинома — «государь», «вся страна» («вся Япония») и др. В «Синтё:-ко: ки» и других источниках того времени под *тэнка* нередко понимается центр тогдашней Японии: Киото и пять окружающих столицу провинций (район Гокинай), а также иногда и соседние земли (*ринголу* 隣国). Иными словами, «Поднебесная» может означать не всю Японию, а лишь земли, которые как считалось, напрямую подвластны сёгуну [Канда, 2002, с. 219–221].

[14] Миёси Сюри-но дайбу — в данном случае не Миёси Нагаёси, а его младший брат и преемник Миёси Ёсицугу. Нагаёси носил придворный титул Сюри-но дайбу, тогда как Ёсицугу именовался Сакё:-но дайбу (глава Управления левой части столицы). Ёсицугу поддержал заговор Мацунага Хисахидэ и «трёх вассалов Миёси» против Асикага Ёситэру. Однако в 1567 г. между «тремя вассалами Миёси» с одной стороны и Миёси Ёсицугу и Мацунага Хисахидэ с другой начались раздоры. Во время похода Ода Нобунага на Киото Ёсицугу как и Хисахидэ были на его стороне.

[15] Асикага Ёсиаки (1537–1597) был вторым сыном сёгуна Асикага Ёсихару (1511–1550) и приходился Ёситэру младшим братом [Сэнгоку дзиммэй, 2006, с. 761, 762].

[16] Южная столица — Нанто (南都). Город Нара, являвшийся столичным градом с 710 по 784 гг.

[17] Вада Ига-но ками — Вада Корэмаса (1530–1571), отпрыск самурайского клана из уезда Ко:ка провинции О:ми. Вассал сёгунов Асикага Ёситэру и Ёсиаки. Способствовал приходу к власти Ёсиаки, за что был назначен последним на пост одного из трёх *сюго* (военных наместников) провинции Сэтцу. Интересовался христианством и был благожелательно настроен к христианским проповедникам. Играл роль своего рода посредника между сёгуном и Нобунага в период их совместного правления [Танигути, 2010, с. 529–531].

[18] Ига — провинция, территория которой в настоящее время входит в префектуру Миэ.

[19] Территория провинции О:ми в системе современного территориально-административного деления Японии в целом соответствует префектуре Сига. Ко:ка — один из уездов провинции О:ми.

[20] Сасаки Сакё:-но дайбу Дзё:тэй — даймё Роккаку Ёсиката (1521–1598), правивший южной частью земли О:ми.

[21] Территория провинции Этидзэн вместе с провинцией Вакаса входит в префектуру Фукуи.

Что же до Асакура [Ёсикагэ],[22] то [он] не был особенно [знатным][23], но его отец[24] обманул его светлость, и был приравнен к сопровождающим [сёгуна][25]. В своей земле [он всё] делал, как ему заблагорассудится, и не говорил ни слова о возвращении [его светлости] в столицу, и снова

(3) его светлость *кубо:* не ведал, что делать дальше. После этого [Ёсиаки] молвил, что желает всецело довериться Ода Кадзуса-но сукэ Нобунага[26]. Отделенный [от столицы одной] землёй, Нобунага, [подумав]: «Хоть и [был он] воин незначительный, возжелал преданно послужить Поднебесной, и пренебрёг своей жизнью»[27], соизволил согласиться.

11-й год [девиза правления] Эйроку, 7-я луна, 25-й день. [Князь Нобунага] послал в Этидзэн, чтобы встретить [Ёсиаки], Вада Ига-но ками, Фува Кавати-но ками[28], Мураи Мимбу, Симада Токоро-но сукэ. Его светлость *кубо:* изволил прибыть в храм Рю:сё:дзи в Ниси-но сё: в провинции Мино[29]. На самое нижнее место [зала в храме] сложили тысячу

---

[22] Асакура Ёсикагэ (1533–1573) — пятый даймё рода Асакура.

[23] Дом Асакура вел свое происхождение от рода Кусакабэ из провинции Тадзима, отпрыски которого занимали должности уездных начальников. Асакура Хирокагэ в период Намбокутё: переместился в провинцию Этидзэн. Асакура Такакагэ (1428–1481) во время Смуты годов О:нин сначала воевал на стороне Западной армии, но затем стал поддерживать Восточный лагерь. Лишив фактической власти своих сюзеренов — *сюго* из рода Сиба, — он сумел подчинить всю провинцию Этидзэн, которая в период *Сэнгоку* стала наследственным уделом рода Асакура.

[24] Асакура Такакагэ (1493–1548), четвёртый даймё, правивший Этидзэн, отец Асакура Ёсикагэ. В 1528 г. по воле сёгуна Асикага Ёсихару был причислен к «спутникам» сёгуна (*отомосю:*), в 1538 г. к «сопровождающим» сёгуна (*осё:бансю:*) [Мацубара, 2003, с. 23, 25].

[25] Сопровождающие [сёгуна] — *осё:бансю:* (御相伴衆). Один из высоких чинов в Муромати бакуфу наряду с *отомосю:*. *Осё:бансю:* полагалось следовать за сёгуном, когда он посещал другие знатные дома, или быть его сотрапезниками на пирах. Первоначально звание носили лишь представители именитых военных домов: Сиба, Хатакэяма, Хосокава, Иссики, Сасаки, Акамацу, Ямана и др. В период *Сэнгоку осё:бансю:* стало почётным званием, которое получали и *сэнгоку даймё:* — не столь знатные, но могущественные провинциальные властители: Миёси Нагаёси, Асакура Ёсикагэ, Отомо Со:рин ,(1530–1587) Хо:дзё: Удзиясу (1515–1571) и др. [Сэкай дайхякка, 2007].

[26] Бежавший из Киото Асикага Ёсиаки рассылал послания с просьбой о военной помощи против «трёх вассалов Миёси», а также направлял своих эмиссаров к даймё. В 1566 г. будущий сёгун заручился обещанием Нобунага выступить в поход на столицу. В письме, датированном 5-м днём 12-й луны 8-го года Эйроку (1566 г.) и адресованном Хосокава Фудзитака (1534–1610), вассалу Ёсиаки, Нобунага сообщал о том, что готов «сопровождать» Ёсиаки в походе на Киото [Окуно, 1988, с. 112]. Вслед за тем при посредничестве Ёсиаки был заключен мир между Ода Нобунага и Сайто: Тацуоки (1548–1573), властителем провинции Мино. Предполагалось, что армия Нобунага должна была пройти через владения Сайто: и двинуться на Киото. Однако, в итоге его первый поход на Киото был отложен. По предположению Танигути, отсрочка была вызвана переходом на сторону «трёх вассалов Миёси» дома Роккаку, контролировавшего юг провинции О:ми, где должна была пройти армия Нобунага [Танигути, 2015, с. 89]. Куно считает, что в 1566 г. армию Нобунага не пропустил Сайто: Тацуоки, нанесший ей тяжёлое поражение [Куно, 2017, с. 42].

[27] Цитата из неустановленного источника.

[28] Фува Мицухару (?–1580), изначально вассал дома Сайто: из провинции Мино. На службе Нобунага стал *умамавари*. Мураи Мимбу (Мимбу-но сё:ю) — Мураи Садакацу (?–1582). Приближенный Нобунага, после его прибытия в Киото руководивший строительством резиденций сёгуна и Нобунага, а также императорского дворца.

[29] Провинции Мино и Хида в целом соответствуют территории префектуры Гифу.

кан[30] медных монет, [князь Нобунага] преподнёс [длинный меч] *тати*, доспехи, оружие, коня и разные [дары], и всех владетельных особ [из свиты Ёсиаки] также привечал необычайно [радушно]. После этого [князь Нобунага] решил: «Следует не откладывая, спешно направиться в Киото».

8-я луна, 7-й день. Нобунага соблаговолил проследовать в Саваяма в провинции О:ми. [Он] присоединил к посланникам его светлости [Ёсиаки своих] посланцев. Проведя семь дней в О:ми, [они] как только можно увещевали Сасаки Сакё:-но дайбу Дзё:тэй: предоставить заложников на пути [его светлости] в столицу и порадеть [на его службе]. И хотя [Дзё:тэй] твердо было обещано, что после исполнения замыслов [его светлости Ёсиаки] [он] будет назначен *сёсидай* Поднебесной[31], [Дзё:тэй] не внял [этим увещеваниям]. Ничего не поделать — после этого [князь Нобунага] твёрдо решил, что начнёт войну [против] провинции О:ми[32].

(4) 9-я луна, 7-й день. Испросив дозволения отлучиться у его светлости *кубо:*, [князь Нобунага] доложил, что изничтожив всю провинцию О:ми, вышлет [своих людей] навстречу [Ёсиаки]. Ведя за собой воинов четырех земель — Овари, Мино, Исэ и Микава[33], [князь Нобунага] выступил в 7-й день 9-й луны и разбил лагерь в деревне Хирао.

В тот же 8-й день [князь Нобунага] прибыл [и встал] лагерем в Такамия в провинции О:ми. Пробыв [там] два дня, и дав отдых людям и коням, в 11-й день [он] соблаговолил раскинуть полевой лагерь неподалеку от [реки] Этигава. Нобунага объехал верхом и окинул взором [окрестности]. Не посылая войска к нескольким близлежащим вражеским замкам, [князь Нобунага] в тот же 12-й день благоволил спешно взойти [с войском] на [гору] Мицукурияма близ [замка] Каннондзи[34], где укрепились отец Сасаки [Дзё:тэй] с двумя сыновьями. Отдав распоряжения Сакума Уэмон, Киносита Токитиро:, Нива Горо:дзаэмон и Адзаи Симпати[35], [он] послал их на штурм замка на горе

---

[30] *Кан* (貫) — связка из тысячи (иногда чуть менее тысячи) медных монет.

[31] *Сёсидай* Поднебесной — *тэнка сёсидай* (天下所司代), дословно «управитель Поднебесной». Поднебесная (*тэнка*) в данном случае — это столица Киото и ближайшие к ней районы. Й. Ламерс и Ю. Элисонас переводят это словосочетание «governor of Kyoto», давая в скобках буквальный перевод «governor of the realm» [The Chronicle, 2011, p. 118]. *Сёсидай* — изначально должность заместителя главы одного из ведомств *бакуфу* — самурайского приказа (*самурай докоро* 侍所). В XV в. *сёсидай* ведал поддержанием порядка в Киото, арестовывал, допрашивал и, исполняя приговоры суда бакуфу, наказывал преступников. Постепенно *сёсидай* стал играть главную роль в самурайском приказе. Впоследствии название этого поста стало использоваться для обозначения по сути новой должности с более широкими функциями. В административно-политической системе Ода Нобунага не существовало самурайского приказа. Однако в 1573 г. он назначил *сёсидай* Мураи Садакацу, который имел обширные полномочия по управлению Киото и окрестными областями, а также был посредником во взаимодействии императорского двора, киотосской аристократии и Нобунага [Танигути, 2010, с. 485, 486; Сэкай дайхякка, 2007]. Должность *сёсидай* сохранялась и в период правления Тоётоми Хидэёси и при сёгунах Токугава.

[32] Провинции О:ми – против дома Роккаку.

[33] Провинции Овари и Микава соответствуют префектуре Аити, провинция Исэ вместе с некоторыми другими землями — префектуре Миэ.

[34] В замке Каннондзи находилась резиденция даймё Роккаку.

[35] Киносита Токитиро: — будущий преемник Нобунага и объединитель Японии, более известный под именем Тоётоми Хидэёси (1536/1537–1598). Нива Горо:дзаэмон — Нива Нагахидэ (1535–1585), Сакума Уэмон — Сакума Нобумори (?–1581) — высокопоставленные вассалы и видные военачальники Ода

Мицукури. [Штурм продолжался] с часа обезьяны, и с наступлением ночи [замок] взяли приступом.

Меж тем воины из Мино думали, что поскольку Нобунага в прошлом году овладел большой землей — провинцией Мино, на сей раз [на штурм он] непременно пошлет передовыми частями отряды из Мино, но [князь Нобунага] об этом вовсе не помышлял, соблаговолив штурмовать Мицукури [силами] *оумамавари*[36]. Говорят, что трое из Мино — Инаба Иё, Удзииэ Бокудзэн и Андо: Ига[37] — дивились: «[Что за] неожиданный способ [ведения войны]!». В ту ночь Нобунага изволил расположить свою ставку на [горе] Мицукурияма. Когда на следующий день [он] собирался взойти и штурмовать Каннондзияма, [на которой была] усадьба Сасаки Дзё:тэй, [оказалось], что отец Сасаки и два его сына уже бежали.

В 13-й день [князь Нобунага] захватил гору Каннондзи и взошёл [на нее]. Уцелевшие [воины], моля о пощаде, сдались и потому, взяв заложников, [князь Нобунага] как прежде оставил [их в замке]. [Так он] умиротворил всю землю О:ми.

Поскольку всё складывалось таким образом, [князь Нобунага], [согласно] твёрдому [своему] обещанию его светлости *кубо:* в 14-й день благоволил послать Фува Кавати, чтобы [его] встретить в [храм] Рю:сё:дзи в Ниси-но сё: в Мино.

21-й день. [Его светлость Ёсиаки] уже выехал верхом и прибыл в Дзё:бодайин в Касивабара.

22-й день. [Он] соблаговолил прибыть в [храм] Куваномидэра.

24-й день. Нобунага добрался до [замка] Морияма. На следующий день паромы в Сина и Сэта не действовали, [и он] остановился [там на ночлег].

26-й день. [Князь Нобунага] переправился через озеро [Бива] и разместил свою ставку в [обители] Гокуракуин в [храме] Миидэра. Все его силы встали лагерем в Бамба и Мацумото в О:цу.

27-й день. Его светлость *кубо:* переправился через озеро Бива и заночевал в Ко:дзё:ин, [обители храма] Миидэра.

28-й день. Нобунага перенес свою ставку в [храм] То:фукудзи. [Он] поручил четверым — Сибата Хю:га-но ками, Хатия Хё:го-но ками, Мори Сандзаэмон и Сакаи

Нобунага. Адзаи (Асаи) Симпати — Адзаи Нобухиро (?–1581), вассал Нобунага родом из провинции Овари.

[36] *Оумамавари* (馬廻 «*умамавари* его милости») — разряд вассалов Нобунага, в военное время обычно находившихся под его непосредственным командованием и его охранявших, а в мирное время исполнявших разнообразные административные поручения. Слово *умамавари* означает воинов, окружающих полководца, едущего верхом на коне (дословно «те, кто [находится] вокруг коня его милости»). С эпохи *Намбокутё:* под *умамавари* в источниках подразумевался отряд конных воинов, которые сопровождали и охраняли господина во время его выездов, а на войне составляли ядро его армии. В период *Сэнгоку* вассалы, называвшиеся *умамавари,* были не только в доме Ода, но и в домах Имагава, Хо:дзё: и др. [Сэкай дайхякка, 2007]. Танигути Кацухиро, крупнейший исследователь вассальной системы дома Ода, объединяет *умамавари* и другую категорию служилых людей Нобунага (*косё:* — «отроки», «пажи») в одну группу его прямых вассалов и приближенных, которой дает условное название *хатамото*. [Танигути, 2005, с. 9].

[37] Трое из Мино — *Мино саннин-сю:* (美濃三人衆). Три могущественных вассала дома Сайто:, владевшего почти всей провинцией Мино — Инаба Иё (Инаба Ёсимити, он же Инаба Иттэцу, 1515–1588), Удзииэ Бокудзэн (Удзииэ Наомото, ?–1571) и Андо: Ига (Андо: Моринари, ?–1582). Их переход в 1567 г. на сторону Нобунага позволил последнему захватить замок Инабаяма и окончательно подчинить провинцию Мино.

Укон[38], — [командование] передовыми силами. Тотчас же, переправившись через [реку] Кацурагава, [они] двинули войско к вражескому замку в Сё:рю:дзи, где укрепился Иванари Тикара-но ками[39]. Враг так же послал [против них] *асигару*. Эти четверо, улучив момент, ворвались верхом на конях [во вражеские ряды] и добыли больше пятидесяти голов, [которые] в То:фукудзи представили на обозрение Нобунага.

В тот же день его светлость *кубо:* соблаговолил переместиться в [храм] Киёмидзу.

29-й день. [Князь Нобунага] выехал верхом в район Сё:рю:дзи и встал лагерем в [храме] Сюнсё: в Тэрадо. По этой причине Иванами Тикара-но ками, моля о пощаде, сдался.

Последний день [9-й] луны. [Князь Нобунага] прибыл [и расположил] ставку в Ямадзаки. Передовые силы [его армии] разбили лагерь в Тэндзин-но Бамба. В [замке] Акутагава заперлись господин Хосокава Рокуро: и Миёси Хю:га-но ками[40], с наступлением ночи [они] оставили [замок]. Помимо того Синохара Укё:-но сукэ[41] покинул свою резиденцию — замок Косимидзу, а также [замок] Такияма. Тем временем его светлость *кубо:*, сопровождаемый Нобунага, соизволил перебраться в замок Акутагава.

В 10-ю луну, 2-й день, подступив к замку Икэда, резиденции Тикуго[42], Нобунага построил войско на горе к северу, и наблюдал [за битвой]. Среди людей Мидзуно Кинго был известный храбрец по имени Кадзикава Хэйдзаэмон[43]. Среди *оумамавари* [князя Нобунага] Уодзуми Хаято и Ямада Хамбё:э также были воинами, известными своей доблестью. Желая превзойти друг друга, [они] прорвались за внешние укрепления, здесь то теснили [других], то отходили [под встречным натиском], и в скоротечной схватке Кадзикава Хэйдзаэмон, получив удар [копьем] в тазовую кость, отступил и пал в бою. Уодзуми Хаято здесь также был ранен и отступил. Поскольку [бились] столь ожесточённо, с обеих сторон было много павших. В конце концов пустили огонь и сожгли город. На сей раз спутники [князя Нобунага][44] в [этом] походе обрели славу в грядущих веках, о чем знали все [воинские] дома. Не о таких ли сказано: «Сила предводителей [его отрядов] обновляется изо дня в день, сражаются подобно дующему ветру, нападают подобно прорвавшей [плотину] реке»[45]. Икэда Тикуго-но ками, моля о пощаде, сдался, выдал заложников и потому [князь Нобунага] отвел войско

[38] Сибата Хю:га-но ками – Сибата Кацуиэ (1522–1583), Хатия Хё:го-но ками – Хатия Ёритака (?–1589), Мори Сандзаэмон – Мори Ёсинари (1523–1570), Сакаи Укон – Сакаи Масахиса (?–1570). Вассалы Нобунага.

[39] Иванари Томомити, один из «трех вассалов Миёси».

[40] Миёси Нагаюки (?–?) — один из «трех вассалов Миёси».

[41] Синохара Нагафуса (?–1573), изначально влиятельный вассал и полководец Миёси Ёсиката (? – 1562), младшего брата Миёси Нагаёси, а впоследствии союзник «трёх вассалов Миёси».

[42] Икэда Кацумаса (Икэда Тикуго-но ками, ?–1578). Влиятельный землевладелец провинции Сэтцу, служивший Миёси Нагаёси, а затем поддержавший «трёх вассалов Миёси».

[43] Кадзикава Такахидэ (?–1568).

[44] Спутники — *отомосю:* (御伴衆). В данном случае — вассалы Нобунага.

[45] Цитата из канонического китайского трактата «Три стратегии Князя Жёлтой Скалы» («Хуан Ши-гун санлюэ»; 黄石公三略), хорошо известного среди японских самураев периода *Сэнгоку*. Соответствующий фрагмент трактата описывает образцового полководца, положительным образом влияющего на офицеров и солдат своей армии. В английском переводе: «…the strength of his officers is daily renewed. In battle they are like the wind arising; their attack is like a release of a pent-up river» [The Seven, 1993, p. 295].

в главный лагерь в замке Акутагава. Все [провинции] в Гокинай[46] и [все] соседние земли [стали] повиноваться повелениям [его светлости]. Мацунага Дандзё: преподнес [чайницу] Цукумогами[47], подобной которой нет в нашем государстве. Имаи Со:кю:[48] также подарил знаменитую вещь[49] — кувшинчик [для чая] Мацусима и Насу[50], [чайницу] Дзё:о:[51]. Кто-то преподнёс доспехи, которые господин Хо:ган носил во время [атаки] с кручи Тэккай [в битве при] Итинотани[52]. Во время [его] четырнадцатидневного пребывания в [замке] Акутагава, чтобы преподнести диковинные и редкостные вещи нашего государства и чужеземных стран и засвидетельствовать почтение Нобунага, [люди толпились] перед воротами замка [как] на рынке. В 14-й день его светлость *кубо:* вернулся из Акутагава в столицу и изволил обосноваться в [храме] Хонкокудзи в Рокудзё:. Все в Поднебесной от радости позабыли о невзгодах.

Нобунага также успокоил [свое] сердце и, ведя свое воинство, прибыл прямо в [храм] Киёмидзу. Рассудив, что после прихода всех [его] сил в столицу среди черни [в армии] могут объявиться смутьяны, [князь Нобунага] распорядился нести дозор в столице и её окрестностях, и бесчинств не было. И хотя мятежники в нескольких местах в [области] Кинай, построив замки, всё ещё сопротивлялись, подобно тому, как трава и деревья клонятся под ветром, в течение десяти дней [они] все до одного рассеялись.

46 Гокинай (五畿内), Кинай — в Японии область вокруг столичного града, в котором находился императорский дворец. К Гокинай относили пять провинций: Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэтцу.

47 Цукумогами (つくもかみ) — китайская чайница, относившаяся к типу *насу* («баклажан»). Из-за редкости такие артефакты причислялись к «великим знаменитым вещам» (*о:мэйбуцу;* 大名物). *О:мэйбуцу* обычно именовались предметы утвари, ввезенные из-за пределов Японии, прежде всего из Китая [Игнатович, 1996, с. 192].

48 Имаи Со:кю: (1520–1593) — богатый горожанин из Сакаи, известный мастер чайной церемонии. В 1568 г., после успешного похода на Киото, Нобунага потребовал от города Сакаи, пользовавшегося широким самоуправлением, уплаты огромной экстраординарной подати в 20 тыс. *кан* (*ясэн*). В совете могущественных горожан Сакаи именно Имаи Со:кю: выступил за примирение с Нобунага. В 1569 г. после непродолжительного противостояния Сакаи вынужден был покориться Нобунага. Имаи Со:кю: получил от него немалые привилегии и де-факто стал управляющим (*дайкан*) Сакаи [Танигути, 2013, с. 266–268].

49 Знаменитая вещь — *мэйбуцу* (名物). Предметы чайной утвари, имевшие высокую художественную ценность и ценившиеся за редкость, и в то же время принадлежавшие сёгунам, аристократам, богатым купцам или мастерам чайной церемонии, считались сокровищами и шедеврами, «именными вещами» (перевод А. Н. Игнатовича) с собственным именем. Могли иметь как иноземное происхождение, так и быть изготовленными в Японии [Игнатович, 1996, с. 191, 192]. *Мэйбуцу* могли именоваться и замечательные произведения искусства и ремесла, например мечи.

50 Кувшинчик [для чая] Мацусима (松嶋ノ壷) — буквально «кувшинчик «Сосновый остров»». Сосуд для хранения чайного листа. *Насу* (茄子) — дословно «баклажан». Тип китайской чайницы, по форме походившей на баклажан, отличавшейся «тонкостью работы и изяществом глазурованных поверхностей» [Игнатович, 1996, с. 208].

51 Такэно Дзё:о: (1502–1555), прославленный мастер чайной церемонии из Сакаи и учитель Имаи Со:кю:. Чайницами Дзё:о: именовались чайницы (*тяирэ*) из Китая, по форме напоминавшие баклажан, «покрытые глазурью цвета рисового мармелада». На сосуд были нанесены изображения змеи и скорпиона. Такие чайницы особенно любил Дзё:о:, отчего они и получили своё название [Игнатович, 1996, с. 90, 91].

52 Господин Хо:ган (判官) — знаменитый полководец Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189). Во время войны домов Тайра и Минамото в 1184 г. в битве при Итинотани в провинции Сэтцу он неожиданно атаковал позиции Тайра со считавшейся непроходимой горной кручи и обратил врагов в бегство. Хо:ган (или *дзё:* 尉) — название поста в судебно-полицейском ведомстве *кэбииситё:* эпохи Хэйан, на который был назначен Ёсицунэ.

Поднебесная повиновалась высочайшей воле. Определив местопребыванием [его светлости Ёсиаки] усадьбу господина Хосокава, Нобунага [его] сопровождал [во время переезда], и в палатах преподнес [его светлости длинный меч] *тати* и коня. [Ёсиаки] милостиво соблаговолил призвать [его] к себе, и во время [церемонии] *сангон*[53], правитель[54] [самолично] налил [ему сакэ], [князь Нобунага] был пожалован чаркой и мечом.

10-я луна, 22-й день. [Ёсиаки] пожаловал в императорский дворец. [Он был облачён] в официальные [придворные] одеяния, свершилась церемония, [Ёсиаки] возвели в [должность] великого полководца покорителя варваров[55] и [он] надежно утвердился в столичном граде. В пределах солнца[56] Нобунага [снискал] несравненную славу и честь в грядущих веках, и должен стать зерцалом для потомков.

(5) По высочайшей воле всем, кто недавно не щадил себя [во время похода на столицу], следовало увидеть [представление], и Кандзэ[57] даю: [сёгун] велел [поставить спектакль] Но. Программа Но [включала] вступительную [пьесу] «Юми Явата»[58], в списке [его светлости значилось] 13 постановок. Нобунага, взглянув на список, сказал: [его светлость] все еще желает [умиротворить] соседние провинции, и посему [он] не думает, что война завершена. [Затем князь Нобунага] сократил программу до пяти пьес. [Представление] прошло в палатах господина Хосокава. Первые [чарки] наполнял Хосокава Тэнкю:[59]. Тут [сёгун] дважды или трижды направил [к Нобунага] трёх своих посланцев — господина Кога, Хосокава Хё:бу-но дайбу[60] и Вада Ига-но ками. [Он] изволил передать, что намерен назначить [его] на пост помощника сёгуна[61] или *канрэй*[62].

---

[53] *Сангон* (*санкон* 三献) — японский пиршественный обычай, предусматривавший троекратное поднесение гостям столиков с тремя чарками сакэ и закусками. Кроме того, так называют последний, третий по счету круг поднесения сакэ и угощений.

[54] Правитель — *ко:ги* (公儀). В «Синтё:-ко: ки» *ко:ги* именуется сёгун Асикага Ёсиаки. Бином имел несколько значений, в частности «общественное», «государственное», «публичное» в противоположность «частному». В древности *ко:ги* это «императорский двор», а также иногда «император». В эпоху Муромати этот термин значил «*бакуфу*», «сёгун», а в начале эпохи *кинсэй* (Раннего Нового времени) — «общественная власть», «государство» [Сэкай дайхякка, 2007; Кого дайдзитэн, 1994, с. 585]. В период «воюющих княжеств» *сэнгоку даймё:* как носители высшей власти в своем уделе также именовались *ко:ги*.

[55] Великий полководец покоритель варваров (*сэйи тайсё:гун* 征夷大将軍) — сёгун. Со времен основателя Камакурского сёгуната Минамото-но Ёритомо титул военных предводителей, стоявших во главе *бакуфу*. Звание ещё в период Хэйан присваивалось императорским двором полководцам, посылавшимся на северо-восток острова Хонсю для покорения *эмиси*. Так, в 797 г. его удостоился знаменитый военачальник Саканоуэ-но Тамурамаро (758–811).

[56] В пределах солнца (*нитииски* 日域) — в Японии.

[57] Кандзэ-дза — актёрский цех театра Но, основанный Канъами Киёцугу (1333–1384).

[58] «Юми Явата» («Лук Хатиман» 弓八幡) — пьеса театра Но, приписываемая знаменитому драматургу и актёру Дзэами Мотокиё (1363–1443), в которой синтоистское божество Хатиман предстает как защитник императорского дома и охранитель мира в стране [Дулина, 2013, с. 11].

[59] Хосокава Фудзиката (1517–1590). Отпрыск рода Хосокава, поддержавший Асикага Ёсиаки и Нобунага.

[60] Хосокава Фудзитака (1534–1610), прямой вассал сёгуна (*хо:ко:сю:*), поддерживавший тесные связи с Нобунага. После размолвки Ёсиаки и Нобунага принял сторону последнего. Стал одним из видных военачальников Нобунага, которому тот в 1580 г. доверил управление провинцией Танго.

[61] Помощник сёгуна — *фукусё:гун* (副将軍). Подобный пост не имел аналогов в должностной иерархии сёгуната Асикага. Предлагая на выбор его или должность *канрэй*, Ёсиаки не только выражал свою признательность, но и стремился вписать Нобунага в политическую систему Муромати бакуфу.

Тогда [князь Нобунага] ответил, что отказывается и не принял [эти должности]. «Необычное решение», — дивились верхи и низы в столице и в провинции.

Итак, «Такасаго»[63]

Вступительная пьеса Но:. Кандзэ Сакон-но таю:, Компару[64] О:даю:, Кандзэ Кодзиро:.

Большой барабанчик[65] — О:кура Дзисукэ.

Малый барабанчик[66] — Кандзэ Хикоэмон.

Флейта — Тё:ай.

[Барабан] *тайко*[67] — Кандзэ Матасабуро:.

Второй [круг чарок] — [сакэ] наливал О:дати Иё-но ками.

Тогда [сёгуном] вновь были направлены [к князю Нобунага] три вышеназванных посланца. Нобунага [с почтением] предстал перед самим [сёгуном]. Согласно [обычаю] *сангон* правитель [благоволил] милостиво наполнить и пожаловать чарку [князю Нобунага], [он также] был пожалован соколом и [доспехом] *харамаки*[68]. Не может быть чести превыше этой!

Вторая пьеса — «Ясима»[69]. Большой барабанчик — Фукая Тё:сукэ.

Малый барабанчик — Ко: Горо:дзиро:.

Третий круг [чарок] – [сакэ] наливал Иссики Сикибу-но сё:[70].

Третья пьеса — «Тэйка»[71].

Четвертая пьеса — «До:дзё:дзи»[72].

---

[62] *Канрэй* (管領) — своего рода «первые министры» и помощники сёгунов Асикага, курировавшие работу важнейших ведомств *бакуфу*. В XV в. назначались лишь из трех кланов — Сиба, Хосокава и Хатакэяма. После 1486 г., когда Хатакэяма Масанага (?1442–1493) ушел с этого поста, его стали занимать исключительно отпрыски дома Хосокава. Вместе с тем этот пост в период *Сэнгоку* потерял прежнее значение: *канрэй* назначали лишь на время возведения сёгуна в должность [Сэкай дайхякка, 2007].

[63] Пьеса театра Но «Такасаго» («Песчаные холмы»; 高砂) считается произведением Дзэами, в ней рассказывается о встрече жреца святилища Асо с духами двух сосен, одна из которых растет в местности Такасаго в земле Харима.

[64] Компару-дза — актерский цех театра Но, основанный Компару Удзинобу Дзэнтику (1405–1470?).

[65] *О:цудзуми* (大つみ々) — японский малый барабан для аккомпанирования музыке в театре Но, по нему бьют правой рукой, держа на колене.

[66] *Коцудзуми* (小鼓) — еще один тип японского малого барабана, меньший по размеру, чем *о:цудзуми*. По нему бьют правой рукой, держа на плече.

[67] *Тайко* (大鼓) — дословно «большой барабан», на котором играют палочками.

[68] *Харамаки* (腹巻) — «набрюшник». Вид доспехов, популярный в Японии в Средние века. Менее массивный и более легкий, чем *о:ёрои*. Предназначался для пеших воинов. В разные периоды бытовали различные его разновидности [Сэкай дайхякка, 2007]. В переводе К. С. Носова *харамаки* — «обмотка для живота». Пластинчатая кираса *харамаки* имела разрез сзади и раскрывалась на спине [Носов, 2010, с. 48–50].

[69] «Ясима» (八嶋), пьеса театра Но:, считающаяся сочинением Дзэами. Согласно её сюжету синтоистские жрецы, прибывшие к заливу Ясима на острове Сикоку, втречаются с духом Минамото-но Ёсицунэ, который победил войско Тайра в битве при Ясима в 1185 г.

[70] Иссики Ёсимити (?–1579), вассал Асикага Ёсиаки, также поддерживавший связи с Нобунага.

[71] «Тэйка» (定家) — пьеса, приписываемая Дзэами. Ее сюжет основан на эпизоде из жизни Фудзивара-но Садаиэ (Тэйка 1162–1241), великого поэта конца эпохи Хэйан и периода Камакура.

[72] До:дзё:дзи (道成寺) — пьеса театра Но:. Ее сюжет строится вокруг поднятия нового колокола в храме До:дзё:дзи в провинции Кии, которому пытается воспрепятствовать демон, в конце концов изгоняемый молитвами храмовых монахов.

[Сёгун] пожелал, чтобы Нобунага играл на барабанчике, но [тот] ответил отказом[73].

[Барабан] *тайко* — О:кура Дзисукэ.

Малый барабанчик — Кандзэ Хикоэмон.

Флейта — Ито: Со:дзюро:.

Пятая пьеса — «Курэха»[74]. [Спектакль] Но: окончился. Всем членам труппы, даже изготовителям париков [для представлений] *дэнгаку*[75] пожаловали от Нобунага подарки. После этого ради блага Поднебесной, а также из сострадания к проезжающим путникам соблаговолил [он] отменить все многочисленные пошлины и все заставы в высочайшем уделе[76]. [Люди] благородные и низкорожденные в столице и в провинции все как один склонялись, благодаря [его], и были довольны.

10-я луна, 24-й день. [князь Нобунага] испросил дозволения [сёгуна] вернуться в землю [Мино].

(6) 25-й день. [Пожалована] высочайшая грамота с похвалой [от сёгуна]. Вот ее слова:

Ныне [вы] без задержки и без промедления усмирили всех до единого бунтовщиков разных земель, и посему воинской доблестью превзошли [всех] в Поднебесной[77]. Нет [заслуги] превыше восстановления этого дома. Прошу лишь о том, чтобы [вы еще больше [радели] о всемерном поддержании порядка в государстве. [Подробности] передадут [Хосокава] Фудзитака и [Вада] Корэмаса.

10-я луна, 24-й день монограмма

[Дражайшему] отцу[78] господину Ода Дандзё:-но тю: Нобунага

---

[73] В «Начальном свитке» рассказывается о том, что Нобунага однажды устроил танцы с участием своих вассалов, и стуча в барабанчик *коцудзуми*, сам исполнил один из танцев [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 47]. Согласно военной повести «Асикага кисэй ки» (足利季世記) сёгун просил Нобунага постучать по *коцудзуми*, поскольку прослышал, что тот большой мастер игры на нём. Однако Нобунага «твердо отказался» [Асикага кисэй ки, 1902, с. 248]

[74] «Курэха» (呉羽) — пьеса театра Но:, авторство которой приписывается Дзэами.

[75] *Дэнгаку* (田楽) — буквально «сельская музыка», «музыка полей». Изначально в эпоху Хэйан сельские обрядовые игры, имевшие магический смысл, во время которых ряженые исполняли танцы под аккомпанемент музыкальных инструментов. К концу периода Хэйан представления *дэнгаку* превратились в разновидность театрального искусства, популярного в городских поселениях. Оказали влияние на становление театра Но [Анарина, 2008, с. 123, 124].

[76] Высочайший удел (*гобункок;у* 御分国) — княжество Нобунага, на тот момент состоявшее главным образом из провинций Овари, Мино и частично Исэ и О:ми.

[77] Воинской доблестью превзойдя [всех] в Поднебесной — дословно «[явив] первейшую в Поднебесной воинскую доблесть» (*тэнка бую: дайити* 武勇天下第一).

[78] [Дражайший] отец — *онтити* (御父). Такое обращение, вероятно, должно было подчеркнуть благодарность сёгуна Нобунага. Личные послания сёгунов Асикага именовались *гонайсё* (御内書), к ним относятся и эти две грамоты из «Синтё:-ко: ки», подлинники которых не сохранились. Нобунага был лишь на три года старше сёгуна. Подобное величание адресата, а также написание слова «господин» (*доно*) иероглифом (殿), а не знаками *кана* согласно принятому эпистолярному этикету, могло бы вызвать сомнения в подлинности обоих документов. Однако похожие копии сохранились и в собрании документов дома Нинагава, отпрыски которого наследовали должность заместителя главы ведомства *мандокоро* в Муромати *бакуфу*, а также в военных повестях (*гунки*). Хори Син предпринял скрупулезное сопоставление всех дошедших до нас версий этих текстов. В копии первой грамоты из документальных

Добавление

По причине явленной [вами] великой преданности дарую герб с павлонией и [штандарт] *хикирё: судзи*[79]. Примите [это] как поздравительный дар, [удостоверяющий] мощь [ваших] военных подвигов.

10-я луна 24-й день монограмма

[Дражайшему] отцу господину Ода Дандзё:-но тю: Нобунага

Такую [грамоту] пожаловал [сёгун][80]. Неслыханная в прежние времена честь, чреда [наград столь высоких], [что] не описать [ни] кистью, [ни] словами.

26-й день. [Князь Нобунага] прибыл в Морияма в О:ми.

27-й день. [Он] остановился [на ночлег] в Дзё:бодайин в Касивабара.

10-я луна, 28-й день. [Князь Нобунага] вернулся в замок Гифу в Мино.

Тысяча осеней, десять тысяч лет[81]! Замечательно, превосходно!

Свиток II

Сложил это О:та Идзуми-но ками

12-й год [девиза правления] Эйроку, змеи и младшего брата земли[82]

1. О битве в Рокудзё:.
2. Об ударе [по врагу] с тыла и вступлении Нобунага в столицу.
3. О строительстве резиденции *кубо:*.
4. О ремонте [государева дворца].
5. О приобретении [его милостью] знаменитых вещей.

материалов Нинагава, адресат также назван «[дражайшим] отцом». Хори убедительно показывает, что столь необычное величание Нобунага соответствует оригинальному тексту [Хори, 2012, с. 237–247].

[79] *Хикирё: судзи* (引両筋). Речь идет о *футацу хикирё:* (二引両), штандарте дома Асикага, на котором две черные линии перемежаются тремя белыми. Штандарт использовался с конца периода Камакура. Павлония — изначально герб императорского дома, был дарован государем Годайго Такаудзи, первому сёгуну династии Асикага [Окуно, 1968, с. 1–3]. Сёгун Асикага Ёситэру в 1561 г. даровал герб с павлонией Миёси Нагаёси, одному из его сыновей, а также Мацунага Хисахидэ [Хори, 2010, с. 255]. Примечательно, что Нобунага продолжал использовать этот герб и после изгнания Ёсиаки из Киото. Так в 1573 г. цветы и листья павлонии были на одеянии Нобунага во время чайного действа в храме Мё:какудзи в Киото, а также на его перчатке лучника (*югакэ*) во время конного шествия в Киото в 1581 г. [Икэгами, 2013, с. 38].

[80] О:та Гю:ити не упоминает о других щедрых наградах сёгуна, от которых Нобунага предпочел отказаться. Дело в том, что в других источниках сохранилась копия третьей грамоты, которую Ёсиаки отправил Нобунага одновременно с двумя письмами, приведенными в «Синтё:-ко: ки». В ней глава бакуфу фактически предлагал Нобунага признание главой рода Сиба, а также пост *канрэй*. *Сюго* провинции Овари из рода Сиба были сюзеренами различных ветвей рода Ода. Кроме того, Сиба наряду с Хосокава и Хатакэяма принадлежали к трем домам, из которых назначались *канрэй* («первые министры») при сёгунах Асикага. Однако Нобунага будто бы счел эти предложения непомерной почестью, вернул третье послание Ёсиаки, тем самым отказавшись и от должности *канрэй* и от наследования главенства рода Сиба [Куно, 2017, с. 83, 84; Икэгами, 2013, с. 38]. Согласно «Асикага кисэй ки» Ёсиаки также намерен был пожаловать одну из пяти провинций — О:ми, Ямасиро, Сэтцу, Идзуми, Кавати — Нобунага, но тот отказался, попросив лишь дать ему право назначить управителей (*дайкан*) в богатые города Сакаи (провинция Сэтцу), О:цу и Кусацу (провинция О:ми) [Асикага кисэй ки, 1902, с. 248–249].

[81] Тысяча осеней, десять дысяч лет — *сэнсю: бандзэй* (千秋万歳). Вариант перевода — «тысяча лет, десять тысяч лет». Здравица, пожелание долгих лет жизни.

[82] 1569 г.

6. Об отступлении из замка Адзака.
7. О том, как управитель земли [Исэ] оставил замок Окавати.
8. Об отмене [его милостью] таможенных застав.
9. О высочайшем паломничестве в святилище Исэ.

(1) Первая луна, 4-й день. Трое [вассалов] Миёси а также Сайто: Ухё:э-но таю: Тацуоки [83], Нагаи Хаято собрали *ро:нин* [84] из южных областей, [и, поставив] военачальником передовых [сил] Якусидзи Куро:дзаэмон, напали на [резиденцию] в Рокудзё:, где пребывал его светлость *кубо:*[85], сожгли [дома] у ворот и собирались уже ворваться в храм. Тогда [в] войске [сёгуна], укрепившемся в Рокудзё:, были:

Хосокава Тэнкю:, Ода Сакон, Номура Эттю:, Акадза Ситиро:эмон, Акадза Сукэроку, Цуда Сама-но дзё:, Ватанабэ Сё:дзаэмон, Сакаи Ёэмон, Акэти Дзю:бё:э [86], Мори Ягохати, Найто: Биттю:, Ямагата Гэннай, Уно Ясити.

Люди из Вакаса Ямагата Гэннай и Уно Ясити оба были воинами, известными [своей] отвагой. Прорубаясь к стягу врага, Якусидзи Куро:дзаэмон, [они] внесли смятение [в ряды противника], ожесточенно сражались и ранили многих, но оба полегли, [пронзённые] копьями. [Враги] кидались в атаку, [но их] принуждали отступать, [с обеих сторон] бились [так яростно], что сыпались искры [от клинков]. В одно мгновение сразили стрелами около тридцати [вражеских] всадников. Раненные и убитые [лежали в беспорядке] как разбросанные гадательные палочки. [Нападавшим] нечего было и думать о том, чтобы пробиться [в резиденцию сёгуна]. В это время, узнав о том, что Миёси Сакё:-но дайбу, Хосокава Хё:бу-но дайбу, Икэда Тикуго собираются ударить [по его войску] с тыла, Якусидзи Куро:дзаэмон ослабил атаку. Об ударе с тыла в районе [реки] Кацурагава.

Хосокава Хё:бу-но дайбу, Миёси Сакё:-но дайбу, Икэда Тикуго, Икэда Сэйхин[87], Итами, Араки, Ибараки устремились [вперед], у Кацурагава схватились с врагом. Тотчас же начали битву, то тесня [других], то отходя [под встречным натиском], сражались друг с другом, поднимая [над головами] черный дым. Список голов, добытых на поле брани:

Такаясу Гон-но ками, Ёсинари Кансукэ и его младший брат, Иванари Ясукэ, Хаяси Гэнтаро:, Итита Канамэ-но сукэ. Добыли их головы, а также других именитых [врагов]. Донесли об этом Нобунага.

(2) Первая луна, 6-й день. В Гифу в провинцию Мино явился гонец. В это самое время случился небывало сильный снегопад. [Князь Нобунага] объявил, что

---

83 Сайто: Ухё:э-но таю: Тацуоки — Сайто: Тацуоки, даймё провинции Мино, побежденный Нобунага и бежавший из Мино после взятия его замка-резиденции Инабаяма в 1567 г. Впоследствии воевал на стороне врагов Нобунага.

84 *Ро:нин* (牢人) — в Средние века и Раннее Новое время по различным причинам покинувший дом своего господина и потерявший пожалованную землю или жалованье воин.

85 Асикага Ёсиаки в тот момент обосновался в храме Хонкокудзи в Рокудзё: в Нижнем Киото.

86 Акэти Дзю:бё:э — Акэти Мицухидэ (1516–1582). Отпрыск одной из ветвей знатного самурайского рода Токи. Вначале совмещал статус вассала сёгуна Ёсиаки со службой Нобунага [Танигути, 2010, с. 9–10]. Постепенно стал одним из высокопоставленных военачальников Нобунага, принял участие во многих важных военных кампаниях. В 1582 г. поднял мятеж, повлекший за собой гибель Нобунага.

87 Танигути, а вслед за ним Й. Ламерс и Ю. Элисонас считают, что О:та Гю:ити в 1-й и 2-й частях I свитка ошибочно указал имя Икэда Сэйхин (池田せいひん) вместо Икэда Сэйтон (池田清貪) [Танигути, 2010, с. 47; The Chronicle, 2011, p. 129].

незамедлительно направится в столицу. [Решив], что поедет верхом один и пробьется сквозь сильный снегопад, [князь Нобунага] уже изволил сесть на коня, но возчики, собираясь грузить [его] вещи на коней, затеяли перебранку. [Князь Нобунага] соблаговолил сойти с коня и осмотрел одну за другой поклажу каждого из [них]. «[Все они] одного веса. Поторопитесь», — приказал [он]. [Всё] это оттого, что [князь Нобунага] подумал: «Не проявили ли распорядители пристрастности [при распределении груза]». Из-за небывало сильного снегопада замерзли насмерть несколько носильщиков из черни и других [слуг]. Преодолев трехдневный путь в Киото за два дня, Нобунага верхом [на коне], сопровождаемый лишь десятью всадниками, соблаговолил примчаться в Рокудзё:. Увидев, что положение прочное [и безопасное], [его милость] был несказанно доволен. До слуха [князя Нобунага] дошли [вести] о недавних подвигах Икэда Сэйхин, [и он], разумеется, [его] вознаградил. Тогда [Сэйхин снискал] честь в Поднебесной.

(3) Отчего же [у его светлости] сейчас нет резиденции [88], [молвил князь Нобунага]. Воины четырнадцати земель — Овари, Мино, О:ми, Исэ, Микава, [пяти провинций области] Гокинай, Вакаса, Танго, Тамба[89], Харима[90] — явились в Киото и [по воле князя Нобунага] расширили ров [вокруг] старой резиденции в Нидзё:.

12-й год [девиза правления] Эйроку, змеи и младшего брата земли, 2-я луна, 27-й день, час дракона[91]. Провели церемонию начала строительства[92]. С четырех сторон возвели высокие каменные стены. [Князь Нобунага] назначил распорядителями строительных работ[93] Мураи Мимбу и Симада Токоро-но сукэ. Из столицы и её окрестностей [они] созвали кузнецов, плотников, лесорубов, доставили древесину из соседних земель и соседних селений, ко всем [работникам сообразно их ремеслу] приставили распорядителей. Не [было допущено] небрежения, и потому [всё] построили быстро. Резиденцию [сёгуна] украсили золотом и серебром по заведенным в высочайшем доме [Асикага] обычаям, в саду сделали пруд, ручей, холм[94]. Кроме того, [князь Нобунага велел] поставить в саду большой камень, зовущийся Фудзитоиси, [который стоял] с давних пор в усадьбе господина Хосокава. Нобунага соизволил явиться самолично, [по его приказу] этот знаменитый камень обернули узорчатой тканью и парчой, украсили разными цветами, обвили многими толстыми верёвками.

[Камень тащили] под аккомпанемент флейт, [барабанов] *тайко* и барабанчиков, в то время как Нобунага благоволил отдавать приказания, [и его] быстро переместили в сад [резиденции]. Помимо того, в саду господина Дзисё:ин в Хигасияма[95] в один год был

---

88 Резиденция — *онкамаэ* (御構). *Онкамаэ* в «Записях о князе Нобунага» — «укрепленная резиденция», «усадьба», *камаэ* — «крепость».

89 Провинции Тамба и Танго, а также Ямасиро соответствуют территории префектуры Киото (Кё:то фу).

90 Провинция Харима в настоящее время составляет часть префектуры Хё:го.

91 Час дракона — между 7 и 9 часами утра.

92 Церемония начала строительства — *кувахадзимэ* (鍬初).

93 Распорядители строительных работ – *годайку бугё:* (御大工奉行).

94 Холм (искуственная горка) — *цукияма* (築山). В японских садах периода Хэйан небольшие насыпи, которые делались в южном углу сада, *цукияма* образовывали холмистый рельеф [Мостовой, 2015, с. 54].

95 Господин Дзисё:ин — сёгун Асикага Ёсимаса (1436–1490), Дзисё:ин — его посмертное имя. В Хигасияма в окрестностях Киото находилась знаменитая усадьба Ёсимаса. После смерти Ёсимаса

поставлен знаменитый камень, называвшийся Кусан хаккай[96] и [повсеместно] известный и в столице и провинции. Его также [князь Нобунага] велел доставить и поместить в сад. Кроме того, из столицы и её окрестностей [по приказу его милости] собрали знаменитые камни и деревья, ничего не пожалев, чтобы [можно было] любоваться [прекрасными видами]. Также на площадке для верховой езды посадили деревья сакуры, назвав [то место] Сакура-но баба — [князь Нобунага], ничего не упустив, распорядился [обо всем]. В довершении всего владетельные особы впереди и позади, слева и справа от резиденции [сёгуна] построили [усадьбы] — каждый по своему вкусу. Черепичные крыши [особняков] именитых [вельмож] стояли тесными рядами, блеск и величие резиденции [сёгуна] были восстановлены. [Князь Нобунага] преподнес сёгуну [длинный меч] *тати* и коня как поздравительные дары. Нобунага был призван к [его светлости]. Во время [церемонии] *сангон* правитель милостиво налил [сакэ], [и князь Нобунага] был пожалован чаркой, мечом и разными [дарами]. Надо ли говорить, [удостоился он] великой чести. На сей раз все [военачальники] из соседних земель долго пробыли в столице и послужили, себя не щадя. Нобунага соблаговолил выразить всем им свою благодарность и даровал дозволение вернуться в свои земли.

(4) Дворец государя пришел в полное запустение и утратил приличествующий вид, посему [князь Нобунага объявил], что дворец также надлежит починить, назначив распорядителями [работ] Нитидзё: Сё:нин[97] и Мураи Мимбу-но сё:ю.

(5) Затем, поскольку у Нобунага не было недостатка в золоте и серебре, рисе и монете, [он] молвил, что намерен приобрести вещи из Китая и знаменитые вещи Поднебесной. Сперва в Верхнем Киото:

Принадлежавшая Даймондзия [чайница] Хацухана;
из Ю:дзё:бо: — [чайница] Фудзинасуби[98];
из Хо:о:дзи — бамбуковая чайная ложка;
Икэгами Дзёкэй — [ваза для цветов] Кабуранаси;
Сано — картина [с изображением] диких гусей
Эмура — [ваза для цветов] Мокусоко;

Ю:кан и Нива Горо:дзаэмон став посланцами [князя Нобунага], передали [от него владельцам этих предметов] золото, серебро и рис. Приобретя [эти вещи] и распорядившись об установлениях для Поднебесной[99],

---

согласно его последней воле она была превращена в его заупокойный храм — Дзисё:дзи. Это храм дзэн-буддийской школы Риндзай, больше известный как «храм Серебряного павильона» (Гинкакудзи).

[96] Кусан хаккай (Кусэн хаккай; 九山八海) — «девять гор, восемь морей». Визуальная репрезентация космоса в буддизме с горой Сумеру в центре, окруженной семью горными грядами и восемью морями.

[97] Асаяма Нитидзё: (?–1577), выходец из провинции Идзумо, сначала служивший дому Амаго, а затем Мо:ри. Поддерживал близкие отношения с государевым двором. Был выбран двором одним из посредников для контактов с Нобунага. Получал от Нобунага, а также от сёгуна пожалования. Выполнял разнообразные, в том числе дипломатические поручения Нобунага. Примкнул к Нобунага после разрыва последнего с Асикага Ёсиаки. Нитидзё: известен как один из наиболее непримиримых противников христианских миссионеров в Японии [Танигути, 2010, с. 26–27].

[98] Хацухана — китайская чайница (*тяирэ*). После Нобунага, ее владельцем стал Тоётоми Хидэёси, а затем Токугава Иэясу, основатель сёгуната Токугава. Фудзинасуби — китайская чайница типа *насу*. Позднее перешла к Тоётоми Хидэёси, который пожаловал её Маэда Тосииэ (1538–1599) [«Синтё:-ко: ки», 1996, с. 96].

[в] 5-ю луну, 11-й день [князь Нобунага] вернулся в замок Гифу в провинции Мино.

(6) 8-я луна, 20-й день. [Князь Нобунага] выступил в поход в провинцию Исэ. В тот день дошел до Кувана. На другой день соизволил заняться соколиной охотой и остановился [там на ночлег]. В 22-й день раскинул лагерь у Каннондзи в Сироко, в 23-й день прибыл [и встал] лагерем в Коцукури. Шел дождь, [и он] остановился [там на ночлег]. В 26-й день [князь Нобунага] напал на замок Адзака, передовые силы [вел] Киносита То:китиро:. [Воины То:китиро:] приблизились к стенам, получив легкие раны, отошли, [но затем вновь] яростно атаковали. [Защитники] решили, что им не удержаться, моля о пощаде, сдались и отступили. [Князь Нобунага] разместил [в замке Адзака] отряд Такигава Сакон,

(7) затем, не посылая войско к нескольким близлежащим малым вражеским замкам, двинулся вглубь [земли Исэ]. Подступив к замку Окавати, [где] укрепились управитель земли [Исэ] и его сын [100], Нобунага объехал верхом и окинул взором [окрестности]. На горе к востоку [от замка] Нобунага соизволил расположить свою ставку. Той ночью [он] сначала разрушил и сжёг дотла город. В 28-й день [он] объехал верхом [замок] с четырёх сторон и окинул взором [окрестности].

На горе к югу [князь Нобунага] разместил:

Ода Ко:дзукэ-но ками [101], Такигава Сакон, Цуда Камон, Инаба Иё, Икэда Сё:дзабуро:, Вада Синсукэ, Накадзима Бунго, Синдо: Ямасиро, Гото: Кисабуро:, Гамо: Ухё:э-но таю:, Нагахара Тикудзэн, Нагата Гё:бу-но сё:, Аодзи Суруга, Ямаока Мимасака, Ямаока Гёкурин, Нива Горо:дзаэмон.

На западе:

Киносита То:китиро:, Удзиие Бокудзэн, Ига Ига-но ками, Иинума Кампэй, Сакума Уэмон, Итихаси Куро:эмон, Цукамото Кодайдзэн.

На севере:

Сайто: Синго, Сакаи Укон, Хатия Хо:ки, Янада Ядзиэмон, Тю:дзё: Сё:гэн, Исоно Тамба, Тю:дзё: Матабё:э.

На востоке:

Сибата Сюри, Мори Сандзаэмон, Ямада Сандзаэмон, Хасэгава Ёдзи, Сасса Кура-но сукэ, Сасса Хаято, Кадзивара Хэйдзиро:, Фува Кавати, Марумо Хё:го-но ками, Нива Гэнроку, Фува Хикодзо:, Марумо Сабуробё:э.

---

[99] Установления для Поднебесной — *тэнка-но дзё:моку* (天下定目).

[100] Управитель земли [Исэ] и его сын — Китабатакэ Томонори (1528–1576) и его старший сын Китабатакэ Томофуса (1547?–1580). Знатный род Китабатакэ, ветвь клана Мураками Гэндзи, в период Намбокутё: поддерживал Южный двор. Третий сын знаменитого мыслителя Китабатакэ Тикафуса был назначен на должность управителя (*кокуси;* 国司) земли Исэ, которую впоследствии удержали его преемники и потомки. Китабатакэ в период *Сэнгоку* контролировали южную половину провинции Исэ и часть провинции Ямато. К моменту осады замка Окавати Китабатакэ Томонори передал главенство в клане сыну Томофуса, хотя, вероятно, на деле оставался его соправителем [Сэнгоку дзиммэй, 2006, с. 277–278; Танигути, 2010, с. 165–166].

[101] Ода Нобуканэ (1543–1614), один из младших братьев Ода Нобунага.

Так [князь Нобунага] приказал расставить войско. После этого [по его приказу замок] с четырёх сторон обнесли кабаньей оградой[102] в два–три ряда, отрезав все пути [к замку].

Те, кто поочередно нес дозор внутри ограды:

Сугая Куэмон, Бан Куро:дзаэмон[103], Маэда Матадзаэмон, Фукудзуми Хэйдзаэмон[104], Накагава Хатиро:эмон, Киносита Ута-но сукэ, Мацуока Куро:дзиро:, Икома Хэйдзаэмон, Кавадзири Ёхё:э, Юаса Дзинсукэ, Мураи Синсиро:, Накагава Кинъэмон, Сакума Ятаро:, Мо:ри Синсукэ, Мо:ри Кавати, Икома Сё:сукэ, Камбэ Ганосукэ, Аракава Симпати, Иноко Ганосукэ, Нономура Мондо, Ямада Ятаро:, Такигава Хикоэмон, Ямада Саэмон-но дзё:, Саваки То:хати.

Нобунага приказал охранять свою ставку *оумамавари*, [отрокам] *окосё:*, [своим] лучникам и аркебузирам[105].

9-я луна, 8-й день. [Князь Нобунага] повелел троим — Инаба Иё, Икэда Сё:дзабуро:, Нива Горо:дзаэмон, — предпринять ночной штурм со стороны задних ворот [замка] на западе. [Они] повиновались и в тот же день с наступлением ночи, разделившись на три отряда, пошли на штурм. Когда двинули войско, полил дождь, и аркебузы [воинов князя Нобунага] оказались бесполезны.

На направлении атаки Икэда Сё:дзабуро:, пали в бою Асахи Магохатиро:, Хатано Ядзо из *оумамавари*.

Павшие в бою на направлении атаки Нива Горо:дзаэмон:

Тикамацу Будзэн, Камбэ Хо:ки, Камбэ Итисукэ, Ямада Тахё:э, Тэрадзава Якуро:, Мидзогути Томисукэ, Сайто: Гохати, Когава Кю:сукэ, Ко:но Санкити, Канэмацу Кю:дзаэмон, Судзумура Кадзума. [Они], а также больше двадцати сильнейших самураев пали в ночном сражении.

9-я луна, 9-й день. [Князь Нобунага] отдал приказания Такигава Сакон, [и тот] сжёг в долине Таги всё, начиная с резиденции управителя земли [Исэ], [по воле князя Нобунага] уничтожил весь урожай [на корню] и опустошил землю.

[Князь Нобунага], оставаясь в лагере, вознамерился взять замок измором, но некоторые из временно укрывшихся в замке уже понемногу умирали от голода, и потому

---

102 Кабанья ограда — *сисигаки* (しゝ垣). Ограда из бамбука и деревьев, ставившаяся для защиты суходольных и заливных полей от кабанов, оленей и других диких зверей. Подобный палисад часто сооружался вокруг осаждавшихся замков и крепостей.

103 Бан Куро:дзаэмон — Бан Наомаса (?–1576), военачальник и вассал Нобунага. Танигути транскрибирует его фамилию как Бан (塙) [Танигути, 2010, с. 375]. В тексте «Записей о князе Нобунага» с помощью *фуригана* дается чтение Ханно:.

104 Фукудзуми Хэйдзаэмон — Фукудзуми Хидэкацу (?–1582), вассал Нобунага. Танигути прочитывает иероглифы его фамилии 福富 как Фукудзуми [Танигути, 2010, с. 390]. В списке Ё:мэй она читается иначе — Фукутоми.

105 Лучники — *оюми-но сю:* (御弓の衆), дословно «лучники [его милости]». Аркебузиры — *тэппо:-сю:* (鉄砲衆). Танигути относит *умамавари*, отроков *косё:* вместе с лучниками и аркебузирами к прямым вассалам, которых называет *хатамото*. По его мнению, в широком смысле отряды лучников и аркебузиров, находившиеся в прямом подчинении Нобунага, тоже можно считать *умамавари* [Танигути, 2005, с. 9].

[управитель земли Исэ], [представив] всевозможные извинения, твердо обещал уступить главенство [в своем клане] Отясэн, второму сыну князя Нобунага[106].

10-я луна, 14-й день. Передав Такигава Сакон и Цуда Камон замок Окавати, управитель земли [Исэ] с сыном отступили из замка в места, звавшиеся Касаги и Саканаи. Тогда [князь Нобунага] повсюду назначил распорядителей, [ответственных] за разрушение замков по всей земле [Исэ], начиная с замка Тамару[107].

(8) Сверх того, всевозможные заставы в этой земле весьма досаждали проходящим путникам, и потому [князь Нобунага] отменил [их] на вечные времена, также строго распорядился впредь не взимать пошлины на заставах.

(9) 10-я луна, 5-й день. Князь Нобунага, совершая паломничество в святилище [Исэ][108], прибыл в Ямада. Поселился в доме Цуцуми Гэнсукэ. В 6-й день соблаговолил посетить Внешнее и Внутреннее святилища и Асамаяма[109]. На следующий день [князь Нобунага] отбыл и остановился [на ночлег] в Коцукури. В 8-й день раскинул лагерь в Уэно и после этого увел обратно все [свое] воинство. [Князь Нобунага], сделав князя Отясэн владетелем замка Окавати, придал [ему в помощь] Цуда Камон, [своими доверенными лицами] в трех местах — Анонocу, Сибуми, Коцукури – изволил оставить Такигава Сакон. В Уэно [князь Нобунага] разместил Ода Ко:дзукэ-но ками. [На пути] в Киото его спровождали только *оумамавари*. «Пусть остальные воины возвратятся из похода в свои земли», — [велел он], даровав дозволение уйти. Направившись к перевалу Тикуса, [князь Нобунага] двинулся напрямую в столицу. В 9-й день достиг Тикуса. В тот день шел снег, в горах было много снега. На 10-й день [князь Нобунага] остановился [на ночлег] в Тихара в провинции О:ми. В 11-й день прибыл в столицу. [Он] доложил его светлости *кубо:* о том, что умиротворив, подчинил всю провинцию Исэ и пробыл четыре или пять дней в столице, отдавая распоряжения [по разным делам] Поднебесной. 10-я луна, 17-й день. [Князь Нобунага] возвратился в Гифу в провинции Мино из похода. Замечательно, превосходно!

106 Князь Отясэн — Ода Нобукацу (1558–1630). Сын Нобунага от Кицуно (Кю:ан), его супруги из рода Икома, также как и Нобутада, старший сын Нобунага.

107 Разрушение замков в покоренных или замиренных землях — одна их характерных черт политики как Нобунага, так и Тоётоми Хидэёси.

108 Исэ дзингу — один из старейших и наиболее почитаемых комплексов святилищ Японии, посвященный богине солнца Аматэрасу, считающейся прародительницей императорского рода, и другим синтоистским божествам [Боги… 2010, с. 77]. Находится в префектуре Миэ (провинция Исэ, уезд Ватараи).

109 Внешнее и Внутреннее святилище — Найку: Гэку: (内宮 外宮). Во Внешнем святилище комплекса Исэ дзингу почитается богиня обильной пищи Тоёукэ-но химэ, во Внутреннем святилище — Аматэрасу [Боги… 2010, с. 177]. Асамаяма — в тексте 浅間山. Этими знаками записывается название высокого вулкана (2560 м), расположенного на границе современных префектур Нагано и Гумма. Однако здесь имеется в виду гора Асамаяма (朝熊山; 553 м) в префектуре Миэ, где располагалось Асаяма дзиндзя, связанное с Внешним святилищем, а также буддийский храм Ко:нго:сё:дзи. Асамаяма в Средние века стала одним из пунктов паломнического маршрута в святилище Исэ.

Литература / References

Анарина Н. Г. *История японского театра: древность и средневековье. Сквозь века в XXI столетие*. М., 2008 [Anarina N. G. *The History of Japanese Theater: Ancient Times and Medieval Age. Through Ages to 21st Century*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто. Под ред. И. С. Смирнова. М., 2010 [*Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto*. Smirnov I. S. (ed.). Moscow, 2010 (in Russian)].

Дулина А. М. *Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии в VIII–XIV вв.* Автореф. дисс. к. и. н. М., 2013 [Dulina A. M. *Formation and Evolution of the Cult of the Deity Hachiman in Japan in 8th–14th Centuries*. The History PhD dissertation. Moscow, 2013 (in Russian)].

Игнатович А. Н. *Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действа»)*. М., 1996 [Ignatovich A. N. *Philosophical, Historical and Aesthetic Aspects of Syncretism (the Example of Tea Ceremony*). Moscow, 1996 (in Russian)].

Коваленко О. *Самурайські хроніки: Ода Нобунага*. К., 2013 [Kovalenko O. *Samurai Chronices: Oda Nabunaga*. Kiev, 2013 (In Ukranian)].

Мостовой С. А. *Эволюция японского сада в контексте национальной истории*. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ист.н. Вл., 2015 [Mostovoi S. A. *The Evolution of Japanese Garden in the Context of National History*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Носов К. С. *Самураи: эволюция вооружения*. М., 2010 [Nosov K. S. *Samurai: Weapons Evolution*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Полхов С. А. О:та Гю:ити и его «Записи о князе Нобунага»: некоторые итоги изучения в японской исторической науке // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3. С. 115–133 [Polkhov S. A. Ōta Gyūichi and His ««Shinchō-kō ki»: Some Results of Studying in Japanese Historical Science // *Vestnik Instituta vostokovedenia RAN* (*Journal of the Oriental Studies Institute RAS*). 2019. 3. Pp. 115–133 (in Russian)].

The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi. Translated and Edited by J. S. A. Elisonas and J. P. Lamers. Boston, Leiden, 2011.

The Seven Military Classics of Ancient China. Transl. and comm. by Ralph D. Sawyer. Boulder, 1993.

Асикага кисэй ки 足利季世記 // *Кайтэй сисэки сю:ран* 改定史籍集覧. Т. 13. Токио, 1906.

Икэгами Хироко 池上裕子. *Ода Нобунага* 織田信長. Токио, 2013

Иматани Акира 今谷明. *Сэнгоку Миёси итидзоку. Тэнка ни го:рэй сита сэнгоку даймё:*. 戦国三好一族. 天下に号令した戦国大名. Токио, 2008.

Каваниси Масаюки 川西真幸. *«Синтё:-ко: ки»-но бунтай. Кайва-но инъё: кэйсики о тю:син ни* 信長公記の文体. 会話の引用形式を中心として // Аити кё:ику дайгаку дайгакуин. Кокуго кэнкю: 愛知教育大学大学院. 国語研究. 1995. 3. С. 71–78.

Канда Тисато 神田千里. *Сэнгоку рансэй о икиру тикара* 戦国乱世を生きる力. Токио, 2002.

Кого дайдзитэн компакуто хан 古語大辞典 コンパクト版. Токио, 1994.

Куно Масаси 久野雅司. *Асикага Ёсиаки то Ода Нобунага. Кайрай сэйкэн-но кёдзо:*. 足利義昭と織田信長 傀儡政権の虚像. Токио, 2017.

Мацубара Нобуюки 松原信之. *Этидзэн Асакура-си-но кэйфу* 越前朝倉氏の系譜// *Асакура Ёсикагэ-но субэтэ* 朝倉義景のすべて. Под ред. Мацубара Нобуюки 松原信之 編. Токио, 2003.

Накагава Тайко 中川太古 пер. и комм. *Гэндайго яку «Синтё: ко:ки»* 現代語訳 信長公記. О:та Гю:ити 太田牛一. Токио, 2014.

Окуно Такахиро 奥野高廣. *Асикага Ёсиаки* 足利義昭. Токио, 1968.

Окуно Такахиро 奥野高廣. *Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю:* 増訂 織田信長 文書の研究. Т. 1. Токио, 1988.

Сакагути Ёсиясу 坂口善保 пер. и комм. *Якутю: «Синтё:-ко: ки»* 訳注 信長公記. О:та Гю:ити 太田牛一. Токио, 2018.

Сакакияма Акира 榊山潤 пер. и комм. *Гэндайго яку «Синтё: ко:ки» (дзэн)*. 現代語訳 信長公記 (全). О:та Гю:ити 太田牛一. Токио, 2017.

Синтё:-ко: ки 信長公記. Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро ко:тю: 岩沢愿彦 奥野高広 校注. 9-е изд. Токио, 1996.

Сэнгоку дзиммэй дзитэн компакуто хан 戦国人名事典 コンパクト版. Под ред. Абэ Такэси, Нисимура Кэйко 阿部猛 西村圭子 編. Токио, 2006.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Нобунага гун-но сирэйкан. Бусё:тати-но сюссэ кё:со:* 信長軍の司令官. 部将たちの出世競争. Токио, 2005.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Нобунага-но сэйряку* 信長の政略. Токио, 2013.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн* 織田信長家臣人名事典. 2-е изд. Токио, 2010.

Танигути Кацухиро 谷口克広. *Ода Нобунага-но гайко:* 織田信長の外交. Токио, 2015.

Хори Син 堀新. *Ода Нобунага-но киримон хайрё: то «Синтё:-ко: ки»* 織田信長の桐紋拝領と信長公記 // *«Синтё:-ко: ки» о ёму* 信長公記を読む. Под ред. Хори Син 堀新 編. Токио, 2012. Сс. 237–247.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Сэкай дайхякка дзитэн 世界大百科事典. Под ред. Като: Сюити 加藤周一 編. Издание на CD ROM. Хэйбонся, 2007.

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАКИСТАНА. К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ СЛОЖНЫМ ОБЩЕСТВОМ. ЧАСТЬ II

В. Я. Белокреницкий*

В статье дан анализ территориальной и демографической структуры Пакистана с позиции ее этнического состава и меняющейся административно-политической композиции. В агрегированном виде с использованием недавно опубликованных результатов переписи населения 2017 г. представлены сведения о провинциях федеративного государства и особенностях его институционального устройства. Во второй части статьи автор уделяет главное внимание двум западным провинциям — Белуджистану и Хайбер-Пахтунхва, а также полосе племен, которая до недавнего времени имела особый административный и судебно-правовой статус. В заключение он касается вопроса о национальной консолидации и этнических движениях в стране и делает вывод об ослаблении этнонационалистических проявлений в общественной и политической жизни. Некоторые из этих движения претерпевают, к тому же, заметную трансформацию в последнее время, становясь менее элитарными, пользующимися поддержкой средних городских слоев. На первый план в их действиях выступает защита гражданских прав. Параллельно происходит укрепление суперэтнического общепакистанского идентитета на базе сочетания факторов религиозного и территориального единства. Представление о единой пакистанской нации формируется с опорой на идею уникальности мусульманской цивилизации в долине Инда. Автор в то же время считает, что относительно будущего Пакистана остается много вопросов, связанных, в частности, с белуджским и синдхским сецессионизмом, пуштунским гипернационализмом, южнопанджабским автономизмом и т. п. Этнотерриториальная структура дает ключ к пониманию многих сторон функционирования культурно-сложного общества. Имеют большое значение, вместе с тем, и другие грани социума, такие как социально-имущественные, классовые и кастовые различия, межконфессиональные трения, приниженное положение женщин.

Ключевые слова: федерация Пакистан, Азад Кашмир, Панджаб, Синд, Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва, консолидация и этнические движения.

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»)».

ETHNO-TERRITORIAL STRUCTURE OF PAKISTAN. TO THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND ADMINISTERING OF A COMPOSITE SOCIETY. PART II

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

The article provides a brief analysis of territorial and demographic structure of Pakistan from the viewpoint of its ethnic and changing politico-administrative composition. Taking into account the just published results of the Population Census of 2017, it contains some basic facts and figures about the provinces of the Federation and its institutional arrangement. In the second part of the article the author focuses on two western provinces — Baluchistan and Khyber Pakhtunkhwa as well as on the tribal belt, which until recently had had a special administrative and legal status. In the conclusion he touches upon the issue of national consolidation and ethnic movements in the country and arrives at the conclusion that ethno-nationalistic movements in the social and political life had been on the decline. Some of them have recently undergone visible transformation, acquiring less elitist character relying upon a support of the middle urban strata. The defense of civil rights has moved to the center of their activities. Simultaneously, one can view the strengthening of super-ethnic Pakistani identity based on factors of religious and territorial unity. The notion of united Pakistani nation is being grounded in the idea of the unique Muslim civilization in the Indus valley. However, the author expresses opinion that many questions about the future of Pakistan remain linked in particular to the issues of Baluchi and Sindhi secessionism, Pushtun hypernationalism, South Punjabi calls for autonomy etc. The ethno-territorial structure provides keys to the understanding of many sides of culturally composite societies. Nevertheless, some other societal features are of importance as well, such as socio-material, class and caste differences, interreligious tensions, depressed status of women.

Keywords: Federation of Pakistan, Azad Kashmir, Punjab, Sind, Baluchistan, Khyber-Pakhtunkhwa, consolidation and ethnic movements

Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва и территория племен

Самая большая пакистанская провинция — Белуджистан. Занимая 360 тыс. кв. км, почти половину (45 %) всей территории, она расположена к западу от Синда и южного Панджаба на Иранском нагорье (Белуджистанском плато) и обрамляется Аравийским морем, Сулеймановыми горами и отрогами Гиндукуша. Провинция отличается жарким засушливым климатом и преобладанием пустынь и полупустынь. Малопригодная для земледелия «страна белуджей» на протяжении веков имела редкое население. По переписи 1998 г. там проживало менее 5 % пакистанских жителей (6,5 из 132 млн. человек). За почти 20 лет, прошедших между переписями, численность обитателей провинции возрастала наиболее высокими темпами в стране (среднегодовой прирост 3.4 %) и достигла к 2017 г. 12,3 млн. человек[1].

Внутренняя структура Белуджистана весьма сложна, даже причудлива. Не углубляясь в ее особенности, отметим, прежде всего, наличие двух этнических районов — белуджско-брагуйского и пуштунского. Первый охватывает примерно четыре пятых территории к югу от 30 градуса с. ш. Почти всю эту площадь к моменту

[1] Census–2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural / Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/DISTRICT_WISE_CENSUS_RESULTS_CENSUS_2017.pdf (дата обращения 05.12.2019).

образования Пакистана занимали местные княжества, главным из которых был Калат во главе с правителем из брагуев — родственных с белуджами племен, родной язык которых принадлежит, как ни странно, к дравидским, распространенным в южной части Индии. Брагуи, тем не менее, отождествляют себя с белуджами, говорящими на языке индо-иранской группы. На языке той же группы говорят пуштуны, обитающие в более гористой местности по правобережью Инда.

Данные переписи 2017 г. по областям и округам позволяют предположить, что количество пуштунов едва ли не сравнялось с белуджским, поскольку к ним добавились афганцы, переселившиеся после 2001 г. по большей части в район Кветты, главного города провинции. Число жителей в сельских районах Кветтского округа увеличилось в шесть раз (!) к 2017 г. по сравнению с 1998 г., — с 209 до 1,3 млн. человек. Столь необычный рост вряд ли можно объяснить иначе чем переходом через границу сторонников разгромленного афганского движения Талибан и их семей. Важно при этом иметь в виду примечание к переписи о том, что она исключала из учета афганцев, проживавших в специальных лагерях для беженцев, но учитывала всех других «иностранцев»[2].

Согласно обнародованным данным, в четырех преимущественно белуджских областях (Калате, Макране, Насирабаде и Сиби) проживало 6,6 млн. человек. В чисто пуштунской области Зхоб насчитывалось 1,5 млн. Остальное население (4,2 млн.) приходилось на Кветтскую область, причем в округе Кветта проживало 2,3 млн. человек, а в самом городе — 1 млн. человек. Белуджей в округе совсем немного, а преобладают среди жителей пуштуны. В другом наиболее населенном округе Пишин (к северу от Кветты) пуштуны тоже доминируют. Афганские переселенцы расположились к тому же в ранее чисто белуджских округах Чагаи и Нушки, граничащих с Афганистаном и Ираном.

Проблемы города Кветты осложняются наличием там сплоченной и хорошо образованной общины шиитов-хазарейцев, на протяжении десятилетий переселявшихся туда из Афганистана, где они подвергались гонениям. Притеснения со стороны суннитов и террористические акты, направленные против хазарейцев, регулярно происходят и в Кветте, особенно в текущем десятилетии[3].

Политико-административной особенностью Белуджистана было зафиксированное действующей с 1973 г. Конституцией наличие «территорий племен». Причем в Белуджистане были лишь территории, управляемые провинциально, а не федерально. Главная их особенность состояла в признании традиционных обычаев племен — наряду с общегосударственными судебными нормами и правилами. Эти нормы в основном состоят в упрощенном правосудии, в обычае кровной мести, лишении женщин прав наследования, доминировании главы племени у белуджей (*тумандара*, *сардара*), важной роли совета племени или совета старейшин у пуштунов (*джирги*). По Конституции (статья 247) выделялись территории белуджских племен марри и бугти в округе Сиби, а также пуштунские округа Зхоб и Лоралаи [Ali, 2001,

[2] Census–2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural / Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/DISTRICT_WISE_CENSUS_RESULTS_CENSUS_2017.pdf (дата обращения 05.12.2019).

[3] 509 Hazaras killed in terror-related incidents during last five years in Quetta: NCHR Report. March 20, 2018 // *Dawn, Today's Paper*. 12.04.2019 URL: https://www.dawn.com/news/1396273 (дата обращения 05.12.2019).

p. 65–66]. Со временем специфика племенных территорий ослабевала, были учреждены округа Дерабугти и Кохлу (в «стране бугти и марри»), а Зхоб и Лоралаи превратились в обычные административные единицы.

Подчеркнем, что Белуджистан недаром считается «ахиллесовой пятой» Пакистана. На протяжении всей его истории там неоднократно вспыхивали антиправительственные восстания, особенно массовое в 1973–1977 гг., унесшее жизни тысяч людей [Adeney, 2007, p. 158–159]. Возглавляла их, как правило, традиционная элита — правители Калата[4], сардары племен марри, бугти, менгал, бизенджо и др. Последние по времени волнения 2003–2006 г. закончились гибелью сардара Наваба Бугти и расширением социальной опоры оппозиции за счет представителей городского среднего класса [Grare, 2013, p. 8–10]. Белуджское национальное движение пребывает ныне в латентном состоянии, но причины для недовольства сохраняются. Главная из них — бедность провинции, несмотря на наличие разведанных полезных ископаемых и давно эксплуатируемых запасов природного газа в районе Суи (на территории племени бугти) [Плешов, 2005, с. 47–48; Social Development… 2015, p. 34, 36, 140–141].

К северу от пуштунских районов Белуджистана расположена четвертая провинция страны Хайбер-Пахтунхва (*илл. 1*). В переводе название означает хайберско-пуштунская, по имени перевала, ведущего из Афганистана в главный город провинции Пешавар, и большинства ее населения — три четверти жителей говорят на пушту или пахту. Созданная в 1901 г. по инициативе вице-короля лорда Керзона Северо-Западная пограничная провинция, наряду с Афганистаном, олицетворяла форпост колониальной Индии и защитный барьер от ожидаемой экспансии Российской империи. Провинцию, получившую полноценный статус в 1932 г., характеризовало редкое население, обитавшее в равнинной полосе вдоль гор, отходящих от Гиндукуша и протянувшихся с северо-востока на юго-запад вплоть до Белуджистана. В 1893 г. в основном по водоразделу в этой цепи гор была на карте проведена часть границы между Индией и Афганистаном, известная как «линия Дюранда»[5], не признаваемая поныне афганскими властями. Отошедшие под эгиду англичан горные области населяли воинственные племена восточных пуштунов, долго сопротивлявшиеся колонизаторам. В полосе племен им с трудом удалось разместить небольшие контингенты войск, администрацию в лице политических агентов и ввести пограничный судебный кодекс (Frontier Crimes Regulations, FCR). «Отец-основатель» Пакистана М. А. Джинна одним из первых своих актов в качестве генерал-губернатора нового доминиона вывел правительственные войска из зоны племен, но особый ее статус и действие жесткого криминального кодекса сохранялись вплоть до самого последнего времени.

Согласно Конституции 1973 г., в тогдашней Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), помимо областей, где действовало обычное законодательство, учреждались территории племен, управляемые провинцией, и Территория племен федерального управления (ТПФУ). Именно на нее распространялось действие упрощенных правил правосудия колониального времени, между тем как федеральное управление осуществлялось президентом Пакистана через губернатора провинции [Ali,

[4] Белуджские княжества во главе с Калатом были ликвидированы в 1955 г. одновременно с учреждением единой провинции Западный Пакистан.

[5] Названа по имени секретаря по иностранным делам колониального англо-индийского правительства, заключившего в Кабуле договор с афганским эмиром Абдур Рахманом.

2001, p. 66]. Федерально управляемая зона племен включала первоначально шесть, впоследствии семь, политических агентств, в том числе Хайбер, а также Северный и Южный Вазиристан. Кроме того, в ТПФУ входили шесть предгорных пограничных районов, примыкавших к равнинным округам провинции[6]. На практике дела вершил назначенный губернатором с согласия федерального центра политический агент (в пограничных районах — чиновник, назначенный главой округа). Принимаемые ими единолично решения, как правило, согласовывались с мнением племенного сообщества, которое выявлялось на джиргах [Ahmed, 1991][7].

Илл. 1. Карта северо-запада Пакистана
(по: https://kids.kiddle.co/Image:NWFP_and_FATA.jpg (дата обращения 05.12.2019)

[6] По другим сведениям, пограничные районы входили в состав провинции, что лишь подчеркивает их промежуточный, буферный статус [Чекризова, 2016, с. 165].

[7] Federally Administered Tribal Areas // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Federally_Administered_Tribal_Areas (дата обращения 05.12.2019).

ТПФУ имела в нижней палате федерального парламента 12 мест, а в сенате — 8. В 1996 г. было принято решение о проведении всеобщих выборов для заполнения мест в нижней палате (ранее действовала система делегирования парламентариев *маликами,* старейшинами племен). В законодательном собрании провинции федеральная территория представлена не была.

Горные племена пуштунов до сего времени сохраняют институты самоуправляемых общин, где отношения между ее членами формируются под влиянием традиционного кодекса чести *пуштунвали*. Большую роль в своде правил играют законы кровной мести (*бадал*) и гостеприимства (*мелмастиа*). Под воздействием событий последних десятилетий, а именно, в условиях втягивания полосы племен в междоусобный и интернациональный афганский конфликт и его перетекания в Пакистан, традиционные устои пошатнулись, во внутриплеменных делах увеличилась роль участников боевых действий на стороне радикально настроенных сил (*муджахедских*, затем *талибских*), которые зачастую были выходцами из младших родов (*кышр*), не игравших ранее заметной роли в племенных делах, а также проповедниками и священнослужителями (*муллами*)[8]

Вопрос о судьбе ТПФУ активно обсуждался с конца 1990–х гг. Большинство общепакистанских партий выступали за ее слияние с пуштунской провинцией. В мае 2018 г. пакистанский парламент одобрил 25-ю поправку к Конституции, которая ликвидировала особый статус ТПФУ и объединяла территорию с провинцией Хайбер-Пахтунхва. На выполнение подписанного президентом решения поправка отводила 2 года, но полная замена законов колониального времени пакистанским законодательством потребует, очевидно, больше времени. И не случайно, через год, принимается 26-я поправка, расширяющая представительство бывшей ТПФУ в федеральной легислатуре и провинциальном законодательном собрании[9].

Как бы то ни было, знаменательное в политико-юридической истории страны решение принято и на северо-западе страны образовалась укрупненная провинция с преобладающим пуштунским населением. Она теперь состоит из 34 округов и семи областей. Площадь провинции равна 102 тыс. кв. км (12,8 % от общей площади), а население по переписи 2017 г. равно 35,5 млн. человек (17,3 %), из них на бывшую ТПФУ приходится 5 млн.[10]

При этом в плодородной Пешаварской долине (области Пешавар и Мардан) сосредоточено 11,5 млн. человек, по преимуществу говорящих на пушту. В расположенных к югу от Пешавара также пуштунских областях Банну, Кохат и Дераисмаилхан зарегистрировано более 6 млн., а в северной высокогорной области Малаканд, которая относилась в основном к провинциально управляемой территории племен (этот особый статус тоже отменен) — еще 7,5 млн. человек. В этническом отношении выделяется только одна область провинции — Хазара (5 млн. человек), граничащая с Панджабом. Большинство жителей там говорит на языке хиндко,

[8] Об участниках борьбы местных талибов и других милитантистских групп с правительственными войсками, полицией и полувоенными формированиями см: [Чекризова, 2016, с. 156–206].

[9] *NA unanimously passes 26th Amendment Bill.* URL: https://tribune.com.pk/story/1971995/1-na-unanimously-passes-26th-amendment-bill/ //*The Express Tribune.* 13 May, 2019 (дата обращения 05.12.2019).

[10] Khyber Pakhtunkhwa // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khyber_Pakhtunkhwa (дата обращения 05.12.2019).

считающемся обычно диалектом панджабского. Лингвистическими и культурными особенностями отличается также округ Читрал на крайнем севере Малаканда, граничащий с областью Гилгит-Балтистан[11].

Следует отметить, что темпы роста населения провинции между 1998 и 2017 гг. были выше, чем в других провинциях, за исключением Белуджистана, — в среднем в год прирост равнялся 3 %. Одинаково высокими темпами росло и городское, и сельское население, при этом доля городских жителей была примерно вдвое ниже, чем в стране — 19 %[12].

Слияние ТПФУ с Хайбер-Пахтунхва означает, что почти все области, населенные пуштунами, объединены в одну административную единицу. Вычитая из новой провинции область Хазара и прибавляя белуджистанский север, легко увидеть, что на сплошной пуштунский ареал в Пакистане приходится население равное 30 млн. человек. Такое сосредоточение пуштунов, причем главным образом сельских жителей, на границе с Афганистаном, где их число оценивается обычно в пределах 13–15 млн., объективно создает коллизию, в какой-то степени объясняющую сложность урегулирования конфликтной ситуации в Афганистане. И для Пакистана растущее пуштунское население, пополняемое к тому же афганскими беженцами, представляет серьезный вызов

Национальная консолидация и этнонационализм

Хорошо известно, что после распада, условно говоря, «первого Пакистана», состоявшего из двух территориальных «кусков», к западу и востоку от Индии, многие наблюдатели сомневались в способности «второго Пакистана» выстоять, решив задачи национальной консолидации. В данный исторический момент можно с определенной долей уверенности говорить о преодолении страной трудных испытаний, которые выпали на ее долю после отделения Бангладеш.

Пакистан за это время прошел сквозь череду гражданских, военных и полувоенных режимов. При этом федеративное устройство государства не претерпело принципиальных изменений, что способствовало национальной интеграции. Очевидных успехов на этом пути стране удалось добиться с 2008 г., когда после 9 лет военно-авторитарного правления были проведены парламентские выборы в условиях демократии, пусть и с сохранением сильного закулисного влияния руководства вооруженных сил [Jaffrelot, 2015, p. 146].

Знаменательным событием было одобрение парламентом в 2010 г. 18-й поправки к Конституции. Оформленная как одна, но на деле вводящая серию изменений, она возвращала систему правления к первоначальному парламентскому типу. Президент лишался введенного в 1985 г. 8-й поправкой и подтвержденного 17-й поправкой в 2003 г. права отправлять в отставку правительство и распускать по своему желанию

[11] Census–2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural / Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/DISTRICT_WISE_CENSUS_RESULTS_CENSUS_2017.pdf (дата обращения 05.12.2019); Khyber Pakhtunkhwa // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khyber_Pakhtunkhwa (дата обращения 05.12.2019).

[12] Census–2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural / Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/DISTRICT_WISE_CENSUS_RESULTS_CENSUS_2017.pdf (дата обращения 05.12.2019).

парламент, назначая новые выборы [The Future of Pakistan, 2011, p. 7–8; Talbot, 2012, p. 201–202].

Единодушное одобрение парламентом в конце 2009 г. пропорций распределения средств между четырьмя провинциями в соответствии с формулой, выработанной 7-й Национальной финансовой комиссией стало значительным шагом гражданского правительства навстречу провинциям. Доля предоставляемых им ассигнований по бюджету на 2010–2011 гг. увеличивалась до 56 %, а в последующие годы до 57,5 % по сравнению с 47,5 % в предшествующий период [Talbot, 2012, p. 216–218].

Еще одним достижением стало проведение очередных выборов в 2013 г. в полном соответствии с Конституцией и произошедшая в результате выборов смена правящей партии. Несмотря на скрытое сопротивление военных, использующих нередко для своих целей юридическую ветвь власти, парламентская система преодолела еще один пятилетний рубеж, хотя и с некоторыми сложностями, которые привели к отставке премьер-министра[13].

Прошедшие в июле 2018 г. выборы ознаменовались победой новой партии и еще одной полной сменой федерального кабинета министров. Любопытно при этом, что, если по итогам выборов 2008 г. правительство сформировала Пакистанская народная партия, популярная в первую очередь среди синдхов, то в 2013 г. победу праздновала панджабская по массовой опоре Мусульманская лига Наваза Шарифа, а в 2018 г. — партия «Техрик-е инсаф» («Движение за справедливость»), пользующаяся наибольшей поддержкой в Хайбер-Пахтунхва. Впрочем, ее лидер, нынешний глава пакистанского правительства Имран Хан, пуштун по происхождению из племени ниязи, ассоциируется в то же время с Панджабом и особенно Лахором, где проживает он сам и масса его сторонников.

Смена одного победившего этнорегиона другим сочеталась с уменьшением значимости на общепакистанском уровне этнического фактора. Это подтверждают опросы, проведенные журналистами ведущего пакистанского журнала «Хералд» накануне выборов 2013 г. и результаты выборов 2018 г.[14]

Итак, обозревая исторический путь, пройденный Пакистаном, можно заметить тенденцию к ослаблению основанных на этнических различиях националистических движений, выступающих за автономию и даже сецессию (сепаратизм). Когда-то весьма сильный синдский (синдхский) национализм, наиболее ярким олицетворением которого было движение «Джийя Синдх» («Да здравствует Синд») во главе с Г. М. Саедом, не сошел полностью со сцены, но потерял былое влияние и популярность[15].

---

[13] Белокреницкий В. Третья отставка премьер-министра Пакистана: причины и последствия // *Валдай. Международный дискуссионный клуб.* 11.08.2017 URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-otstavka-premera-pakistana/ (дата обращения 05.12.2019).

[14] Do Pakistanis vote on an ethnic basis? // *Herald.* May, 2013. URL: https://herald.dawn.com/news/1153691 (дата обращения 05.12.2019); Failure of ethno-linguistic political groups in last elections // *The Express Tribune.* 09.09.2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1798627/6-failure-ethno-linguistic-political-groups-last-elections/ (дата обращения 05.12.2019).

[15] End of JSMM's strike: Sindh reverberates with 23 cracker attacks // *The Express Tribune.* 24.01.2014. URL: https://tribune.com.pk/story/662958/eve-of-jsmms-strike-sindh-reverberates-with-23-cracker-attacks/?amp=1 (дата обращения 05.12.2019).

Белуджский национализм, судьбы которого мы уже касались, распадается сегодня на легальный, парламентский и подпольный радикально-оппозиционный. Лидеры последнего, такие как один из сыновей убитого Наваба Бугти, Брахмадагх, руководят действиями своих сторонников из-за границы[16]. Радикальные организации белуджей (Белуджская республиканская партия, Армия освобождения Белуджистана и др.) не сложили оружия, нанося точечные удары по частям расквартированной в провинции армии и полувоенным формированиям [Shah, 2017, p. 9]. Но до широких скоординированных действий дело не доходит.

Легальный белуджский национализм представлен сегодня такими партиями, как Белуджская национальная партия во главе с А. Менгалом, Национальная партия Х. Бизенджо и «Балучистан авами парти», стремящейся заручиться поддержкой не только белуджей, но и других жителей провинции[17]. Отметим сохранение верхушечного, «династийного» характера белуджского национализма, как и национализма ряда других этнических общин — оно является следствием с трудом размываемой традиционной, пирамидально-иерархической системы социальных отношений.

Основная партия пуштунского национального движения «Авами Нэшнл парти» («Народная национальная») стояла во главе провинциального правительства Северо-Западной пограничной провинции в 2008–2013 гг. и в основном по ее инициативе произошло переименование провинции в Хайбер-Пахтунхва. Однако дальше требований о переименовании светские пуштунские националисты не шли. Умеренность их требований объяснялась, по-видимому, достаточно прочным положением, которое заняли пуштуны в пакистанской армии и бюрократии, среди бизнесменов организованного и неорганизованного секторов[18]. В дальнейшем «Авами Нэшнл парти» была потеснена ныне правящей в стране партией «Техрик-е инсаф». Популярными среди пуштунов провинции, особенно в сельских местностях, остаются религиозные партии «Джамиат-е улема-е ислам» («Общество исламских богословов») и «Джамаат-е ислами» («Исламское общество»), а на внепарламентском уровне — пакистанские талибы («Техрик-е талибан Пакистан»).

В самое недавнее время пуштунское движение претерпело определенную трансформацию — в нем образовалось правозащитное крыло. Триггером для его возникновения стало убийство полицией Карачи в начале 2018 г. молодого пуштунского активиста из Южного Вазиристана Н. Махсуда. Волна протестов против преследования пуштунов, в которых армия и силы правопорядка непременно видят террористов и талибов, увенчалась «длинным маршем» на Исламабад, сидячей забастовкой в столичном городе и созданием «Паштун тахаффуз мувмент» («Движения в защиту пуштунов») во главе с М. Паштином. Как и другие молодежные организации

[16] Brahamdagh, Hyrbyair and Banuk booked on sedition charges // *The Express Tribune*. 23.08.2016. URL: https://tribune.com.pk/story/1168089/supporting-modis-remarks-brahamdagh-hyrbyair-banuk-booked-sedition-charges/?_ (дата обращения 05.12.2019).

[17] Elections 2018: Mapping the Trends // *Dawn*. 03.09.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1430121 (дата обращения 05.12.2019).

[18] Ejaz M. Pashtun nationalism // *Daily Times*. 19.08.2009. URL: https://defence.pk/pdf/threads/pashtun-nationalism-dr-manzur-ejaz.32020/ (дата обращения 05.12.2019).

пуштунов, представители нового крыла националистов отказываются от применения насилия, но массовость их выступлений пугает власть [Shah, 2017, p. 7][19].

На протестной правозащитной основе складываются и другие умеренно оппозиционные силы в Пакистане. Их волнует, в частности, «беспредел» армии и правоохранительных органов в Белуджистане, полосе племен, других «глухих» местах страны (в частности, в зоне распространения языка сирайки). Неизвестной остается судьба десятков, а то и сотен националистически настроенных активистов и просто мирных жителей. Все это вызывает в обществе негодование по поводу действий или бездействия властей. Большой резонанс вызвала, например, гибель в 2011 г. известного журналиста С. Шехзада, в которой подозревают военную контрразведку, а также недавнее убийство одного из руководителей «Паштун тахаффуз мувмент» А. Лони [Shah, 2014, p. 265][20].

Возвращаясь к тезису о спаде националистических движений, выскажем предположение, что в противовес ему идет процесс усиления чувства принадлежности населения к единой пакистанской нации [Белокреницкий, 2019, с. 88–89]. Базируясь первоначально преимущественно на понятии религиозной общности, пакистанский национализм в последние десятилетия все больше опирается на представления о единстве территории, ее особой геополитической и геоэкономической роли.

Этот феномен до известной степени объясним в рамках теории социоестественной истории Э. С. Кульпина [Кульпин, 1996; 2014]. Пакистанская суперэтничность формируется на базе территориальной компактности государства, культурной схожести ее основных этнических ареалов, обусловленных конфессиональной гомогенностью и однотипностью хозяйственных систем, детерминируемых природно-климатическими и технологическими факторами [Коган, 2019, с. 4–5].

Стоит в связи с этим отметить популярность в Пакистане идей крупного политического деятеля и адвоката Э. Ахсана, содержащихся в выдержавшей ряд переизданий книге. В ней он обосновывает тезис о «человеке Инда», прослеживая историю особой мусульманской цивилизации в долине великой реки [Ahsan, 2001].

Сплоченность той или иной нации измерить нелегко. Определенное представление о ней дает реакция общества на успехи своей страны в различных областях. Для Пакистана речь может идти пока только о спорте и, главным образом, о национальной игре в крикет. Более объективный характер носят, как правило, международные рейтинги. Пакистан в большинстве из них (социального прогресса, положения женщин, коррупции, конкурентоспособности экономики и т. п.) занимает место в самом низу. Однако, согласно проводимым ООН с 2011 г. сопоставлениям на базе опросов населения, выявляющих «индекс счастья», Пакистан заметно опережает Индию и другие страны Южной Азии[21]. Повышению градуса общественных ожиданий способствует осуществление амбициозного проекта «Китайско-пакистанского

---

[19] Pakhtun Movements for Rights // *Dawn*. 26.02.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1391731 (дата обращения 05.12.2019).

[20] Strike in Baluchistan following PTM leader Loni's killing. February 04, 2019 // *Dawn*. 07.02.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1461800 (дата обращения 05.12.2019).

[21] Pakistan among top 20 gainers on World Happiness index // *Dawn*. 21.03.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1470995 (дата обращения 05.12.2019).

экономического коридора», сулящего Пакистану хозяйственную интеграцию его регионов.

Впрочем, по поводу и настоящего, и будущего Пакистана остается много вопросов, связанных в частности с сохранением сублимированного белуджского и синдхского сецессионизма, пуштунского гипернационализма, южнопанджабского автономизма и т. п. Весьма неопределенной остается ситуация на севере страны, вызванная неясностью политико-юридического будущего Азад Кашмира и Гилгит-Балтистана. В качестве противоположной тенденции к силовой консолидации подспудно существует своего рода панджабский и мухаджирский ирредентизм в форме желания вернуть себе прежние доминирующие позиции. При этом надо иметь в виду, что для политической культуры Пакистана характерен глубоко укоренившийся эгоистический настрой представителей, как господствующих элит, так и противостоящих им сил оппозиции[22].

Заключение

Изложенное выше позволяет в первом приближении понять сложное в социокультурном отношении общество, каким, безусловно, является Пакистан. Мы в общем виде затронули этнотерриториальную структуру страны и некоторые связанные с ней исторические тенденции. Этническое разнообразие и политико-административную композицию нельзя не учитывать, рассматривая проблемы управления обществом особенно в таком еще рыхлом, до конца не сложившемся национальном государстве, как Исламская Республика Пакистан. В то же время, не только она служит ключом для понимания социальной сложности, поскольку, помимо этнонациональных, существуют другие грани социума — социально-имущественные, классовые и кастовые, а также религиозные, гендерные, профессиональные, образовательные.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Формирование и современное состояние пакистанской нации // *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 76–91 [Belokrenitsky V. Ya. The Formation and Present Day Condition of the Pakistani Nation // *Vostok (Oriens)*. 2019. 2. Pp. 76–91 (in Russian)].

Кульпин Э. С. *Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю*. М., 1996 [Kul'pin E. S. *East-West Bifurcation. Introduction to Socionatural History*. Moscow, 1996 (in Russian)].

Кульпин Э. С. *Социоестественная история*. Волгоград, 2014 [Kul'pin E. S. *Socionatural History*. Volgograd, 2014 (in Russian)].

Коган А. И. Некоторые проблемы изучения Памиро-Гиндукушского региона с позиций социоестественной истории // *История и современность*, 2019. № 1. С. 3–16 [Kogan A. I. Some Problems of Studying the Pamir-Hindukush Region in Light of Socionatural History // *History and Contemporary Time*. 2019. No. 1. Pp. 3–16 (in Russian)].

Плешов О. В. *Ислам и политическая культура в Пакистане*. М., 2005 [Pleshov O. V. *Islam and Political Culture in Pakistan*. Moscow, 2005 (in Russian)].

[22] Hippler J. *Understanding Pakistan — Basic Problems of Pakistani Society and Politics. P. 6–7.* Berlin, 2012. URL: http://www.jochenhippler.de/html/pakistan_-_basic_problems.html (дата обращения 05.12.2019).

Чекризова О. П. *Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX — начале XXI в.* М., 2016 [Chekrizova O. P. *Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan in the End of the 20th and the Beginning of the 21st Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Adeney K. *Federalism and Ethnic Conflict Regulation in India and Pakistan*. New York, 2007.

A History of Pakistan and its Origin. Ed. C. Jaffrelot. London, 2004.

Ahmed S. A. *Resistance and Control in Pakistan*. London, 1991.

Ahsan A. *The Indus Saga and the Making of Pakistan*. Lahore, 2001.

Ali S. S., Rehman J. *Indigenous Peoples and Ethnic Minorities of Pakistan. Constitutional and Legal Perspectives*. Richmond, 2001.

Grare F. *Balochistan. The State Versus the Nation*. Washington, 2013.

Jaffrelot C. *The Pakistan Paradox. Instability and Resilience*. New York, 2015.

Shah A. *The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan*. Cambridge, 2014.

Shah K. M. *The Baluchi and Pushtun Nationalist Movements in Pakistan: Colonial Legacy and the Failure of State Policy*. New Delhi, 2017.

Social Development in Pakistan. Annual Review 2014–15. Karachi, 2015.

Talbot I. *Pakistan. A New History*. Karachi, 2012.

The Future of Pakistan. Stephen Cohen and others. Ed. S. Cohen. Wash., 2011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Белокреницкий В. Третья отставка премьер-министра Пакистана: причины и последствия // *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. 11.08.2017 URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-otstavka-premera-pakistana/ (дата обращения 05.12.2019)].

509 Hazaras killed in terror-related incidents during last five years in Quetta: NCHR Report. March 20, 2018 // *Dawn, Today's Paper*. 12.04.2019 URL: https://www.dawn.com/news/1396273 (дата обращения 05.12.2019).

Brahamdagh, Hyrbyair and Banuk booked on sedition charges // *The Express Tribune*. 23.08.2016. URL: https://tribune.com.pk/story/1168089/supporting-modis-remarks-brahamdagh-hyrbyair-banuk-booked-sedition-charges/?_ (дата обращения 05.12.2019).

CCI defers approval of census results until elections // *Dawn, Today's Paper*. 28.05.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1410447 (дата обращения 05.12.2019).

Census–2017 Pakistan. Table 1. Provisional Province Wise Population by Sex and Rural / Urban // *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: http://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/DISTRICT_WISE_CENSUS_RESULTS_CENSUS_2017.pdf (дата обращения 05.012.2019).

Do Pakistanis vote on an ethnic basis? // *Herald*. May, 2013. URL: https://herald.dawn.com/news/1153691 (дата обращения 05.12.2019).

Ejaz M. Pashtun nationalism // *Daily Times*. 19.08.2009. URL: https://defence.pk/pdf/threads/pashtun-nationalism-dr-manzur-ejaz.32020/ (дата обращения 05.12.2019).

Elections 2018: Mapping the Trends // *Dawn*. 03.09.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1430121 (дата обращения 05.12.2019).

End of JSMM's strike: Sindh reverberates with 23 cracker attacks // *The Express Tribune*. 24.01.2014. URL: https://tribune.com.pk/story/662958/eve-of-jsmms-strike-sindh-reverberates-with-23-cracker-attacks/?amp=1 (дата обращения 05.12.2019).

Failure of ethno-linguistic political groups in last elections // *The Express Tribune*. 09.09.2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1798627/6-failure-ethno-linguistic-political-groups-last-elections/ (дата обращения 05.12.2019).

Federally Administered Tribal Areas // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Federally_Administered_Tribal_Areas (дата обращения 05.12.2019).

Hippler J. *Understanding Pakistan — Basic Problems of Pakistani Society and Politics*. Berlin, 2012. URL: http://www.jochenhippler.de/html/pakistan_-_basic_problems.html (дата обращения 05.12.2019).

Khyber Pakhtunkhwa // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khyber_Pakhtunkhwa (дата обращения 05.12.2019).

NA unanimously passes 26th Amendment Bill. // *The Express Tribune*. 13.05.2019. URL: https://tribune.com.pk/story/1971995/1-na-unanimously-passes-26th-amendment-bill/ (дата обращения 05.12.2019).

Problems in Fata's merger with Khyber Pakhtunkhwa // *Herald*. Karachi, December, 2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1971995/1-na-unanimously-passes-26th-amendment-bill/ (дата обращения 05.12.2019).

Pakhtun Movements for Rights // *Dawn*. 26.02.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1391731 (дата обращения 05.12.2019).

Pakistan among top 20 gainers on World Happiness index // *Dawn*. March 21, 2019 URL: https://www.dawn.com/news/1470995 (дата обращения 05.12.2019).

Strike in Baluchistan following PTM leader Loni's killing. February 04, 2019 // *Dawn*. 07.02.2019. URL: https://www.dawn.com/news/1461800 (дата обращения 05.12.2019).

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР КИТАЙСКО-РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР «КИТАЙ–МОНГОЛИЯ–РОССИЯ»

Е. В. Бойкова[*]

Научная дипломатия относится к категории «дипломатия второго трека» (Track II Diplomacy), т. е. представляет собой дипломатию экспертного сообщества. Нередко она применяется в тех случаях, когда использование традиционных форм дипломатии оказалось безуспешным. Научная дипломатия в общественных процессах реализуется в виде квалифицированного экспертного участия в разработке общих положений и конкретных направлений внешнеполитической деятельности государства, а также развития и совершенствования научного сотрудничества как одной из форм публичной дипломатии. Эта форма общественной дипломатии вносит существенный вклад в улучшение и стабилизацию отношений между государствами и в создание положительного имиджа страны. Ведущая роль в реализации этих форм деятельности принадлежит экспертным и аналитическим центрам *(Think tanks)*. Научная дипломатия является важным компонентом комплекса трехстороннего партнерства Китая, Монголии и России. Будучи одной из форм публичной дипломатии, она служит средством продвижения и защиты национальных интересов государств-участников проекта «Экономический коридор Китай–Монголия–Россия». Дипломатия ученых трех стран является перспективным форматом международных контактов, обладающим немалым потенциалом воздействия на международные отношения, в частности, в Северо-Восточной Азии. Научная дипломатия позволяет расширить круг негосударственных акторов — представителей России, Китая и Монголии, тем самым увеличивая число участников международных отношений. Ученые трех стран накопили немалый опыт двустороннего взаимодействия в различных сферах, что позволяет говорить о благоприятных перспективах для расширения трехсторонних контактов между ними. Сотрудничество ученых России, Китая и Монголии является формой общественной дипломатии, в рамках которой участники процесса совмещают в себе функции научных и общественных деятелей.

Ключевые слова: научная дипломатия, «Экономический коридор Китай-Монголия-Россия», трехстороннее взаимодействие, общественная дипломатия, международные отношения в Северо-Восточной Азии.

[*] Елена Владимировна БОЙКОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e.boykova@hotmail.com

Elena V. BOYKOVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute for Oriental Studies RAS, Moscow; e.boykova@hotmail.com

ACADEMIC DIPLOMACY AS A FACTOR OF THE CHINESE-RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION AS PART OF THE PROJECT "CHINA–MONGOLIA–RUSSIA ECONOMIC CORRIDOR"

Elena V. Boykova

Academic diplomacy represents a category of the "second track diplomacy" (Track II Diplomacy), i. e., the diplomacy of the expert community. It is often being practiced when the use of traditional forms of diplomacy proved to be unsuccessful. Academic diplomacy in public processes is carried out through qualified expert participation in the development of general provisions and specific areas of a country's foreign policy, as well as elaboration and improvement of academic cooperation as a form of public diplomacy. This form of public diplomacy makes significant contribution in improving and stabilizing relations between states, creating a positive image of a country. The leading role in the implementation of these forms of activity belongs to expert and analytical centers *(Think tanks)*. Academic diplomacy is an increasingly important component of the trilateral partnership complex among China, Mongolia, and Russia. Being one of the forms of public diplomacy, it serves as a means of promoting and protecting national interests of the states that present parties of the "China–Mongolia–Russia Economic Corridor" project. Diplomatic efforts of scholars of the three countries is a promising format for international contacts with potential impact on international relations, particularly in Northeast Asia. Science diplomacy allows to expand the circle of non-state actors representing Russia, China, and Mongolia, thereby increasing the number of participants in diplomatic process. Scholars of the three countries have accumulated considerable experience in bilateral cooperation in various fields, which suggests favorable prospects for the expansion of tripartite contacts. Interaction of the scholars of the three countries is a form of public diplomacy, when the participants pose both as academic, and public figures.

Keywords: academic diplomacy, China-Mongolia-Russia Economic Corridor, tripartite cooperation, public diplomacy, international relations in Northeast Asia.

В последние годы заметно повысилась роль публичной (общественной) дипломатии в системе межгосударственных отношений. Под публичной дипломатией (public diplomacy) подразумевается система взаимодействия с зарубежными обществами в политических целях[1].

Научная дипломатия как часть публичной дипломатии становится все более важным инструментом многосторонних и двусторонних отношений между различными странами. Она относится к понятию «дипломатия второго трека» (Track II Diplomacy), т. е. представляет собой дипломатию экспертного сообщества, что повышает ее потенциал в современной системе международных отношений. Роль этого направления в комплексе гуманитарного сотрудничества все более заметна в общении между странами и народами. Президент России В. В. Путин, выступая в Милли меджлисе — Государственном народном собрании Республики Азербайджан 10 января 2001 г., подчеркнул: «Мы обязаны расширять культурную, научную дипломатию, контакты по линии образования. Именно гуманитарные связи более всего сближают людей,

[1] См.: Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 12.09.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/ (дата обращения 12.06.2019).

укрепляют доверие друг к другу…»[2]. Как отмечают российские исследователи, нередко научная дипломатия используется в целях «эффективного взаимодействия с государственными инстанциями, когда традиционные формы дипломатии были недоступны» [Ибрагимова, Барабанов, 2018, с. 54]. Взаимодействие ученых, как показывает практика, позволяет снизить возможную или уже имеющуюся напряженность в отношениях, наладить позитивную динамику развития межгосударственного сотрудничества.

Роль научной дипломатии в общественных процессах можно рассматривать в следующих основных форматах: квалифицированное экспертное участие в разработке общих положений и конкретных направлений внешнеполитической деятельности государства, развитие и совершенствование научного сотрудничества как одной из форм публичной дипломатии, вклад в улучшение и стабилизацию отношений между государствами, создание положительного имиджа своей страны. Ведущая роль в реализации этих форм деятельности принадлежит экспертным и аналитическим центрам (Think tanks) с использованием доступного экспертам инструментария: организация различных научных и научно-практических мероприятий, установление дополнительных каналов коммуникации и получения информации, проведение исследований и разработка рекомендаций, осуществление информационно-аналитического сопровождения исследуемых процессов и явлений [Букалова, 2018, с. 96].

Научная дипломатия как одна из форм диалога между зарубежными обществами, становится одним из ключевых компонентов комплекса трехстороннего партнерства между Китаем, Монголией и Россией. В то же время, являясь формой публичной дипломатии, она служит средством продвижения и защиты национальных интересов государств-участников проекта «Экономический коридор Китай–Монголия–Россия», так как научные организации и исследователи каждой из стран, участвуя в исследовательских проектах, взаимодействуя с коллегами из других стран, представляют национальные интересы. С этой точки зрения ученые являются проводниками национальных интересов своей страны. С другой стороны, в случае совместного участия в международных проектах с большим числом их участников ученые трех стран могут выступать как единая сила, отстаивая общие интересы.

Научная дипломатия позволяет расширить круг негосударственных акторов — представителей России, Китая и Монголии, тем самым увеличивая число участников международных отношений. Сотрудничество ученых трех стран является формой публичной дипломатии, в рамках которой участники процесса совмещают в себе функции научных и общественных деятелей. В силу своей специфики научная дипломатия нередко выходит за рамки только чисто профессиональных интересов и становится частью «мягкой силы», тем самым приобретая политическую направленность, связанную с общими задачами политики того или иного государства. С этой точки зрения дипломатия ученых способствует осуществлению внешнеполитической деятельности того или иного государства с применением инструментов «мягкой силы». Что касается проекта «Экономический коридор Китай–

[2] Выступление в Милли меджлисе — Государственном народном собрании Республики Азербайджан // *Перезидент России*. 10.01.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21160 (дата обращения 12.06.2019).

Монголия–Россия», здесь дипломатия ученых может и должна обеспечить его научное сопровождение, исследуя, разъясняя и популяризируя его содержание и значение как для дальнейшего развития Китая, Монголии и России, так и в перспективе — Большой Евразии.

Взаимодействие ученых трех стран в области аналитических исследований является частью большого комплекса взаимодействия трех стран — от руководства каждой из стран до простых граждан. Сотрудничество ученых Китая, Монголии и России позволяет не только высказывать экспертные рекомендации по различным направлениям этого проекта, но и в конечном счете способствует сопряжению развития каждой из трех стран.

Ученые России, Монголии и Китая накопили немалый опыт двустороннего научного взаимодействия в области естественно-научных и гуманитарных исследований. Например, имеется уже достаточно богатый опыт двустороннего сотрудничества в реализации научных проектов в рамках конкурсов, проводимых совместно РФФИ и Академией общественных наук КНР и совместно РФФИ и Министерством культуры, образования, науки и спорта Монголии. Достижения в этой сфере позволяют говорить о благоприятных перспективах для расширения трехсторонних контактов между Китаем, Монголией и Россией. В то же время нельзя не отметить, что трехстороннее научное сотрудничество находится на начальной стадии и потенциал научной дипломатии в российско-китайско-монгольских отношениях используется пока не в полной мере.

Трехстороннее научное сотрудничество, на наш взгляд, не должно ограничиваться только рамками проекта «Экономический коридор Китай–Монголия–Россия», поскольку накопленный опыт взаимодействия как в области точных наук, так и наук гуманитарного профиля позволяет говорить о широких возможностях и перспективах коллаборации в исследованиях в различных направлениях. Гуманитарное сотрудничество, частью которого является научная дипломатия, оказывает серьезное влияние на формирование официальной государственной политики. С этой точки зрения следует рассматривать изучение учеными трех стран геополитических проблем в Северо-Восточной Азии.

Актуальными направлениями научной дипломатии трех стран являются: научная информационная поддержка проекта «Экономический коридор Китай–Монголия–Россия»; содействие трехстороннему научному и иному сотрудничеству в различных областях; использование научного сотрудничества для дальнейшего совершенствования отношений между тремя странами, обеспечение мира и стабильности в регионе СВА в интересах создания благоприятной обстановки для реализации проектов «Экономический коридор» и «Один пояс, один путь». Ученые трех стран могут проводить анализ, экспертную проработку актуальных региональных и мировых проблем, таких, как геополитика, межцивилизационный диалог, экология, демография, социальная сфера, положение и роль молодежи в обществе и др., и давать по ним квалифицированные рекомендации.

Роль трехстороннего взаимодействия в гуманитарной сфере постоянно возрастает. В задачи научной дипломатии России, Китая и Монголии входит наращивание исследований по актуальным региональным и международным

проблемам, что в конечном счете ведет к укреплению их стратегического взаимодействия как в Северо-Восточной Азии, так и в мировом масштабе.

Одной из форм публичной дипломатии является проведение перекрестных тематических годов в каждой их трех стран, посвященных различным направлениям сотрудничества в гуманитарной сфере. Эффективной площадкой для широкого взаимодействия может стать Год науки (и образования), который можно было бы организовать последовательно или одновременно в каждой из трех стран.

Впервые проведенный в 2015 г. по инициативе китайской стороны международный форум экспертных центров *(Think tank)* России, Китая и Монголии является примером взаимодействия ученых трех стран в области теоретического обеспечения проекта «Экономический коридор Китай–Монголия–Россия». За прошедшие годы этот форум стал по сути постоянным центром трехстороннего научного обмена, авторитетной экспертной структурой в рамках научной дипломатии трех стран. За прошедшие годы *Think tank* трех стран доказал свою несомненную научную эффективность. В целях дальнейшего совершенствования его деятельности представляется целесообразным учредить международный научный журнал, в котором ученые трех стран могли бы публиковать результаты своих исследований, связанных с вопросами, касающимися различных аспектов двух- и трехстороннего сотрудничества Китая, России и Монголии, создания экономического коридора с перспективой его превращения в глобальный региональный проект, проблем внутреннего развития каждой из стран, их цивилизационного развития и т. д. Особое внимание следовало бы уделить вопросам, касающимся молодежной политики трех стран, роли молодежи в современном обществе и ее участия в государственном строительстве. Важной формой научного взаимодействия мог бы стать постоянный семинар молодых ученых по проблемам создания экономического коридора и трехстороннего экономического и политического сотрудничества. С этой целью целесообразно было бы заключить соглашение о сотрудничестве между заинтересованными научными центрами России, Монголии и Китая, способное заниматься вопросами, касающимися финансирования такого проекта.

Совершенствование механизмов трехстороннего научного взаимодействия является важнейшей задачей не только научного сообщества Китая, России и Монголии, но и государственных органов этих стран. В связи с этим представляется, что государственным органам и академическим структурам имеет смысл подумать о разработке и подписании соответствующих соглашений о трехстороннем научном сотрудничестве.

Взаимодействие ученых трех стран, помимо их профессиональной деятельности, позволяет создать условия для обеспечения стратегической стабильности в регионе СВА, координировать действия России, Китая и Монголии на международной арене, что приобретает особое значение в условиях политической нестабильности в современном мире. Возможности научной дипломатии через поддержание постоянного диалога способствуют не только укреплению взаимопонимания между тремя странами, но и шире — построению большого евразийского пространства.

Общественная дипломатия является инструментом долгосрочного действия, создающим благоприятный климат для внешней политики в целом[3]. С этой точки зрения актуальной задачей является дальнейшее укрепление и совершенствование взаимодействия научного сообщества России, Китая и Монголии. По мнению российских экспертов, «наука должна стать составной частью всех внешнеполитических стратегий и конкретных планов» [Ибрагимова, Барабанов, 2018, с. 56], и с этим утверждением нельзя не согласиться.

Учитывая все возрастающую роль научной дипломатии, государственным и общественным структурам России, Китая и Монголии следует выработать комплексную стратегию этого направления публичной дипломатии, искать и создавать новые формы и направления сотрудничества в этой области.

Дипломатия ученых трех стран является перспективным форматом международных контактов, обладающим потенциалом позитивного воздействия на международные отношения.

Литература / References

Букалова С. В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // *Мировая политика.* 2018. № 2 [Bukalova S. V. Academic Diplomacy: Its Essence and Role in International Relations // *Mirovaya politika* (*World Politics*). 2018. 2. (in Russian)].

Ибрагимова К. А., Барабанов О. Н. О перспективах российской научной дипломатии // *Вестник РФФИ.* 2018. № 1. С. 54–59 [Ibragimova K. A., Barabanov O. N. About the Prospects of the Russian Science Diplomacy // *Vestnik RFFI* (*RFBR Bulletin*). 2018. 1. Pp. 54–59 (in Russian and English)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // *Российский совет по международным делам (РСМД).* 12.01.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/ (дата обращения: 12.06.2019).

Выступление в Милли меджлисе — Государственном народном собрании Республики Азербайджан // *Президент России.* 10.01.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21160 (дата обращения: 12.06.2019).

[3] Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/ (дата обращения: 12.06.2019).

ВЗГЛЯД НА ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО ТУРЦИИ ПОСЛЕ ПОПЫТКИ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 2016 г.

А. В. Болдырев[*]

В представленной статье автор исследует влияние турецкого экспертного сообщества на проект Стамбульского канала после попытки государственного переворота 2016 г. Этот крупнейший мегапроект современной Турции разрабатывается в рамках концепции развития «Стратегии–2023», призванной включить Турецкую Республику в десятку наиболее развитых стран мира, а президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана наряду с Кемалем Ататюрком превратит в ключевую фигуру в новейшей истории Турции. Однако закрытость проекта Стамбульского канала с самого начала вызвала к нему недоверие со стороны турецкого экологического сообщества. По мнению автора, до 2016 г. именно экспертная оппозиция «безумной и блистательной» идее Эрдогана вынудила правительство законсервировать проект по причине его экологических рисков. Неудавшаяся попытка военного переворота и последующая затем волна кадровых «чисток», накрывшая, в том числе, вузы и научные центры Турции, позволила властям форсировать подготовку проекта без оглядки на экологические оценки и последствия. В настоящее время единственной формой сопротивления проекту Стамбульского канала остается экологическая оппозиция на неофициальном уровне. Стремление Эрдогана во что бы то ни стало реализовать свой проект исключило возможность независимой экспертизы. Именно в этом кроется главная причина конфликта между властью и экологами. Однако ситуация изменилась. Перенос сроков окончания строительства Стамбульского канала на 2025 г. поставил под вопрос саму идею проекта. 2023 год — ключевая дата для проекта Эрдогана, идеологическая составляющая которого с самого начала была принципиально важна для президента Турции. На сегодняшний день политический концепт проекта полностью исчерпан, а победа на выборах мэра Стамбула молодого и харизматического Экрема Имамоглу поставит перед Эрдоганом в 2023 г. вопрос о его собственном политическом выживании.

Ключевые слова: проект Стамбульского канала, экспертное сообщество Турции, Реджеп Эрдоган, попытка военного переворота, экспертная оппозиция, экологическое сообщество.

A LOOK AT TURKEY'S EXPERT COMMUNITY AFTER THE ATTEMPTED MILITARY COUP IN 2016

Andrey V. Boldyrev

In this article the author explores the influence of the Turkish expert community on the Istanbul Canal project after the attempted military coup in 2016. This largest megaproject of modern Turkey is being developed as part of the *Strategy-2023* concept. This development concept is designed to include the Republic of Turkey in the top ten most developed countries of the world, while Turkish

[*] Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

President Recep Tayyip Erdogan will be able, along with Kemal Ataturk, to become a key figure in modern Turkish history. However, the lack of transparency of the Istanbul Canal project from the very beginning caused distrust of the Turkish environmental community to it. According to the author, until 2016, the expert opposition to Erdogan's "crazy and brilliant" idea forced the government to mothball the project because of its environmental risks. A failed attempt at a military coup and the subsequent wave of "purges", which covered, including universities and research centers in Turkey, allowed the authorities to speed up the preparation of the project without regard to environmental assessments and consequences. Currently, the only form of resistance to the Istanbul Canal project is opposition to it at an unofficial level. The desire of Recep Erdogan, at all costs, to implement his project ruled out the possibility of an independent examination. This is the main reason for the conflict between the government and environmentalists. However, the situation has changed. The postponement of the completion of the Istanbul Canal's construction for 2025 called into question the very idea of the project. The year 2023 was a key date for the Erdogan project, the ideological component of which from the very beginning was fundamentally important for the Turkish president. The victory in the election of the mayor of Istanbul of the young and charismatic Ekrem Imamoglu poses to Erdogan in 2023 the question of his own political survival.

Keywords: Istanbul Canal project, Turkish expert community, Recep Erdogan, the attempted military coup, expert opposition, environmental community.

Еще во время своего пребывания на посту мэра Стамбула Реджеп Тайип Эрдоган упомянул о возможности строительства Стамбульского канала в качестве альтернативы Босфору, транспортный поток через который становился все более опасным для города. В 2008 г., будучи премьер-министром Турции, Эрдоган объявил, что представит для Стамбула «сумасшедший проект», когда тот будет готов [Болдырев, 2017, с. 84]. Официально о начале реализации грандиозного проекта Эрдоган объявил 27 апреля 2011 г. — за два месяца до всеобщих парламентских выборов. Проект был разработан под личным руководством Эрдогана (автор самой идеи современного варианта Стамбульского канала — турецкий экономист Н. Нейзи). Строить канал предполагалось к северо-западу от Босфора — т. е. параллельно ему. На разработку канала и создание соответствующей проектной документации отводилось около двух лет, а сам канал планировалось ввести в эксплуатацию не ранее 2023 г. Дата была выбрана не случайно. Окончание строительства канала должно было стать своеобразным «подарком» населению Стамбула, поскольку в 2023 г. Турция будет отмечать сто лет со дня основания Турецкой республики.

Официальные заявления властей вывели на передний план дискуссии об экологической судьбе Стамбула и Черного моря[1]. В результате самый мощный отпор проект Стамбульского канала получил среди ученых-экологов. Наиболее авторитетные из них — Кемаль Сайдам, Эмин Орзой и др. — утверждали, что канал способен изменить разницу уровней моря между Средиземноморским, Черным и Мраморным морями, создавая таким образом угрозу нарушения водного баланса в регионе. Черное море было бы «средиземноморьезировано», поскольку соотношение соли в нем могло резко возрасти[2]. Иными словами, Черное море потеряло бы свою уникальную флору и

[1] Подробнее об экологических проблемах Стамбульского канала см.: [Болдырев, 2017].

[2] Benmayor G. Kanal İstanbul, at all costs // *Hurriyet Daily News*. 21.05.19. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/kanal-istanbul-at-all-costs-.aspx?pageID=449&nID=47238&NewsCatID=402 (дата обращения 02.10.2019).

фауну. При этом многие ученые (тот же Сайдам, много лет посвятивший изучению Босфора) не были привлечены даже для консультации. Похоже, что в данном случае турецкое правительство, несмотря на уверения в тщательной проработке маршрута канала, не было заинтересовано в привлечении к работе над проектом наиболее авторитетных ученых, опасаясь, что их экспертиза поставит под угрозу идею проекта. У турецкого общества были лишь отрывочные сведения о том, что будет представлять собой Стамбульский канал, так как чиновники предпочитали об этом не распространяться[3].

По мере развития дискуссий становилось ясно, что правительство представило проект в явно «сыром» виде. Отмечались и другие риски: неконтролируемое разрастание населения Стамбула в случае реализации проекта, повышение сейсмической опасности и т. д. Особое внимание обращалось на то, что прокладка канала разрезала бы Стамбул на две части, а, следовательно, территориям западнее Стамбула угрожала опасность превратиться в остров без необходимых запасов питьевой воды[4]. В дело включились и турецкие «зеленые», которые призвали турецкое правительство немедленно прекратить подготовку к строительству Стамбульского канала, мотивируя свои доводы тем, что Черное море и его экосистема являются общим природным достоянием. Экологи отмечали, что еще одним разрушительным последствием проекта могло стать обезлесение одного из важнейших районов к западу от Стамбула, что оказало бы отрицательное влияние на климат столицы.

В 2014 г. реализация проекта Стамбульского канала была приостановлена. Мощная общественная критика заставила власти прислушаться к мнению независимых экспертов. По поручению президента Эрдогана в начале 2015 г. начал прорабатываться более точный маршрут канала, а премьер-министр Ахмет Давутоглу, прежде чем включить проект нового канала в предвыборный манифест, счел необходимым выслушать возражения G 20 — экологического форума под эгидой 20-ти стран. В проекте были сделаны некоторые изменения, не носившие принципиального характера, поэтому реанимация проекта была воспринята как очередной политический лозунг правящей партии накануне всеобщих парламентских выборов.

Таким образом, в 2015 г. ситуация откатилась на четыре года назад. Неудача ПСР (Партии справедливости и развития) на парламентских выборах 7 июня 2015 г. и невозможность (впервые с 2002 г.) сформировать однопартийное правительство, казалось, должны были если не похоронить, то, по крайней мере, заморозить «безумный и блистательный» проект Эрдогана. Реванш ПСР на ноябрьских выборах 2015 г. — пусть и относительный — позволил турецким властям сформировать однопартийное правительство и вновь начать раскрутку проекта[5]. В феврале 2016 г. было решено, что новый маршрут должен пройти много западнее первоначального маршрута. Скорректировали и чисто технические детали: увеличенная длина канала отныне должна была составлять от 45 до 50 км. Маршруты не анонсировались — сообщался

---

[3] Канал «Стамбул» может увеличить разрушения во время землетрясения // *Antalya today*. 04.02.2014. URL: http://antalyatoday.ru/news/antalya-4222.html (дата обращения 02.10.2019).

[4] Benmayor G. Is Kanal Istanbul a gift to Istanbul? // *Hurriyet Daily News*. 06.10.2015. URL:http://www.hurriyetdailynews.com/is-kanal-istanbul-a-gift-to-istanbul-.aspx?pageID=449&nID=89433&NewsCatID=402 (дата обращения 02.10.2019).

[5] Подробнее об этом см.: [Болдырев, 2019].

лишь окончательный вариант того или иного пути. Подобная неопределенность уже не раз провоцировала массовые земельные спекуляции, что давало турецким журналистам возможность предположить, что подлинная причина столь долгого сокрытия маршрута Стамбульского канала заключалась в стремлении правительственного жилищного агентства TOKI извлечь дополнительные прибыли[6]. Для критиков проекта ситуация еще более осложнилась после попытки военного переворота 15 июля 2016 г.

Объявленный Эрдоганом и сразу же утвержденный Великим Национальным Собранием Турции 90-дневный режим чрезвычайного положения, регулярно продлеваемый каждые три месяца, облегчил проведение массовых чисток (режим был отменен лишь 18 июля 2018 г.) Была инициирована тотальная санация «четвертой власти» — закрыто в общей сложности 195 различных СМИ, арестовано 228 журналистов. Сфера высшего образования и интеллектуальные центры страны приняли на себя самый сильный удар: было уволено более 6,3 тыс. сотрудников университетов и научных учреждений, закрыто 15 университетов [Шлыков, 2017, с. 404–411].

Неудавшийся мятеж позволил Эрдогану не только «разрулить» застарелые проблемы с остатками оппозиционной армейской верхушки, но и придать новый импульс всем тем мегапроектам, которые по мысли турецкого президента должны были включить Турцию в десятку наиболее развитых стан мира. Немаловажное значение имел и личный аспект. Многие в Турции полагают, что при помощи «Стратегии (Hedef)–2023» Эрдоган желает наряду с Кемалем Ататюрком стать ключевой фигурой в истории Турецкой Республики и даже потеснить Отца Турок в плане преобразования внешнего облика страны. Значение проекта Стамбульского канала — личного проекта Эрдогана, имело здесь ключевое значение. Уже 20 июля 2016 г., через несколько дней после путча, президент Турции заявил, что процедура тендера будет ускорена, и он пройдет до конца года (впоследствии эти планы были перенесены на 2017–2019 гг.) Накануне референдума 16 апреля 2017 г. о внесении конституционных изменений Эрдоган обосновывал расширение президентских полномочий в том числе необходимостью реализовать задуманные инфраструктурные мероприятия[7]. Превращение Турции из президентско-парламентской в суперпрезидентскую республику дало «зеленый свет» ряду спорных с экологической точки зрения мегапроектов. Так, 29 октября 2018 г. была запущена в эксплуатацию первая очередь третьего аэропорта Стамбула[8].

После 15 июля 2016 г. потенциальное экологическое воздействие проекта стало наименее обсуждаемым вопросом в турецких средствах массовой информации. Ряд острых публикаций о проекте Эрдогана вообще исчез со страниц турецкой печати, например, статьи журналистки газеты *Hurriyet Daily News* Гилы Бенмайор, одного из наиболее активных критиков проекта Стамбульского канала. Несмотря на это

[6] Istanbul Canal provides rich pickings for Emlak Konut // *Cumhürriyet*. 02.03.2018. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/english/936703/Istanbul_Canal_provides_rich_pickings_for_Emlak_Konut.html (дата обращения 02.10.2019).

[7] Sonmez M. Canal Istanbul: Still hyped, still “crazy” // *Al-monitor.com. The pulse of the Middle East.* 22.02.2017. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/02/turkey-canal-istanbul-project-lots-of-dreaming.html (дата обращения 02.10.2019).

[8] Подробнее о ходе реализации третьего стамбульского аэропорта см.: [Болдырев, 2019].

продолжали звучать предупреждения экспертного сообщества Турции о том, что нарушение водного баланса может повлечь за собой ухудшение качества воды, изменение миграционных рыбных потоков, а также высыхание самого Черного моря[9]. По мнению Серкана Демирташа из *Hurriyet Daily News*, отмена проекта Стамбульского канала стала бы «одной из наиболее рациональных мер, принятых правительством, чтобы избежать ущерба окружающей среде в будущем и сократить ненужные расходы»[10]. В определенной степени ограничение гражданских свобод даже усилило общественную позицию. После принятия парламентом Турции в 2017 г. законопроектов, благодаря которым канал «Стамбул» получил правовую основу, ряд турецких экспертов — профессора Эмин Орзой, Кемаль Сайдам, Огуз Гюндогду, представитель *Greenpeace* в Турции Уйгар Озсеми и Октай Экинджи — бывший президент стамбульского филиала Палаты архитекторов и проектировщиков, опубликовали 24 августа 2017 г. заявление, в котором призвали отказаться от строительства Стамбульского канала как проекта, лишенного какой-либо научной базы и угрожающего жизни и здоровью населения турецкой столицы[11].

Таким образом, конфликт между правительством и представителями экологической науки по-прежнему далек от завершения, несмотря на утверждение властей о тесной координации властей с экологическим сообществом Турции[12]. Настораживал и тот факт, что обследование местности поручено TOKI — организации, прямо заинтересованной в строительстве Стамбульского канала. В условиях чрезвычайного положения для противников строительства это создавало большие трудности в плане объективной экологической экспертизы проекта. Последнее может оказаться неблагоприятным и в отношении иностранных инвестиций. Стамбульский канал анонсирован прежде всего как национальный проект, но турецкое правительство не собирается отказываться от зарубежных инвестиций, в привлечении которых у Анкары есть большой опыт [Иванова, Ледовская, 2016, с. 75, 80–81]. Однако в отличие от предыдущих проектов, проект Стамбульского канала вызывает сомнение у иностранных строительных компаний в силу недостаточной прозрачности и значительных экологических рисков[13].

Энергетические проекты имеют целью диверсифицировать источники энергии, уменьшить зависимость страны от сырьевого импорта, усилить роль Турции в качестве международного энергетического центра. Тем не менее зачастую подобные проекты

---

[9] Veysel H. “Kanal Istanbul”: The new canal project in Turkey // *More Than Shipping*. 18.07.2016. URL: http://www.morethanshipping.com/7796-2/ (дата обращения 02.10.2019).

[10] Serkan D. Will turkey delay the Canal Istanbul project // *Hurriyet Daily News*. 18.08.2018. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/will-turkey-delay-the-canal-istanbul-project-135920 (дата обращения 02.10.2019).

[11] Kanal İstanbul Project Approved in Omnibus Bill, Experts Express Concerns // *English.Bianet*. 13.04.2016. URL: http://m.bianet.org/english/people/173877-kanal-istanbul-project-approved-in-omnibus-bill-experts-express-concerns (дата обращения 02.10.2019).

[12] Bridges to be built first in Kanal Istanbul project // *Daily Sabah*. 17.04.2017. URL: https://www.dailysabah.com/economy/2017/04/12/bridges-to-be-built-first-in-kanal-istanbul-project (дата обращения 02.10. 2019).

[13] Herh M. Korean Builders Paying Much Attention to Istanbul Canal Istanbul Construction Project // *Business Korea*. 11.12.2017. URL: http://www.businesskorea.co.kr/english/news/industry/20042-canal-istanbul-construction-korean-builders-paying-much-attention-istanbul-canal (дата обращения 02.10.2019).

служат для стимулирования инвестиций в строительный сектор, а потому лишь усугубляют проблему транспортных потоков в Стамбуле. Не случайно поэтому, что помимо экологов существует и другой лагерь критиков проекта — урбанисты. Они указывают на то, что Стамбул уже представляет собой мегаполис, зажатый между двумя морями, и если превратить его в остров, то изолированный водой Стамбул хотя и не сможет расти территориально, прирост населения это не остановит, что неизбежно приведет к проблемам, характерным для перенаселенных городов: пробкам и дефициту жилья, знакомым Стамбулу и в наши дни[14]. Независимый исследователь Джейхан Байсал отмечает в связи с этим, что «экономика Турции работает только с помощью секторов строительства и недвижимости. Властям нужен канал, чтобы напомнить об экономике, особенно перед предстоящими выборами (муниципальные выборы в Турции 31 марта 2019 г. — *А. Б.*) Это проект века, и Эрдоган вписывает в него свое имя и идеологию роста и развития»[15]. Еще в 2017 г. один из активистов экологического движения в Турции, председатель стамбульского филиала Палаты архитекторов и проектировщиков Акиф Бурак Атлар утверждал, что архитекторы, работающие в госучреждениях, прекрасно осведомлены о проблемах городского развития Стамбула, но боятся открыто высказать свое мнение, поскольку «любая критика может стоить им их работы. После прошлогоднего неудачного переворота в результате чисток было уволено около 150 человек. Любое рациональное планирование, направленное против интересов правительства, теперь воспринимается как акт оппозиции»[16].

Особенно сильно протестное экологическое движение в Черноморском регионе Турции, поскольку значительная часть проектов сосредоточена именно здесь. Еще в феврале 2016 г. жители города Артвин (юго-восточное побережье Черного моря) заблокировали дороги, пытаясь предотвратить возведение гидроэлектростанций. Протестующие поставили палатки, развернули транспаранты. Для их разгона власти были вынуждены применить слезоточивый газ. Митинг в Артвине получил от Эрдогана наименование «младшего Гези» — по аналогии с приведшими к политическому кризису событиями в стамбульском парке Гези в 2013 г.[17] Демонстрантам удалось отсрочить реализацию проектов, однако уже в том же году Верховный суд Турции отклонил их требования о запрете строительства.

Что касается Стамбульского канала, то уже к моменту объявления окончательного варианта его маршрута — 15 января 2018 г.[18] были произведены «пилотные» раскопки — для проверки сейсмической устойчивости нового маршрута.

---

[14] Gürtler K. Trees versus Concrete: Deforestation in the North Bosphorus Region and Civil Society Responses // *Heinrigh.Böll.Istanbul.Turkei*. 25.04.2016. URL: https://tr.boell.org/de/2016/04/15/trees-versus-concrete-deforestation-north-bosphorus-region-and-civil-society-responses (дата обращения 02.10.2019).
[15] Franchineau H. Erdogan's Kanal Istanbul may save ships from crashing but critics say it's "a real estate project" and environmental hazard // *South China Morning Post*. 03.06.2018. URL: https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149028/erdogans-kanal-istanbul-may-save-ships-crashing-critics-say-its (дата обращения 02.10.2019).
[16] CHP EU Representation. Suez, Panama… Istanbul? Turkey's Grand Canal plan // *PoliticoPro*. 20.11.2017. URL: https://chpbrussels.org/2017/11/20/suez-panama-istanbul-turkeys-grand-canal-plan-politico/ (дата обращения 02.10.2019).
[17] Rios L. Making Room for Nature in Erdogan's Istanbul // *Citylab*. 25.07.2017. URL: https://www.citylab.com/equity/2017/07/making-room-for-nature-in-erdogans-istanbul/534678/ (дата обращения 02.10.2019).
[18] Подробнее см.: [Болдырев, 2018].

Министр транспорта и морских коммуникаций Ахмет Арслан заявил, что к концу 2017 г. завершено 17 000 м бурения. По словам министра, на проведение разведочных работ было получено одобрение специалистов таких ведущих университетов Турции, как Стамбульский технический университет (ITÜ), Университет Богазычи (Bogaziçi), Ближневосточный технический университет (ODTÜ) и Университет Гази (Gazi), а также международных экспертов, с которыми руководители проекта продолжают работать в тесном контакте. Однако ученые-геологи — академик Хакан Алп и доктор Халук Эйидоган, сообщили о наличии трех «активных» линий разлома в озере Кючукчекмедже — именно в этой точке маршрута предполагается изъять до 3 млн. тонн земли[19]. Строительство канала планируется в одной из наиболее опасных сейсмических зон. Необходимо отдать должное министру транспорта морских дел и коммуникаций Ахмету Арслану (руководил министерством в 2016–2018 гг.), который, в отличие от своего предшественника Бинали Йылдырыма, предпочитал не отмахиваться, а учитывать мнение экологического и научного сообщества, притом что после неудачной попытки переворота 15 июля 2016 г. ситуация для критиков проекта канала «Стамбул» очень усложнилась. Министр часто проводил встречи с научной общественностью, широко привлекал специалистов ведущих научных и исследовательских центров — то есть, то, что до него не практиковалось. Не в последнюю очередь благодаря Арслану были усилены меры экологической безопасности — в частности, решение в максимальной степени учитывать при постройке канала опыт строительства железнодорожного тоннеля «Мармара» под Босфором.

Однако одни лишь уверения об экологической экспертизе проекта не удовлетворяют противников Стамбульского канала. Ввиду отсутствия возможности высказать свое мнение официально, экспертная критика проекта переместилась на общественный уровень. Так, по мнению участников встречи профессиональных и общественных организаций, состоявшейся в Стамбуле (муниципалитет Арнавуткёй) 27 марта 2018 г., проект Стамбульского канала — это большие планы без экологической оценки[20]. В том же духе высказались участники и другого форума. На посвященной проекту «Стамбульский канал» пресс-конференции 7 марта 2019 г. председатель союза Палат турецких инженеров и архитекторов (TMMOB) Эмин Корамаз заявил, что «многочисленные результаты планирования, научных исследований и исследований, полученных сотнями ученых и специалистов, университетов, профессиональных палат, государственных учреждений и организаций в Стамбуле и Мраморноморском регионе, были проигнорированы; обсуждения и предположения, которыми пытаются узаконить канал "Стамбул", не носят научного характера»[21]. У специалистов есть весомые

---

[19] Sayfa A. Kanal İstanbul Projesi'nin güzergahında 3 fay çıktı // *Deniz Haber Ajansi*. 19.03.2018. URL: https://www.denizhaber.net/kanal-istanbul-projesinin-guzergahinda-3-fay-cikti-haber-80257.htm (дата обращения 02.10.2019).

[20] Doğan R. "Çılgınproje": İstanbul'dakita şocaklarının 40 katı büyüklüğündekazı yapılacak // *Diken*. 28.03.2018. URL: http://http://www.diken.com.tr/cilgin-proje-istanbuldaki-tas-ocaklarinin-40-kati-buyuklugunde-kazi-yapilacak/ (дата обращения 02.10.2019).

[21] Route of contentious Kanal Istanbul project finalized // *Hurriyet Daily News*. 06.12.2017. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/route-of-contentious-kanal-istanbul-project-finalized-123664 (дата обращения 02.10.2019).

основания так говорить, поскольку при разработке проекта правительство практически не учитывает мнение независимых экспертов.

Таковы в целом на сегодняшний день взаимоотношения власти и турецкого экспертного сообщества. Автор ограничился в настоящей статье экологическим аспектами, поскольку именно экология с самого начала являлась ахиллесовой пятой любимого детища Эрдогана. Не исключено, что опасения турецких экологов преувеличены[22], однако именно *закрытость* проекта Стамбульского канала с самого начала вызвала опасения турецкого экологического сообщества. Еще большую оппозицию вызвали ограничения, введенные после событий 15 июля 2016 г. Стремление Реджепа Эрдогана во что бы то ни стало реализовать проект, известный еще со времен Сулеймана Великолепного, сделали невозможным (или, по крайней мере, сильно затруднили) его критику на общенациональном уровне, исключив тем самым независимую экспертизу проекта и возможность диалога. Именно в этом кроется главная причина конфликта между властью и экологами. В настоящее время ситуация изменилась. Перенос сроков окончания строительства Стамбульского канала на 2025 г. вкупе с поражением ПСР на муниципальных выборах 2019 г. — прежде всего, в наиболее важном для нее Стамбуле, поставили под вопрос саму идею проекта. 2023 г.— ключевая дата для проекта, идеологическая составляющая которого с самого начала была принципиально важна для президента Турции. В настоящий момент политический концепт проекта полностью исчерпан. К тому же, после избрания мэром Стамбула кандидата от Народно-Республиканской Партии молодого и харизматического Экрема Имамоглу, 2023 г. ставит перед Эрдоганом наиболее насущный для него вопрос о его собственных президентских перспективах.

Литература / References

Болдырев А. В. К вопросу о географии Стамбульского канала // *Восточная аналитика*. 2018. № 3. С. 120–132 [Boldyrev A. V. On the Geography of the Istanbul Canal // *Vostochnaya analitika* (*Eastern Analytics*). 2018. 3. Pp. 120–132 (in Russian)].

Болдырев А. В. Проект Стамбульского канала: политика, экология, экономика (2011–2015) // *Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы [2002– 2015]*. М., 2017. С. 83–104 [Boldyrev A. V. Istanbul Channel Project: Politics, Ecology, Economics (2011–2015) // *The Era of Justice and Development Party's Government in Turkey: Interim Results and Forecasts [2002–2015]*. Moscow, 2017. Pp. 83–104].

Болдырев А. В. Стратегия–2023: инфраструктурные мегапроекты Партии справедливости и развития в канун 100-летия Турецкой республики // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 20. Политическая трансформация на мусульманском Востоке: опыт Турции и других стран. М., 2019. С. 19–41 [Boldyrev A. V. Strategy–2023: Infrastructure Megaprojects of the Justice and Development Party on the Eve of the 100th Anniversary of the Turkish Republic // *Works of Institute of Oriental Studies, RAS*. Vol. 20. Political Transformation in the Muslim East: Experience of Turkey and Other Countries. Moscow, 2019. Pp. 19–41].

[22] Подробнее о мнении российских специалистов на этот счет см.: «Сумасшедший» проект Эрдогана. Зачем Турции дублер Босфора? Россия 24 // *Вести.ру*. 25.08.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v= rL6TLR3_gwc (дата обращения 02.10.2019).

Иванова И. И., Ледовская О. А. Турция и Япония: партнерство набирает силу // *Восточная аналитика*. 2016. № 1. С. 71–86 [Ivanova I. I., Ledovskaya O. A. Turkey and Japan: Partnership Gains Strength // *Eastern Analytics*. 2016. No 1. Pp. 71–86].

Шлыков П. В. Проблема консолидации власти в Турции: до и после попытки военного переворота в июле 2016 г. // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 5. М., 2017. С. 404–422 [Shlykov P. V. The Problem of Consolidation of Power in Turkey: Before and After the Attempted Military Coup in July 2016 // Works of the Institute of Oriental Studies, RAS. Vol. 5. Moscow, 2017. Pp. 404–422 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Канал «Стамбул» может увеличить разрушения во время землетрясения // *Antalya today*. 04.02.2014. URL: http://antalyatoday.ru/news/antalya-4222.html (дата обращения 02.10.2019)

«Сумасшедший» проект Эрдогана. Зачем Турции дублер Босфора? Россия 24 // *Вести.ру*. 25.08 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rL6TLR3_gwc (дата обращения 02.10.2019).

Benmayor G. Is Kanal Istanbul a gift to Istanbul? // *Hurriyet Daily News*. 06.10.2015. URL:http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/gila-benmayor/is-kanal-istanbul-a-gift-to-istanbul--89433 (дата обращения 02.10.2019).

Benmayor G. Kanal İstanbul, at all costs // *Hurriyet Daily News*. 21.05.19. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/gila-benmayor/kanal-istanbul-at-all-costs--47238 (дата обращения 02.10.2019).

Bridges to be built first in Kanal Istanbul project // *Daily Sabah*. 17.04.2017. URL: https://www.dailysabah.com/economy/2017/04/12/bridges-to-be-built-first-in-kanal-istanbul-project (дата обращения 02.10. 2019).

CHP EU Representation. Suez, Panama… Istanbul? Turkey's Grand Canal plan // *PoliticoPro*. 20.11.2017. URL: https://chpbrussels.org/2017/11/20/suez-panama-istanbul-turkeys-grand-canal-plan-politico/ (дата обращения 02.10.2019).

Doğan R. "Çılgınproje": İstanbul'dakita şocaklarının 40 katı büyüklüğündekazı yapılacak // *Diken*. 28.03.2018. URL:http://http://www.diken.com.tr/cilgin-proje-istanbuldaki-tas-ocaklarinin-40-kati-buyuklugunde-kazi-yapilacak/ (in Turkish) (дата обращения 02.10.2019).

Franchineau H. Erdogan's Kanal Istanbul may save ships from crashing but critics say it's "a real estate project" and environmental hazard // *South China Morning Post*. 03.06.2018. URL: https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149028/erdogans-kanal-istanbul-may-save-ships-crashing-critics-say-its (дата обращения 02.10.2019).

Gürtler K. Trees versus Concrete: Deforestation in the North Bosphorus Region and Civil Society Responses // *Heinrigh.Böll.Istanbul.Turkei*. 25.04.2016. URL: https://tr.boell.org/de/2016/04/15/trees-versus-concrete-deforestation-north-bosphorus-region-and-civil-society-responses (дата обращения 02.10.2019).

Herh M. Korean Builders Paying Much Attention to Istanbul Canal Istanbul Construction Project // *Business Korea*. 11.12.2017. URL: http://www.businesskorea.co.kr/english/news/industry/20042-canal-istanbul-construction-korean-builders-paying-much-attention-istanbul-canal (дата обращения 02.10.2019).

Istanbul Canal provides rich pickings for Emlak Konut // *Cumhürriyet*. 02.03.2018. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/english/936703/Istanbul_Canal_provides_rich_pickings_for_Emlak_Konut.html (дата обращения 02.10.2019).

Kanal İstanbul Project Approved in Omnibus Bill, Experts Express Concerns // *English.Bianet*. 13.04.2016. URL: http://m.bianet.org/english/people/173877-kanal-istanbul-project-approved-in-omnibus-bill-experts-express-concerns (дата обращения 02.10.2019).

Rios L. Making Room for Nature in Erdogan's Istanbul // *Citylab*. 25.07.2017. URL: https://www.citylab.com/equity/2017/07/making-room-for-nature-in-erdogans-istanbul/534678/ (in Turkish) (дата обращения 02.10.2019).

Route of contentious Kanal Istanbul project finalized // *Hurriyet Daily News*. 06.12.2017. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/route-of-contentious-kanal-istanbul-project-finalized-123664 (дата обращения 02.10.2019).

Sayfa A. Kanal İstanbul Projesi'nin güzergahında 3 fay çıktı // *Deniz Haber Ajansi*. 19.03.2018. URL: https://www.denizhaber.net/kanal-istanbul-projesinin-guzergahinda-3-fay-cikti-haber-80257.htm (in Turkish) (дата обращения 02.10.2019).

Serkan D. Will Turkey delay the Canal Istanbul project // *Hurriyet Daily News*. 18.08.2018. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/will-turkey-delay-the-canal-istanbul-project-135920 (дата обращения 02.10.2019).

Sonmez M. Canal Istanbul: Still hyped, still "crazy" // *Al-monitor.com. The pulse of the Middle East*. 22.02.2017. URL https://www.al-monitor.com/pulse/fr/originals/2017/02/turkey-canal-istanbul-project-lots-of-dreaming.html (дата обращения 02.10.2019).

Veysel H. "Kanal Istanbul: The new canal project in Turkey // *More Than Shipping*. 18.07.2016. URL: http://www.morethanshipping.com/7796-2/ (дата обращения 02.10.2019).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМА КАПИТАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ (В. Т. Ч. В КНР И ИНДИИ)

Ю. А. Макеев*

В статье анализируется основанный на капитализации природной ренты возможный сценарий замещения угля в мировой энергетике на природный газ с целью сокращения выбросов парниковых газов. Данный сценарий позволит сократить выбросы углекислого газа в Китае и Индии на 2,5–3 млрд. тонн в год. При этом выгоды от реализации предлагаемого сценария получат как газодобывающие, так и отказавшиеся от потребления и добычи угля страны. Капитализация природной ренты газодобывающих компаний, основанная на переходе к дивидендному способу изъятия государством рентных платежей (вместо применяемого в настоящее время преимущественно налогового способа взимания ренты) обеспечит справедливую рыночную оценку стоимости запасов газа. Богатые природным газом страны в результате проведения капитализации природной ренты станут владельцами значительных по стоимости ликвидных активов — акций газодобывающих компаний, совокупная стоимость которых многократно увеличится. В статье описаны стимулы к проведению обмена активами (без использования валютных резервов) между газодобывающими странами и странами, являющимися крупными потребителями угля, в результате которого возможно замещение в мировом топливно-энергетическом балансе значительных объемов угольного топлива на более чистый с экологической точки зрения природный газ. Такие страны, как Китай и Индия, в случае реализации приведенного в статье сценария получат доступ к источникам природного газа фактически по себестоимости его добычи. Богатые нефтью и газом страны в свою очередь смогут диверсифицировать структуру национального богатства, снизив тем самым зависимость от ценовой конъюнктуры сырьевых рынков.

Ключевые слова: сокращение выбросов углекислого газа в Индии и Китае, глобальное потепление, капитализация природной ренты, снижение зависимости мировой экономики от угольного топлива.

* Юрий Анатольевич МАКЕЕВ, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makeyevy@gmail.com

Yuri A. Makeev, PhD (Economy), Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; makeyevy@gmail.com

USING THE MECHANISM OF CAPITALIZATION OF NATURAL RENT TO SOLVE THE PROBLEM OF THE NEED TO REDUCE GREENHOUSE GAS EMISSIONS (INCLUDING CHINA AND INDIA)

Yuri A. Makeev

The article analyzes a possible scenario based on the capitalization of natural rent for replacing coal in the world energy with natural gas in order to reduce greenhouse gas emissions. This scenario will reduce carbon dioxide emissions in China and India by 2.5–3 billion tons per year. At the same time, the benefits from the implementation of the proposed scenario will be received by both gas producers and countries that refuse to consume and produce coal. The capitalization of the natural rent of gas producers, based on the transition to the dividend method of withdrawing rent payments by the state (instead of the currently mainly used tax method of rent collection), will provide a fair market assessment of the value of gas reserves. Countries rich in natural gas as a result of the capitalization of natural rent will become owners of significant liquid assets - the shares of gas producing companies, the total value of which will increase several times. The article describes the incentives for the exchange of assets (without the use of foreign exchange reserves) between gas producing countries and countries that are large consumers of coal, as a result of which it is possible to substitute significant volumes of coal fuel in the global fuel and energy balance for cleaner gas from an environmental point of view. Countries like China and India, if the scenario described in the article is implemented, will get access to natural gas sources at practically the cost of its production. Countries rich in oil and gas, in turn, will be able to diversify the structure of national wealth, thereby reducing dependence on the pricing environment of commodity markets.

Keywords: reduction of carbon dioxide emissions in India and China, global warming, capitalization of natural rent, reduction of dependence of the global economy on coal fuel.

Глобальное потепление, обусловленное накоплением в атмосфере постоянно увеличивающихся выбросов парниковых газов, является одной из наиболее острых проблем современности. Состоявшееся недавно присоединение России к Парижскому соглашению по климату должно внести существенный вклад в дело замедления темпов увеличения среднегодовой температуры на нашей планете. Однако Россия может сыграть и более важную роль в процессе борьбы человечества с угрозой глобального потепления. Выступив в качестве инициатора и организатора замещения угольной генерации на газовую в крупнейших странах потребителях угля (в том числе в Китае и Индии) на основе использования механизма капитализации природной ренты, Российская Федерация может способствовать значительному снижению мировых выбросов углекислого газа. Только за счет снижения потребления угольного топлива в Китае и Индии можно добиться сокращения выбросов углекислого газа на 2,5–3 млрд. тонн в год[1].

Несмотря на бурное развитие генерации, основанной на возобновляемых источниках энергии (в первую очередь ветро- и солнечной генерации), в мировом топливно-энергетическом балансе, как прогнозируется, будет сохраняться значительная

[1] Расчет сокращения выбросов углекислого газа основан на прогнозе Министерства энергетики США выбросов углекислого газа от сжигания угольного топлива и предполагает замещение ежегодного потребления половины угольного топлива природным газом. См.: International Energy Outlook 2019 // *U.S. Energy Information Administration*. URL: http://www.eia.gov/outlooks/ieo (дата обращения 12.11.2019).

доля угольного топлива. Так, в соответствии с базовым прогнозом Министерства энергетики США, к 2050 г. доля угля в совокупном первичном потреблении энергоресурсов в мире снизится до 19,7 % по сравнению с 25,8 % в 2018 г. В то же время среднегодовой прирост потребления угля в абсолютных величинах составит в период до 2050 г. 0,4 %. Основными потребителями угля в мире останутся Китай и Индия, при этом на долю Китая в 2050 г. придется 41,2 % мирового потребления угля, на долю Индии — 25,6 %. В 2018 г. Китай использовал 54,5 % добываемого в мире угля, Индия — 10,9 %. Доля возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе увеличится в период 2018–2050 гг. в 1,81 раза с 15,3 % до 27,7 %[2]. Зависимость коэффициента использования установленной мощности солнечных и ветрогенерирующих электростанций от погодных условий, сезона и времени суток в условиях дороговизны технологий аккумулирования электроэнергии обеспечат сохранения значимой роли ископаемого топлива в мировой энергетике.

Как известно, использование природного газа в качестве источника энергии вместо каменного угля приводит к снижению выбросов углекислого газа примерно в два раза. В силу отсутствия значительных собственных запасов природного газа многие страны мира продолжают ориентироваться на самый дешевый и доступный энергетический источник — уголь. Нежелание и / или отсутствие возможности увеличивать импорт относительно более экологически чистого природного газа крупнейшими странами-потребителями каменного угля будет препятствовать процессу снижения выбросов природного газа.

В то же время в мире имеется достаточный объем запасов природного газа с низкой себестоимостью добычи (и возможной относительно невысокой стоимостью транспортировки до потенциальных рынков сбыта) для более значительного в сравнении с прогнозируемыми темпами замещения «грязного» с точки зрения экологии угольного топлива. Стоимость природного газа, поступающего на мировой рынок, в большинстве случаев включает в себя рентную оставляющую, т. е. платеж, получаемый государством (в виде экспортных пошлин, налогов, дивидендных платежей и т. д.) за добычу на его территории природных ресурсов. Включение рентных платежей приводит к значительному повышению мировых цен на природный газ, ограничивая тем самым круг его потенциальных потребителей.

Страны, обладающие крупнейшими запасами природного газа, заинтересованы в максимизации природной ренты, получаемой от имеющихся природных ресурсов. Максимизация природной ренты может быть достигнута не только благодаря высокой цене на природные ресурсы, но и за счет ускоренной монетизации природной ренты. Приведенная величина рентных платежей за природный газ, потенциально не востребованный в мировой экономике при сохранении текущих тенденций развития энергетики, является достаточно низкой. В самом деле, если природный газ, который может быть использован в обозримой перспективе, продолжит находиться в месторождениях еще длительное время, его рентная оставляющая в стоимости будет низкой. При использовании ставки дисконтирования 5 % текущая рентная составляющая в стоимости природного газа (невостребованного в перспективе 30–

[2] См.: International Energy Outlook 2019 // *U.S. Energy Information Administration*. URL: http://www.eia.gov/outlooks/ieo (дата обращения 11.11.2019).

50 лет) сократится в 4,3–11,5 раза в зависимости от сроков востребованности природного ресурса на мировом рынке.

Таким образом, с экономической точки зрения страны, обладающие крупными запасами природного газа, вполне могут согласиться на продажу невостребованных в обозримой перспективе объемов сырья с достаточно большими скидками. При этом должны быть соблюдены два условия, обеспечивающие выгоды экспорта газа по сниженным ценам. Во-первых, экспортируемый по сниженным ценам газ должен направляться в страны, призванные заместить угольную генерацию на более приемлемую с экологической точки зрения газовую. С целью недопущения возникновения конкуренции с уже востребованным в мировой экономике природным газом сопоставимые с объемом поступающего дешевого газа мощности в угледобывающей отрасли таких стран должны быть ликвидированы или законсервированы. При этом ликвидации, консервации или конверсии подлежат также генерирующие мощности, работающие на угольном топливе. Во-вторых, страны, получившие дисконтированный рентный платеж, должны иметь возможность инвестировать его со сравнимой или большей относительно величины дисконта доходностью. Доходность при этом должна, очевидно, также включать премию за принимаемые риски инвестиционных проектов. Учет вышеуказанных условий обеспечит странам-держателям крупнейших запасов природного газа приемлемые условия монетизации природной ренты.

Впрочем, страны, ориентирующиеся на сохранение угольной добычи и / или угольной генерации, очевидно, не захотят отказываться от собственного и (или импортного) более дешевого источника энергии — угля, несмотря на его экологическую вредность, даже в условиях возможности получения относительно дешевого природного газа. Китай, Индия, Польша, Германия и ряд других стран предполагают сохранение (или рост) собственной угледобычи, ориентируясь в том числе на социальные и экономические проблемы.

Тем не менее сценарий ускоренного замещения угля в мировом топливном балансе на газ вполне реализуем. Увязка реализации проекта по ускорению социально-экономического развития беднейших стран мира в рамках возможного сотрудничества стран – экспортеров нефти и Китая в реализации инициативы «Пояса и пути» с одной стороны и проекта по увеличению использованию природного газа в мировой экономике с другой стороны создали бы стимулы для снижения рядом стран объемов собственной добычи и потребления угля[3].

В частности, трансформация китайской инициативы «Пояса и пути» в международный проект по ускорению социально-экономического развития беднейших стран мира с участием в качестве крупнейшего инвестора не только Китая, но и Индии обеспечила бы эти две крупнейшие по населению страны мира фактически собственными источниками природного газа. Инвестируя в проект по ликвидации отставания развития беднейших стран мира ресурсы в объеме 1–2 % от ВВП в год, Индия и Китай получат доли в капитале прошедших капитализацию природной ренты газовых компаний. Тем самым Китай и Индия фактически обеспечат доступ к природному газу по себестоимости его добычи в долгосрочной перспективе. В свою

[3] Подробнее о возможности совместной реализации инициативы «Пояса и пути» Китаем и нефтедобывающими странами см.: [Макеев, 2018].

очередь богатые углеводородным топливом страны, осуществившие капитализацию природной ренты в нефтегазовой отрасли, получили бы справедливую рыночную оценку стоимости природных ресурсов. Капитализация природной ренты в форме обмена налоговых рентных платежей на прямое участие (долю в виде акций) государства в капитале нефте- и газодобывающих компаний позволяет раскрыть реальную стоимость национального богатства стран, имеющих углеводородное сырье. Капитализация природной ренты значительно повышает стоимость принадлежащих государству высоколиквидных активов в форме акций нефтяных и газовых компаний. После капитализации природной ренты стоимость принадлежащих государству акций нефтегазовых компаний в несколько раз превысит годовой ВВП в большинстве богатых нефтью и газом странах мира. Обладание столь значительными и ликвидными активами заставит руководство данных стран задуматься о сохранении данных богатств за счет диверсификации вложений и обеспечения максимизации их стоимости. Наиболее рациональной стратегией при этом, по всей видимости, является инвестирование полученных от продажи части акций нефтегазовых компаний средств в инвестиционные проекты в беднейших странах Азии и Африки. Беднейшие страны Азии и Африки обладают наибольшим потенциалом роста экономики, а соответственно и стоимости активов, находящихся на их территории. Одновременно масштабные инвестиции в экономику африканских и азиатских стран (способствуя социально-экономическому развитию беднейших стран мира и росту спроса с их стороны на нефть и газ) окажут позитивное воздействие на ценовую конъюнктуру мировых рынков нефти и газа.

Вклад Индии и Китая в инвестиционные проекты на территории беднейших стран мира возможен в форме ресурсов, не предполагающих использование валютных резервов этих стан. Индия, помимо произведенных на собственной территории материальных ресурсов, имеет возможность предложить также собственные трудовые ресурсы для их использования за рубежом. Вклад Китая предпочтителен в форме материальных ресурсов, произведенных на его территории, а также в форме технологий. Таким образом, Индия и Китай компенсируют снижение занятости в угледобывающей отрасли за счет развития обрабатывающих отраслей промышленности, поставляющих продукцию для проекта по ускорению развития беднейших стран мира.

Учитывая противоречия между Индией и Китаем, возможно, необходимо разграничить участие двух крупнейших по населения стран мира в отдельных проектах по развитию беднейших стран. Также вполне уместным в настоящее время видится разграничение источников газовых ресурсов для Индии и Китая. Следует также упомянуть, что в отличие от Китая Индия в большинстве случаев, по всей видимости, будет выступать в качестве поставщика ресурсов для инвестиционных проектов на территории беднейших стран мира, получая взамен акции прошедших процедуру капитализации природной ренты газовых и нефтяных компаний. Таким образом, в отличие от Китая, который помимо акций нефтегазовых компаний получит и активы на территории беднейших стран мира, Индия не будет расходовать ресурсы на стимулирования развития африканских и азиатских стран. Возможно, также какие-то инвестиционные проекты будут реализованы богатыми нефтью и газом странами и на территории Индии.

Через определенный период времени (возможно, порядка 5–10 лет) поставки газа в страны, отказавшиеся от угольной добычи, могут осуществляться по ценам выше значений, получаемых дисконтированием рентной составляющей, близким к ценам на мировом рынке. Адаптация экономик таких стран к отказу от угледобывающих мощностей позволит постепенно увеличивать цену реализации газа.

Достаточно быстро проект по замещению угля в топливно-энергетическом балансе природным газом может быть реализован, например, в таких странах, как Германия и Польша. Эти страны могут использовать часть прибыли, получаемой от продажи «уцененного» газа на решение социальных проблем, связанных с более быстрым, чем ранее предполагалось, отказом от угледобычи. Поставщиком «уцененного» газа в Германию и Польшу вполне могла бы стать Туркмения, в т. ч. с использованием украинской трубопроводной системы. Россия вполне может согласиться на транспортировку туркменского газа в направлении Польши и Германии при условии жесткой синхронизации ликвидации объемов добычи угля на территории данных стран с объемами поставки «уцененного» туркменского газа. Поставки газа по сниженным ценам в Германию и Польшу могут быть интересны и российским независимым производителям газа. В отдаленной перспективе туркменский газ вероятнее всего будет направлен на индийский и китайский рынки, хотя определенная часть газа может быть направлена и на европейские рынки. Ускоренный отказ Германии и Польши от угледобычи, по всей видимости, получил бы поддержку со стороны европейских «зеленых».

Германия и Польша вполне бы могли присоединиться к числу стран, участвующих в поставке товаров и услуг для реализации инвестпроектов (направленных на ускорение развития беднейших стран мира) в обмен на акции прошедших капитализацию природной ренты газовых и (или) нефтяных компаний. В результате снижение занятости на немецких и польских угледобывающих предприятиях могло бы быть компенсировано ростом числа работников на предприятиях обрабатывающих отраслей промышленности, которые могли бы отправлять продукцию в беднейшие африканские и азиатские страны. Возможно, для России, Германии и Польши было бы более выгодным совместное строительство западного участка высокоскоростной магистрали «Евразия» (Пекин–Москва–Берлин) в процессе которого имеющие немецкое и польское происхождение ресурсы были бы обменены на доли в капитале российских нефтяных и газовых компаний.

Замещение угля на природный газ в Германии и Польше могло бы стать пилотным проектом, способным подтвердить или опровергнуть возможность снижения зависимости мировой экономики от поставок угля с использованием механизма капитализации природной ренты. В случае успешности проекта по увеличению поставок газа в Германию и Польшу первоочередной задачей должна стать программа по замещению угля на природный газ в Китае, на долю которого приходится более половины потребляемого в мире угля. Базой для поставок природного газа в Китай могут рассматриваться обладающие крупнейшими запасами природного газа страны Ближнего Востока, а также Туркменистан и Россия. Трубопроводные активы для транспортировки газа из этих стран в Китай вполне могут рассматриваться в качестве привлекательного актива для богатых нефтегазовыми ресурсами стран в качестве оплаты акций (долей в капитале) прошедших капитализацию природной ренты нефтегазовых

компаний. После обеспечения поставок природного газа в Китай приоритетной задачей может стать корректировка топливно-энергетического баланса Индии, предполагающая снижение этой страной потребления угля. С помощью механизма капитализации природной ренты вполне может быть замещено до половины потребности в угле Китая и Индии в долгосрочной перспективе. Поставки природного газа для замещения угольного топлива должны осуществляться трубопроводным транспортом, так как использование относительно дорогой технологии сжижения газа снизит ценовую конкурентоспособность газового топлива. В отдаленной перспективе созданная для поставок газа в Индию и Китай инфраструктура может быть использована для внедрения в этих странах элементов водородной энергетики, благодаря которым возможно еще большее сокращение выбросов углекислого газа.

Также следует отметить, что Китай и Индия входят в число стран с наибольшим числом населения, проживающего на территориях, которые будут подвержены затоплению в результате глобального потепления. В исследовании, приводившемся в ходе выступления генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша на саммите АСЭАН в Бангкоке в начале ноября 2019 г., указывается, что угрозе ежегодных наводнений будут подвержены территории с населением около 300 млн. человек в 2050 г., и 480 млн. в 2100 г. (в варианте, предполагающем сценарий эволюции антропогенных выбросов парниковых газов в атмосферу в будущем RCP 4.5 и таяние льдов Антарктиды) [Scott, Benjamin, 2019]. В ходе выступления Антониу Гутерриш также заявил о том, что зависимость от угольного топлива остается важнейшей угрозой в отношении изменения климата и необходимо отказаться от строительство новых электростанций, работающих на угле[4]. Угроза возможного затопления значительных территорий Китая и Индии в результате глобального потепления, должна стать дополнительным стимулом к замещению угольного топлива на газовое в этих странах.

Экономическая стратегия стран-держателей крупнейших запасов нефти и газа (за исключением США) должна быть ориентирована на максимальную монетизацию природной ренты. Реализация проекта по ускоренному развитию беднейших стран мира обеспечит высокие темпы роста спроса на углеводородное сырье в мире, способствуя тем самым реализации сценария высоких цен на нефть и газ в мировой экономике. Высокие цены на углеводородное сырье обеспечат страны-держатели крупных запасов нефти и газа необходимыми рентными платежами, создав тем самым благоприятные условия для дальнейшей диверсификации их экономик и развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности. Накопление значительных объемов резервных активов (в форме доли участия в капитале компаний на территории беднейших в настоящее время стран мира) позволит обеспечить макроэкономическую стабильность в богатых нефтегазовыми ресурсами странах за счет снижения зависимости экономической конъюнктуры от колебания цен на углеводородные ресурсы на мировых рынках. Одновременно высокие цены на углеводородные ресурсы будут стимулировать развитие более экологичных источников энергии, в т. ч., возможно, водородной энергетики в мире. Участие Индии, Китая и нефтеэкспортирующих стран в проектах по ускорению развития беднейших стран мира обеспечит индийскую и китайскую сторону источниками газового сырья, которые

[4] См.: Coal addiction ‘must be overcome’ to ease climate change, UN chief says in Bangkok // *UN News*. URL: https://news.un.org/en/story/2019/11/1050491 (дата обращения 12.11.2019).

смогут заместить около половины прогнозируемой в настоящее время потребности в угле.

Литература /References

Макеев Ю. А. Общие интересы Китая и стран-экспортеров нефти в реализации инициативы «Пояса и пути» // *Вестник института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 147–152. [Makeev Yu. A. Common Interests of China and Oil-Exporting Countries in Implementing the Belt and Road Initiative // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 4. Pp. 147–152 (in Russian)].

Kulp S. A., Strauss B. H. New Elevation Data Triple Estimates of Global Vulnerability to Sea-Level Rise and Coastal Flooding // *Nature Communications*. 2019. 10. Article number: 4844. Pp. 1–12.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Coal Addiction 'Must Be Overcome' to Ease Climate Change, UN Chief Says in Bangkok // *UN News*. URL: https://news.un.org/en/story/2019/11/1050491 (дата обращения 12.11.2019).

International Energy Outlook 2019 // *U.S. Energy Information Administration*. URL: http://www.eia.gov/outlooks/ieo (дата обращения 12.11.2019).

«ДАМАССКАЯ ВЕСНА» И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

В. М. Ахмедов*

В статье рассматриваются малоизученные в российской востоковедческой науке события «Дамасской весны». Автор полагает, что горький опыт провала политических преобразований, инициированных молодым президентом САР Башаром Асадом, сыграл значимую роль в развитии событий в САР в последующие несколько лет и в определенной степени предопределил сирийский кризис 2011–2019 гг. и начало событий «Арабской весны». Автор утверждает, что приход Б. Асада к власти в июне 2000 г. породил в широких массах населения ожидание перемен, подпитываемых заявлениями и символичными шагами президента, назначением новых кадров в политические и административные структуры власти. Реформаторские инициативы молодого президента в условиях жестко контролируемой ситуации в стране представлялись важными изменениями и давали сирийцам надежду на будущее, которое большинство из них, особенно молодежь, связывали с именем Б. Асада. В статье подробно рассматриваются преобразования в политической и экономической сферах, различные варианты трансформации политической структуры САР и основных институтов сирийского государства. Автор анализирует состояние сирийского общества и местных элит с точки зрения их отношения к проводимым реформам, показывает причины неудачи реформаторского движения в стране и рассматривает их возможные последствия. В статье рассмотрены мировоззренческие представления и политические взгляды представителей различных сирийских органов власти и их отношение к реформам в стране. Автор выделяет роль военных и правящей партии в рассматриваемых политических процессах и показывает их отношение к неореформаторам и проводимых ими реформам.

Ключевые слова: Сирия, Дамаск, «Дамасская весна», сирийский кризис, политические реформы, Башар Асад.

“THE DAMASCUS SPRING” AND SYRIAN CRISIS

Vladimir M. Akhmedov

The article studies specific period in modern Syrian history (2000–2001), known as “The Damascus Spring”. The author argues that a failed attempt of political and economic modernization of the Syrian political structure, initiated by the young Syrian president Bashar al-Assad may have provoked further developments in Syria that led to the crisis of 2011 in Syria, lasting till the present day. The author shows that al-Assad’s leadership initiated the movement of broad masses of people waiting for changes. The President himself fueled such sentiments with his statements and symbolic steps, appointment of new personnel for the political and administrative institutions. The author argues that Bashar al-Assad firmly embarked on a new phase of economic, social and political liberalization, and tried to accelerate the modernization of Syria. On the other hand, Assad could not have remained “above the fray” for a long time, having been dragged in the directions of actively

* Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabist@live.com

Vladimir M. AKHMEDOV (PhD, History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabist@live.com

opposing sides, and very soon had to define his position. In fact, the President could not have completely taken the side of democratic reforms, and was forced to postpone the transformation of the political system. The author stresses that the meeting between the representatives of the ruling party and security apparatus held in February 2001 revealed there almost complete concert of views on reforms, and similar positions of the 'old' and 'new' civilian and military members of the party leadership. Almost all members of the party forum criticized the spread of "immorality and cynicism", "erosion of the ideals", and "fall of ethics, morals and discipline," expressing its concern for the security and stability of state power in the Syria. As a result, in February 2001, Syrian President said that "patience had its limits" (referring to the reforms activists). It was a serious blow to the liberal-democratic movement and those who hoped that political change is embodied in the President. The ruling parties activists and high ranking officers in security apparatus restored and strengthened their influence in society, "The Damascus Spring" has ended.

Keywords: Syria, Damascus, "The Damascus Spring", Syrian crisis, political reforms, Bashar al-Assad.

Период с лета 2000 по начало 2001 гг., получивший в новейшей истории Сирии название «Дамасской весны», сыграл значимую роль в развитии социально-политических процессов в стране в последующие годы. В какой-то степени он предопределил события, начавшиеся в марте 2011 г. и вылившиеся позднее в острый общественно-политический кризис в САР. Горький опыт политических преобразований в Сирии создал объективные предпосылки в обществе и государстве, позднее использованные внешними силами в рамках политических технологий «цветных революций» для разжигания сирийского конфликта[2]. Более того, с учетом важного места и роли Сирии на Арабском Востоке, события «Дамасской весны» могли стать определенным предвестником начавшейся в Ближневосточном регионе на рубеже 2010–2011 гг. «Арабской весны». С учетом сказанного, автор полагает важным дать хотя бы краткий анализ событий «Дамасской весны».

Приход Башара Асада к власти в июне 2000 г. породил в широких массах населения ожидания перемен. Сам президент подпитывал подобные настроения заявлениями и символичными шагами, назначением новых кадров в политические и административные структуры власти. Асад решительно приступил к проведению нового этапа экономической и социально-политической либерализации и попытался ускорить темпы модернизации Сирии. В своей инаугурационной речи перед парламентом 17 июля 2000 г. Асад обратился к сирийскому народу с призывом «выдвинуть новые идеи». Его речь была полна оптимизма, уверенности в своих силах, надежды и веры в будущее. Он высказался, в частности, за большую открытость сирийской политической культуры и необходимость административной реформы в САР. Инаугурационная речь Асада была расценена многими как декларация о реформах [Baidatz, 2001, p. 2–3]: слова о «демократическом мышлении» и «принципе принятия противоположного мнения» отвечали либеральным воззрениям части сирийского населения. Декларация принципов административной реформы, равенства перед законом и борьбы с коррупцией, несомненно, имела далеко идущие последствия для определения перспектив внутренней политики и основных направлений перестройки властных структур, будущей роли и места общественных институтов САР.

[2] Akhmedov V. *Syrian crisis. Special Report.* Berlin, 10 April 2019. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf (дата обращения 24.11.2019).

Предпринял новый президент и ряд шагов, призванных продемонстрировать движение к большей политической открытости.

В начале января 2001 г. появилось так называемое «послание тысячи» — обращение к президенту представителей сирийской интеллигенции. В послании сторонники реформ — либерально настроенная интеллигенция — решительно потребовали независимости судов, коренного реформирования ПНФ, отмены действующего в САР с 1963 г. закона о чрезвычайном положении, освобождения политических заключенных, свободы прессы, равенства женщин и т. п. Аналогичное обращение — так называемый «меморандум 99», — появившийся ранее в конце сентября 2000 г., вызвал не менее широкую поддержку общественности [Sevareid, 2000] (характерно, что его подписанты не подверглись арестам спецслужб, а некоторым даже было разрешено опубликовать свои статьи). Так, 1 октября 2000 г. передовица официальной сирийской газеты «Тишрин» поместила статью известного сирийского экономиста Арефа Далила, утверждавшего, что однопартийная система власти в САР устарела и более не эффективна с точки зрения продвижения экономических реформ в стране [Baidatz, 2001, p. 2–3; Sevareid, 2000]. Характерно, что практически все люди, публично выступившие в поддержку реформ, не были раньше замечены в антирежимной деятельности и не выступали против перехода власти к Б. Асаду. В ноябре 2000 г. президент распорядился выпустить из тюрем 600 политических заключенных, а известная тюрьма в районе Меззе в Дамаске была закрыта. В сентябре 2001 г. вышли на свободу просидевшие 14 лет в тюрьме активисты одной из левых организаций.

Молодой президент явно рассчитывал на поддержку заинтересованных кругов Сирии — преимущественно интеллигенции и новых бизнес-элит [Perthes, 2004, p. 15–17]. Власти давали понять, что президент, если и не особенно рад такой «безмерной гласности и открытости», то в принципе не возражает против того, чтобы граждане публично выражали свои озабоченности. В отличие от былой атмосферы политической цензуры и страха перед спецслужбами, характерной для периода правления Хафеза Асада, Сирия оказалась вовлеченной в широкие политические дебаты. В ходе острых дискуссий о масштабах, сроках и глубине реформ, охвативших не только крупнейшие города, но и провинциальные центры страны, выявилось несколько общественных течений и групп, выступавших за те или иные пути развития Сирии.

Наиболее многочисленной и организованной была группа так называемых «консерваторов». Они стремились сохранить прежнюю политическую систему и оставить без видимых изменений внутри- и внешнеполитический курс Сирии времен Х. Асада. В тоже время представители этой группы признавали, что в ходе правления предыдущего президента были допущены определенные просчеты, которые необходимо исправить. Главным лозунгом их движения была «преемственность». Они считали, что достижения прежнего режима не должны игнорироваться, и выступали против слишком быстрых и решительных преобразований в политике и экономике, могущих, на их взгляд, подорвать внутриполитическую стабильность и ослабить позиции Сирии на региональной и международной арене. Подобных взглядов придерживались представители «старой гвардии», такие, как А. Х. Хаддам, М. Тлас, а также ряд молодых людей из правящей элиты. Социальной основой этой группы была

значительная прослойка партийно-бюрократического аппарата, руководители профсоюзных организаций, некоторая часть интеллектуальной элиты общества (писатели, журналисты, университетские профессора), связывавшая свою судьбу с прежней системой.

Представителей другого не менее многочисленного течения можно условно назвать «реформаторами» или «технократами». Они выступали за модернизацию и претендовали на то, чтобы занять ведущие позиции в обществе. Нередко с ними ассоциировали самого Б. Асада и часть его ближайшего окружения. Сторонники этого движения полагали, что для адаптации Сирии к требованиям растущей региональной конкуренции и новой геополитической обстановки необходимо серьезно реформировать прежние государственные институты и политическую систему. Их взгляды на реформы заключались в требовании экономической модернизации, за которой, как они считали, автоматически должны последовать перемены в политической системе, что позволит избежать возможной нестабильности в обществе. Социальной базой этого движения была сирийская технократическая элита, а также новые кадры руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ (Баас)). Среди сторонников подобной точки зрения на пути реформ была также часть сирийской молодежи. Они считали, что их карьерный рост тормозится засильем старых управленческих кадров. Некоторые руководители спецслужб также поддерживали «технократов», опасаясь, что длительный застой в обществе в условиях отсутствия технического прогресса может вызвать нежелательные политические потрясения и даже спровоцировать политический кризис в САР.

Наиболее малочисленная группа сторонников реформ придерживалась крайних взглядов и выступала за полный слом прежней политической системы. Сторонников этого направления представляли так называемые «либерально-демократические реформаторы», на деле никогда не порывавшие связей с режимом. Осознавая свою политическую слабость и малочисленность, они стремились создать коалицию со сторонниками постепенной модернизации. Заявляя о своей готовности к сотрудничеству с президентом и его командой технократов-реформаторов, они в тоже время призывали к коренному изменению системы власти и поэтому зачастую оказывались в оппозиции к режиму. Их главными лозунгами была политическая модернизация, утверждение равенства перед законом, отмена однопартийной системы власти. Среди наиболее видных представителей этого движения выделим группу либеральных интеллигентов — ранее упомянутого профессора экономического факультета ДГУ А. Далили, писателя и журналиста Мишеля Кило, адвоката Анвара аль-Бунни и других подписантов «меморандума 99», а также ряд независимых политиков, включая депутата сирийского парламента Рияда Сейфа, и некоторых крупных промышленников. Их поддерживали также многие члены националистических и леворадикальных политических группировок, а также немногие молодые члены ПАСВ. Участники этого движения были плохо связаны друг с другом, а их группа имела весьма аморфную структуру.

Представители этих двух групп составили ядро так называемого «движения за гражданское общество», которое возникло в течение нескольких недель после прихода к власти Б. Асада. Активная деятельность «движения» в Дамаске побудила к более смелым действиям его активистов в провинции. В августе 2000 г. «независимый» депутат

Р. Сейф объявил о создании «клубов друзей гражданского общества». Через две недели Р. Сейф созвал первое заседание такого клуба у себя дома, а в дальнейшем подобные встречи, где звучали лекции по острым политическим вопросам, стали традиционными. Многие представители сирийской интеллигенции открыто собирались в частных домах, превращенных в своеобразные «политические клубы», и вели острые дискуссии о судьбах реформ [George, 2003, p. 304–306; Droz-Vincent, 2001, p. 14–38]. Поначалу власти относительно толерантно относились к требованиям расширения свобод.

В январе 2001 г. около 20 депутатов создали так называемый «независимый парламентский блок», а 70 адвокатов опубликовали заявление с требованием отменить закон о чрезвычайном положении 1963 г., воплотить в реальность принцип независимости судов и предоставить легальную возможность создавать политические партии за рамками ПНФ. В Дамаске официально начала работать так называемая «комиссия по защите прав человека» во главе с сирийским журналистом Ахтамом Наиса, в 1991–1998 гг. находившимся в тюрьме по обвинению в критике режима. Среди участников «движения» и «политических клубов» шли постоянные споры о масштабах и скорости реформ в Сирии, о содержании текстов деклараций и петиций и т.п. Однако не следует преувеличивать глубину этих разногласий: все они так или иначе действовали в рамках единого проекта. Плюрализм этого движения способствовал изменению политической атмосферы в стране; в Сирии и за рубежом заговорили о «Дамасской весне».

В начале Б. Асад стремился использовать возникшие во второй половине 2000 г. в САР «политические клубы» и общественные организации в поддержку развития гражданского общества в Сирии для укрепления позиций сторонников реформ в государственном аппарате и армии, чтобы ограничить противодействие старой военно-бюрократической элиты Сирии [Lesch, 2013, p. 7–9]. С этой же целью президент предпринял попытки предоставить большую свободу национальным СМИ. Ведущие государственные газеты возглавили Махмуд Салама, бывший профсоюзный деятель, оппонент прежней власти по социально-экономическим вопросам (газета «Ас-Саура»), и один из ведущих сотрудников Центра стратегических исследований САР Х. М. Аль-Джарад (газета «Тишрин»). Впервые за последние полвека в Сирии было разрешено издание частных газет. Конечно, право на издание независимых газет было ограничено и разрешено только трем из шести политических партий, сотрудничающих с ПАСВ в рамках ПНФ. Первая такая газета — «Нидаль Аш-Шааб», издающаяся СКП, — вышла в начале января 2001 г. и критиковала решение правительства разрешить деятельность в Сирии частных банков. Впервые с 1963 г., с момента прихода к власти партии Баас, стала легально издаваться газета, не отражающая и не разделяющая официальную идеологию правящей партии. В тоже время государственные газеты публиковали острые статьи с критикой экономической политики правительства. Б. Асад лично встретился с редакторами газет и поддержал их стремление печатать материалы по реформам в САР.

Для укрепления своего имиджа сторонника демократических преобразований новому президенту было достаточно на первых порах сделать не так уж и много. Во время поездки по стране он публично появился в торговой зоне Алеппо, тогда как его отец Х. Асад после мятежа «братьев-мусульман», особенно активно проявивших себя в

конце 1970-х — начале 1980-х гг. именно в Алеппо, ни разу не посетил эту «северную столицу» САР.

Эти и другие шаги молодого президента в условиях жестко контролируемой ситуации в стране представлялись важными изменениями и давали надежду сирийцам на будущее, которое большинство из них, особенно молодежь, связывали с именем Б. Асада. Таким образом, через полгода после прихода к власти Б. Асада демократические и реформистские тенденции стали играть заметную роль в политической жизни САР, и власть не могла их просто игнорировать. В тоже время эти тенденции не смогли институализироваться и превратиться в массовое народное движение.

Очень скоро перед Б. Асадом встал ряд сложных вопросов. Как органично вписать новый режим в современный мир? Каким образом провести политическую либерализацию в стране, чтобы укрепить национальную экономику и сохранить при этом контроль над властью? Как в процессе реформ избежать возможной внутренней конфронтации и политической дестабилизации? Тем более что для консервативной части правящей элиты эти перемены были весьма тревожным знаком. Когда темпы инициированной Б. Асадом политической либерализации ускорились, представители консервативного движения быстро объединились и сумели сделать все возможное, чтобы затормозить процесс реформ в САР. Да и сам президент, обеспокоенный напористой риторикой со стороны «гражданских обществ», не был заинтересован в том, чтобы втягиваться в процесс быстрых перемен глубже, чем считал необходимым он сам.

Вскоре политическое руководство перешло в контрнаступление, пытаясь вначале вернуть господство на поле политических баталий. Однако очень быстро вслед за этим власти перешли к административным и репрессивным мерам. В середине февраля 2001 г. по поручению РР ПАСВ его 17 членов были направлены в провинции и выступили в университетах Сирии «с разъяснением политической ситуации» в стране. Руководил этой кампанией А. Х. Хаддам, который позднее публично обвинил сторонников политической модернизации в том, что они перешли «красную линию безопасности и стабильности государства». А. Х. Хаддам предупредил университетских профессоров, что интеллектуалы распространяют идеи, подрывающие единство нации. Он даже провел в этой связи параллель с алжирскими событиями 1992 г. [Baidatz, 2001]. Сам Б. Асад в одном из интервью заявил, что люди, делающие подобные заявления, «предпочитают перевороты и оккупацию стабильности, установленной в 1963 г. и укрепленной в 1970 г.» В марте 2001 г. Б. Асад ясно дал понять, что национальное единство, партия Баас, вооруженные силы и курс Х. Асада не подлежат обсуждению и критике. Другие представители власти обвиняли интеллектуалов в предательстве, игнорировании арабо-израильской борьбы и очернении достижений ПАСВ. Подписанное 20 февраля 2001 г. заместителем генерального секретаря ПАСВ А. Аль-Ахмаром внутреннее циркулярное письмо партии обвиняло сторонников реформ в служении интересам «врагов родины» и в «ослаблении государства». В официальном заявлении ПАСВ от 18 марта 2001 г. некоторые представители сирийской интеллигенции обвинялись в «связях с заграницей и провоцировании анархии в стране». Предложения и требования сторонников демократизации и политических свобод были охарактеризованы как «разрушающие и ослабляющие государство».

Поборники реформ обвинялись в забвении «сионисткой угрозы», игнорировании общеарабской роли САР и арабо-израильского конфликта. К кампании присоединился и М. Тлас, 12 апреля 2001 г. в интервью спутниковому каналу Абу-Даби обвинивший подписантов «послания тысячи» в «сотрудничестве с ЦРУ и врагами Сирии». Он заявил, что «мы не потерпим, чтобы кто-либо отобрал у нас власть, за которую мы заплатили кровью» [Baidatz, 2001]. Особое раздражение М. Тласа вызвал тот факт, что подписанты «петиций» ни словом не обмолвились об арабо-израильском конфликте.

Спустя четыре дня после заявления М. Тласа инициативный комитет в поддержку восстановления гражданского общества в САР выступил с новой «декларацией принципов», где содержался призыв к оказанию «всесирийской» поддержки палестинской «интифады». Подписанты двух петиций выпустили новый меморандум. В нем повторялись требования соблюдения базовых принципов демократии, но одновременно содержались положения, призванные умиротворить власти. Говорилось не только об арабском единстве, но и о «сионистском враге». В тоже время демократия рассматривалась как «острое оружие», способное обеспечить успех в борьбе с ним [Volker, 2004, p. 19–21].

Хотя власти дали отповедь активистам гражданского общества, не все в руководящих кругах и окружении президента хотели покончить с новой атмосферой открытости. Однако судьба демократических реформ в САР была уже предрешена. Действия «консерваторов» были настолько стремительны, целенаправленны и сплочены, что застали врасплох не только аморфную и плохо организованную группу либеральной интеллигенции, но и сторонников реформ в армии и спецслужбах. Даже такой высокопоставленный сотрудник спецслужб, как генерал Бахджет Сулейман, известный своими либеральными взглядами еще при жизни Х. Асада и тесно связанный с семейным кланом Асадов, был вынужден пойти на попятную и перестал высказываться в пользу перемен и оказывать покровительство ряду сирийских интеллектуалов.

В середине февраля 2001 г. власти положили конец работе большинства «политических клубов», поставив перед их деятельностью непреодолимые административные барьеры. Было закрыто 14 «гражданских обществ» и «политических клубов». Деятельность оставшихся была жестко ограничена. Многих активистов «гражданских обществ» персонально предупредили о необходимости прекратить деятельность; не пожалели даже депутатов парламента. В августе 2001 г. был заключен под стражу объявивший ранее голодовку протеста против действий властей депутат от Дамаска М. Хомси. Р. Сейфа лишили депутатской неприкосновенности, против него началось судебное преследование по обвинению в нарушении конституции. Статьи, в которых Р. Сейф был представлен марионеткой в руках иностранцев, публиковались в одном из прорежимных журналов в Лондоне и в частном «сатирическом» журнале.

В сентябре Р. Сейф возобновил деятельность своего «клуба» и пригласил туда сирийского эмигранта, ученого-социолога Бурхана Гальюни. Через несколько дней Р. Сейф и восемь его соратников, среди которых был А. Далили, в течение долгого времени выступавший против коррупции и плохого управления экономикой, были арестованы. В опубликованной в газете «Тишрин» статье Р. Сейф и М. Хомси обвинялись в том, что они своим поведением спровоцировали власти на жесткие действия, фактически означающие отступление демократии в Сирии и обострение

конфликта власти и прессы. Рияд Турк, один из лидеров коммунистического движения Сирии, при Х. Асаде проведший в тюрьме 17 лет, был также арестован, после того как назвал бывшего президента «диктатором» (что на самом деле мало соответствовало действительности), выступая на катарском спутниковом канале Аль-Джазира. Эти изменения отразились на «гражданских обществах» и сказались на активистах «политических клубов». Они вынуждены были снизить свою активность [Volker, 2004, p. 19–21].

Уже к середине 2001 г. постепенно был установлен определенный контроль над СМИ, а ряд прогрессивных редакторов уволили. Главный редактор правительственной газеты «Ас-Саура», утверждавший в редакционной статье, что согласие в обществе может быть достигнуто не путем односторонней официальной пропаганды, а посредством политического, экономического и культурного плюрализма, подвергся давлению со стороны министра информации и в мае 2001 г. отправился в отставку. Смещение М. Салама, поставленного на этот пост лично Б. Асадом, давало ясный сигнал, что президент принял сторону «консервативных» кругов. Одновременно в сирийской прессе прежний термин «реформы и обновление», использовавшийся для обозначения новой эры, был заменен на более нейтральный с точки зрения официальной пропаганды — «развитие и модернизация».

Вскоре демократическая активность в Сирии оказалась фактически свернутой, политическая деятельность в стране вновь оказалась под жестким контролем спецслужб, а многие политические активисты получили от власти недвусмысленные предупреждения. Некоторых из них арестовали. Бурные протесты в Сирии и за рубежом в связи с кампанией арестов вынудили сирийские власти пойти на определенный компромисс. Спустя два месяца после ареста М. Хомси и Р. Сейфа, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, было объявлено о том, что суд над ними будет открытым. На суде Р. Сейф и М. Хомс были приговорены к 5-ти годам тюрьмы, А. Далили к 10-ти годам, остальным дали от 2-х до 5-ти лет. Одновременно по случаю годовщины «исправительного движения» в САР из тюрем было выпущено свыше 100 политических заключенных, преимущественно «братьев-мусульман», членов оппозиционных иракских и палестинских организаций[3].

Очевидно Б. Асаду не удалось долго оставаться «над схваткой», куда его отодвигали противоборствующие стороны, и вскоре пришлось определить собственную позицию. На деле президент не смог полностью встать на сторону демократических реформ и вынужден был на время отложить трансформацию политической системы в либеральную демократию, ограничившись заявлениями о необходимости «учета сирийского демократического опыта», представляя ПНФ как «пример подобной демократии». Как утверждали в осведомленных сирийских кругах, большое впечатление на Б. Асада произвело заседание РР ПАСВ в феврале 2001 г. В ходе острых и бурных дискуссий о происходящих в сирийском обществе процессах обнаружилось практически полное единство взглядов и схожесть позиций как «старых», так и «новых» гражданских и военных членов партийного руководства. Практически все участники партийного форума критиковали распространение в обществе явлений «распущенности и цинизма», «размытости идеалов», «падения морали, нравственности и

[3] Из частных бесед автора с сирийскими информантами. Дамаск. Май, 2001, апрель, 2007.

дисциплины», высказывая в этой связи свою озабоченность за безопасность государства и стабильность власти в САР. Поэтому, если в декабре 2000 г., выступая перед сотрудниками сирийских спецслужб, Б. Асад высказался в том духе, что сирийские органы «имеют право знать, что делают эти люди» (активисты гражданских обществ), но «не могут воспрепятствовать им делать это», то уже менее чем через три месяца, в феврале 2001 г., сирийский президент заговорил о том, что «терпение имеет границы» (имея в виду деятельность тех же активистов)[4].

Аресты нанесли серьезный удар либерально-демократическому движению в САР и разочаровали демократов, связывавших надежды на политические изменения с именем президента. Режим скорректировал курс реформ, а органы государственной безопасности восстановили и укрепили влияние в обществе. И хотя «комитеты в защиту гражданского общества» продолжали собираться в частном порядке и публиковать свои заявления в ливанских газетах, западных СМИ и в Интернете, «Дамасская весна» закончилась.

Литература / References

Baidatz Y. Bashar's First Year. From Ophthalmology to a National Vision // *The Washington Institute for Near East Policy. Policy Focus*. 2001. 41.

Droz-Vincent Ph. Syrie: La nouvelle generation au pouvoir // *Monde Arabe: Maghreb-Machrek*. 2001. 173. Pp. 14–38.

George A. *Syria: Neither Bread nor Freedom*. London, New York, 2003.

Lesch D. W. *Syria. The Fall of the House of Assad*. London, 2013.

Sevareid S. Displaying Common Touch, New Leader Eases Up on Freedoms, Tries to Fix Ailing Economy // *Associated Press*. 2000. 30.

Volker P. *Syria under Bashar al-Asad: Modernization and the Limits of Change. The International Institute for Strategic Studies*. Oxford, 2004.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Akhmedov V. *Syrian crisis. Special Report*. Berlin, 10 April 2019. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf (дата обращения 24.11.2019).

[4] Из частных бесед автора с сирийскими информантами. Дамаск. Май 2001, апрель 2007.

ПРОТОГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РЕГИОНА КУРДИСТАН (ИРАК): ДИНАМИКА И ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-СЛОЖНОГО ОБЩЕСТВА

К. В. Вертяев*

В статье исследуется фактор становления Региона Курдистан как автономного субъекта в составе Ирака в форме протогосударственности. Автор определяет протогосударственность в качестве последнего этапа формирования территориальной, либо национальной государственной идентичности. В статье даются основные характеристики специфики политического развития Региона Курдистан, анализируются последствия проведенного здесь в сентябре 2017 г. референдума о независимости, не признанного мировым сообществом. В статье затронута историческая ретроспектива курдской протогосударственности начиная с княжеств Бабан и Соран (первая половина XIX в.). Указывается, что несмотря на длительный путь национально-освободительной борьбы курдов Ирака, ныне существующий в форме автономии Регион Курдистан прошел период от формальной квазигосударственности в результате создания бесполетной зоны на севере Ирака в 1991 г. и суверенизации курдского региона («Свободный Курдистан») вплоть до закрепления в иракской конституции своего автономного статуса. В статье отмечается наличие противоречий между курдскими элитами Иракского Курдистана на фоне важной роли патронажно-клиентских отношений в политической структуре региона. Многие противоречия между Багдадом и Эрбилем, в том числе и в части трактовки положений иракской конституции по спорным территориям, отодвигают перспективы достижения полной независимости, чему также способствует и резко отрицательная позиция всех соседних стран — в первую очередь Турции, Ирана в отношении подобного гипотетически независимого государства. В статье анализируется феноменология прото- и квазигосударственных образований и делается вывод, что Регион Курдистан в составе Ирака не является квазигосударством, но несет в себе черты протогосударственности.

Ключевые слова: Курдистан, Иракский Курдистан, Ирак, протогосударственность, регион Курдистан, курды.

PROTO-STATEHOOD OF THE KURDISTAN REGION (IRAQ): DYNAMICS AND PROCESS OF THE NATIONAL CONSOLIDATION IN THE CONDITIONS OF A CULTURAL COMPLEX SOCIETY

Kirill V. Vertyaev

* Кирилл Валентинович ВЕРТЯЕВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Kirill V. Vertyaev (PhD), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kitezh@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»)».

The article focuses on features of the Kurdistan Region as an autonomous entity in Iraq in the form of proto-statehood. The author defines proto-statehood as the last stage in the formation of a territorial or national state identity. The article summarizes the main characteristics and the specifics of the political development of the Kurdistan Region, analyses the consequences of the independence referendum held here in September, 2017, which was not recognized by the international community. The article touches upon the historical background of the Kurdish proto-statehood, beginning with the principalities of Baban and Soran (the first half of the 19th century). It is noted that the Treaty of Sèvres of 1920 tried to make Kurdistan a subject of world politics, but was later replaced by the Lausanne Peace Treaty (1923) without any commitments towards Kurdish independence. The article states that despite the long path of the autonomist struggle of the Kurds in Iraq, the existing de facto proto-state formation in the form of autonomy has followed the formal quasi-statehood as a result of the creation of a no-fly zone in northern Iraq in 1991 that secured sovereignty of the Kurdish region ("Free Kurdistan") up to the incorporation due to the new Iraqi constitution (2005) as an the autonomous entity within Iraq. The article notes the contradictions between the Kurdish elites of Iraqi Kurdistan against the background of the important role of patronage-client relations in the political structure of the region. Many contradictions, including those regarding the interpretations of the Iraqi constitution on disputable territories, put off the prospect of achieving full independence, which is also facilitated by the sharply negative position of all neighbouring countries — primarily Turkey and Iran regarding such a hypothetically independent state. The article analyses the phenomenology of proto-and quasi-state entities and concludes that the Kurdistan Region as part of Iraq is not a quasi-state, but carries the features of proto-statehood.

Keywords: Kurdistan, Iraqi Kurdistan, Iraq, proto-statehood, region Kurdistan, Kurds.

Вопрос самоопределения иракских курдов — сложный как в методологическом, так и в международном плане. Ведь помимо того, что все страны мира признают нерушимость границ Ирака и считают проблему самоопределения курдов сугубо иракским делом, внутри самого Иракского Курдистана, согласно конституции именуемом Регионом Курдистан (РК), идут очевидные процессы суверенизации на фоне целого набора противоречий, политических споров, порой отодвигающие национальные интересы курдов Ирака на второй план. РК — единственный федеративный субъект Ирака, в нем проживают около 6 млн. человек (не считая около 300 тыс. временно перемещенных лиц из соседней Сирии, оказавшихся в лагерях для беженцев) [Annual Report, 2018, p. 11]. Административно Регион Курдистан включает четыре провинции вокруг основных крупных городов Иракского Курдистана: Эрбиля, Сулеймании Дохука, Халабджи, а также спорные территории — Киркук, Синджар и Саладин, Кифри и Диала. Около 80 % жителей РК являются мусульманами. После непризнанного мировым сообществом референдума о независимости 25 сентября 2017 г., когда «за» проголосовали 93 % местного населения, включая жителей спорных территорий [1], иракские курды проявляют осторожность в декларировании дальнейших целей ввиду того, что это ожидаемо вызывает крайне негативную реакцию не только центрального правительства

[1] Лицами, имеющими право голосовать на референдуме о независимости, были признаны 4 581 255 человек, проживающие в Иракском Курдистане и на близлежащих спорных территориях (из них 72,16 % приняли участие в голосовании). Вопрос референдума звучал так: «Желаете ли вы, чтобы Регион Курдистан и курдские районы за пределами администрации Региона стали независимым государством?». Вопрос в бюллетене был напечатан на курдском, арабском, турецком и ассирийском языках.

в Багдаде, но и соседних стран, а также способно обострить конфликты вокруг спорных территорий внутри Ирака.

Стоит отметить, что это был не первый референдум подобного рода. В 2005 г. здесь был проведен неофициальный референдум, инициированный общественными организациями, в частности — Движением за референдум в Курдистане. Тогда 98 % респондентов высказались за независимость региона. И хотя элиты РК всячески подчеркивали неотделимое право курдов Ирака на самоопределение, в тот период Региональное правительство Иракского Курдистана (KRG) выступало за сохранение Региона Курдистан в составе федеративного Ирака в соответствие с новой конституцией, принятой в 2005 г. и вступившей в действие в 2006 г. Теперь после второго референдума 2017 г. многие эксперты, в том числе и из сопредельных с гипотетически независимым Регионом Курдистан отдают себе отчет, что за действиями политических элит РК, в основном, представляющих Демократическую партию Курдистана (ДПК), мобилизованную вокруг клана Барзани, стоит желание достижения полной политической независимости[2]. С одной стороны, политические элиты РК еще в 2003 г. ясно и недвусмысленно выступили за сохранение территориальной целостности Ирака, поддержав создание нового Совета Административного совета страны без каких-либо предварительных условий, имея целью создание «федеративного, плюралистического и демократического» Ирака с децентрализованной формой управления. Руководство KRG требовало пропорционального представительства курдов в государственных институтах Ирака, включая парламент, правительство, армию, а также пропорциональное распределение доходов государства. Политика руководства РК вплоть до сентября 2017 г. заключалась в поиске баланса между желанием как самих элит, так и населения Иракского Курдистана достигнуть полной политической независимости и прагматическим подходом с целью обеспечения баланса интересов иных сил — геополитических игроков Ближнего Востока и особенно тех, кто расположен вокруг гипотетического независимого Курдистана. Борьба с экспансией запрещенной в РФ ИГИЛ, в которой приняли участие вооруженные силы Иракского Курдистана (пешмерга), стала дополнительным стимулом курдской суверенизации в Ираке.

Проведение референдума 2017 г. было ратифицировано на сессии Парламента Иракского Курдистана, на которой присутствовали всего лишь 65 из 111 его депутатов. Представители партий «Горран» и «Исламская группа Курдистана» вообще не явились на заседание. Значительная часть политических оппонентов Барзани, в основном, из числа сторонников Патриотического союза Курдистана (ПСК), за несколько дней до референдума высказались против его проведения. Однако демарш оппозиции был связан не с тем, что они выступали против референдума как такового, а скорее против консолидации власти в руках ДПК в результате его проведения. Это мнение опосредовано и тем, что в августе 2015 г. Мосуд Барзани отказался покидать пост президента после истечения дополнительного срока и оставался президентом РК де-

[2] Уместно привести высказывание Мосуда Барзани в интервью *Washington Post*: «Пришло время признать полностью независимый Курдистан. Это не слухи и не сон. Это — реальность, которая близка к свершению. Мы сделаем все возможное, чтобы достичь этих целей как можно быстрее». URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/kurdish-president-independent-kurdistan-is-neither-a-rumor-nor-a-dream/2017/01/19/0a832f62-ddbb-11e6-acdf-14da832ae861_story.html (дата обращения 24.11.2019).

факто, пока не вышел еще один дополнительный двухгодичный срок его президентских полномочий, инициированный специально созванным для этого Консультационным советом Курдистана. Не имея юридических последствий, референдум в представлении местного населения закрепил протогосударственный характер Иракского Курдистана, хотя и привел ко многим нежелательным для проживающих здесь курдов последствиям — таким, как потеря Киркука, возращенного под юрисдикцию центрального правительства в Багдаде перед угрозой военного вторжения.

Дискуссионная острота вопроса самоопределения иракских курдов лежит в первую очередь в плоскости понимания того, что достижение национальной независимости и создание курдского национального государства было сокровенной мечтой значительной части курдских элит, изначально выступавших с идее курдской независимости, начиная как минимум с восстания под руководством шейха Обейдуллы в Османской империи 1880–1881 гг. Это стремление было зафиксировано целым рядом политических заявлений периода окончания Первой мировой войны, когда одновременно провозглашенные президентом США и большевистским руководством России принципы национального самоопределения всех народов, населявших границы распадавшейся Османской империи, стали для курдских вождей и шейхов, нередко являвшихся проводниками националистической курдской идеологии, ясным ориентиром для достижения этой цели и создания независимого курдского государства. Севрский договор 1920 г. сделал Курдистан субъектом мировой политики (пусть с географической точки зрения и весьма уродливого, неприемлемого для ведущих курдских националистических элит того периода). Тем не менее этот договор уже в 1923 г. был заменен Лозаннским договором, где о Курдистане как о политическом субъекте не было уже ни слова.

Будучи глубоко-разделенным обществом[3], Ирак (подобно Ливану, а в будущем, возможно, и Сирии) стремится стать таким конгломератным национальным государством, в котором все акторы, обладающие той или иной формой политической субъектности в рамках Ирака (сунниты, шииты, курды) решают возможные конфликты и противоречия в рамках конституционного процесса. Однако на этом фоне предметом спора между РК и Багдадом являются не только территории, но и применение и толкование определенных статей иракской конституции. Вопрос спорных территорий, в первую очередь — богатого нефтью Киркука так и не был разрешен согласно 140 статье иракской конституции 2005 г. С другой стороны, по мнению Абдуллы Заиди, главы курдского отдела национального шиитского альянса Ирака, Региональное правительство Курдистана нарушило иракскую конституцию в том ключе, что являлось *де-факто* «государством в государстве», что противоречит букве федеральной конституции.

В этой связи стоит отметить имеющиеся разночтения в определениях протогосударственности и квазигосударственности — во всяком случае, в англоязычной

[3] Курды Ирака, Сирии и отчасти Турции существуют внутри государств, которые относят к числу «глубоко разделенных обществ», что отражает глубину существующих в таком обществе межнациональных и межконфессионально-этнических противоречий. См. подробнее: [Наумкин, 2019, с. 77].

и русскоязычной литературе[4]. При СССР на определение феномена протогосударственности как последней стадии на пути формирования государства, в том числе и национального, влияла необходимость его диалектического и исторического обоснования, когда в условиях классово-ориентированной марксистской идеологии протогосударства рассматривались в качестве необходимой финальной стадии на пути поступательного становления национальных государств, их политической власти [Омельченко, 2001, с. 19]. Феномен протогосударственности («чифдом» — «вождества») был также изучен Л. С. Васильевым на примере ранних феодальных восточных обществ. Л. С. Васильев писал: «чифдом (от английского chief — вождь) — это политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью [Васильев, 1994, с. 65]. Атавизмы подобного протогосударства наблюдаются в политической системе Иракского Курдистана до сих пор, когда власть президента РК на протяжении всего существования автономии закреплена за представителями клана Барзани. В работе «Политическая антропология» Н. Н. Крадин, развивая точку зрения Л. С. Васильева, приходит к выводу об универсальности протогосударства-вождества, которую он определяет, как «управленческую революцию», когда возрастает необходимость введения организационной иерархии, формируются иерархическая система принятия решений и институты контроля, но при этом отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы[5]. Это, в частности, видится одним из факторов, повлиявших на то, что в октябре 2017 г. Региональное правительство согласилось «сдать» Киркук и иные спорные территории без боя под юрисдикцию правительства в Багдаде, несмотря на жесткое противостояние среди элит и курдистанского общества по поводу необходимости подобного шага. Тем не менее Иракский Курдистан, сохраняя во многом атавизмы протогосударства, по сути является промежуточным этапом в процессе политической интеграции от догосударственных форм к государству, т. е. указанный Л. С. Васильевым термин является *универсальным*

[4] Квазигосударство (англ: "proto-state"). Несмотря на то, что приставка «квази» означает «псевдо», в англоязычной и русскоязычной литературе существуют определенные разночтения этого термина. В силу целого ряда исторических традиций в русскоязычной литературе приставка «квази» до сих пор иногда имеет уничижительные коннотации, коренящиеся еще в традиции времен СССР, когда под термином «квазигосударство» подразумевались не имеющие как сущностного (т. е. выраженного национального), так и политического обоснования псевдогосударственные образования, искусственно создаваемые явными или мнимыми геополитическими противниками, носителями иной национальной, либо классовой идеологии (например, непризнание СССР квазигосударственности Родезии). Подобная ситуация характерна не только для СССР. Так, в турецкой научной литературе и журналистике нередко использование понятия квазигосударственности («kukla devleti», «марионеточное государство») применительно к Региону Курдистан в составе Ирака ввиду его очевидной для соседнего государства национальной суверенизации под покровительством США, угрожающей национальным интересам Турции — учитывая тот факт, что большинство курдов проживают сейчас именно в Турции. Достаточно бросить беглый взгляд на Ближний Восток и обратить внимание, что, например, с точки зрения Ирана Израиль также является квазигосударством, не отображаемым на официальных политических картах мира в Иране.

[5] К другим важным характеристикам протогосударства следует отнести феномен надлокальной централизации управления, в экономике — распределение прибавочного продукта по вертикали, что ведет к процветанию коррупции.

феноменом, известным и земледельцам, и номадам (которые дальше этого этапа и не шли), что характерно как для древних, так и для современных народов.

Разработке теории формирующегося государства большое внимание уделил голландский политантрополог Хенри Дж. М. Классен. Протогосударство определялось им как централизованная социополитическая организация для урегулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе [Claessen, 2011, p. 19]. Используя классификацию Классена, можно предположить, что Иракский Курдистан в указанный период прошел путь от «типичного», к «переходному» протогосударству, которое характеризуется преобладанием назначения на должность в административном аппарате, а родственные связи играют свою роль только на самых высших уровнях иерархии; при этом завершена кодификация законов[6], все вопросы правотворчества решаются судейским аппаратом, налогообложение превратилось в хорошо налаженную функционирующую форму и вся эта деятельность контролируется многочисленными чиновниками. Причем, многочисленными до такой степени, что в раздутый бюрократический аппарат РК, наряду с тратами на собственные вооруженные силы — пешмерга на фоне активизации борьбы с ИГИЛ (запрещена на территории РФ) привел в 2015–2017 гг. к серьезному экономическому кризису, на который наложились экономические обязательства региона по отношению к центру в Багдаде.

Одним из главных, современных признаков протогосударственности (во всяком случае, еще со времен Французской революции, внесшей на повестку дня понятие гражданского национализма) является воображаемая национальная (в данном случае «курдистанская») идентичность. В контексте воззрений покойного Б. Андерсона, любая нация сама по себе является изначально воображаемой единицей. При этом полевые исследования, проведенные курдским исследователем Махиром Азизом в Иракском Курдистане среди местных студентов показали, что 73 % опрошенных считают своей национальной идентичностью «курдистанец» или «житель Курдистана» (при этом 17 % — курд, и 1,33 % — иракский курд). При этом 70 % из опрошенных 450 респондентов в Иракском Курдистане ответили, что не испытывают привязанности к государству Ирак, притом что около 87 % в качестве «центра притяжения» и привязанности назвали Курдистан. Также 76 % респондентов в Иракском Курдистане не считают себя иракцами по своей национальной идентичности [Aziz, 2013, p. 160–172]. Здесь частным признаком такого подхода могло бы послужить присутствие в лексике бывшего президента Ирака и главы ПСК Джеляла Талабани понятия «Курдистан аль-Ирак» (досл: «Курдистан Ирака»), вместо более, казалось бы, уместного «Курдистан аль-Иракийя» («Иракский Курдистан»). О курдах Ирака уместно говорить, как о негосударствообразующей нации. Это понятие («nonstate nation») было введено в научный оборот Дж. Бертельсен в 1977 г.: подразумевавшей под ним политические субъекты, ассоциируемые с нациями-государствами, но при этом официально не признанными таковыми мировым сообществом, когда «определяющей характеристикой

[6] Между тем, говорить о завершении кодификации законов в контексте Иракского Курдистана еще рано: на данном этапе продолжается дискуссия о целесообразности принятия конституции Региона Курдистан и степени ее корреляции с конституцией Ирака (в частности, если согласно конституции Ирака источником власти в стране является ислам, то с точки зрения элит Иракского Курдистана источник власти в регионе не должен противоречить принципам ислама).

такой негосударствообразующей нации были усилия к достижению суверенитета ввиду непризнания в качестве суверенного субъекта де-факто» [Bertelsen, 1977, p. 2].

С одной стороны, с точки зрения обозначения перспектив возможного возникновения Иракского Курдистана как гипотетического независимого государства, избрание нового президента РК (с 2019 г. — Нечирван Барзани), наряду с попытками реанимировать курдский парламент и последующими возможными шагами, а именно — попытками принятия собственной конституции, продолжают оставаться знаковыми показателями того, что регион Курдистан в составе Ирака движется в сторону еще большего суверенитета. Однако мнения самих жителей РК свидетельствуют скорее об обратном: об очевидной разочарованности итогами референдума 2017 г.: несмотря на то, что за независимость высказалось более 90 % проголосовавших жителей Иракского Курдистана и прилегающих провинций, считающимися Багдадом спорными, его итогом стала не только потеря прежнего политического суверенитета, но и потеря территории в Киркуке на фоне угрозы вторжения иракской армии в октябре 2017 г., что рассматривается многими в Иракском Курдистане чрезвычайно болезненно.

Что же касается восприятия РК как квазигосударства, то оно нередко происходит через призму субъективации его фактической протогосударственности. Анализ соответствующей научной литературы позволяет нам говорить об отсутствии объективных критериев квазигосударственности. Само это понятие возникло после Первой мировой войны, когда под квазигосударствами чаще всего подразумевались вольные города (Данцинг, Триест), территориальная принадлежность которых оспаривалась несколькими странами, и обладавшие искусственно созданным суверенитетом на основе международных или иных признанных договоренностей. Позднее этот опыт экстраполировался в более широкое понимание. По мнению отечественных исследователей, квазигосударственность — тип властных отношений, возникающий при отсутствии, недостаточности бюрократического опыта функционирования государственных институтов, при патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, отсутствии общегражданской самоидентификации, неразвитости права и правого сознания, авторитарности политических отношений, преимущественно географической обусловленности существования данного политического образования. Квазигосударство имеет формы современного государства, при этом основные ориентиры его политики носят «общинный характер» [Лукичев, Скорик, 1994, с. 140]. С другой стороны, наделение современных протогосударств характеристиками мнимости (квазигосударственности), т. е. неполной легитимности, диктуется нередко угрозой собственным национальным интересам. Это наглядно видно не только из опыта стран Ближнего Востока, но и в общемировом масштабе. На определенном уровне происходит субъективация восприятия не только складывающегося де-факто протогосударственного статуса политического субъекта, но даже и его существования де-юре и де-факто.

В связи с этим в контексте Иракского Курдистана протогосударственность необходимо отличать от квазигосударственности. Протогосударство (чифдом, вождество, племенное протогосударство) — это политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным

неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая нередко сакрализованным правителем с наследственной властью, начинающая дистанцироваться от архаичных форм патримониализма (яркий пример — клан Барзани). Главной функцией этой структуры является административно-экономическая функция, отражающая объективные потребности усложняющегося общества. Структура знакома и с иными важными социальными функциями — военной, медиативной (судебно-посреднической), интегрирующей и т. п.

Сложно сказать, является ли та или иная форма преемственности власти значимой характеристикой протогосударства. Чертами квазигосударственности обладала, например, Мехабадская республика (1946 г.), созданная курдами на территории западного приграничья Ирана с Ираком, с точки зрения шахского режима (а также стран Запада, настаивавших на выводе советских войск из Ирана после Второй мировой войны, что, в конечном итоге, и привело к падению Мехабада) являвшаяся нелегитимным образованием, созданным при покровительстве СССР. Однако с точки зрения национальных элит нынешнего Региона Курдистан в составе Ирака Мехабадская республика, провозглашенная 22 января 1946 г. на северо-западе Ирана — безусловно легитимное образование, политически мотивированное всем ходом национально-освободительной борьбы курдского народа, результат реализации курдами своего права на национальное самоопределение. Так, элитами из числа членов ДПК Мехабад рассматривается как прямой политический предшественник нынешней политической власти в Иракском Курдистане, что также наделяет его особенностями протогосударства с точки зрения преемственности власти. Мехабад мог бы также служить и примером *failed state* — несостоявшегося государства. Однако, опять таки, с точки зрения национально-ориентированных элит региона Курдистан Мехабадская республика, разгромленная в декабре 1946 г. шахским режимом Ирана, никоим образом не является *failed state* в своем европейском политологическом понимании, являясь прямым источником легитимности политической власти элит Иракского Курдистана, в основном из числа близких клану Барзани. С другой стороны, представители их оппонентов из ПСК вряд ли воспринимают Мехабадскую республику как прямой источник политической власти в регионе Курдистан Ирака.

Курдская протогосударственность в Ираке как феномен реализации права на самоопределение опосредована тем, что курды являются крупнейшим в мире народом, не имеющим собственного национального государства, что находило обоснование в формировании этнически-ориентированного исторического дискурса в научной среде не только Ирака, но и других стран, в том числе СССР. Курдский историк Аббас Вали считает, что источником актуализации курдского национализма на Ближнем Востоке было отрицание курдской идентичности в странах, разделивших этнический Курдистан. Здесь следует обратить внимание на то, что несмотря на длительную историю курдских восстаний примерно до 1960-х гг. курды Ирака рассматривались в рамках существующего в Ираке общеиракского национального дискурса и как отдельный многочисленный этнос не обладали при этом политической субъектностью. Это отчетливо заметно по работе иракского автора Маджида Хаддури «Независимый Ирак», в которой в рассматриваемый период с 1932 по 1958 гг. курды отсутствуют как данность политической жизни страны. «В расовом отношении курды отличны от арабского меньшинства; в течение долгого времени они жаловались на дискриминацию

и ратовали за децентрализацию Ирака. Однако их жалобы вряд ли можно считать оправданными, особенно с точки зрения арабского населения южного Ирака — столь же бедного и слаборазвитого, как и курдское, но только еще более зависимого от поборов и притеснений центрального правительства в Багдаде» [Khaddouri, 1960, p. 60–61].

Присутствие этнического (курдского) или общеиракского исторического нарратива, представляемого скорее нарративом арабским, прослеживается в работах практически всех ученых, изучавших вопрос политического самоопределения иракских курдов. Значительная часть работ была опосредована либо политической ориентацией, либо личными предпочтениями автора. Общенациональный (иракский) нарратив присутствовал в работах иракских и иностранных авторов примерно до середины 1960-х гг., когда курды рассматривались как интегрированная часть иракского общества. Лишь незначительно число авторов видели и отчетливо идентифицировали поднимающийся курдский национализм, а сам Ирак рассматривали как арену столкновения двух основных националистических — арабского и курдского.

Первым примером крупного исторического исследования в рамках этнического дискурса является работа «Курды и история Курдистана» Мухаммада Амина Заки, видного иракского политика курдского происхождения, занимавшего различные высокие должности в Ираке с 1925 по 1936 гг. Исследование включает обширный материал истории расселения курдских племен, общей истории курдов и их этногенеза, а также затрагивает помимо прочего «тяжелый урон, который нанесли курдам разные формы притеснений, вплоть до геноцида», особенно в период Первой мировой войны, что является признаком формирования националистического (курдистанского) дискурса именно в иракской историографии — самой обширной в деле изучения курдов, как этноса, так и их истории[7]. Исследовательский нарратив курдского вопроса в Ираке самый обширный: с 1920 по 1985 гг. больше всего работ по курдской истории, литературе и другим аспектам было опубликовано именно в Ираке (2265 изданий). В СССР было опубликовано 377 работ, в то время как в Турции — 10, в Сирии —31 и 150 — в Иране. Этнический дискурс довольно ясно прослеживается в работах многих востоковедов, писавших об истории курдского национального движения (В. Жвайдех, М. С. Лазарев, Д. Адамсон, Д. А. Шмидт).

После антихашимитского переворота 1958 г. в период правления полковника Касема (1960–1963 гг.) в Ираке произошла попытка реструктуризации межэтнических отношений, при этом курдский фактор как политический субъект в иракской политике всячески подчеркивался и уважался. Однако же концепция реализации курдами своих национальных прав никак не связывалась с территориальными претензиями курдов севера Ирака, где они проживали и проживают до сих пор: территория всей страны Ирак считалась неделимой, т.е. курды не наделялись территориальной политической субъектностью. На этом фоне можно утверждать, что Иракский Курдистан де-факто

[7] Первые упоминания о курдах мы находим в арабских источниках уже в VII в. н. э., в частности, в переписке имама Али бин Аби Талиби с губернатором Басры. Такие арабские историки средневековья, как Абу Джафар Муххамед бин Джарир аль-Табари и Абу аль-Хасан Али бин Хусейн бин Али аль-Масуди, упоминают о курдах в связи с курдским восстанием в Мосуле в 840 г. Термин «Курдистан» упоминается в XII в. турками-сельджукидами как территория, являющаяся «звеном между Азербайджаном и Луристаном».

пребывал в состоянии квазигосударственности начиная с 1961 г. — т. е. с начала Сентябрьского восстания под руководством М. Барзани с целью создания курдской автономии до его фактического разгрома в 1975 г. в результате одной из самых кровопролитных войн в борьбе иракских курдов за свои права — в т. ч против насильственной арабизации курдских регионов. Начиная с 40-х гг. XX в. в Ираке присутствовала тенденция по вытеснению курдов из центральных органов управления и армии. Таким образом, к началу 70-х гг. курды представляли лишь 2 % в органах государственного управления и в армии, что опосредовалось тем, что курды ассоциировали себя более с курдской нацией, нежели с иракским государством. В период восстаний в 1960-е, 1970-е гг. и в 1991 г. многие курды дезертировали из иракской армии, чтобы примкнуть к курдскому восстанию.

Второй период курдской самостоятельности в Ираке в форме квазигосударства («Свободный Курдистан») можно определить периодом с 1991 г. (момента создания бесполетной зоны над Иракским Курдистаном) по 2006 г., когда РК согласно конституции стал частью федеративного Ирака. С 2006 г. Иракский Курдистан как федеральный субъект в рамках новой иракской конституции получил право представительства на уровне консульств достаточного большого количества государств: Турции, Ирана, Франции, России и США в Эрбиле. При этом очевидно, что представительства собственно Иракского Курдистана в этих странах лишены аналогичного консульского дипломатического статуса. Иракский Курдистан обладает другими атрибутами современной протогосударственности: собственные вооруженные силы (пешмерга), парламент, свобода во внутренней и экономической политике.

Специфика нынешнего политического процесса заключается в том, что с одной стороны, имеются признаки формирования в РК гражданского общества, в основе которого лежат западные политические ценности и практики (что выражается и в появлении т.н. «новых демократов» в лице партии «Новое поколение», которую можно назвать молодым поколением сторонников ПСК и Горран). Однако при этом политические и экономические связи в регионе по-прежнему во многом зависят от патронатно-клиентских отношений, причем, они нередко экстраполируются руководством РК и на отношения международные[8]. При этом, по мнению голландского исследователя М. Лизенберга, классовое сознание, равно как и классово-мотивированное социальное и политическое поведение в Иракском Курдистане не получило достаточного развития, несмотря на декларируемую основными партиями приверженность марксистской идеологии [Leezenberg, 2006, p. 154]. Международная позиция РК носит антагонистический характер: с одной стороны, соблюдая декларируемую территориальную целостность Ирака, РК проводит соответствующую внешнюю политику, с другой, обладает относительной свободой в принятии внешнеэкономических решений, а также в развитии иных связей (кроме военных) с другими государствами напрямую.

В первой половине 2019 г. различные политические силы Иракского Курдистана совместными усилиями возобновили работу регионального парламента,

[8] В январе 2017 г. в интервью *Washington Post* Мосуд Барзани заявил, что надеется на изменения во внешней политике США во время президентства Трампа, добавив, что многие официальные лица в новой администрации либо являются его личными друзьями, либо хорошо знакомы с ним и с Регионом Курдистан. См.: URL: www.rudaw.net/english/interview/20012017 (дата обращения 24.11.2019).

расположенного в Эрбиле. Успешность этого начинания (не лишним будет напомнить, что работа парламента в Эрбиле была по сути парализована противоречиями между ведущими политическими партиями Иракского Курдистана — ДПК и ПСК) может стать очевидным стимулом дальнейшего формирования государственности в Иракском Курдистане.

Общеполитический консенсус заключается в том, что в международной практике Регион Курдистан признается частью Ирака, но при этом с точки зрения националистически настроенных курдских элит и простых граждан региона Курдистан их родина неумолимо движется к полной политической независимости, что является субъективным чаянием элит и народа Иракского Курдистана. Современное конгломератное государство, которым по сути является Ирак после свержения С. Хусейна, есть полиэтнический и поликонфессиональный миф, объективированный в общих знаковых системах для этносов, субэтносов и конфессиональных групп, населяющих данную территорию: таких, как денежная единица, флаг, знаковая иерархия структур органов власти. В контексте Региона Курдистан говорить об общем информационном пространстве на основе единства политической культуры и общего языка пока не приходится. С момента своего создания Ирак принадлежал к числу т. н. «глубоко разделенных государств», когда раздел проходил и проходит по различным этническим, конфессиональным и политическим маркерам, что же касается курдов, то в течение всего периода, начиная с 1961 г. (Сентябрьского восстания курдов под руководством М. Барзани) и по сей день в единственном федеральном субъекте Ирака, Иракском Курдистане, присутствует определенное разночтение таких понятий, как общность языка, единство политической культуры, вплоть до различий в трактовках источника права на территории государства[9].

С высокой долей уверенности можно утверждать, что в случае дальнейшей суверенизации Региона Курдистан в составе Ирака возникнут серьезные коннотационные разночтения в определении легитимности подобного политического образования под названием «Курдистан», «Южный Курдистан» или «Иракский Курдистан». В первую очередь, это касается позиции Турции и Ирана и, естественно, Багдада. Любая попытка полной суверенизации государственного образования под названием «Курдистан» или «Южный Курдистан» на территории нынешнего региона Курдистан в составе Ирака будет всячески пресекаться со стороны Турции. Суверенизация региона Курдистан в Ираке чрезвычайно болезненна для, скажем, «атавистических» национальных интересов Турции[10]. С другой стороны, благодаря политике Англии после Первой мировой войны, и гораздо позже — благодаря посредничеству СССР в деле создания курдской автономии в начале 1970-х гг. и созданию бесполетной зоны на севере Ирака коалицией во главе с США в начале

[9] Согласно конституции Ирака, источником права является ислам. Этот постулат входит в противоречие с нормами и традициями Иракского Курдистана, с его полиэтничностью и многоконфессиональным составом населения.

[10] Мосульский вилайет был включен в «Национальный обет» («Misaki-Milli») 1921 г., который *afait compli* положил в основу создания новой турецкой нации. Подписанный в 1926 г. договор, фиксировавший отторжение от Турции богатого нефтью Мосульского региона ввиду наличия там собственно курдских национальных интересов, инспирированных во многом Великобританией с целью достижения целей своей международной политики на Ближнем Востоке, считается одним из серьезных дипломатических поражений Турции.

1990-х гг., собственно, и возникло де-факто протогосударственное политическое образование, во многом с точки зрения курдов, живущих как в этническом Курдистане, так и за его пределами, воплощающее идею и мечту о создании курдского национального государства.

На наш взгляд, в настоящее время Регион Курдистан (Ирак) не является квазигосударством. С момента фиксирования в иракской конституции его политического статуса как федеративного субъекта, а затем — после референдума о самоопределении 2017 г., были закреплены черты протогосударственности РК. Признание легитимности и правомочности итогов народного волеизъявления самим народом являются признаком формирования протогосударственности еще со времен античных полисов. С другой стороны, отсутствие потенциала для единства вокруг центральной власти является одной из ахиллесовых пят такой протогосударственности. Децентрализация до сих пор сохраняет притягательную для курдских политических элит клановость, в которых еще не изжиты и зачастую реализуются многие трайбалистские атавизмы, во многом в качестве реакции на внутрииракские конфликтные ситуации и внешние вызовы.

Литература / References

Васильев Л. С. *История Востока*. Т. 1. М., 1994 [Vasiliev L. S. *History of the Orient*. Vol. 1. Moscow, 1994 (in Russian)].

Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 5 [Lukichev P. N., Skorik A. P. Quasi-statehood // *Polis. Political Research*. 1994. 5 (in Russian)].

Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 76–87 [Naumkin V. V. The Kurdish Puzzle of the Middle East (Using Iraq as an Example) // *World Economy and International Relations*. 2019. 63.5 (in Russian)].

Омельченко О. А. *Всеобщая история государства и права*. Т. 1. М., 2000 [Omelchenko O. A. *The History of State and Law*. Vol. 1. Moscow, 2000 (in Russian)].

Annual Report: IDPs and Refugees in Dohuk Governorate. Dohuk, 2018.

Aziz Mahir A. *Irak Kürtleri. Irak Kürdistani'nda Milliyetçilik ve Ulusal Kimlik*. İstanbul, 2013 (in Turkish).

Bertelsen J. (ed.). *Non-State Nations in International Politics*. New York, 1977.

Claessen H. J. M. On Chiefs and Chiefdoms // *Social Evolution and History*. 2011. 10.1. Pp. 5–26.

Khaddouri M. *İndependent Iraq, 1932–1958: A Study in Iraq Politics*. London, 1960.

Leezenberg M. Urbanization, Privatization and Patronage: The Political Economy of Iraqi Kurdistan // *The Kurds: Nationalism and Politics*. London, 2006. Pp. 151–179.

Электронные ресурсы / Electronic sources

President Barzani: Kurdistan, Iraq can be good neighbors despite failed partnership // *Washington Post*. 20.01.2017. URL: www.rudaw.net/english/interview/20012017 (дата обращения 24.11.2019).

Weymouth L. Kurdish president: Independent Kurdistan is 'neither a rumor nor a dream' // *Washington Post*. 19.01.2017. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/ kurdish-president-independent-kurdistan-is-neither-a-rumor-nor-a-dream/ 2017/01/19/0a832f62-ddbb-11e6-acdf-14da832ae861_story.html (дата обращения 24.11.2019).

СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМАТА ОБОЛОЧКИ «ЛЕКСИКОТРОНИКА» ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЯПОНСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ. ЧАСТЬ III

К. И. Демич, А. В. Костыркин*

Заключительная часть исследования, начатого в предыдущих номерах «Вестника Института востоковедения РАН», затрагивает основные теоретические вопросы применения новых техник лексикографирования к решению проблем, рассмотренных ранее. Благодаря системному обращению к медио-уровню электронного словаря, их реализация при разработке файлового формата словарной оболочки «Лексикотроника» развивает идею «словарных проекций». В основе альтернативного псевдолексического описания лежит использование адаптированного «братиславского» подхода, позволяющего при конфронтативном сравнении нейтрализовать эффект обратной межъязыковой интерференции. Традиционное гнездование в электронном словаре может быть заменено глубоко структурированным каскадом межстатейных цитат с опорой на набор соответствующих эвристик. Выстраивая типологию гибридных моделей больших словарей общей лексики, Рей и Делесаль заключают, что нормативный словарь такого класса возможен только с известной уступкой историчности. Отталкиваясь от анализа словаря исторического типа, авторы академического 17-томника русского языка приходят к аналогичному выводу, что такой тип неизбежно требует обращения к полевой модели языка с нормативным ядром. Новые архивные данные, уточняющие критерии формирования словника «Японско-русского словаря» 1984 г., подтверждают его надежность в качестве такого ядра при составлении расширенной версии в электронном формате.

Ключевые слова: теория лексикографии, электронные словари, гипертекст, гнездование, эргономика, когнитивные карты, контрастивная лингвистика.

OLD CHALLENGES AND NEW SOLUTIONS IN DIGITAL ENVIRONMENT: THE POTENTIAL OF “LEXICOTRONICA” JAPANESE DICTIONARY SHELL APPLICATION’S FILE FORMAT. PART III

Kyrill I. Demich, Alexander V. Kostyrkin

* Кирилл Игоревич ДЕМИЧ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cyrlc@yandex.ru

Kyrill I. DEMICH, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; cyrlc@yandex.ru

Александр Вячеславович КОСТЫРКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kost@ivran.ru

Alexander V. KOSTYRKIN, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kost@ivran.ru

The final part of the paper elaborates on theory and suggests as a solution to the previously discussed challenges novel lexicographic techniques. Their implementation in the dictionary shell application Lexicotronica and its file format may be regarded as “vocabulary projections” or “perspectives”. The more advanced solutions connect with opportunity to employ the medio-level of dictionary, which emerged in the digital environment allowing for systematic study of its structures. The pseudolexical sketch techniques access this level as an alternative entry outline. Based on adapted Bratislava School position and contrastive bilingual approach the technique gives an advantage of avoiding interference errors. In electronic dictionary the traditional nesting could be superseded by cascade of entry quotations. The study investigates into historical and prescriptive dictionary hybridization and proposes a digital core–periphery type of the hybrids discussed by Rey and Delesalle in connection with typology of “dictionnaire culturel”. Another type using a prototype of core–periphery language model was the 17-volume Dictionary of Modern Standard Russian. Archive documents clarify some unknown details of making the Japanese-Russian dictionary by B. P. Lavrentiev proving its choice as a reliable normative core for peripheral expansion of an electronic hybrid model.

Keywords: theory of lexicography, electronic dictionaries, hypertext, nesting, user studies, cognitive maps, contrastive linguistics.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

Опыт наполнения словарной составляющей комплекса РАМЕЯ [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2010, с. 127; Демич и др., 2011, с. 16], в рамках работ над которым осуществлялся перевод в электронный формат словаря Н. И. Фельдман-Конрад [Фельдман-Конрад, 1977] и Японско-русского словаря (ЯРС) [Лаврентьев и др., 1984] при участии его редактора Б. П. Лаврентьева в Отделе языков Института востоковедения РАН, потребовал содержательной и формальной доработки словарного материала. Результатом этих работ стал электронный японско-русский словарь ЭЛЕЯРС [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2010, с. 125–127]. В качестве программного обеспечения этих работ была спроектирована и реализована редакторская система *DStudio* [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2010, с. 127; Демич и др., 2011; Демич, Костыркин, 2009], автоматизированная лексикографическая рабочая станция, устроенная по принципу среды, в которую интегрированы специальные приложения (Computer-Aided Dictionary Compilation Tools). В этой программной среде можно выделить определенный набор компонентов — комплекс инструментов и приложений, непосредственно связанных с составлением, редактированием и рецензированием статей, прежде всего, благодаря совокупности экранных представлений, позволяющих автору работать с материалом в разных режимах, в том числе в составительском и в режиме читателя. Часть комплекса, относящаяся к работе в читательском режиме, послужила прототипом самостоятельного приложения — многооконной пользовательской словарной оболочки «Лексикотроника», ориентированной на работу с японской лексикой в режиме гипертекста с учетом сложной природы графического японского слова.

Эксперименты по созданию и последующее тестирование нескольких пробных версий пользовательской оболочки для работы с ЭЛЕЯРС и работа с редакторской системой над пополнением словарной базы не только лишний раз показали, что электронный словарь может и должен строиться на собственных принципах, отличных от принятых в бумажной традиции, но и позволили на практике апробировать некоторые из них. Прежде всего, здесь нужно назвать идею словарных проекций в

широком смысле. В первом приближении — это разделение редакторских и читательских представлений в качестве способа «изощренной» визуализации традиционно организованного материала, что наиболее созвучно пониманию словарных проекций у Нагао, Андрющенко и Селегея [Nagao et al, 1980; Андрющенко, 1988; Селегей, 2002], и в некоторой мере гибридной концепции *адаптируемо-адаптирующегося* гипертекстового словаря, ориентированного на *интегральный* и *комплексный* подход при активном овладении языком [Gamper, Knapp, 2000]. В этом смысле практическое воплощение идеи проекций предполагает, что множественные версии визуализации данных, отвечающие разным читательским запросам, реализованы как совокупность компонентов, которые, с одной стороны, интегрированы в лексикографическую среду рабочей станции, с другой — разрабатываются в качестве самостоятельного пользовательского приложения, обладающего не совсем стандартным, но близким к этому набором функций электронной словарной оболочки.

В рамках полноценного подхода к достоверности выявления и фиксации осложненных лингвистических фактов, развитие методов, сходных с идей проекций, прежде всего потребовало уточнения универсального смысла и соотношения таких базовых словарных категорий, как *лемма, лексема, заголовочное, словарное* и *реестровое слово* в терминах словарных структур и применительно к нуждам составления японского словаря [Демич, Костыркин, 2018а; 2018б]. На базе чего стало возможно не только практическое, но теоретически осмысленное ведение дополнительных разработок, в данном случае предназначенных для новых редакций словаря ЭЛЕЯРС в формате «Лексикотроники» и реализованных на базе уже имеющейся лексикографической среды *DStudio* в качестве более сложного комплекса эргономических решений с привлечением соответствующих лексикографически ориентированных эвристик. Ниже мы подробно рассмотрим, преимущественно с теоретической точки зрения и их лексикографического потенциала, два основных решения: метод *каскадного межстатейного цитирования* и прием организации *псевдолексических зон.* Первая техника лексикографирования сближается с концепцией «тянущегося текста» (*StretchText*). Обе они имеют свои предпосылки, базовые условия и задачи разной степени очередности, часть из них нужно предварительно кратко оговорить.

Такие решения эргономически возможны лишь при использовании словарных оболочек, в которых реализована функция многооконного пользовательского интерфейса. В качестве одного из первых удачных образцов такого интерфейса можно назвать систему *Lingvo* компании *Abbyy* [Рылова, 2011]. Одной из пионерских находок этой системы стало создание экранного представления словарных данных с помощью набора окон, имитирующих словарные карточки, разложенные на рабочем столе в определенной лексикографически значимой конфигурации. Каждой статье в экранном представлении отводится собственное окно, или в терминах использованной в *Lingvo* визуальной метафоры, — карточка данной статьи. Такой интерфейс содержит в себе не до конца реализованные потенции. Например, при отображении глубоко структурированного каскада цитат, позволяя одновременно вывести все ступени каскада, он дает инструментальную возможность использовать подходы так называемого концептуального картографирования и других близкородственных (семантические сети, диаграммы связи и т. д.) [Tolman, 1948; Milner, 1960].

Кроме того, как в случае каскадного цитирования, так и в случае псевдолексической разработки отдельных семантических аспектов слова, соответствующая этому организация материала в расширенной версии ЭЛЕЯРС становится возможной, благодаря тому что помимо задания гипертекстовой структуры словаря, в вычислительной среде может быть установлен и правильный порядок чтения фрагментов такого «вырожденного гипертекста» [Субботин, 1994, с. 50]. Параллельность текстов, составляющая существо гипертекста, сама по себе прямо не связана с электронными носителями и давно существует в среде бумажной, но именно вычислительные средства дают составителю словаря возможность задать однозначное (*некоммутативное*) соотношение между «параллельными» фрагментами.

Как уже говорилось, кроме очевидной для всякой лексикографии задачи раскрытия значения описываемой единицы, при традиционном бумажном подходе она осложнялась дополнительными типографскими ограничениями, связанными с необходимостью экономии бумаги и сокращения физических габаритов издания. Эта трудность осмыслялась как самостоятельная в теоретических работах и практических руководствах по составлению словарей и диктовала определенные теоретические и практические решения. Они сводились, во-первых, к определению принципиальной релевантности той или иной информации данному изданию. Во-вторых, эта информация рассматривалась в рамках словаря как уникальная и включалась в него однократно (ее дублирование воспринималось как дефект), соответственно остро стояла задача выбора наиболее подходящего места ее расположения (ср., например, проблему выбора опорного слова в японских фразеологизмах [Фельдман-Конрад, 1970, с. 70]). В электронном словаре эти проблемы получают новое переосмысление в связи с необходимостью экономить внимание читателя. Обе заявленные техники позволяют эффективно решать разными способами и этот комплекс задач и их осложненных следствий, хотя имеют и другие, не менее важные, лексикографические функции.

Наконец, нужно оговорится, что при подготовке к печати отечественных японских словарей в том же ключе — с точки зрения оптимизации[2] — ставилась даже задача выбора представления японского текста и прежде всего заголовочных единиц (национальная графика, *ёмигана*, *ромадзи*) [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2010]. Однако в данном случае такой подход вообще неприменим, поскольку каждый из способов записи имеет собственное назначение, в частности в рамках словаря способствует полноценному раскрытию того или иного аспекта описываемой единицы [Демич, Костыркин, 2018а; 2018б]. В словарном формате «Лексикотроники» запись в транскрипции *ромадзи* в соответствующей зоне фонетической справки сообщает читателю орфоэпические сведения. Для обеспечения функции безошибочного доступа к словарному материалу и идентификации лексики при задании внутреннего адресного пространства, что является важнейшим условием работы с электронным словарем в гипертекстовом режиме, используется система *орфопар* [Демич, Костыркин, 2018а; Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 23–24]. Варианты записи декоративного

[2] Вопрос затрагивается в «Инструкции по составлению однотомного «Японско-русского словаря» (ЯРС) Л. А. Немзера, Н. И. Фельдман и Н. А. Сыромятникова под редакцией Н. И. Фельдман», составленной, предположительно, в ходе работ над 4-м изданием Японско-русского словаря, см. [Лаврентьев и др., 1984] (неопубликованный документ из личного архива Н. А. Сыромятникова хранится в Отделе языков Института востоковедения РАН, см. описание в [Демич и др., 2011, с. 17–18]).

заголовка национальной графикой, в том числе слоговой азбукой, расположенные в определенном порядке, дают сведения об орфографических вариантах заголовочного слова разной степени каноничности.

Метод каскадного цитирования

Когда с развитием электронных средств хранения и обработки информации отпала проблема экономии бумаги, со всей остротой встала проблема экономии внимания и времени читателя. Оказалось, что для экономии внимания не обязательно сокращать текст статьи или объем словаря. Одним из решений может быть «порционная» подача информации. В этом направлении, в частности, развивается концепция «тянущегося текста» [Landow, 2006, с. 93], в котором отдельные части могут по выбору пользователя заменяться на текст с более детализированным содержанием. Близок к этому подход, при котором масштабируемые фрагменты предъявляются читателю постепенно, а соответственно при таком подходе релевантность информации определяется не в отношении к словарю в целом, как прежде, а лишь относительно каждого «кванта» ее представления, ее порции. Задание оптимальных значений параметров такого кванта при глубоком структурировании гипертекстовой навигации в электронном словаре, видимо, может ориентироваться на эвристику «закона Миллера» в его филологической интерпретации, когда «число смысловых группировок единиц языка» приближается к значению 7±2 [Денисов, 1988, с. 16, 19].

Разница между составительским и читательским представлением может обеспечивать не только экономию труда составителя, но и надежную унификацию лексикографических данных, в том числе, как следствие, системное единство при подаче информации, поскольку конкретные данные регистрируются в словаре один раз, но на уровне читательских представлений они могут отображаться неоднократно в соответствии с контекстом, с решаемой задачей раскрытия содержания данной порции информации. Особого подхода с этой точки зрения требуют явления, находящееся на границе микро-уровня статьи. Здесь традиционные проблемы могут получить новое переосмысление. В частности, такой традиционный прием, как гнездование, может эффективно использоваться не только и не сколько как способ инвентаризации и поиска материала, осуществляемый ныне собственными средствами электронной среды, но, прежде всего, как метод семантизации [Тихонов и др., 2001], содержательно обслуживая как задачи классификации на медио-уровне словаря, так и косвенной семантизации описываемой единицы на микро-уровне. Вместо того чтобы искать единственное подходящее место для размещения определенной информации, составитель в расчете на ее отображение с помощью *каскадного межстатейного цитирования* может указать все места, где такая информация релевантна, не дублируя ее [Demich, Kostyrkin, 2009; Демич, Костыркин, Шаляпина, 2010; Демич и др., 2011]. Организованное с учетом оптимального числа производных загнездованных единиц гнездо становится дополнительным средством раскрытия семантики «родительского», заголовочного слова.

Предлагаемый метод основан на принципе построения глубоко структурированного каскада при подаче иллюстративного материала, в качестве которого используются цитаты из других статей того же словаря. Суть метода в создании серии приближений, отличающихся степенью детализации цитат на каждой

ступени каскада, когда в первом приближении иллюстрация дается в наиболее обобщенном виде, а затем с помощью переходов по межстатейным ссылкам контекстно детализируется и конкретизируется. При таком каскадном цитировании статья, в которой приводится цитата, рассматривается как родительская по отношению к той, из которой берется цитата. Последняя, в свою очередь, мыслится дочерней по отношению к цитирующей статье. Если цитирование корректно, оно вскрывает фактически существующие в языке отношения наследования между исходными и производными языковыми единицами [Шаляпина, 2007, с. 241–243]. На практике этот метод особо эффективен в работе с материалом, плохо поддающимся обработке методами бумажной лексикографии. Это прежде всего традиционно трудноразрешимые вышеназванные проблемы, связанные с организацией словарных гнезд, описанием фразеологизмов и многосложных единиц, с подачей иллюстративного материала в целом.

Псевдолексическое описание как словарная проекция

Самостоятельные читательские представления, возможные благодаря поддержке ЭВМ, которые обеспечивают независимый от составителя доступ читателя к содержимому словаря, могут быть рассмотрены и с обратной стороны — как симметричная возможность независимого от читателя доступа составителя к тому же словарному материалу. Составитель бумажного словаря вынужден был отказываться от того, что затрудняло бы читательское восприятие, и использовал одно средство для решения двух задач — составительской и читательской; в результате инструмент лексикографа значительно терял в своих эвристических и исследовательских возможностях. Будучи не обремененным ограничениями на количество одновременно предъявляемого материала и не привязанным жестко к определенному структурному уровню словаря (читателя интересует в первую очередь справочная информация микро-уровня), составительский способ доступа к содержимому электронного словаря предоставляет автору не только дополнительные степени свободны в обращении с материалом, но и удобный инструментарий, обеспечивающий большую достоверность, полноту и связность описания (ср. [Шведова, 1988, с. 10–11]).

В частности, составитель получает возможность согласованно и непротиворечиво использовать, преимущественно оставаясь в рамках методов общей лексикографии или не слишком выходя за них, приемы обращения с материалом и способы его интерпретации, разработанные в таких лингвистических направлениях, как контрастивная и конфронтативная лингвистика, как правило требующих специфических лексикографических подходов [Денисов, 1993, с. 6–7], ориентируясь в конечном счете на разные способы предъявления материала читателю, в которых устраняется конфликт между классическим — пражским — и братиславским подходами, благодаря чему появляется возможность использовать последний не только как средство оптимизации словарного описания, но и как способ исследования и выявления фактов языка. Например, для решения такого рода задач могут использоваться особые структурные образования в рамках словаря — *псевдолексические* зоны. Лексикографический прием, основанный на организации псевдолексических зон, направлен на полноценное использование дополнительных эргономических возможностей электронной среды. Он опирается на эвристику, смысл которой

заключается в группировке иллюстративного материала в отдельных случаях не вокруг нумерованного значения классическим способом, а вокруг переводного эквивалента, принимаемого за «единицу перевода». Последний термин взят из переводоведения [Бархударов, 1969; Рецкер, 2007, с. 27] и вслед за Андрющенко [Андрющенко, 1988, с. 214], рассматривается в контексте структурной параметризации словарных данных Ю. Н. Караулова [Караулов, 1981, с. 52, 54, 345], исходя из понимания единицы перевода как структурной единицы на границе микро- и медио-уровней словаря. В этом его отличие от «переводного значения» Исаченко, целиком остающегося в границах микро-структуры.

Такое *псевдолексическое* описание в соответствующей, первоначально скрытой от читателя, зоне статьи, направленное на детализированную проработку отдельных проявлений семантики заголовочного слова в дополнение к классической части словарной фиксации материала, представляет собой лексикографическую условность. Лексема как основной объект лексикографирования ни в полном, ни в ограниченном номинативном значении не выступает центральным объектом такого описания [Демич, Костыркин, 2018а; 2018б]. Перед ним не ставится задача выявления значений заголовочного слова как полноценной лексической единицы, а только задача конфронтативного сравнения языковой пары с точки зрения параллелизма эксплицируемых на уровне текстовых слов отдельных лингвокультурных концептов, способов репрезентации концептуальных смыслов, или других подобных эмпирических фактов языка. Для решения этой задачи устанавливается частичное соответствие между единицей перевода и некоторым неполноценным набором аспектов заголовочного слова, организованным вокруг какого-либо общего вспомогательного признака как совокупность, обладающая определенным единством по этому признаку и доступная для совокупного описания.

С помощью такого описания возможно рассмотрение явлений, затрагивающих классный уровень обоих языков [Денисов, 1993, с. 7, 133, 135, 144, 201, 217], т. е. либо прямо относящихся к медио-уровню словаря, либо приближающихся к нему, и, соответственно, описание которых затруднено в рамках микро-уровня классической части статьи, при том что их специфика и особенности нюансировки требуют использования словарных средств, относящихся именно к микро-уровню словаря, иначе говоря, когда требуемый способ описания объектов медио-уровня со степенью детализации, свойственной микро-уровню, находясь на грани традиционных, классических способов подачи материала, вступает в конфликт с принципами структурирования и организации классической части статьи и предполагает расширение ее семантизирующей схемы.

Эргономическая составляющая решения в том, что для разработки этих специфических явлений в статье отводятся особые *псевдолексические зоны* (см. примеры под треугольником в [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 90, 99–102, 127, 132, 140–142]), которые в связи с детализированной спецификой рассмотрения схожим образом воспроизводят микро-структуру обычных полноценных статей, но при этом таковыми не являются, а выполняют лишь вспомогательную роль. Читательские представления таких зон, размеченных в формате словарной оболочки «Лексикотроника», в соответствии с особенностями ее графического интерфейса, выводятся на экран по дополнительному запросу в виде самостоятельных словарных карточек, содержание

которых формально представлено в виде отдельной словарной статьи с собственным заголовком и др. возможными атрибутами. Для предотвращения ложной идентификации таких *псевдостатей* разработчиками предусмотрены определенные средства, условные лексикографические символы (значок треугольника, см. [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 90–142]), сигнализирующие, что их заголовки выполняют только декоративную функцию, отсылая к полноценной версии того же заголовочного слова, а не прямо к словарному или реестровому слову, как элементу макро-структуры [Демич, Костыркин, 2018a]. На макро-уровне они рассматриваются как фиктивные и не индексируются как самостоятельные единицы словника вместе с остальными словарными словами и недоступны по регулярному читательскому запросу. Таким образом, читателю представляется некоторая порция словарного описания в виде вокабулы фиктивной единицы, доступ к которой он получает только при переходе по определенной ссылке из классической части статьи, сам контекст ссылки дополнительно предупреждает о вспомогательном, несамостоятельном статусе предлагаемой вокабулы.

Такие псевдолексические описания представляют собой по сути альтернативные лексикографические проекции, которые закладываются уже при филиации в классической части статьи. Семантическая дискретизация классической части проводится с учетом того, что лакуны в семантизирующей схеме будут закрыты альтернативными проекциями. Такой способ семантизации по сути является парадоксальным и гибким удовлетворением требования лексикологической классификации и своеобразным подходом к «комплексному» и «интегральному» портрету слова одновременно. Вместо одной строгой и окончательной в идеале схемы используются две взаимодополнительных и пересекающихся: ведущая схема — классифицирующая, направленная на задание строгой и универсальной структуры значений, проиллюстрированных подтверждающими примерами [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 91–99, 136–140], но заведомо лакунарная, в плане способности корректно и однозначно классифицировать любое осложненное контекстное вхождение заголовочного слова — дополняется множественными альтернативными нестрогими, неклассифицирующими проекциями [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 99–102, 140–142], позволяющими корректно фиксировать более сложный и неоднозначный, но лексикографически значимый эмпирический материал.

Последнее свойство связано с тем, что альтернативная проекция строится на группировке собранных вокруг единицы перевода, взятого в этом качестве переводного эквивалента (или его аналога [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 132]), в дополнительные пучки иллюстраций и речений на основе принципа косвенной семантизации. Такие пучки создаются частично из тех же компонентов, что и классическая часть, но в конфигурации, способной противоречить классической части. Для согласования этого противоречия внутри проекции используется двойная, неиерархическая система нумерации: одни номера группируют пучки, а вторые отсылают к номерам значений в классической схеме по принципу многие-ко-многим: один пучок может содержать отсылки к нескольким значениями, а разные пучки — отсылки к одному и тому же значению [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 101–102]. Тем самым, с помощью выстраивания неоднозначных, но корректных семантических связей устраняется как деформирующие влияние классической схемы на

альтернативную, так и деформация самой классической схемы, обусловленная в первую очередь явлениями семантической диффузии, за счет вынесения проблемного материала, обладающего в этом смысле слабой иллюстрирующей способностью, в альтернативную часть статьи. При этом дополнительное решение находит и не снимаемая автоматически в электронной среде проблема затрудненной классификации такого диффузного материала, когда некорректным было бы не только размещение его под единственной цифрой, но и под несколькими, поскольку то, что в бумажном словаре нарушало бы принцип экономии места, в электронном — экономия внимания при чтении классической части статьи.

Неотъемлемой составляющей и предпосылкой используемой эвристики является то, что группируемые альтернативным способом примеры понимаются не как подтверждающие иллюстрации, а как первичная эмпирическая данность, при определенных условиях допускающая множественные сложные и неоднозначные способы классификации. В силу того что в альтернативной проекции группируются не лексико-семантические варианты Денисова [Денисов, 1993, с. 58, 62], как при классической филиации нумерованных значений, а непосредственно эмпирические слова в соответствии с эксплицируемым контекстным значением заголовочного слова, данная эвристика как модернизированная версия братиславского подхода разрешает противоречие пражского и братиславского принципов структурирования словарной статьи, вызванного в конечном счете одноуровневым конфликтом противоположных принципов классификации и группировки эмпирического материала только на одном уровне лексико-семантических вариантов, что могло осуществляться лишь одним способом в рамках традиционно единой иерархической системы нумерованных значений и подзначений.

Сопоставление в режиме обратной связи разноуровневых группировок — на основе адаптированного братиславского подхода и вокруг классической «пражской» структуры значений — до некоторой степени снимает проблему типологического выбора между активным и пассивным словарем, в том смысле, в котором эти два противопоставления оказываются связаны [Ривелис, 2007, с. 137, 188, 255], поскольку способно смоделировать с помощью читательских представлений ситуацию ограниченного билингвизма в пределах выявляемых смысловых параллелей языковой пары. На работу в таком режиме сопоставления ориентирована заложенная в интерфейс «Лексикотроники» раздельная визуализация основной и дополнительных проекций статьи. Они выводятся на экран как содержание разных окон. Учитывая, что альтернативные псевдолексические проекции не претендуют на независимое описание полноценной лексической единицы, хотя их визуализация вынесена в самостоятельное экранное представление — словарную карточку, ее декоративный заголовок является лишь мнемоническим средством, вспомогательным элементом медио-уровня, напоминающим читателю, с контекстными вхождениями какого заголовочного и словарного слова он имеет дело в левой части такой карточки. В сочетании с другими условиями, двойной системой нумерации, содержащей в себе обратные отсылки к классической структуре значений и не конфликтующей с ней, и альтернативным принципом группировки материала, это ограничение при сличении читателем карточки альтернативной проекции с основной карточкой классической версии статьи того же заголовка должно сводить к минимуму возможное «воздействие выхода на вход»,

как правило неизбежное при попытках использовать пражско-братиславский гибрид разной степени эклектичности прямо в пределах одной и той же микро-структуры [Ривелис, 2007, с. 132]. У таких традиционных эклектических гибридизаций есть и другой существенный дефект. При классической филиации в двуязычной статье переводные эквиваленты не имеют регулярного структурообразующего значения, что сильно затрудняет межъязыковые сопоставления в масштабе всей статьи, возможные средства сопоставительной лингвистики здесь ограничены методами *одностороннего контрастивизма*. При организации альтернативной проекции вокруг эквивалента как *переводной единицы* становится возможным фронтальное сравнение языковой пары, отталкиваясь от которого в более широких конфронтативных рамках удается внятно отличать случаи контекстуального, связанного употребления переводных эквивалентов от использования их в контексте смыслового, концептуального межъязыкового параллелизма. Одним из важных результатов такого конфронтативного сравнения проекций в режиме обратной связи, поддерживаемой на уровне контекстных значений заголовочного слова, должна стать нейтрализация возможной обратной интерференции, зачастую вызываемой при классической разработке значений скрытой межъязыковой конфронтативной полисемией.

Обе эвристики, задействованные в методе каскадного цитирования и при организации псевдолексических проекций, функционально взаимодополнительны. Глубоко структурированный каскад цитат может быть использован для разгрузки псевдолексического описания. Каждая из эвристик представляет собой одно из непрямых решений проблемы, связанной с требованием строгой классификации, предлагая как практические приемы, так и теоретические основания для множественной и нестрогой фасетной классификации [Шаляпина, 2007, с. 92; Дмитриев, 2015]. Обе эвристики в разной степени предполагают взгляд на иллюстративно-цитатный материал не только и не столько как на подтверждающие иллюстрации, но, прежде всего, как на первичную эмпирическую реальность «речевой деятельности», объективированной в «языковом материале» [Щерба, 1958, с. 74; Мошкович, 1989, с. 5]. Развитие таких методов лексикографирования тем более актуально, что роль и значение иллюстративного материала в словаре пока еще не получили детальной проработки и должного теоретического осмысления [Денисов, 1993, с. 238].

Электронная гибридизация нормативного и исторического типов словаря

Типологические соображения Рея и Делесаль относительно роли гибридных словарных моделей, снимающих противоречия между историческим и нормативным словарем как идеальными типами Щербы, могут получить дальнейшее развитие в вычислительной среде, где возможна детальная структурная разработка языковых явлений классного уровня. Слабая теоретическая проработанность этих явлений с точки зрения возможностей электронного формата, часто воспроизводившего типографские стереотипы, вела к соответствующим лексикографическим парадоксам, например, парадоксам Шведовой, когда описание языковых классов не находило своего места на соответствующем структурном уровне словаря. С середины 1970-х гг. в теоретической лексикографии в ряду микро- и макро-структур в словаре начинают выделяться медио-структуры [Бальвег-Шрамм, Шумахер, 1983; Агрикола, 1984; Дубичинский, 1989, с. 34–

40; Svensen, 1993, c. 210, 223; Hartmann, James, 1998, c. 32, 91, 94], отражающие межстатейные отношения с точки зрения определенной лексикологической классификации. В электронном словаре такие отношения получают возможность оформления не только в качестве отдельного медио-уровня, но и уровня сложно структурированного, исходя из принципа пересекающихся нечетких множеств, что пока еще привлекает недостаточный практический интерес современной электронной лексикографии, в том числе и как средство разрешения некоторых из названных парадоксов.

Анализируя большие словари общей лексики и выстраивая типологию их гибридных моделей, Рей и Делесаль приходят к выводу, что нормативный словарь такого класса возможен только с известной уступкой историчности. Аналогичным образом, предлагая собственную версию такой гибридизации, авторы 17-томника русского языка, делают еще одно не менее важное наблюдение. Поскольку этот словарь не имел самостоятельно структурированного медио-уровня, включение в него элементов историзма проявлялось либо эпизодически в составе самих статей, либо такие исторические сведения, как данные о ранних фиксациях слов, примеры «первого употребления», этимологические справки и т.д., были представлены главным образом в дополнительных справочных отделах. Нередко критически оценивая результативность такого половинчатого решения, авторы приходят к принципиальному выводу, что «сколько-нибудь последовательное проведение принципов исторического описания», представляющего «движение лексики на протяжении любого исторического периода», неизбежно требует обращения к своеобразной полевой модели языка с нормативным ядром и периферией [Инструкция, 1958, с. 16], поскольку в этом случае «место отбора нормальных фактов словоупотребления занимает широкое вовлечение элементов, входящих в лексическую систему, двигающихся от периферии к центру ее и отчасти видоизменяющих или нарушающих системные отношения» [Инструкция, 1958, с. 6–7].

В полиграфическом издании использование двух «разнонаправленных принципов», исторического и нормативного, требующих однозначного выбора диахронического или статического синхронного подхода, приводило к «противоречиям в отборе слов и других языковых фактов, подлежащих анализу, в нормативных характеристиках, в описании отношений между значениями и т. п.» [Инструкция, 1958, с. 17], поскольку в бумажных словарях выход на медио-уровень, соответствующий классным явлениям, происходил, как правило, лишь в рамках справочного раздела, и не устанавливалось более сложных внутренних взаимосвязей, чем просто система межстатейных отсылок (ссылочных указаний). В электронной среде впервые появляется возможность практической работы с медио-структурами словаря как с полноценной полевой структурой, требуемой для такого рода гибридизаций, где неравноправные отношения между единицами словника или отдельными значениями заголовочных слов, могут быть интерпретированы на медио-уровне унифицировано как *некомутативные* глубоко структурированные связи между лексемами в ограниченном номинативном значении и с помощью средств гипертекстовой навигации отражены множественными способами, позволяющими непротиворечиво представить как историческую динамику лексико-семантических явлений на любом хронологическом отрезке в их отношении к нормативному ядру, так и определенный синхронный срез

при статическом представлении тех же фактов, но уже как тенденций, взятых в определенном историческом состоянии языка.

Полевая модель при этом не обязательно должна быть эксплицирована полностью, возможно, лишь частично, например, по мере того, как медио-структурные соответствия выявляются на микро-уровне взаимосвязанных статей [Бальвег-Шрамм, 1983, с. 209], соответствующим образом, целиком или поэлементно для многозначных слов, вовлекая микро-структуры в межстатейные связи, как это заложено в проект расширенной версии ЭЛЕЯРС. Наряду со стандартными лексикографическими средствами экспликации, системой помет и нумерованных значений, в этой версии словаря, прежде всего, используются гипертекстовые ссылки, включая случаи каскадного цитирования, когда разный статус контекста прямых и обратных отсылок задает отношения соподчинения между лексемами разного типа [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 115]. В этом случае прямые отсылки ведут к периферийным единицам от второстепенных значений «заглавной», или «ядерной» вокабулы, повышая ее статус внутри класса или тематического поля, а обратные, например, из отвечающей за классный уровень зоны вспомогательной, или «побочной» вокабулы, понижая статус последней до «периферийной». Обязательного и безостаточного омонимизирующего членения всей вокабулы на сублеммы (лексемы с ограниченным номинативным значением) при этом не требуется.

Бумажный прототип ЯРС [Лаврентьев и др., 1984] составил надежное содержательное ядро словарного проекта по пополнению, корректировке и согласованию данных в его электронной версии ЭЛЕЯРС. Задача создания обновленной версии ЭЛЕЯРС привела к необходимости выстраивать отношения между уже имеющимся ядром, задающим общий строгий лексикографический тон, и его расширяющейся за счет привлечения данных из дополнительных источников периферией, внося в наращиваемый материал соответствующую ядру академическую систематичность. Такая ситуация предоставляет, вероятно, уникальную в отечественной лексикографии возможность использовать уже готовое решение, оптимально и с высокой достоверностью аппроксимирующее нормативное ядро современного японского языка. Используемый прототип ЯРС — это самый современный и аккуратный из имеющихся в отечественной традиции общих японско-русских словарей. В линейке отечественных продуктов от двухтомника ([Неверов и др., 1970], 100 тыс. слов) к карманному ([Лаврентьев, 1989], 10 тыс. слов) и краткому ([Фельдман-Конрад, Доля, Хикита, 1980], 4 тыс. слов), представляющему наиболее плотное ядро словаря-минимума [Фельдман-Конрад, Доля, Хикита, 1980, с. 5], он занимает центральное положение. Этот словарь наименее деформирующим образом — без серьезных лакун в общей лексике и гипертрофированного внимания к специальной терминологии и специфической лексике — выявляет современную лексическую норму как с точки зрения филиации и учета базовых значений на микро-уровне, так и в плане представления основных единиц словника на макро-уровне, и с этой точки зрения, с некоторыми оговорками, почти не нуждается в корректировке этих параметров и, возможно, не имеет по ним аналогов. Установка на оптимальное отношение ядерной лексики к объему закладывалась еще при проектировании словаря. Он задумывался как четвертое издание Японско-русского словаря Л. А. Немзера и Н. А. Сыромятникова под ред. Н. И. Фельдман. По мнению авторов, три предыдущих стереотипных издания этого

словаря (1951, 1960, 1965 гг.) объемом 34 тыс. слов не позволили дать даже «те 50 000 слов, которые в любом современном языке составляют общенародный костяк лексического состава языка»[3]. Как следует из письма инициатора проекта и одного из ведущих составителей ЯРС Н. А. Сыромятникова главному редактору словарных редакций издательства «Советская энциклопедия» М. В. Лазовой и Инструкции по составлению этого словаря, по своему объему в 55–60 тыс. слов планировалось, что он сможет «обеспечить чтение современного текста в полной мере... [и] отразить лексику современного (послевоенного) национального японского языка (без устаревших слов и диалектизмов)», технические и научные термины предполагалось давать «лишь в том объеме, в котором они проникли в общенародный язык»[4] и в котором они встречаются «в прессе общего характера»[5]. Дополнительные источники пополнения словника (выходившие в Японии «словарики новых слов» и др.) были выбраны составителями с таким запасом надежности, что словарь не потерял своей актуальности и сейчас. Окончательный граничный объем такого нормативного словаря был уточнен уже в ходе работы опытным путем. В итоге чистый объем без гнездования сложных слов, поданных отдельными словарными статьями, составил 70 тыс. слов. Поскольку ЯРС по составу не копирует никакой другой словарь, достоверность этой оценки косвенно подтверждается тем, что в японской лексикографии независимо найдены примерно те же объемы словарей нормативного языка, охватывающие от 60 до 80 тыс. слов лексического ядра, притом что разброс ±10 тыс. слов обусловлен особенностями редакторской маркетинговой политики [Масуи, 2014, с. 17]. По японской словарной классификации это «малые» словари, ориентированные на школьную аудиторию, но при этом в проработке основной нормативной лексики не уступающие словарям типа «Кодзиэна» в 200 и более тыс. слов [Мидзутани, 2008, с. 71, 81]. Однако, нужно оговориться, что сама категория «нормативности» здесь может быть названа лишь условно, в японском национальном языкознании она еще не получила должной теоретической разработки и пока лишь служит предметом обостренной полемики, где высказываются самые радикальные и экзотические взгляды, как и на значение прескриптивных словарей, вплоть до полной их бесполезности [Ямада, 1978, с. 18–20]. Японские коммерческие издательства в этом смысле действуют самостоятельно и, фактически, на ощупь. При таких обстоятельствах значение ЯРС уникально.

В заключение, подводя краткий итог, нужно сказать, что электронный формат позволяет выбирать наиболее оптимальное представление для разных задач: составления статьи, ее верификации редактором, обеспечения связности разных фрагментов словаря, поиска и извлечения нужной информации читателем. Каждой задаче может соответствовать свое представление и свой режим доступа к словнику, статье или отдельной ее части. Составитель, достоверно выявляя языковые факты,

---

[3] Черновик «Предисловия» к 4-му изданию Японско-русского словаря. Без даты. Не опубликовано. Из личного архива Н. А. Сыромятникова, хранится в Отделе языков Института востоковедения РАН.

[4] Цит. по черновому варианту письма «Главному редактору словарных редакций издательства “Советская энциклопедия” М. В. Лазовой», составленному Н. А. Сыромятниковым, само письмо за подписью Н. И. Фельдман и Н. А. Сыромятникова, датированное декабрем 1970 г. содержит сокращенный текст. Документы хранятся в Отделе языков Института востоковедения РАН в личном архиве Н. А. Сыромятникова.

[5] «Инструкция по составлению однотомного «Японско-русского словаря» (ЯРС) Л. А. Немзера, Н. И. Фельдман и Н. А. Сыромятникова под редакцией Н. И. Фельдман», см. сноску 1.

наравне с диахронным и синхронным планами описания, в сущности, развивает особый потенциальный план за счет разработки и применения специальных способов логического структурирования словарного материала и его алгоритмической обработки, направленной на выявление неформализованной или плохо структурированной информации. Размечая «хорошие» цепочки гипертекстовых связей, составитель, одновременно эксплицируя вскрытые им языковые факты и отношения, вместе с тем предоставляет читателю самому выбирать ситуативные способы прохождения узлов этих цепочек, вызывая экранные представления данных, соответствующие этим узлам и адекватные своей задаче. Поскольку «никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов», при использовании словаря в практике перевода «контекстуальные значения часто определяются путем интерполяции словарных значений» [Рецкер, 2007, с. 11]. Такой скрытый потенциал словаря, соответственно, предполагает, что правильное выявление языковых фактов на стадии его проектирования и составления в дальнейшем поможет читателю найти существенно больше ответов на свои вопросы, чем заранее может быть предусмотрено составителем.

Литература / References

Агрикола Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря (пер. с нем.) // *Вопросы языкознания*. 1984. № 2. С. 74–82 [Agricola E. Mikro-, Medio- und Makrostrukturen als Informationen im Wörterbuch // *Voprosy yazykoznaniya*. 1984. 2. Pp. 74–82 (in Russian)].

Андрющенко В. М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности // *Советская лексикография*. М., 1988. С. 201–224 [Andryushchenko V. M. Automation in Lexicography // *Soviet Lexicography*. Moscow, 1988. Pp. 201–224 (in Russian)].

Бальвег-Шрамм А., Шумахер Л. Словарь глагольных валентностей на семантической основе // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. М., 1983. С. 201–226 [Ballweg-Schramm A., Schumacher H. Verbvalenz-Wörterbuch auf semantischer Basis // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 14. Moscow, 1983. Pp. 201–226].

Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод // *Тетради переводчика*. М., 1969. С. 3–12 [Barkhudarov L. S. Levels of Language Hierarchy and Translation // *Translator's Notebooks*. Moscow, 1969. Pp. 3–12 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В., Тарасова Е. С., Шаляпина З. М. Новая жизнь старых словарей: традиция и современность // *100 лет Николаю Александровичу Сыромятникову. Тезисы докладов межинститутской научной конференции 14 декабря 2011*. М., 2011. С. 15–21 [Demich K. I., Kostyrkin A. V., Tarasova E. S., Shalyapina Z. M. The New Life of Old Dictionaries: Tradition and Modernity // *100 let Nikolayu Alexandrovichu Syromyatnikov. Tezisy dokladov mezhinstitutskoy nauchnoy conferenzii 14 dekabrya 2011*. Moscow, 2011. Pp. 15–21 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания // *Тезисы докладов межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию Института востоковедения РАН»*. М., 2018. С. 17–18 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. Japanese Word in Electronic Dictionary: The Categories of

lemma, lexeme, vocabulary item and headword within lexicographic structures // *Proceedings of the International Academic Conference "Oriental Readings, 2018". Lexicology and Lexicografy.* Moscow, 2018 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Лексикографическая рабочая станция DStudio (для создания японско-русского электронного словаря) // *VIII международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22–24 сентября 2009 г.).* М., 2009. С. 46–49 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. DStudio Lexicographical Workstation (for Compilation of a Japanese-Russian Electronic Dictionary) // *The 8th International Conference on the Languages of the Far East, South-East Asia and West Africa.* Moscow, 2009. Pp. 46–49 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания // *Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию Института востоковедения РАН.* Вып. 19. М., 2018, с. 166–178 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. Japanese Word in Electronic Dictionary: The Categories of Lemma, Lexeme, Vocabulary Item and Headword within Lexicographic Structures // " *Proceedings of the International Academic Conference "Oriental Readings, 2018". Lexicology and Lexicografy.* Vol. 19. Moscow, 2018. Pp. 166–178 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В., Шаляпина З. М. РАМЕЯ/и — автоматизированное рабочее место языковеда для иероглифических языков: общая организация // *Вестник РГГУ.* № 9 (52). *Московский лингвистический журнал.* 2010. № 12. С. 227–258 [Demich K. I., Kostyrkin A. V., Shalyapina Z. M. RAMEYA/I — Computer Workstation for Linguists Specializing in Ideographic Languages: General Outline // *RGGU Bulletin.* No. 9 (52). *Moscow Journal of Linguistics.* 2010. 12. Pp. 227–258 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В., Шаляпина З. М. *Исследования по японско-русской электронной лексикографии.* Вып. 1. М., 2019 [Demich K. I., Kostyrkin A. V., Shalyapina Z. M. Studies in Japanese-Russian Electronic Lexicography. Vol. 1. Moscow, 2019].

Денисов П. Н. *Лексика русского языка и принципы его описания.* 2-е изд. М., 1993 [Denisov P. N. *Russian Lexis and Principles of its Description.* 2nd ed. Moscow, 1993 (in Russian)].

Денисов П. Н. Полисемия и классификация лексики // *Словарные категории.* М., 1988. С. 15–23. [Denisov P. N. Polysemy and Lexis Classification // *Slovarnye Categorii.* Moscow, 1988. Pp. 15–23 (in Russian)].

Дмитриев Д. В. Фасетное зонирование лексики в электронных словарях // *Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции.* Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб., 2015. С. 64–65 [Dmitirev D. V. Facet Zoning of Lexis in Electronic Dictionaries // Current Problems of Lexicography: Conference Proceedings. Krylova O. N. (ed.). Saint Petersburg, 2015 (in Russian)].

Дубичинский В. *Практическая и теоретическая лексикография.* Вена, Харьков, 1998 [Dubichynskyi V. *Practical and Theoretical Lexicography.* Wien, Kharkov, 1998 (in Russian)].

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15 томах). М., Л., 1958 [*Manual for the Composition of the «Modern Russian Normative Language Dictionary» (in 15 Vols).* Moscow, Leningrad, 1958 (in Russian)].

Караулов Ю. Н. *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка.* М., 1981 [Karaulov Yu. N. *Linguistic Engineering and Thesaurus of Standard Language.* Moscow, 1981 (in Russian)].

Лаврентьев Б. П. *Карманный японско-русский словарь.* М., 1989. [Lavrentiev B. P. *Pocket Japanese-Russian Dictionary.* Moscow, 1989 (in Russian)].

Лаврентьев Б. П., Немзер Л. А., Сыромятников Н. А., Тарасова Т. И., Фельдман-Конрад Н. И. *Японско-русский словарь.* Лаврентьев Б. П. (ред.). М., 1984 [Lavrentiev B. P., Nemzer L. A.,

Syromyatnikov N. A., Tarasovw T. I., Feldman-Konrad N. I. *Japanese-Russian Dictionary.* Lavrentiev B. P. (ed.). Moscow, 1984 (in Russian)].

Мошкович Ж. Г. *Автоматизированная лексикографическая система УНИЛЕКС-2: Учебное пособие.* Под ред. Л. И. Колодяжной. М., 1989 [Moshkovich Zh. G. Automated Lexicographical System UNILEX-2: User's Guide. Kolodyazhnaya L. I. (ed.) Moscow, 1989 (in Russian)].

Неверов С. В., Попов К. А., Сыромятников Н. А., Фельдман Н. И., Цын М. С., Константинов В. М. *Большой японско-русский словарь.* В двух томах. Конрад Н. И. (ред.). М., 1970 [Neverov S. V., Popov K. A., Syromyatnikov N. A., Feldman N. I., Tzyn M. S., Konstantinov V. M. *Large Japanese-Russian Dictionary.* In 2 vols. Konrad N. I. (ed.). Moscow, 1970 (in Russian)].

Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода.* Доп. и комм. Д. И. Ермоловича. 3-е изд. М., 2007 [Rezker Ya. I. *Theory of Translation and Translation Practice. Essays in Linguistic Theory of Translation.* 3rd ed. (Add. and comm. by D. I. Yermolovich. Moscow, 2001 (in Russian)].

Ривелис Е. *Как возможен двуязычный словарь.* Стокгольм, 2007 [Rivelis E. *How is the Bilingual Dictionary Possible?* Stockholm, 2007 (in Russian)].

Рылова А. А. Современная работа лексикографа в мире, где электронное и мобильное использование словарей становится доминирующим // *Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии. Вып. 12.* Под ред. В. В. Дубичинского и Т. Ройтера. Харьков, Клагенфурт, 2011. С. 45–50 [Rylova A. A. Lexicographer's Craft in Contemporary World, where Electronic and Mobile Dictionaries gain Prevalence // *Wort und Wörterbuch. Vocabulum et vocabularium.* Issue 12, Dubichynskyi V., Tilmann R. (eds.) Kharkov, Klagenfurt, 2011. Pp. 45–50 (in Russian)].

Селегей В. П. Электронные словари и компьютерная лексикография // *Новости искусственного интеллекта.* 2002. № 1 (49). С. 31–33 [Selegey V. P. Electronic Dictionaries and Computational Lexicography // *Artificial Intelligence News.* 2002. 1 (49). Pp. 31–33 (in Russian)].

Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации // *Итоги науки и техники. Серия «Информатика».* Т. 18. М., 1994 [Subbotin M. M. Hypertext. New Form of Written Communication // *Itogi nauki i tekhniki. Informatics Series.* Vol. 18. Moscow, 1994 (in Russian)].

Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А., Чупашева О. М., Зуева М. Ю. *Комплексный словарь русского языка.* Тихонов А. Н. (ред.) М., 2001 [Tikhonov A. N., Tikhonova E. N., Tikhonov S. A., Chupasheva O. M., Zuyeva M. Yu. *Complex Dictionary of Russian Language.* Tikhonov A. N. (ed.). Moscow, 2001 (in Russian)].

Фельдман-Конрад Н. И. *Вопросы японско-русской лексикографии.* Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1970 [Feldman-Konrad N. I. *The Matters of Japanese-Russian Lexicography.* Moscow, 1970 (in Russian)].

Фельдман-Конрад Н. И. *Учебный словарь иероглифов.* Около 5 000 иероглифов. Изд. 2-е. М., 1977 [Feldman-Konrad N. I. *Learner's Dictionary of Japanese Kanji.* 2nd ed. Moscow, 1977 (in Russian)].

Фельдман-Конрад Н. И., Доля М. Г., Хикита Г. *Краткий японско-русский словарь.* Лаврентьев Б. П. (ред.) М., 1980 [Feldman-Konrad N. I., Dolya M. G., Hikita G. *Concise Japanese-Russian Dictionary.* Ed. Lavrentiev B. P. Moscow, 1980 (in Russian)].

Шаляпина З. М. *Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей.* М., 2007 [Shalyapina Z. M. *Three-Dimensional Stratificational Model of Language and its Operation: Towards a General Theory of Linguistic Models.* Moscow, 2007 (in Russian)].

Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре.* М., 1988. С. 6–11 [Shvedova N. Yu. Paradoxes of Dictionary Entry // *National Specifics of a Language and Its Reflection in Normative Dictionary.* Moscow, 1989. Pp. 6–11 (in Russian)].

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Ленинград, 1958. С. 54–91 [Scherba L. A Contribution to Theoretical Lexicography // *Selected Works on Linguistics and Phonetics*. Vol. 1. Leningrad, 1958. Pp. 54–91 (in Russian)].

Масуи Хадзимэ. *Словарная работа*. 2-е изд. Токио, 2014 (Вып. 1452). [増井元. 辞書の仕事. 岩波新書, 1452, 第 2 削発行. 2014 (in Japanese)].

Мидзутани Сидзуо. *Наставления в составлении словаре — рассказывает проф. Мидзутани Сидзуо*. Токио, 2008. [水谷静夫. 辞書編纂談義・水谷静夫先生が語る. 特定領域研究「日本語コーパス」平成 18 年度研究成果報告書. 2008 (in Japanese)]

Ямада Тосио. *Японский язык и словари*. Сер. Тюко-синсё. Вып. 494. Токио, 1978. [山田俊雄. 日本語と辞書. 中公新書 494. 中央公論社. 1978 (in Japanese)].

Demich K. I., Kostyrkin A. V. Japanese-Russian Lexicographic Workstation DStudio // Kameda H., Tokuhisa M., Ono S., Suzuki M., Sjöbergh J. (eds.). *Proceedings of the 11th Conference of Pacific Association for Computational Linguistics (PACLING 2009, September 1–4)*. Univ. Hokkaido, Japan, 2009. Pp. 125–128.

Gamper J., Knapp J. Towards an Adaptive Learners' dictionary // Brusilovsky P., Stock O., Strappavara C. (eds.). *Proceedings of International Conference on Adaptive Hypermedia and Adaptive Web-Based Systems (AH2000)*. Berlin, New York, 2000. Pp. 311–314.

Hartmann R. R. K., James G. *Dictionary of Lexicography*. London, New York, 1998.

Landow G. P. *Hypertext 3.0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization*. Third edition. Baltimore, 2006.

Milner P. M. Rewiew: Plans and the Structure of Behavior. G. A. Miller, E. Galanter, K. H. Pribram // *Canadian Journal of Psychology*. 1960. 14(4). Pp. 281–282.

Nagao M., Tsujii J., Ueda Y., Takiyama M. An Attempt to Computerized Dictionary Data Bases. COLING 80, *Proceedings of the 8th International Conference on Computational Linguistics*. Tokyo, 1980. Pp. 534–542.

Svensen Bo. *Practical Lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making*. Oxford, 1993.

Tolman E. C. Cognitive Maps in Rats and Men // *Psychological Review*. 1948. 55 (4). Pp. 189–208.

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АЗИИ В ЛЕЙДЕНЕ

Т. А. Аникеева, В. В. Досовицкая, Д. В. Дубровская, А. А. Столяров*

Обзор посвящен крупнейшему международному съезду востоковедов — XI Международному конгрессу исследователей Азии, прошедшему в июле истекающего 2019 г. в Лейдене (Нидерланды). Авторы обзора, представлявшие Институт востоковедения РАН, приняли участие в этом представительном международном форуме с докладами, посетили ряд секций, семинаров и круглых столов, установили важные международные научные связи. Заместитель директора ИВ РАН А. К. Аликберов вошел в правление ICAS, заложив тем самым основу для дальнейшего сотрудничества между Институтом востоковедения и одним из крупнейших координаторов востоковедных исследований в Европе. В обзоре уделено отдельное внимание некоторым докладам, представленным на конференции, и дана краткая история ICAS, пришедшего на смену схожего с ним по задачам, но завершившего свое существование ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies).

Ключевые слова: ICAS, IIAS, Лейденский университет, хроника конференции, съезд востоковедов, востоковедение.

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tatiana.anikeeva@gmail.com

Вера Валерьевна ДОСОВИЦКАЯ, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН; dosovitskaya@ivran.ru

Vera V. DOSOVITSKAYA, PhD (History), Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dosovitskaya@ivran.ru

Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва; distan@gmail.com

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Assistant Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN) Moscow; distan@gmail.com

Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Москва; astol007@gattamelata.com

Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow; astol007@gattamelata.com

11TH INTERNATIONAL CONVENTION OF ASIATIC SCHOLARS IN LEIDEN

Tatiana A. Anikeeva, Vera V. Dosovitskaya,

Dinara V. Dubrovskaya, Alexander A. Stolyarov

The review covers the proceedings of the largest international congress of orientalists and Asiatic scholars — the 11th International Convention of Asiatic Scholars, which was held in Leiden (Netherlands) in July, 2019. The authors of the review, representing the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, took part in this representative international forum, delivered talks, visited a number of sections, seminars and round tables, and established important international academic relations. Dr. A. K. Alikberov, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, entered the ICAS board, laying the foundation for further cooperation between the Institute of Oriental Studies and one of the largest coordinators of Asiatic studies in Europe. The review pays special attention to some of the talks presented at the convention and gives a brief history of ICAS, which replaced ICANAS (International Congress of Asian and North African Studies), pursuing the similar tasks, but at present non-existent.

Keywords: ICAS, IIAS, Leiden University, conference chronicle, Asiatic scholars convention, oriental studies.

С 15 по 19 июля 2019 г. в Лейдене (Нидерланды) прошел XI Международный конгресс исследователей Азии (ICAS-11), организованный Международным институтом азиатских исследований (IIAS) совместно с Лейденским университетом. Соучредителем Конгресса в 2019 г. выступило Французское академическое сообщество исследований Азии (GIS Asie — French Academic Network on Asian Studies).

Основанный в 1993 г. как совместный проект Королевской академии наук и искусств Нидерландов, Лейденского, Амстердамского и Амстердамского свободного университетов, расположенный в Лейдене Международный институт азиатских исследований превратился к настоящему времени в один из крупнейших мировых координационных центров по накоплению знаний и обмену информацией по странам Южной, Юго-Восточной, Восточной, Центральной и Северной Азии. С 2001 г. он выполняет функцию постоянного оргкомитета Международных конгрессов исследователей Азии, которые проводятся регулярно каждые два года вот уже 20 лет, начиная с июня 1998 г., когда был созван первый съезд в Нордвейкхауте в окрестностях Лейдена, через два года — в Берлине, затем в Сингапуре, Шанхае, Куала-Лумпуре, Тэджоне, Гонолулу, Макао и Аделаиде.

В 2019 г. в 11-м Международном конгрессе исследователей Азии приняли участие приблизительно 2200 ученых, представляющих около 350 исследовательских и образовательных учреждений и институтов из более чем 60 стран.

В рамках работы Конгресса состоялось 588 секций, панелей и круглых столов, а также книжных презентаций, которые были сгруппированы по 17-ти тематическим направлениям: искусство и культура, научные труды и диссертации, развитие и урбанизация, экономика, образование, изучение Вьетнама (это направление, по сути, представляло собой отдельную конференцию в рамках Конгресса), окружающая среда, политика в области культурного наследия, история, знание и философия, язык и

литература, средства массовой информации и коммуникации, внутренняя политика и международные отношения, религия и верования, социальная политика и здравоохранение, миграции и диаспоры, общество и идентичность.

Торжественная церемония открытия ICAS-11 началась во вторник 16 июля с шествия участников Конгресса по улицам Лейдена и продолжилась в городском соборе (Hooglandse Kerk). Со сцены прозвучали приветственные речи организаторов — Пола ван дер Вельде, Орели Варрель, Филиппа Пейкама (директора IIAS), с видеообращением к участникам конгресса выступил Стеф Блок — министр иностранных дел Нидерландов. После официальных речей последовал концерт Энхжаргала Дандарванчига и Анри Турнье, исполнявших, соответственно, на морин-хууре и флейте вариации на темы традиционной музыки Монголии. Завершилась церемония вручением призов победителям конкурса на лучшее издание. Были вручены награды за книги и диссертации в области социальных и гуманитарных наук на китайском, французском, немецком, английском, корейском, испанском и португальском языках.

Заседания проходили в нескольких зданиях Лейденского университета.

Институт востоковедения РАН на Конгрессе представляли 7 ученых (А. К. Аликберов, Т. А. Аникеева, Л. В. Горяева, В. В. Досовицкая, Д. В. Дубровская, С. А. Полхов и А. А. Столяров). В целом исследователей из России было около 20 — из Москвы и Санкт-Петербурга. Их доклады были представлены в различных секциях Конгресса.

Секция “Traditional Scripts of East Asia” в рамках панели «Языки и литература» была представлена несколькими докладами (в числе которых прозвучали доклады Т. А. Аникеевой и С. А. Полхова) и проходила 18 июля. Тематика секции, как следует из названия, была связана с традиционными письменными традициями Востока (в частности, Восточной Азии). Доклад Т. А. Аникеевой был посвящен соотношению исторического и эпического начал в тюркском книжном эпосе «Книга моего деда Коркута»: элементы традиционного эпического повествования, представленные в «Китаб-и дедем Коркут», можно увидеть в летописях эпохи сельджуков, использующих фольклорные каноны для построения исторического повествования («Теварих-и Ал-и Осман» Ашикпашазаде и Нешри) [Аникеева, 2018]. Выступление С. А. Полхова (“Law and Justice at the Sengoku Daimyo Court (on the Basis of the Evidence of ‘koyo Gunkan’)”) было посвящено «Коёгункан» — важному историческому источнику по Японии периода Сэнгоку и особенно по истории дома Такэда. «Коёгункан» содержит сведения для изучения мировоззрения и менталитета воинов эпохи Сэнгоку. Презентации других участников секции были посвящены традиционным системам письменности на Корейском полуострове (О. Байбье, университет Экс в Марселе, Хё Джин Ким, университет Васеда, Япония), рукописному наследию народности тямов во Вьетнаме (Ясуко Яшимото, Япония).

В ходе заседания секции по истории «Войны и конфликты I» был заслушан доклад В. В. Досовицкой «Япония в Южной Маньчжурии в 20-х гг. XX в.». В работе секции также приняли участие исследователи из Университета Нотр-Дам, Австралия («Три китайские служанки», два лагеря для интернированных и война: интернирование гражданских лиц в Британской Индии в Азиатско-Тихоокеанской войне»), Университета Эразма Роттердамского, Нидерланды (тема: «Оккупирована или

колонизирована? Концептуальные вопросы в изучении японской оккупации Малайзии»), Национального Университета Чен Кун, Тайвань (тема: «Границы расовой дискриминации в Индонезии во время японской оккупации во Второй мировой войне») и Колледжа Святого Креста, США (тема: «Всемирно популярный фронт. Китайские интеллектуалы и гражданская война в Испании, 1936–1939»). По итогам выступления состоялась активная дискуссия между докладчиками и гостями секции по вопросам Второй мировой войны и роли Японии в военном конфликте. По словам присутствовавших на заседании, в каждом из докладов прозвучало то, над чем стоит задуматься, а активное обсуждение заявленных тем поставило на повестку дня новые вопросы, которые предстоит обсуждать в будущем.

Отметим особо и непривычно гибкую организацию потоков научных докладов по микро-секциям, включавшим по три-пять докладов. Подобное новшество позволяло участникам прослушать интересные сообщения в разных секциях, поучаствовать в течение одного дня во множестве дискуссий. Так, Д. В. Дубровская принимала участие в заседании секции «Экспорт объектов материальной культуры из Китая: XVII–XIX вв.», входившей в кластер «Культура и искусства», состоявшей из трех докладов, но привлекший вдесятеро больше слушателей. Докладчицы из Китая – Ван Вэньсинь (Национальный музей Гугун, Пекин) и Не Фэй (Музей провинции Хунань) затронули темы предметов позднеминского искусства в мировой торговле и распространения китайских ширм с изображением птиц в Европе XVII в. Д. В. Дубровская представила доклад, в котором предприняла попытку объяснения атрибуции китайских шелковых свитков конца XIX – начала XX в. из коллекции Калабушкина (Государственный музей искусства народов Востока, Москва) Лан Шинину (Джузеппе Кастильоне) — придворному художнику маньчжурских императоров XVIII в., показав, что стиль Кастильоне был гораздо более «китайским», чем стиль мастеров столичных мастерских XX в., подписывавших свои прекрасные, но поддельные свитки славным именем Лан Шинина. На секции состоялась презентация монографии Д. В. Дубровской о Лан Шинине [Дубровская, 2018], в дар Лейденской библиотеке были переданы книги и журналы Института востоковедения. Все доклады вызвали живой интерес и продуктивную дискуссию.

Необходимо особо отметить великолепную организацию Конгресса — мероприятие со столь большим количеством участников прошло практически без накладок. Конвенция сопровождалась широким спектром сопутствующих культурных мероприятий, в число которых вошли: кинофестиваль документальных фильмов из Азии, кураторские экскурсии в Этнографический музей Лейдена, и в ботанический сад; состоялся тур по городским каналам, прошла пешеходная прогулка по исторической части города, можно было посетить мастер-класс по китайской каллиграфии и несколько фотовыставок. Кроме того, все участники Конгресса были приглашены на экскурсию-семинар в Лейденскую университетскую библиотеку, знаменитую своими коллекциями изданий по Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Безусловно, перечисленные мероприятия помогли в расширении научного общения и международных связей, закрепленных во время как формальных, так и неформальных встреч с коллегами.

Представительность и широкий охват востоковедной науки отражает и программа конгресса, один список секций и докладов которой составил 215 страниц солидного издания формата А4.

Следующий, двенадцатый Международный конгресс исследователей Азии состоится в 2021 г. в Киото (Япония).

Литература / References

Аникеева Т. А. *Предания Коркута. Огузский героический эпос как источник по истории тюркских народов Центральной Азии IX–XI вв.* М., 2018 [Anikeeva T. A. *Stories of Korkut. The Oguz Heroic Epic as a Source on the History of the Turkic peoples of Central Asia in the 9th–11th Centuries*. Moscow, 2018]

Дубровская Д. В. *Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба*. М., 2018 [Dubrovskaya D. V. *Lang Shining, or Giuseppe Castiglione at the Court of the Son of Heaven*. Moscow, 2018].

XV СЕМИНАР МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПАРИЖ, 7–13 ИЮЛЯ 2019 г.)

Б. У. Китинов*

Статья информирует о состоявшемся в Париже в июле 2019 г. Пятнадцатом семинаре Международной ассоциации тибетологических исследований (International Association for Tibetan Studies — IATS), в котором приняло участие около 700 участников. Прошедший семинар имел особое значение — отмечалось 40-летие основания Международной ассоциации, изучающей Тибет, состоялись выборы нового президента IATS — им стала Ханна Хавневик из университета Осло (Норвегия), сменившая Церинга Шакью из университета Британской Колумбии (Канада). На семинаре работали 63 секции, 24 докладные сессии и 7 круглых столов, охватившие самые важные направления современных тибетологических исследований: историю, экономику, филологию Тибета в прошлом и настоящем; современные социальные и культурные процессы в тибетском сообществе в ТАР и за его пределами; гендерные исследования; политику государства в ТАР; ситуацию с тибетским буддизмом; перемены в окружающей среде и жизнеобеспечение тибетских кочевников; тибетскую медицину и др. В Коллеж де Франс состоялся специальный Круглый стол по тибетологическим исследованиям в Японии. В ходе работы Семинара состоялась презентация книги «Множество войн Ганден Пходранга» — друга ученых из Индии, КНР, США, Франции, Японии, был представлен фильм тибетского режиссера и сценариста П. Цедена, лауреата международных кинофестивалей в Токио и Нью-Йорке. В работе представительного форума приняли участие известные специалисты по истории, культуре, географии, этнографии Тибета. Следующий семинар планируется провести через три года в Праге.

Ключевые слова: буддизм, история, Тибет, тибетология, IATS, научная жизнь.

THE 15TH SEMINAR OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR TIBETAN STUDIES (PARIS, JULY 7–13, 2019)

Baatr U. Kitinov

The article covers the proceedings of the Fifteenth seminar of the International Association for Tibetan Studies (IATS) held in Paris in July 2019, with about 700 participants. The seminar was of particular importance, considering the 40th anniversary of the founding of the International Association for the Study of Tibet. The new IATS president was elected: Hannah Havnevik from the University of Oslo (Norway) holds this post now, succeeding Tsering Shakyu from the University of British Columbia (Canada). The workshop consisted of 63 sections, 24 report sessions and 7 round tables, covering the most important areas of modern Tibetological research: History, economics, philology of Tibet in the past and present; modern social and cultural processes in the Tibetan community

* Баатр Учаевич КИТИНОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitinov@mail.ru

Baatr U. KITINOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kitinov@mail.ru

in the TAR and beyond; gender studies; state policy in the TAR; the situation with Tibetan Buddhism; environmental changes and the livelihoods of Tibetan nomads; Tibetan medicine, etc. A special Round Table on Tibetological Research in Japan was held at the College de France. During the Workshop, the presentation of the book "The Many Wars of Ganden Pkhodrang", a friend of scholars from India, China, the USA, France, and Japan, presented a film by the Tibetan director and screenwriter P. Zeden, winner of international film festivals in Tokyo and New York. The forum was attended by well-known experts in the history, culture, geography, ethnography of Tibet. The next seminar is planned to be held in three years in Prague.

Keywords: Buddhism, history, Tibet, Tibetology, IATS, academic life.

Тибетология (Tibetan studies) — одно из самых активно развивающихся направлений в ориенталистике, оно привлекает не только все новых специалистов по Тибету, но также и ученых, занимающихся монголоведением, буддологией, синологией и другими отраслями востоковедного знания. Это еще раз подтвердил в своем выступлении известный тибетолог из университета Британской Колумбии (Канада), Президент IATS Церинг Шакья (Tsering Shakya) на открытии пленарного заседания XV семинара Международной ассоциации тибетологических исследований (International Association for Tibetan Studies (IATS)) 7 июля 2019 г. в Париже, во Французском Национальном институте восточных языков и цивилизаций (INALCO).

Семинар явил собой юбилейное мероприятие, поскольку ровно 40 лет назад в колледже Святого Иоанна (Сент-Джонс колледж) Оксфордского университета состоялась первая встреча ученых, избравших изучение культуры и истории Тибета своей профессией. Одним из организаторов той встречи был именно Церинг Шакья, пригласивший своих друзей и коллег к обсуждению вопросов, представляющих несомненный профессиональный и специальный интерес для молодых увлеченных людей. Одно перечисление имен участников Первого семинара дает представление о целой когорте выдающихся ученых, внесших фундаментальный вклад в изучение Тибета: Дэвид Руэгг, Таррел Уайли, Джозеф Колмаш, Хью Ричардсон, Лючиано Петек, Майкл Эйрис, Самтен Кармай, Джанет Гьяцо, Кристофер Беквис, Эллиот Сперлинг, Дэвид Снеллгроув, Локеш Чандра, Пер Кверне, Мэттью Капштейн, безусловно, сам Церинг Шакья и др. Труды этих и других тибетологов оказали большое влияние на изучение истории и культуры Тибета, способствовали формированию целостной картины этого удивительного мира, а общение и переписка с Эллиотом Сперлингом и Локешом Чандрой произвели на автора настоящего обзора незабываемое впечатление энциклопедичностью познаний коллег.

Семинар проходил с 7 по 13 июля 2019 г. и собрал около 700 участников. Организация мероприятия была осуществлена на высоком уровне: заседания проходили в здании INALCO, при участии, поддержке и финансировании *East Asian Civilizations Research Centre* (CRCAO), *Ecole Pratique des Hautes Etudes, PSL Research University*, и *Ecole Francaise d'Extreme-Orient*.

В форуме приняли участие известные специалисты: Весна Уоллес (Университет Калифорнии, Санта-Барбара), Юмико Ишихама (Университет Васеда, Япония), Хосе Кабезон (Университет Калифорнии, Санта-Барбара), Питер Швигер (Боннский университет), Алекс Маккей (Международный институт азиатских исследований, Лейден), Мэттью Кинг (Университет Калифорнии, Ривер-сайд) и многие другие.

Российскую сторону представляли И. Р. Гарри (ИМБТ СО РАН с докладом: «Отчет тибетского ламы о религии и политике в Кхаме»), С. Л. Кузьмин (ИВ РАН, с докладом: «Тибето-монгольское политическое взаимодействие в первой половине XX в.»), Е. С. Лепехова (ИВ РАН, с докладом: «Идеология Риме: аналогии за пределами Тибета»), А. Н. Зорин (ИВР РАН, с докладом: «Неизвестная версия собрания поэм Шестого Далай-ламы, обнаруженная в Институте восточных рукописей, Санкт-Петербург»), Б. У. Китинов (ИВ РАН, с докладом: «Русские архивные документы о ревитализации буддизма у калмыков в конце XIX — начале XX вв.»), Н. В. Цыремпилов (доклад «Во имя ламы: как тибетские буддийские иерархи были вовлечены в конфликт бурятских священников, 1924–1937»; ныне автор преподает в Назарбаев-университете).

Перед началом семинара все будущие участники получили объемный сборник (более 400 страниц) с аннотациями докладов, что помогло заранее сориентироваться в содержании и тематике выступлений коллег.

В ходе работы семинара проходили встречи с коллегами, обсуждались текущие и перспективные исследования истории и культуры Тибета и прилегающих регионов. Во время одного из таких обсуждений малоизученных страниц истории ойратов, сыгравших важную роль в истории средневекового Тибета и монгольских народов, была высказана и поддержана идея о проведении в 2021 г. в Элисте Третьей Международной конференции по истории и культуре ойратов и калмыков, приуроченной к 250-летию исхода калмыков в Китай.

Всего на семинаре работало 63 секции, 24 сессии и 7 круглых столов, охватившие самые важные направления современных тибетологических исследований. Поскольку срок пребывания Шакья Церинга на должности Президента IATS истекал, 11 июля состоялись выборы нового руководителя IATS. Им стала Ханна Хавневик (Hanna Havnevik) из университета Осло. Следующий семинар пройдет в Праге, через три года.

На семинаре прозвучало множество интересных докладов и презентаций, упомянем лишь некоторые из них, представленные в указанных ниже секциях.

Социальное развитие и проблемы окружающей среды: изменения в Гьялтанг (Rgyal-thang) и Дечен (Dechen)

На секции были проанализированы воздействие социальных перемен и изменений в окружающей среде на местных тибетцев, способы получения средств к существованию, перемены в окружающей среде Гьялтанга. Некоторые выступления затрагивали аграрные изменения, развитие местных форм тибетской медицины, проблему сбора отходов в сакральных местах, воздействие острых изменений в окружающей среде на местные народные религии, угрозы буддийским монастырским хозяйствам по мере их дальнейшей интеграции в государственные механизмы туризма. Выступили с докладами: Д. М. Гловер из Университета Кента («Изменения и проблемы в изготовлении тибетских лекарств в Ргялтханге»), Б. А. Галипу из Хьюстонского университета («Создавая “тибетское”: глобальный капитализм и аграрные изменения в Шангри-Ла, Китай»), Бо Ванг из Университета Лозанны («Священный мусор и личность: жизнь в повседневном управлении отходами и инфраструктуре в восточных Гималаях, Юньнань, Китай»).

Исследование культуры в Бутане, Сиккиме и соседних регионах

В докладах обсуждалась самобытность различных этнических общин, представленных вдоль юго-восточного пояса Гималаев: Бутан, Сикким и соседних регионов. Целью работы стали: обмен и сравнение данных различных дисциплин об этом участке восточных Гималаев, расположенных непосредственно к югу от Тибета; выяснение отличительных характеристик и общих явлений в каждом из этих регионов в разные эпохи; изучение взаимосвязи между этим районом Восточных Гималаев и Тибетом с точки зрения религиозных и политических связей, торговли, войн, миграции, родственных связей и лингвистики. Докладчиками выступили: Дагмар Шверк из Университета Ванкувера («Создание идентичности в тибетских приграничных районах: буддийские мастера на стыке религии и политики в Бутане в XVIII в.»), Алекс Маккей («Преобразование буддийского правления: от Чогьяла до Махараджи»), Маттео Миэль из Университета Киото («Бутанское посредничество: Угьен Вангчук и экспедиция Янгхазбенда») и др.

Партнерская помощь Тибету в тибетских ареалах Китая

Политика помощи партнерам была объявлена правительством КНР в 1994 г. с целью побудить экономически сильные провинции Китая поддержать менее развитые регионы страны; предоставить денежную помощь и людские ресурсы для развития инфраструктуры и формирования более устойчивой социальной базы. В 1994 г. речь шла о помощи ТАР, в 2010 г. — Цинхаю, к 2014 гг. помощь охватила тибетские районы провинций Сычуань, Юньнань и Ганьсу. На секции были представлены документы по динамике политики помощи партнерам в тибетских регионах Китая. Докладчики: Си Веймин из Лхаского университета («Модель реализации политики помощи партнерам в тибетских районах Китая: аналитический обзор управления»), Калсанг Долма из Пекинского Тибетологического центра («Текущая ситуация с трудовой мобильностью в Тибетском автономном округе (ТАР): уезд Банге»), Джу Маогу из Дхаского университета («Сельскохозяйственное развитие и устойчивое существование фермеров и скотоводов в Тибете»).

Современный Тибет как трудное место:
некоторые социальные и политические вопросы

В тибетских исследованиях по-прежнему преобладают ученые, не происходящие из Тибета, однако в последние годы все больше тибетских исследователей, базирующихся в ТАР, контролируемом Китаем, в собственно Китае, в Индии и на Западе, обсуждают в применении к Тибету такие категории, как нация, суверенитет, граница, государство, национальность и безопасность. В выступлениях были рассмотрены различные способы, которыми тибетцы противостоят контролю государства с помощью языка, культуры, природоохранных практик; были высказаны соображения об институциональных, личностных и этнических привилегиях, которыми обладают западные и китайские ученые, по сравнению с тибетцами в изгнании, для проведения полевых работ в Тибете. На секции выступили: Дечен Палмо, Дхарамсала, Индия («Экосбережение на тибетском плато: пример организации волонтеров-экологов в Зачу»), Тензин Цетен, Институт тибетской политики, Дхарамсала, Индия («Вопрос гражданства: обсуждая один из самых актуальных

вопросов в Китае»), Церинг Топгьял, университет Бирмингема («Вгрызаясь в “отсутствие” и страх взаимозависимости [Pradityasamutpada]: пересмотр теории онтологической безопасности, обзор диалога Китая с Далай-ламой»).

Под желтой шапкой

На секции обсуждалась тема взаимодействия между буддизмом (ламами) и местными общинами в Центральной Азии в период, начиная с XVII в. Согласно традиционным источникам, здесь доминировала власть централизованного правительства — Ганден Пходранга. Школа Гелуг была единственным источником власти, однако в ряде исследований отмечалось, что ее доминирование не было столь эффективным среди сообществ за пределами Центрального Тибета (то есть в Амдо, Коконоре, 13-ти знаменах южных монголов, регионах Халха и среди ойратов). Дискуссия способствовала лучшему пониманию того, что происходило за пределами Центрального Тибета с точки зрения восприятия источника власти и ее навязывания, в организации монашеской общины, как обстояло дело с религиозной принадлежностью мирян и монашеской сангхи. Докладчики: Рэйчел Гриффит, университет Оксфорда («Лечение и диагностика в биографии (намтаре) у монгольского эрудита Сумпа Кхенпо (1704–1788)»), С. Уджит, университет Оксфорда («Красный и желтый: по следам школы Ньингма во Внутренней Монголии»), В. Уоллес, университет Калифорнии («В переговорах об идентичности Кагью / Ньингма в Халха Монголии»), Ринчен Дорджи, университет Вирджинии («Авторитет линии и интеллектуальная традиция: вопрос легитимности Джигме Вангпо как преемника линии Джамьянга Шадпы»).

Множество войн Ганден Пходранга

На секции были сделаны доклады о многочисленных войнах, которые велись тибетскими армиями как внутри страны, так и на международном уровне в период власти правительства Ганден Пходранг (1642–1959). Были обсуждены менее известные вооруженные конфликты и изложены известные события с опорой на новые источники. В частности, затрагивались вопросы развития армии, конфликт с Бутаном во время пятого Далай-ламы, войны с Непалом в конце XVIII в., конфликты с англичанами в 1888 и 1904 гг. и на границе с Китаем в первой половине XX в. Были проанализированы роль войн, как выигранных, так и проигранных, и их влияние на четырех уровнях: в развитии самих тибетских военных институтов (структура, тактика, технологии и т. д.); в развитии тибетского правительства (призыв, налоговая система и т. д.); в связях между армией и обществом (воздействие на гражданских лиц, обращение с ними в войсках, практика добровольного призыва в армию во время войны и т. д.); и, наконец, в международной политике. Докладчики: Ф. Вентури, университет Лос-Анджелеса («Пятый Далай-лама и конфликт с Бутаном в 1668 г.»), Ю. Комацубара, университет Васеда («Тибетская политика во время Первой китайско-непальской войны 1788–1789 гг.»), А. Трэвер, Парижский университет («Оборона границ в военное время: роль местных ополченцев (yul dmag) и пограничников (sa srung) в начале XX в.»), Р. Кобаяси, университет Фукуока («Армия Ганден Пходранга и китайско-тибетский пограничный конфликт в 1918 г.»).

Возрождение тибетского буддийского мира в начале XX в.

На заседании обсуждались вопросы, посвященные возрождению тибетского буддийского мира, в том числе тибетских, бурятских, калмыцких, халкских монголов, кукунорских и южных монголов в начале XX в. Было отмечено, что с упадком династии Цин XIII Далай-лама в Тибете и VIII Джебцундамба в Монголии дистанцировались от династии и возобновили независимые действия. В период проживания XIII Далай-ламы в Халхе (1904–1906) и в районе Кукунора (1906–1908) многие тибетские и монгольские паломники отправлялись к нему, что формировало чувство известного единства, несмотря на то что верующие были разделены между Цинской и Российской империями. В докладах обращали внимание более на взаимодействие Далай-ламы и Джебцунадмбы, чем на отношения между великими державами, на межличностный и материальный обмен между последователями тибетского буддизма. С презентациями выступили: Ю. Ишихама, университет Васеда («Влияние пребывания XIII Далай-ламы в Монголии: пробуждение национального сознания тибетских буддистов в 1904–1908 гг.»), Д. Вада, университет Васеда («Современная и традиционная дипломатия XIII Далай-ламы во время его пребывания в Халхе и Цинхае (1904–1907)»), Т. Иноуэ, университет Осаки («Калмыцкие буддийские монахи в Российской империи в конце XIX – начале XX в.»), М. Тачибана, университет Симоносеки («Дружба и антагонизм: монголо-тибетские отношения в начале XX в.»). На этой же секции были прочитаны доклады Б. У. Китинова, С. Л. Кузьмина, Н. В. Цыремпилова.

Отношения между экономическим и социальным статусом в Тибетском мире до середины XX в.

На заседании секции обсуждались следующие вопросы: как экономические колебания влияют на социальный статус и наоборот; как предложение и обмен подарками, владение и потребление материальных благ, дресс-код и использование ювелирных изделий отражают социальный статус человека в Тибетском мире; можно ли вывести и каким образом, достоверную информацию о социальном статусе и капитале из тибетских источников. Выступавшие использовали данные текстовых источников по истории, биографии, архивные, юридические и литературные произведения, изучалось тибетское общество в целом, как собственно Тибета, так и других районов пограничных Гималаев. Докладчики: Ф. Пири из Оксфорда («Экономический, социальный и моральный статус: данные юридических текстов»), П. Швигер из Боннского университета («О соотношении долга и социально-экономического статуса в тибетском обществе»), Ч. Рамбль из Университета Фонтенбло («Преступность, наказание и социально-экономический статус в Мустанге, 1880–1930»), Т. Раффельсбергер, Боннский университет («Королевский и купеческий: экономические ресурсы для стабилизации власти в Ладакхе во времена династии Намгьял (XVI–XIX вв.)»), Б. Джансен, Амстердамский университет («Тибетская юридическая география: место Тибета и нации согласно тибетским юридическим текстам»).

В ходе работы таких круглых столов, как «Рисуя карты Тибета: прежние, современные, будущие»; «Предыстория тибетского плато»; «В направлении создания международного справочника по специальным собраниям тибетских исследований» и др., отмечался подъем исследований по указанным темам, вовлечение в научный оборот

новых источников; было обращено внимание на необходимость скорейшей оцифровки тибетских текстов и поисков документов по Тибету как в государственных, так и в личных архивах.

Таким образом, в ходе недельной работы XV Семинара Международной ассоциации тибетологических исследований было сделано множество интересных и значимых докладов по актуальным темам, вызвавших оживленную дискуссию и определивших новые направления исследований.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕЛЬДЖУКСКИЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ СИРИЯ–ИРАК–ПАЛЕСТИНА

В. В. Прудников*

Статья посвящена «Международному сельджукскому историко-географическому симпозиуму Сирия-Ирак-Палестина (Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası Suriye–Filistin-Irak Sempozyumu)», проходившему 25–27 октября 2019 г. в городе Конья (Турецкая республика) на базе Центра исследований сельджукской культуры и цивилизации университета им. Наджметтина Эрбакана (Selçuklu Kültür Ve Medeniyeti Uygulama Ve Araştırma Merkezi Necmettin erbakan üniversitesi) при поддержке Турецкого исторического общества (Türk Tarih Kurumu) и сельджукского муниципалитета города Конья (Selçuklu Belediyesi Konya). Данное мероприятие проводится регулярно, традиционно получает широкое освещение в турецких средствах массовой информации и всякий раз вызывает большой общественный резонанс.

Ключевые слова: Конья, тюрки-сельджуки, государство Великих Сельджукидов, крестовые походы, Сирия, Ирак, Палестина, хроника конференции, научная жизнь.

INTERNATIONAL SELJUK HISTORICAL-GEOGRAPHICAL SYMPOSIUM SYRIA–IRAQ–PALESTINE

Vitaly V. Prudnikov

The article deals with the "International Seljuk historical and geographical Symposium Syria-Iraq-Palestine (Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası Suriye-Filistin–Irak Sempozyumu)", which was held on October 25–27, 2019 in Konya (Republic of Turkey) on the basis of the Center for Research of Seljuk Culture and Civilization of Najmettin Erbakan University (Selçuklu Kültür Ve Medeniyeti Uygulama ve araştırma Merkezi Necmettin Erbakan Universitesi) with the support of the Turkish Historical Society (Türk Tarih Kurumu) and the Seljuk Municipality of Konya (Selçuklu Belediyesi Konya). The event is held regularly, and traditionally it receives wide coverage in Turkish media, every time finding itself in the middle of both academic, and public interest.

Keywords: Konya, Seljuk Turks, Great Seljukid state, Crusades, Syria, Iraq, Palestine, conference chronicle, academic proceedings.

25 октября 2019 г. в сельджукском конгресс центре (Selçuklu Kongre Merkezinde) состоялось торжественное открытие «Международного сельджукского историко-географического симпозиума Сирия-Ирак-Палестина» на базе Центра исследований сельджукской культуры и цивилизации Университета им. Наджметтина Эрбакана (далее — УНЭ) при поддержке Турецкого исторического общества и Сельджукского муниципалитета города Конья — исторической столицы государства Сельджукидов. На церемонии открытия выступили

* Виталий Владимирович ПРУДНИКОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; gviskar@mail.ru

с приветственным словом губернатор Коньи Джунейит Орхан Топрак, заместитель ректора УНЭ профессор Зекерия Мызырак, декан Факультета изобразительных искусств УНЭ профессор Ахмет Чайджи. Следует отметить, что участники и организаторы положительно упоминали выставку и симпозиум по культурному наследию сельджуков, прошедшие в 2016 г. в Москве и подготовленные Отделом истории Востока ИВ РАН, Российско-Турецким УНЦ РГГУ, Посольством Турецкой Республики в Москве и Сельджукским муниципалитетом города Конья.

Местом проведения симпозиума стали салоны отеля «Дедеман» в Конье: один из них получил обозначение «А» и был назван в честь одного из предводителей сельджуков Атсыз Бея, а другой был обозначен как «В» и получил имя в честь не менее известного предводителя — Артук Бея. Каждая из упомянутых секций делилась организаторами на пять сессий, в каждой из которых предполагалось заслушать по три доклада. Представленные на конференции доклады были сделаны на турецком, арабском и английском языках.

Помимо основной темы симпозиума организаторы заявили следующие направления исследований сельджукского периода: географическое положение и исторический курс региона; политические движения и общественная жизнь региона; экономическое положение региона; наука, научная среда, религиозная жизнь в регионе; культурные и художественные работы в регионе; города и городская жизнь; сельджукско-крестоносные отношения.

В данной статье мы предлагаем обзор нескольких докладов, привлекших внимание автора (из более чем шестидесяти, представленных на конференции).

На первой сессии в салоне «А» под руководством профессора Джанера Арабаджи были заслушаны три доклада. Профессор университета Мармара Гюлай Огюн Безер предложила новый взгляд на эпоху сельджуков в рамках политической философии. Специалист по истории крестовых походов, Византии и государств крестоносцев профессор Бирсель Кючюксипахиоглу рассмотрела в своем докладе отношения иракских тюрок перед началом и во время завоеваний сельджуков. Преподаватель Агрийского университета им. Ибрагима Чеченского Ахмет Нурулла Оздаль представил доклад о политическом господстве Великих Сельджуков на Аравийском полуострове как разновидности переменной и гетерогенной гегемонии.

Вторая сессия прошла под руководством профессора Университета Чукур Ова — специалиста по мамлюкскому периоду в истории Египта Фатих Яхьи Айяза. Профессор Стамбульского университета Джихан Пихадеоглу поставил в своем докладе вопрос о том, можно ли считать сельджукские образования в Турции и в Ираке единым государством. Профессор Университета Ататюрка Мухаммед Ханафи Палабиик проанализировал административное устройство, которое досталось в наследство сельджукам от Газневидов: примерную организацию везирата. Научный сотрудник Университета Ататюрка Юнус Эмре Айдын провел обзор политической ситуации, сложившейся в результате похода крестоносцев на Дамаск и оценил ее влияние на отношения Нур ад-Дина Зенги и Фатимидов.

Третья сессия прошла под председательством автора многочисленных работ по средневековой истории Турции и сельджуков, профессора Салима Коджи. Профессор кафедры истории факультета литературы Университета МуглаСитки Кочман Аднан Чевик посвятил свой доклад мусульманским географам XIII в.: Изз ад-Дину ибн

Шаддаду и его работам, в которых были подробно описаны ал-Джазира и Билад ал-Шам. Университетские старшие преподаватели доктор Иззетуллах Зеки и доктор Мустафа Аккуш представили совместное исследование о сельджукском эмире Алеппо Ак-Сункуре ал-Хаджибе. Доцент Университета Османие Коркут Ата доктор Нилай Агырнаслы рассмотрела роль и значение деятельности Артук бея и Туг тегина в Сирии для государства Великих Сельджукидов.

В начале четвертой сессии профессор Айше Дуду Кушчу сделала доклад об истории пребывания тюрок в Алеппо. Доктор Айше Атычы Араинчан рассказала о правлении в Алеппо Ридвана сына Тутуша в условиях исмаилитской пропаганды. Взаимодействие тюрок-сельджуков в Анатолии и Алеппо рассмотрел в своей работе доктор Эмине Уюмаз.

На заключительной пятой сессии, модератором которой выступил профессор Исмаил Хакки Атчекен, были заслушаны доклады в основном об истории отношений между крестоносцами и сельджуками. Профессор Шафван Таха Хассан Хуссейн Насер сообщил о результатах своего исследования образа сельджуков, который сложился в хрониках крестоносцев. Сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН Виталий Прудников представил анализ проблемы взаимодействия норманнов и сельджуков на Востоке в историографии. В этом ряду особенно необходимо выделить доклад доктора Музафера Камилова о деятельности правоведов в сельджукских медресе Мавераннахра.

26 октября первую сессию в салоне «А» под председательством профессора Рамзана Алтынташа открыл доклад профессора Хашима Шахина, посвященный отношениям сельджуков и представителей учения батинитов в Сирии эпохи правления Ридвана. Данные отношения складывались очень непросто и в результате от богословских диспутов и разногласий пришли к политической интеграции. Доцент Факультета теологии УНЭ доктор Омер Озпынар раскрыл место и значение Даруль-хадисов в социокультурной жизни сельджукского периода. Старший преподаватель Университета Анкары доктор Мустафа Айлар рассмотрел деятельность имамитов в Багдаде при сельджуках. В начале второй сессии доктор Йасин Киттани представил обзор культуры и литературы Ирака и Сирии в сельджукский период. Сотрудник Института Истории Академии Наук Республики Узбекистан Шерзодхон Махмудов рассмотрел влияние Сиясет-наме Низам Ал-Мулька на Тезкире-Султани. Завершил сессию доклад профессора Ибрагима Иылмаза о восприятии ученым Набуаки Нотара арабского мира со времен сельджуков вплоть до нашего времени.

Третья сессия под председательством профессора Ахмета Турана Йюкселя была посвящена вопросам истории еврейских общин в сельджукский период, а также актуальным проблемам использования крестовых походов для пропаганды нетерпимости к исламу и мусульманам в современном Западном мире. В этой связи стоит отметить работу профессора Ихсана Якуба Хассана Хадера о политической жизни в Палестине при сельджуках через призму восприятия еврейских путешественников, а также доклад историка из Университета Мосула Худра Элиаса Джало о еврейских кварталах в Багдаде. В заключение сессии исследовательница из Университета Мармара Робин Эсбери сделала презентацию под названием: «Современная политика и историческая фантазия: культурный обмен во время первого крестового похода».

Четвертая сессия под руководством профессора Мустафы Сабри Кучюкашджы стала достойным продолжением темы исследований истории сельджуков на Ближнем Востоке в эпоху крестовых походов. Пятая и шестая сессии были посвящены докладам, посвященным истории архитектуры, живописи и градостроительству эпохи сельджуков.

Не менее интересно и познавательно проходили заседания сессий в салоне «В» 25-го октября 2019 г. Профессор Салим Коджа поведал о политике султана Маликшаха в Сирии, Палестине, Египте и туркменах, возглавлявшихся Атсызом. Доктор Али Юремиш сообщил о политических видах султана Коньи Алаэддина Кейкубада на Дамаск.

Вторая сессия была почти целиком посвящена вопросам отношений сельджуков и крестоносцев. В частности, профессор Айдын Уста сделал акцент на изучение сопротивления крестоносцам сельджуков во главе с Имад ад-Дином Зенги. Старший преподаватель Факультета литературы Университета Мардина Артуклу доктор Абдульбаки Бозкурт рассмотрел влияние соперничества между султаном и халифом на борьбу против крестоносцев.

На третьей сессии огромное внимание было уделено господству сельджуков в Иерусалиме. Профессор Ахмет Оджак предоставил исчерпывающий отчет об основании и пост-сельджукском доминировании в Иерусалиме. Старший преподаватель Университета Сиирта доктор Гюльшен Истек обобщила и проанализировала сообщения немецких хронистов о сельджуках. Доктор Иса Акалын рассмотрел призывы к джихаду и освобождению Иерусалима от крестоносцев в сочинениях арабского историка Ибн Асакира.

В начале четвертой сессии был заслушан доклад профессора Гюная Чантая о центре расположения государства Великих Сельджукидов в Багдаде. Доктор Абдуллах Кайа представил обзор и масштаб влияния ученых и интеллектуалов, эмигрировавших из Билад ал-Шама в Анатолию, на социально-экономическую и культурную структуру Анатолии (с XI по XIV в). На заключительной пятой сессии были представлены доклады по сельджукской топонимии профессора Османа Гюмюшчу и сельджукской исторической географии Ирака доктора Мерием Дойгун и доктора Мюрата Сердара.

Первая сессия секции «В» была открыта 26 октября 2019 г. традиционными для данного симпозиума докладами: профессора Мухаррема Кешика о политике Великих Сельджукидов в Сирии, доктора Исмаила Пырланта о сельджукском сопротивлении крестоносцам во главе с атабеком Муин ад-Дин Унуром, доктора Бурака Эрола о распространении и маршрутах паломничества в сельджукский период. В работе второй сессии участвовали специалисты в области сельджукского искусства: доктора Али Фуад Байшал и Насийе Детсели рассказали о Багдадской школе «Tezyinatta». Доктор Юсуф Сами Саманчи сделал доклад об арабских поэтах, живших и творивших в сельджукский период: Абу Исмаиле Эт-Тухрае и Ламиятуль-аджем Касидези. Доктор Гёкхан Гёкмен поведал о творчестве поэта Амир Муиззи и его видении ближневосточных регионов Ирака и Палестины. На последующих сессиях были представлены не менее интересные и исчерпывающие доклады о различных аспектах пребывания сельджуков и их наследия в Азии.

По итогам двухдневных сессий состоялось общее торжественное заседание, на котором выступили представители организаторов и участников симпозиума, высоко оценившие уровень проведения конференции и качество заслушанных докладов.

КНИГИ ВОСТОКОВЕДНОЙ ТЕМАТИКИ, ИЗДАННЫЕ МОСКОВСКИМИ ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ В 2018 г.

Составлено
Отделом библиографии библиотеки
ИНИОН РАН

Абраменко В. П. *Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л. Н. Толстого.* ИДВ РАН. 747 с.

Агабеков Г. С. ГПУ. *Записки чекиста: бывший начальник вост. сектора иностр. отд. ОГПУ и резидент ОГПУ на Ближ. Востоке, невозвращенец.* Центрполиграф. 349 с.

Аганин А. Р. *Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата.* 360 с.

Азиатские исследования: ежегодник. 2017–2018: Азия: развитие вост. вектора сотрудничества. Сб. ст. Рос. ун-т дружбы народов. 332 с.

Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. Изд-во вост. лит. 895 с.

Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества: материалы Второго Сочинского форума евраз. интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества». 274 с.

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии.* Изд. 2-е, испр. и доп. УРСС: ЛЕНАНД. 395 с.

Алаев Л. Б. *История Индии.* 2-е изд., доп. ГАУГН-Пресс. 542 с.

Алаев Л. Б. *Средневековая Индия. История: политическая, социальная, экономическая, культурная.* Изд. 2-е, испр. и доп. ЛЕНАНД: URSS. 275 с.

Алаев Л. Б. *Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков.* Изд. 2-е, испр. и доп. ЛЕНАНД: УРСС. 593 с.

Ал-Газали, Абу Хамид. *Правильные весы (ал-Кустас ал-Мустаким).* Садра. 181 с.

Алимов Р. К. *Шанхайская организация сотрудничества: глобальный профиль в международных отношениях.* Весь мир. 399 с.

Алпатов В. М. *Слово и части речи.* ЯСК. 255 с.(Studia philologica).

Аль-Аскалани, Ибн Хаджар. *Булюг аль-марам. Достижение цели в уяснении основ Шариата.* Пер. с араб. 3-е изд., стер. Умма. 333 с.

Аль-Джанаби М. М. *Суфийский теолого-философский синтез аль-Газали.* РУДН. 431 с.

Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал в Азии и Африке. Сб. науч. ст. РУДН. 224 с.

Амидаизм в Японии. Собрание текстов. Пер. с яп. ИВЛ. 311 с.

Аникеева Т. А. *Предания Коркута. Огузский героический эпос как источник по истории тюркских народов Центральной Азии IX–XX вв.* Наука: Вост. лит. 189 с.

Антропология Африки: новые объекты исследования. ИАфр РАН. 205 с.

Арабаджян З. А. *Иран: от революции до революции (история в лицах).* КМК. 159 с.

Армии на современном Востоке. Аспект Пресс. 380 с.

Ас-Салляби А. М. *Аль-Хасан ибн Али ибн Абу Талиб. Пятый праведный халиф.* Пер. с араб. Умма. 454 с.

Ас-Сиджистани, Абу Дауд. *Книга благовоспитанности. Китаб аль абад: из сб. «Сунан» Абу Дауда*. Умма. 487 с.

Ат-Тасхири, Мухаммад Али. *Коран в культуре мусульманских народов Садра*. 296 с.

Африка: политические портреты. Сб. науч. тр. ИАфр РАН. 197 с.

Ахмедов В. М. *Сирийское восстание: история, политика, идеология*. ИВ РАН. 193 с.

Ахундова Н. Ф. *Развитие суфизма в Азербайджане: возвышение шейха Сефи ад-дина Исхака Ардебили в эпоху ильханата (на основе сведений западной историографии)*. НИИ ИЭП. 200 с.

Ачкасов Н. Б. *Война в Корее*. Вече. 271 с.

Бабаев К. В. *Введение в африканское языкознание*. ЯСК. 351 с.

Бажанов Е. П. *Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества*. Дашков и Ко. Т. 9. Ч. 13: *Новые горизонты*, ч. 14: *Научная дипломатия*. 375 с.

Бакина В. И. *Космическая философия Древнего Востока*. БИБЛИО-ГЛОБУС. 167 с.

Баландин Р. К. *Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна*. Вече. 415 с.

Бальфур Дж. П. *Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX в*. Пер. с англ. Центрполиграф. 639 с.

Бармин Ю. Н. *Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений*. НП РСМД. 23 с.

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды*. Т-во науч. изд. КМК. 406 с.

Бачевский К. И. *Воспоминания о походе 18-го пехотного Вологодского полка в Турцию в 1877–1878 годах*. 221 с.

Беляев А. П. *Bungeiron. Взгляд на японское письмо*. РМУ. 387 с. (Orientalia et Classica: Труды Ин-та вост. культур и античности. Вып. 67).

Беляев Е. *Арабский Халифат в раннее Средневековье*. Ломоносовъ. 213 с.

Бибикова О. П. *Мусульмане Восточной Европы*. ИВ РАН. 196 с.

Ближний Восток — Северный Кавказ: культурная политика в деле укрепления межнационального мира и межрелигиозного согласия. Воробьев А. В. 143 с.

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. ИВ РАН. 555 с.

Бугай Н. Ф. *И. Сталин — Мао Цзэдун: судьбы китайцев в СССР—России (1905–1940-е годы)*. Филинъ. 318 с.

Бусидо. Кодекс самурая. АСТ. 318 с.

Бушков А. А. *Крым и крымчане, или Тысячелетняя история раздора*. Капитал. 320 с.

Вавилов А. И. *Катаклизмы «арабской весны»*. Библос консалтинг. 759 с.

Вавилонский Талмуд. Книжники. Лехаим. (Б-ка еврейс. текстов: Первоисточники). Т. 2: *Трактат Кидушин*. 336 с.

Ван Най. *История китайских иероглифов*. Шанс. 190 с.

Ван Юйлэй. История китайской одежды. Шанс. 93 с.

Васильев А. М. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. Центрполиграф. 670 с.

Васильев Д. В. *Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в*. РОССПЭН. 638 с.

Величко А. М. *История византийских императоров: в 6 т. Вече. Т. 5. От Исаака I Комнина до Алексея V Дуки Мурцуфла*. 511 с.

Велльхаузен Ю. *Арабский халифат: золотой век ислама*. Пер. с англ. Центрполиграф. 351 с.

Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. МГИМО-Университет. 639 с.

Волобуев В. И. *Карта Джунгарского государства 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник.* Пробел-2000. 224 с.

Вопросы тюркской филологии. Сборник. МБА. Вып. 12. Материалы Дмитриевских чтений, посвящ. памяти Д. М. Насилова. 300 с.

Воробьев В. В. *Правление в Пакистане М. Зия уль-Хака: особенности и последствия.* ИВ РАН. 238 с.

Воробьев В. П. *Права человека в иудаизме и еврейской правовой традиции.* Нац. обозрение. 206, 42 с.

Восстание армян в Ване. Пер. с англ. Науч.-полит. книга. 383 с.

Восточная Азия и изменения глобального миропорядка. Докл., представленные на V междунар. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дал. Востока РАН (Москва, 16–17 нояб. 2017 г.) ИДВ РАН. 287 с.

Восточная аналитика / Eastern analytics. 2018, вып. 1–2. 163 с. 2018, вып. 3. 227 с.

Восточный альманах. Сб. науч. ст. Квант Медиа. Вып. 2. 153 с.

Восточный Туркестан и Монголия: история изучения в конце XIX – первой трети XX века. Памятники ист. мысли. Т. 1. *Эпистолярные документы из архивов Рос. академии наук и Турфанского собрания.* 702 с. Т. 2. *Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Рос. академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики).* 706 с. Т. 3. *Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. академика С. Ф. Ольденбурга. Фотоархив из собрания Института восточных рукописей Рос. академии наук.* 529 с.

Ганиев Т. А. *Военная мощь Турецкой Республики.* ИБВ. Т. 1. 364 с.

Гвоздевская Г. А. *Япония: философия, язык, культура.* 78 с.

Го Цзинянь. *Наставления младшим.* Шанс. 118 с.

Головачев В. Ц. *Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии, XVII–XXI вв.* ИВ РАН. 319 с.

Гордийчук Н. В. *Граница империи: этнополитика и миграционные процессы в Закавказье в XIX в.* Изд-во МБА. 131 с.

Гражданская идентичность и символы России в Крыму. Сб. ст. Ин-т «Справедливый мир». 139 с.

Гране М. *Китайская цивилизация.* Алгоритм. 479 с.

Григорьев В. М. *Введение в уголовный процесс Турции.* Юрлитинформ. 188 с.

Грозин А. В. *Интернет и общественно-политические процессы в Центральной Азии.* ИВ РАН. 179 с.

Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь.* АСТ. 735 с.

Гумилев Л. Н. *Конец и вновь начало: попул. лекции по народо*ведению. 383 с.

Гумилев Л. Н. *От Руси до России.* ОГИЗ: АСТ. 319 с.

Гумилев Л. Н. *Полн. собр. сочинений.* АЙРИС-Пресс.

Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли. От Руси до России. Конец и вновь начало.* 1023 с.

Гумилев Л.Н. От Руси до России: ил. история Рос. империи. АСТ: ОГИЗ. 367 с.

Гурулева Т. Л. *Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество.* ВКН. 461 с.

Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе миру. Сохраним Тибет. 255 с.

Даниелян А. С. *Правовая система Израиля как феномен смешанной правовой семьи.* Юрлитинформ. 142 с.

Данильченко Ю. В. *Аспекты региональной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке.* Граница. 164 с.

Даулет Ф. Н. *Китайская картина мира в культуре и языке.* Триумф. 214 с.

Дербенев А. С. *Аравийский регион во внешней политике США.* Спутник+. 322 с.

Дерюгина И. В. *Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экон. рост и модернизация.* ИВ РАН. 287 с.

Десницкий А. С. *Вожди и цари Израиля.* (Библейс. пер. А. Десницкого). РИПОЛ классик. 535 с.

Джабер Дж. А. *Арабско-русский словарь идиоматических выражений.* Справочник пер.: свыше 2000 идиомат. выражений и фразеологизмов. ЯСК. 454 с.

Династия Мин: сияние учености. Пер. с кит. 239 с.

Дози Р. *Мавританская Испания. Эпоха правления халифов, VI-XI века.* Пер. с англ. Центрполиграф. 671 с.

Доклады Института Дальнего Востока РАН. ИДВ РАН. 2017. 95 с.

Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы IX междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сент. 2018 г.). Изд-во БНЦ СО РАН. Т. 2. 231 с.

Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.). НИИ ИЭП. 250 с.

Дубровская Д. В. *Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба.* ИВ РАН. 150 с.

Дугин А. Г. *Ноомахия: войны ума. Великая Индия. Цивилизация Абсолюта.* Акад. проект. 476 с.

Дугин А. Г. *Ноомахия: войны ума. Желтый дракон. Цивилизации Дальнего Востока. Китай. Корея. Япония. Индокитай.* Акад. проект. 598 с.

Дугин А. Г. *Ноомахия: войны ума. Хамиты. Цивилизация африканского Норда.* Акад. проект. 423 с.

Елена Рерих. *Листы дневника.* Т. VII. 1931–1933. Гос. музей Востока: Дельфис. 594 с.

Емельянов А. Г. *Казаки на персидском фронте.* Вече. 384 с. (Воен.-ист. б-ка).

Емельянова Н. Н. *Благородный гегемон: «Мягкая сила» во внешней политике Индии.* Аквилон. 191 с.

Емельянова Н. Н. *Индия на пути к демократии участия.* Канон+. 190 с.

Ёмота И. *Теория каваии.* Пер. с яп. Новое лит. обозрение. 214 с. (Культура повседневности).

Железнова Н. А. *Джайнизм: энцикл. словарь.* Наука: Вост. лит. 367 с.

Жерлицына Н. А. *Угрозы безопасности Африки: современные тенденции.* Учеб. пособие. МГЛУ. 273с.

Загородникова Т. Н. *Индия и Серебряный век русской культуры: очерки рус.-инд. отношений.* ИВ РАН. 235 с.

Запад-Восток-Россия: ежегодник. ИМЭМО РАН. (Б-ка Нац. исслед. ин-та МЭМО им. Е. М. Примакова).

Зарандия И. Ч. *Абхазия: независимость, оплаченная кровью героев.* Изд-во журн. «Москва». 319 с.

Звягельская И. Д. *Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении*. Аспект Пресс. 220 с.

Звягельская И. Д. *Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии*. 36 с. (Докл. междунар. дискус. клуба «Валдай»; май 2018).

Земцов В. С. *Хасан, 1938 год. Последняя операция маршала В. К. Блюхера*. Граница. 350 с.

Золотые письмена: тексты традиции Дзогчен. Номос. 166 с (Учение Дзогчен. Тексты).

И Цзин. Китайская книга перемен: древнейшее искусство предсказания будущего. 141 с.

Ибн Сина. *Повесть о Хаййе ибн Йакзане*. Пер. с араб. Садра. 205 с.

Изединов А. А. *На сопках Маньчжурии. В лабиринте странных решений*. Эксмо. 575 с.

Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания. ИВ РАН. Отв. ред. В. В. Наумкин; авт.-сост. Д. В. Дубровская. 336 с.

Иран: прошлое и настоящее. Избранные труды иранистов Института востоковедения РАН. ИВ РАН. 373 с.

Иранистика в Евразии прошлое настоящее, будущее. Сб. ст. Междунар. фонд иранистики. 140 с.

Исикава М. *Река во тьме. Мой побег из Северной Кореи*. Пер. с яп. Эксмо. 222 с.

Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока. Учеб. пособие. МГИМО-Университет. 351 с.

Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017). Биобиблиогр. словарь-справочник. МГИМО-Университет. 83 с.

Ислам. Кратко о важном. 4-е изд., пересмотр. Умма. 11 с.

Исламистские движения на политической карте современного мира. Вып. 3: Афразийская зона нестабильности. 249 с.

Исламская экономика. Сб. ст. Садра. 382 с.

История востоковедения: традиции и современность. Материалы III всерос. шк. конф. Москва, 11–12 нояб. 2015 г. ИВ РАН. 279 с.

История Дагестана. Учеб. пособие. Парнас. 397 с.

История Японии. Учеб. для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. Аспект-Пресс. 592 с.

Ишаев В. И. *Россия и Дальний Восток: история, экономика, политика*. Избр. тр. В 3 т. МАКС Пресс. Т. 2: *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. 577 с.

Каддафи М. *Зеленая книга*. Концептуал. 195 с.

Казахстан как миграционный хаб Евразии: вклад миграции в устойчивое развитие. Сб. ст. Экон.-Информ. 166 с.

Казиев Ш. М. *Имам Шамиль*. Молодая гвардия. 399 с.

Камень в фундаменте российско-китайской дружбы. Сб. науч. тр. памяти А. Ф. Мочульского. МГИМО-Университет. 302 с.

Каравидопулос И. *Введение в Новый завет*. Изд-во ПСТГУ. 367 с.

Катасонов В. Ю. *Иерусалимский храм как финансовый центр*. 2-е изд., испр. и доп. Б-ка РЭО им. С. Ф. Шарапова. 255 с.

Ким Ир Сен. *Чучхе. Моя страна – моя крепость*. Пер. с корейс. 223 с.

Китай в мировой и региональной политике. История и современность. ИДВ РАН. Вып. 23. 391 с.

Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 24-25 окт. 2018 г. ИДВ РАН. 239 с.

Китай: политика, история, культура: к 85-летию Ю. М. Галеновича. Синосфера. 316 с.

Китайская мечта: что она означает для Китая и для всего мира. Пер. с кит. Наука: Вост. лит. 159 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 2017–2018. ФОРУМ. 435 с.

Китайское искусство войны: Постижение стратегии. Пер. с англ. АСТ. 399 с.

Клейб С. *Разрушение Сирии или уход Асада?* Пер. с араб. Библос консалтинг. 456 с.

КНДР и РК — 70 лет. ИДВ РАН. 375 с.

Кожин П. М. *Социально-культурные проблемы религий в Китае.* Синосфера. 415 с.

Коновалов И. П. *Войны Черного континента. Военные конфликты в Африке 1950–2000 гг.* Вече. 287 с.

Коран. Перевод смыслов. 6-е изд., стер. Умма. 1167 с.

Корейско-русский, русско-корейский словарь: более 15000 слов и выражений. АСТ: Lingua. 639 с.

Кривец Е. А. *Самобытность христианской (коптской) общины Египта и современность.* ИВ РАН. 243 с.

Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав. ИМЭМО РАН. 69 с. (Б-ка Нац. исслед. ин-та МЭиМО им. Е. М. Примакова).

Кризис на Ближнем Востоке: истоки и проявления: аналит. докл. Науч. эксперт. 71 с.

Крупянко М. И. *Политическая энциклопедия современной Японии.* Энциклопедия в 2 т. Междунар. отношения. Т. 1: А–О. 765 с. Т. 2: П–Я. 888 с.

Крылова Н. Л. *«Русские африканки» в XX столетии: Семья. Судьба. Отчизна.* ИАфр РАН. 613 с. (Гендер. исследования; т. 21).

Крым в истории, культуре и экономике России. Каталог науч. изд., исслед., экспедиций и конф., осущ. при фин. поддержке РФФИ. РФФИ. 127 с.

Кузина А. *Китай. Все тонкости.* АСТ. 352 с.

Кузнецов А. А. *Клинок на ковре. Записки коллекционера кавказского оружия.* 335 с.

Куличкин С. П. *Крымская война, 1853–1856. От Балтики и Дуная до Кавказа и Камчатки.* Вече . 367 с.

Кулланда С. В. *Происхождение варн.* ИВ РАН. 150 с.

Культура Востока. ГИИ. Вып. 3: *«Визитные карточки» восточных культур.* 246 с.

Курды. Легенда Востока. Арбор. 456 с.

Лазарев А. М. *Япония: как восходило солнце.* Де'Либри. 241 с.

Лазарев А. М. *Япония: по дороге с Хиросигэ.* Де'Либри. 125 с.

Ланда Р. Г. *Нескончаем век минувший: (воспоминания).* ИВ РАН. 221 с.

Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). АСТ. 249 с.

Лашков А. Ю. *Сирия. Далекая и близкая война.* МБА. 203 с.

Ле Фаню М. *Мидзогути и Япония.* Пер. с англ. Rosebud Publishing. 223 с.

Лебедева Н. Б. *Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений).* ИВ РАН. 575 с.

Ли Бинь. *История традиционного китайского театра.* Шанс. 214 с.

Ли Куан Ю. *Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965-2000).* Манн, Иванов и Фербер. 564 с.

Ли Лянь. *Подлинная традиция тренировочного комплекса тайцзицюань.* Пер. с кит. 640с.

Ли Шэньшэнь. *Межкультурный диалог: исследование гармоничного общества с китайской спецификой.* Пер. с кит. Логос. 391 с.

Лимарев В. Н. *Этногенез геоэтноса хетты.* Лемма. 51 с.

Лин Бао. *Летящие на лотосе, или Тайны Дао для двоих: обучение Ши искусству любви, его вопросы и мои ответы: рукопись четвертая*. 2-е изд.

Ло Чжэн. *Двадцать лекций о пекинской опере*. Шанс. 415 с.

Логунов С. *Путь самурая. Внедрение японских бизнес-принципов в российских реалиях*. Изд-во «Э». 256 с.

Лужков Ю. М. *Россия на перепутье… Дэн Сяопин и старые девы «монетаризма»*. Изд. 2-е, доп. Вече. 639 с.

Лузянин С. Г. *Россия — Китай: формирование обновленного мира*. Весь Мир. 323 с.

Лю Чжэньюй. *Краткая история народов Китая*. Шанс. 207 с.

Лю Шичжун. *История китайской живописи*. Шанс. 222 с.

Люй Сыцун. *Китаеведение в московских коммунистических университетах: УТК/КУТК и КУТВ (1921–1939)*. 28 с.

Маймонид (Моше Бен Маймон). *Мишне Тора (Кодекс Маймонида): пер. с иврита*. Книжники: Лехаим. Книга «*Служение*». 898 с. Книга «*Ущербы*». 582 с.

Маккалох Д. *Христианство. Три тысячи лет*. Пер. с англ. 2-е изд. Эксмо. 1196 с.

Малыхина Н. С. *Путешествие в Нижний и Верхний Египет. Произведения Доминика Вивана Денона из собрания Музея-панорамы «Бородинская битва»*. Альбом-каталог. БуксМарт. 311 с.

Мамаева Н. Л. *Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества*. Весь Мир. 598 с.

Мамедова Н. М. *Экономика Ирана*. Учеб. пособие. МГИМО-Университет. 334 с.

Мамедова Н. М. *Экономика Турции*. Учеб. пособие. МГИМО-Университет. 315 с.

Маслов А. А. *Китай: наука управления*. РИПОЛ классик. 271 с.

Медведко Л. И. *Зори Востока. Востоковеды — друзья и наставники*. ИВ РАН. 221 с.

Медиасистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования. Аспект Пресс. 191 с.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Эксперт. докл. за первое полугодие 2018 г. АРИАЛ. 63 с.

Мень А. Собрание сочинений. Т. 6, кн. 5. *Вестник Царства Божия. Библейские пророки от Амоса до Реставрации (VIII–IV вв. до н.э.)*. Изд-во Моск. Патриархии. 543 с.

Миришли Ф. Р. *Геошелкотракт (Освоение Великого Шелкового пути — инноватизация мировой экономики)*. Учеб. пособие. Известия. 665 с.

Мировое развитие. ИМЭМО РАН. (Б-ка Нац. исслед. ин-та мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова). Вып. 19: *«Глобальный Юг» в полицентричном мире*.

Мифы Древней Индии. Абрис: Олма. 255 с. (Мифы народов мира).

Миямото Мусаси. *Книга пяти колец*. Сб. трактатов. АСТ: ОГИЗ. 270 с.

Млечин Л. М. *Евгений Примаков. Человек, который спас разведку*. *Алгоритм*. 287 с. (Жизнь замечат. разведчиков).

Москаленко В. А. *Влияние последствий региональных конфликтов на Ближнем Востоке на политику Турецкой Республики*. 207 с.

Москаленко И. И. *Традиционное сознание индоиранских народов в его культурно-историческом развитии*. Триумф: Лучшие книги. 256 с.

Моя вторая родина Китай. Книга памяти об академике М. Л. Титаренко. Пер. с кит. ИДВ РАН. 599 с.

Мудрецы Поднебесной империи. Абрис: ОЛМА. 255 с.

Мудрость великих правителей. Абрис: ОЛМА. 255 с.

Мухин Ю. И. *Афганский фронт СССР: забытая победа*. Родина. 271 с.

Мюллер А. *История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов в XVI веке*. Пер. с нем. Центрполиграф. 703 с.

Мясников В. С. *Китай — катящийся камень*. Наука. 470 с.

Надеин-Раевский В. А. *Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, Армении и России*. Рус. панорама. 361 с.

Наумкин В. В. *Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами*. ИВ РАН: Аспект Пресс. 453 с.

Научные труды Института практического востоковедения. Материалы студенч. науч. конф. ОЧУ ВО ММА. Вып. 7. 234 с.

Неглинская М. А. *Китайский стиль цинского двора (1644–1911) и европейский предмодернизм*. Спутник+. 431 с.

Неменко А. В. *Крым–42. Керченско-Феодосийская операция*. Яуза-каталог: Эксмо. 351 с.

Ницше Ф. В. *Так говорил Заратустра*. АСТ. 799 с.

Ниязи А. Ш. *Проблемы развития и безопасности на рубеже XX–XXI вв.: общество, природа культура. Пример Центральной Азии*. ИВ РАН. 259 с.

Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегод. науч. конф. Центра полит. исслед. и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 14 и 16 марта 2018 г. ИДВ РАН. 303 с.

Нофал Ф. О. *«И места хватит всем…»: соврем. араб. поэзия и мировая лит*. ЯСК. 158 с.

Нуген Куок Хунг. *Политика соседства и сотрудничества России с восточноазиатскими странами в XXI веке*. Эдитус. 167 с.

Обеспечение устойчивого развития: потенциал финансовых инициатив БРИКС. Науч.-практ. конф. 24 окт. 2017 г. РИСИ. 222 с.

Овчинников В. В. *Сакура и дуб*. (Размышления странника. Лучшее от В. Овчинникова). АСТ. 607 с.

Овчинский В. С. *Виртуальный щит и меч. США, Великобритания, Китай в цифровых войнах будущего*. Кн. мир. 319 с.

Оловинцов А. Г. *Тюрки или монголы? Эпоха Чингисхана*. Изд. 2-е. испр. Алгоритм. 447 с.

Орлова К. В. *Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII – начало XX вв.)* ИВ РАН. 398 с.

Основы африканского языкознания. Языковые контакты в Африке. ЯСК. 380 с.

Островенко Е. Д. *Дипломатические службы Ирана и Афганистана: очерки истории, традиции, современность*. 2-е изд., перераб. и доп. МГИМО-Университет. 183 с.

Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг. Биогр. справочник. Старая Басманная. 769 с.

Памятники фольклора монгольских народов. В 10 т. ИМЛИ РАН. Т. 5. *Обрядовый фольклор*: на калм., бурят., монг. яз. 623 с. Т. 8. *Пословицы и поговорки*: на калм., бурят., монг. яз. 628 с.

Пивоварова Э. П. *Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР*. ИДВ РАН. 50 с.

Письма Махатм. Универсалист. 1036 с.

Поворот Африки на «Восток» и интересы России. ИАфр РАН. 302 с.
Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Альманах. Ключ-С. Вып. 8. 339 с.
Полищук В. У. *Пограничники в Афганистане.* Вече. 303 с.
Портяков В. Я. *Муравей грызет кость.* Избр. очерки о Китае. Форум. 463 с.
Правовые основы бизнеса в Китае. РКЮО. 568 с.
Пржевальский Н. М. *От Кяхты на истоки Желтой реки.* Вече. 383 с.
Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения. ИМИ МГИМО МИД России. 66 с.
Проблемы субъекта в индийской философии. Проблемы истории, филологии, культуры. Науч. рец. журнал. 2018, № 4(62): Октябрь-ноябрь-декабрь. 233 с.
Пространства и смыслы. Памятные страницы истории Арабского Востока. Садра. 270 с.
Прямой путь: сборник статей шейха Саида Фуды. Даруль-Фикр. 162 с.
Пятигорский А. М. *Избранные статьи по индологии и буддологии, 1960–1970-е годы.* РГГУ. 369 с.
Рамадан Т. *Ислам. Прошлое и настоящее.* Пер. с англ. КоЛибри: Азбука-Аттикус. 287 с.
Религия и общество на Востоке. ИВ РАН. Вып. 2. 333 с.
Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. ИДВ РАН. 111 с.
Робертс Дж. М. *Мировая история.* Пер. с англ. Центрполиграф. 1247 с.
Родисьо А. *Невесты Джихада: почему европейские девушки решают уехать в «Исламское государство».* Пер. с исп. Бомбора. 410 с.
Российское китаеведение — устная история. Сб. интервью с ведущими рос. китаеведами XX–XXI вв. В 3 т. Ин-т востоковедения РАН: МАКС Пресс. Т. 3. 479 с.
Российско-китайский диалог: модель 2018. НП РСМД. 165 с. (Доклад / Рос. совет по междунар. делам; 2018; №3 9).
Россия и Центральная Азия: новые перспективы. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию установления дипломат. отношений между Рос. Федерацией и гос-вами Центр. Азии (Москва, 14 июня 2017 г.). МГИМО-Университет. 252 с.
Рунов В. А. *Боевые операции СССР в Афганистане.* Вече. 367 с.
Рыжакова С. И. *Путешествие в бесконечность. Индийские этнографические этюды.* Вече. 351 с.
Сайиди Х. *Личность Али ибн Хусайна.* Пер. с перс. Садра. 374 с.
Сайиди Х. *Личность Фатимы Захры.* Пер. с перс. 2-е изд. Садра. 172 с.
Сайиди Х. *Личность Хасана ибн Али.* Пер. с перс. 2-е изд. Садра. 166 с.
Санджар Абдул Малик. *Люди упрека и порицания.* Совпадение. 247 с.
Сафронов А. В. *Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н. э.* 174 с.
Сенкевич А. Н. *Блаватская.* 2-е изд. Молодая гвардия. 527 с.
Сенкевич А. Н. *Будда.* Молодая гвардия. 431 с.
Сибгатуллина А. Т. *Непреклонная Халиде. Жизнь и творчество турецкой писательницы Халиде Эдип Адывар.* Пробел-2000. 183 с.
Сибгатуллина А. Т. *Человек на минбаре. Образ мусульманского лидера в татарской и турецкой литературах (конец XIX – первая треть XX в.).* Садра. 271 с.
Сияхпуш С. А. *Бейт ал-хикма. История академии наук на Востоке.* Пер. с нем. Садра. 396 с.
Слащов-Крымский Я. А. *Белый Крым, 1920.* Вече. 319 с.
Современный Китай: Соц.-эконом. развитие, нац. политика, этнопсихология. 3-е изд. КРАСАНД. 295 с.

Соколов А. П. *Книга Иисуса Навина*. Познание. 270 с.

Соколов А. П. *Книга пророка Амоса: введение и коммент*. Познание. 446 с.

Сорокина Г. А. *Монголия. Революция. Буддизм: по страницам лит. произведений*. Экон.-информ. 111 с.

Сто неканонических стратегий: сражения и тактика в военном деле Древнего Китая. Пер. с кит.; пер. с англ. АСТ. 335 с.

Столяров А. М. *Ислам, Россия и Запад в поисках будущего*. МБА. 355 с.

Страны Азии и Африки в XX веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс: к 90-летию В. Г. Растянникова. ИВ РАН. 381 с.

Сунь-цзы. *Искусство войны*. Пер. с англ. София. 224с.

Сухинин В. Е. *«Культурный язык» в КНДР: крат. курс*. МГИМО-Университет. 113 с.

Сюэ Фэй. *Притчи Чжуан-цзы*. Пер. с кит. Шанс. 221 с.

Тавровский Ю. В. *Си Цзиньпин. Новая эпоха*. Эксмо. 383 с.

Такуан Сохо. *Самураи. Путь воли и меча*. Пер. с яп. АСТ. 399 с.

Тальская О. Д. *Россия о Средней Азии: идеология и политика (конец XIX – начало XX века)*. Аквилон. 317 с.

Терентьев М. А. *История завоевания Средней Азии*. В 3-х тт. АИРО-XXI. (Из русского прошлого). Т. 1. 543 с. Т. 3. 554 с.

Терновая Л. О. *Гений места Крыма: единство геопоэтики и геополитики*. Город XXI век. 222 с.

Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. Пер. с англ. АСТ. 415 с.

Тирош. Тр. по иудаике. (Judaica Rossica). Вып. 17. 309 с.

Тирош. Тр.по иудаике, славистике, ориенталистике. (Judaica Rossica). Вып. 18. 251 с.

Титлин Л. И. *Проблема субъекта в индийской философии («Пудгалавинишчая» Васубандху)*. Онто Принт. 362 с.

Торчинов Е. А. *Путь ученика. Введение в буддизм*. РИПОЛ классик. 430 с.

Третьякова Э. В. *Словарь священной речи санскрита*. Спутник+. 169 с.

Трощинский П. В. *Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР)*. ВКН. 182 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: *Проблемы общей и востоковедной лингвистики: языки Южной и Юго-Восточной Азии*. ИВ РАН. 239 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: *Пакистан: история и современные проблемы*. ИВ РАН. 405 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 9: *Национальная культура в транснациональном пространстве*. Материалы «Круглого стола», апр. 2018 г. ИВ РАН. 411 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 11: *Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность*. ИВ РАН. 212 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: *Архивное востоковедение (материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН)*. ИВ РАН. 251 с.

Тюдор Д. *Северная Корея изнутри: черный рынок, мода, лагеря, диссиденты и перебежчики*. Эксмо. 286 с.

Уоррик Дж. *Черные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий*. АСТ: CORPUS. 446 с.

Урушадзе А. *Кавказская война. Семь историй*. Новое лит. обозрение. 332 с.

Усмирение Китая, 1900. Пятый Рим. 78 с. Доступ. Ист. б-ка; № 3.

Файн В. Я. *Жизнь востоковеда. По материалам личного архива профессора И. С. Брагинского*. ИВ РАН. 423 с.

Фатланд Э. *Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога*. РИПОЛ классик. 527 с.

Федорченко А. В. *Государство Палестина: право на будущее*. МГИМО-Университет. 419 с.

Филология и лингвистика в современном мире. II Междунар. науч. конф. (Москва, июль 2018 г.) БукиВеди. IV, 41 с.

Фитуни Л. Л. *Ислам. Глобальное управление и новый миропорядок*. ИАфр РАН. 375 с.

Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий: пер. с англ. «Э». 686 с.

Хазанов А. М. *Секретные войны ЦРУ на Блжнем Востоке и в Африке до начала «арабской весны»*. Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА. 183 с.

Ханалиев Н. У. *Большой Ближний Восток. Вызовы и угрозы национальной безопасности России*. РосНОУ. 247 с.

Ханин (Зеэв) В. *Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики*. 220 с.

Христианско-исламский диалог. Хрестоматия. Пер.с нем. ББИ. XXIV, 378 с.

Хуан Паньпань. *Китайские традиции и обычаи*. Шанс. 269 с.

Хун Цзюньшэн. *Прикладная техника кулачного боя тацзицюань стиля чэнь*. Пер. с кит. Маска. 815 с.

Цзянь Ифань. *История Янцзы*. Шанс. 172 с.

Ци Синь. *История культуры винопития в Китае*. Шанс. 160 с.

Цитович Я. В. *Система безопасности государства Израиль*. ИНФРА-М. 184 с.

Цудзи Нобуо. Генеалогия эксцентриков: от Матабэя до Куниёси. Ад Маргинем Пресс. 206 с.

Человек и культура Востока. Исслед. и переводы. ИДВ РАН. 2017–2018. 191 с.

Чернявский С. Н. *Империя хорезмшахов*. Вече. 367 с.

Чжэн Ханшэн. *Новая история представлений об обществе в Китае*. Шанс. 526 с.

Шаер Р. А. *Сражающаяся Сирия: записки палестинского публициста*. Правда-Пресс. 359 с.

Шан Ян. *Книга правителя области Шан*. РИПОЛ классик. 422 с.

Шигин В. В. *У врат Царьграда. Русско-турецкая война на море в 1828–1829 гг*. Вече. 335 с.

Шпулер Б. *Золотая Орда. Монголы на Руси, 1223–1502*. Пер. с нем. Центрполиграф. 415 с.

Шуфан Я. *Культурная регионализация: опыт России и Китая в практиках развития социокультурного пространства*. БИБЛИО ГЛОБУС. 325 с.

Щегловин Ю. Б. *Размышления о сирийском конфликте*. 176 с.

Экологическое законодательство КНР: сб. законов и док. Прогресс. 535 с.

Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: ежегодник. Памяти Л. И. Рейснера. ИВ РАН. 228 с.

Элгуд П. *Египет под властью Птолемеев. Иноземцы, сменившие древних фараонов. 325–330 гг. до н.э*. Пер. с англ. Центрполиграф. 319 с.

Этимологический словарь монгольских языков. В 3 т. ИВ РАН. Т. 3: O-Z. 239 с.

Юй Дань. *Уроки «суждений и бесед»: цвет и температура Конфуция*. Шанс. 175 с.

Яари А. *Страна Израиля в письмах и воспоминаниях XVII–XX веков*. В 2-х тт. Мосты культуры. Т. 1. 590 с.

Якимова Е. А. *Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство*. 221 с.

Якушев М. М. *Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.)*. Индрик. 510 с.

Япония: ежегодник. 2018. Т. 47. 399 с.

Японский феномен глазами российских японоведов. Аспект Пресс. 400 с.

13-я пятилетка (2016–2020) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». ИДВ РАН. 303 с.

1937 год: русскоязычные корейцы — прошлое, настоящее и будущее. Сб. материалов Междунар. симпозиума, посвящ. 80-летней годовщине принудит. переселения корейцев с Дал. Востока в Центр. Азию (15–17 сент. 2017 г., Владивосток — Уссурийск). Аквариус. 751 с.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
опубликованных в «Вестнике Института востоковедения РАН» в 2019 г.

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Авдаков И. Ю. История торговли России со странами Востока на Нижегородской ярмарке	2	203–213
Авдаков И. Ю., Лукоянов А. К. Дальний Восток, Средняя Азия и Кавказ на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде	1	159–164
Алаев Л. Б. «Разбирая связки старых писем…» (опыт общения со старшим товарищем)	2	10–24
Алаев Л. Б., Загородникова Т. Н. Кока Александровна Антонова: женщина в востоковедении	1	10–16
Александрова Н. В. Конь без всадника и дерево джамбу: к интерпретации рельефа на восточных воротах большой ступы в Санчи	3	83–96
Александрова Н. В., Русанов М. А. Первое подношение Будде: бедная трапеза и богатство смыслов. Часть I	1	105–113
Александрова Н. В., Русанов М. А. Первое подношение Будде: бедная трапеза и богатство смыслов. Часть II	2	143–154
Аникеева Т. А. Труды Института востоковедения РАН на Международной книжной выставке-ярмарке в Калькутте	1	268–270
Аникеева Т. А., Досовицкая В. В., Дубровская Д. В., Столяров А. А. XI Международный Конгресс исследователей Азии в Лейдене	4	244–248
Арабаджян З. А. Причины и последствия ввода русский войск в Тавриз в апреле 1909 г. (по русским архивам)	1	165–175
Асадуллин Ф. А. Русское летописное наследие в свете кросс-культурных связей тюркских и славянских народов России: от «идеологии молчания» к идеологии этноконфессионального согласия	1	140–151
Атманова Ю. Г. Индийский панегирик в ракурсе визуальной семиотики: вербальный и изобразительный тексты Могольского монаршего портрета. Часть I	1	58–68
Атманова Ю. Г. Индийский панегирик в ракурсе визуальной семиотики: вербальный и изобразительный тексты могольского монаршего портрета. Часть II	2	106–114
Ахмедов В. М. «Дамасская весна» и сирийский кризис	4	206–214
Ахмедов В. М. Россия и Иран в Сирии: фактор силы	3	184–192
Ахмедов В. М. Турецкий выбор	2	214–220

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Балахванцев А. С. Рецензия на коллективную монографию «Кампыртепа — кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001–2010 гг.»	1	256–259
Белокреницкий В. Я. Рецензия на книгу В. В. Наумкина «Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами»	2	292–301
Белокреницкий В. Я. Рецензия на коллективную монографию «Вторая мировая война и Восток»	3	293–303
Белокреницкий В. Я. Этнотерриториальная структура Пакистана. К проблеме понимания и управления сложным обществом. Часть I	3	209–222
Белокреницкий В. Я. Этнотерриториальная структура Пакистана. К проблеме понимания и управления сложным обществом. Часть II	4	169–181
Беляков В. В. «Арабская весна» и египетские христиане-копты	1	185–190
Беляков В. В. Г. И. Лукьянов: штрихи к портрету	3	163–169
Беляков В. В. Изменения в конституции Египта 2014 г.	2	221–225
Бибикова О. П., Цветкова Н. Н. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки	1	271–280
Бойкова Е. В. Научная дипломатия как фактор китайско-российско-монгольского взаимодействия в рамках проекта «Экономический коридор «Китай–Монголия–Россия»	4	182–187
Болдырев А. В. «Византия — роковой город»: Восточный вопрос и попытки его «рационализации» в российском общественно-политическом дискурсе (вторая треть XIX в.)	1	152–158
Болдырев А. В. Взгляд на экспертное сообщество Турции после попытки военного переворота 2016 г.	4	188–197
Болдырев А. В. К вопросу о правовом регулировании судоходства в Стамбульском канале	3	223–234
Болдырев А. В. О некоторых материалах по истории Османской империи кабинета-библиотеки имени академика В. А. Гордлевского Института востоковедения РАН	2	241–246
Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Две выставки искусства догонов (Республика Мали) в Государственном музее Востока	3	304–313
Вертяев К. В. Протогосударственность региона Курдистан (Ирак): динамика и процесс национальной консолидации в условиях культурно-сложного общества	4	215–226
Ветохов С. В. 200 лет изучения древнеегипетских скальных гробниц в Гизе	1	23–37

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Ветохов С. В. Сердаб в древнеегипетской скальной гробнице Кахерптаха (G 7721) в Гизе: новые данные	3	32–44
Вольчик В. В., Лубский А. В., Макаренко В. П., Петров М. А. Неполиткорректная наука — востоковедение: уроки Леонида Борисовича Алаева	4	12–24
Вырщиков Е. Г. Представления об идеальном городе-крепости в «Артхашастре»	1	84–93
Вырщиков Е. Г. Прогулка по городу с Хануманом (представления об идеальном городе и *кхандхаваре* в «Рамаяне», «Артхашастре» и палийских источниках)	2	115–129
Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть I. Путаница и неразбериха: «эмоции», «чувства», «аффект»	1	241–255
Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть II. «Рог изобилия» и свобода трудного выбора	2	247–255
Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или приглашение к «аффективному дискурсу». Часть III. Экскурс в эмоционально-лингвистическую прагматику	3	170–183
Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «Аффективному дискурсу» Часть IV. Лидеры истории эмоций	4	122–133
Глушкова И. П. На побегушках. Притхвирадж Таур о слуге по имени Тукарам	2	334–339
Головачёв В. Ц. Исследования П. И. Ибиса на Тайване в 1875 г. и этнографические инструкции Императорского Русского географического общества	1	203–215
Горбунова Н. М., Иванова И. И. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона	2	226–234
Горбунова Н. М., Иванова И. И. Региональные противоречия вокруг сирийского кризиса: Турция, Ливан, Саудовская Аравия, Катар	3	193–208
Графов Д. Б. Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга	3	235–248
Гусева А. В. Первая Восточная секция на VIII международной научной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства. Границы и горизонты» (2–6 октября 2018 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)	2	315–318

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть I	2	275–291
Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть II	3	249–257
Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть III	4	227–243
Дерюгина И. В. Виктор Георгиевич Растянников: судьба человека и ученого	1	17–22
Дмитриев С. В. Ежеквартальные семинары Отдела Китая ИВ РАН «Китай и мир. Традиции и современность»	1	281–286
Досовицкая В. В. Современные японские исследователи о политике Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX в.	4	134–147
Дробышев Ю. И. Монгольские ритуалы в русских летописях	4	91–102
Дубовицкий В. В. Новые данные по исследованиям А. Е. Маджи в области исламоведения	1	216–221
Захаров А. О. Политический строй Фунани по китайским источникам	4	59–77
Зубова О. И. Бог Великий (*ntr aA*) и Бог Прекрасный (*ntr nfr*) — два образа божественной сущности египетского царя	4	46–58
Зубова О. И., Петрова А. А. Случаи употребления глаголов *dr* и *skj* в древнеегипетских текстах	1	38–45
Иванов А. А. АСЕАН и вокруг нее: нужен ли России стратегический шаг в Азию?	1	176–184
Имамкулиева Э. Э., Садыгзаде М. С. Проблемы развития исламского банкинга в России	1	191–202
Иткин И. Б. Тохарская А рукопись №№ 144–211 из Шорчука: новые данные. II	3	275–292
Кадырбаев А. Ш. Тюркские мамлюки в стране пирамид в эпоху монгольского нашествия (XIII–XIV вв).	2	155–166
Китинов Б. У. XV Семинар Международной ассоциации тибетологических исследований (Париж, 7–13 июля 2019 г.)	4	249–255

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Книги востоковедной тематики, изданные московскими издательствами в 2018 г.	4	260–271
Кожа К. А. «Голосовая система китайской письменности» Ж.-М. Каллери, замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка В. П. Васильевым: три грани одного вопроса	3	258–265
Козлова А. А. Махатма Ганди и индийская современность	2	319–325
Космарский А. А. Среднеазиатский город в текстах XVIII–XX вв.: зарождение урбанистического духа в описаниях архитектуры и социальной среды	3	153–162
Куватова В. З. Особенности эллинизированных египетских культов в Римской империи	3	45–55
Куватова В. З. Романизирующая батальная сцена из мероитского храма Абу Эртейлы (Судан): сравнительный анализ	4	78–90
Куватова В. З. Следы амарнского стиля в рельефах древнеегипетской гробницы Петосириса (Туна эль-Гебель)	2	91–105
Кузьмин С. Л. Монголы на службе атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна	2	167–185
Куценков П. А. Скульптура малийской деревни Энде и проблема существования деревенских и индивидуальных стилей в традиционном искусстве догонов	1	69–83
Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В. Экспедиция в Республику Мали (Страна догонов, регион Мопти) в январе 2019 г.	2	25–38
Лебедев М. А. «Сделал он памятник этот»: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан)	2	39–55
Лебедев М. А. Трава *махареб* в некрополе Абу Эртейлы (Судан): неизвестный ритуал или бытовое действие?	1	94–104
Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока	3	314–320
Лебединский В. В., Пронина Ю. А., Татарков Д. Б., Двухшорстнов В. И. Византийское кораблекрушение у Балаклавы: опыт глубоководных исследований в Черном море	4	36–45
Лепехова Е. С. Императрица Комё и ее посмертный культ в храме Хоккэдзи	1	114–126
Макеев Ю. А. Использование механизма капитализации природной ренты для решения проблемы необходимости сокращения выбросов парниковых газов (в т. ч. в КНР и Индии)	4	198–205

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Малых С. Е. Вещественная сторона функционирования мероитского культового комплекса на керамическом материале из главного здания храма в Абу Эртейле (Судан)	2	56–73
Малых С. Е. Керамика из малого святилища мероитского храма в Абу Эртейле (Судан): датировка и интерпретация	3	68–82
Малых С. Е. Редкий тип египетских пивных кувшинов эпохи Древнего царства в восточной Гизе	1	46–57
Молодяков В. Э. Колониальный Тайвань 1920-х гг. глазами британских аналитиков: Оуэн Раттер и Френсис Пиггот	2	186–193
Офертас С. Ч. К постановке вопроса о тождестве самому себе в толкованиях Абхинавагупты на «Ишьварапратьябхиджня-карики» Утпаладевы: «Ишьварапратьябхиджня-вимаршини» и «Ишьварапратьябхиджнявиврти-вимаршини»	4	103–121
Памяти профессора Ростислава Борисовича Рыбакова (28.03.1938–07.08.2019)	3	321–323
Памяти тюрколога, коллеги и друга. Шарип Шарипович Ахмедов (27.10.1937–16.08.2019)	3	324–326
Печалов Д. В. Кузнецы Японии эпохи Камакура: Ямасиро Рай Кунитоси	3	97–114
Погибенко Т. Г. Можно ли считать, что кхмерский язык — это язык с «декоративной» морфологией? (Критика взглядов Дж. Хаймана на кхмерский язык)	2	256–267
Полхов С. А. О:та Гю:ити и его «Записи о князе Нобунага»: некоторые итоги изучения в японской исторической науке	3	115–133
Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свитки I, II (перевод и комментарии)	4	148–168
Полхов С. А. Рецензия на: В. А. Матвеенко «Экзистенциально-онтологические основания политической культуры Японии периода Нара (VII–VIII вв.)»	2	302–314
Прожогина С. В. Национальная культура в транснациональном пространстве	1	287–295
Прожогина С. В. Почему «ориенталистской» филологии нужно знание современности	4	25–35
Прудников В. В. Международный сельджукский историко-географический симпозиум Сирия–Ирак–Палестина	4	256–259
Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть I	3	12–31

Автор и название статьи	*Номер журнала*	*Стр.*
Прусаков Д. Б. Нил до гидростроительства: речной бассейн и предыстория «водохранилищ столетия» (к проблеме «голоценового моря» в Среднем Египте)	2	74–90
Рудницкая Е. Л. Устный и литературный варианты эвенкийского языка начала XXI в.: архаические явления и инновации	3	266–274
Сафонова Н. В. К вопросу об изображении животных на александрийских геммах греко-римского Египта	3	56–67
Сидорова С. Е. Баварчи, кхансаман и кхидматгар: слуги на кухне и в столовой колониального бунгало в Индии	3	142–152
Скворцова Е. Л. О танатологии японского мыслителя Имамити Томонобу	2	130–142
Столбова О. В. Некоторые дополнения к «бинарной теории редупликации» («замещающая редупликация» в чадских языках и в аккадском)	2	268–274
Столяров А. А. Буддийские нарративные источники о начале династии Палов	2	235–240
Столяров А. А. Списки «подданных» в жалованных грамотах Палов и степень их достоверности	1	222–230
Тимохин Д. М. О роли городов во взаимодействии Хорезма и кочевых племен Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII вв. на примере Дженда	3	134–141
Тишин В. В. Новые книги по этнической истории бурят	1	260–267
Фёдоров М. Н. Хроника Абд ар-Рахмана ал-Джабарти как источник о денежном обращении и ценах в Египте во время правления Мухаммада Али	1	231–240
Филатов С. Б. Санкт-Петербург — столица русского буддизма	1	127–139
Цвижба Л. И. Натухайцы в системе политики Российской империи	2	194–202
Шустова А. М. Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» как важный вклад в развитие российского востоковедения	2	326–333

Подписано в печать 11.12.2019. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 23,3.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru

Фото 1. Мероитский храм в Абу Эртейле (Судан). Помещение 39, вид с юга (*фото М. А. Лебедева*)

Фото 2. Мероитский храм в Абу Эртейле (Судан). Помещение 39, вид с запада (*фото М. А. Лебедева*)

Фото к статье В. З. Куватовой
«Романизирующая батальная сцена из мероитского храма Абу Эртейлы (Судан): сравнительный анализ»

Фото 3. Мероитский храм в Абу Эртейле (Судан). Остатки росписи на северной стене помещения 39 (*фото М. А. Лебедева*)

Фото 4. Мероитский храм в Абу Эртейле (Судан). Остатки росписи на северной стене помещения 39, деталь (*фото С. В. Ветохова*)

Фото 6. Стеклянный кубок с изображением гладиаторских боев, вторая половина I в. н. э. (© Музей Метрополитен, инв. № 81.10.245)

Фото 5. Расписной стеклянный кубок с изображением гладиаторских боев, середина II в. н. э., вероятно, из Египта (© Музей Метрополитен, инв. № 22.2.36, 37)

Фото 7. Терракотовая лампа, 27 г. до н. э. – 37 г. н. э., Кипр (© Британский музей, инв. № 1881,0824.91)

Фото 8. Терракотовая лампа, 175–250 гг. н. э., Кипр (© Музей Метрополитен, инв. № 74.51.2029)

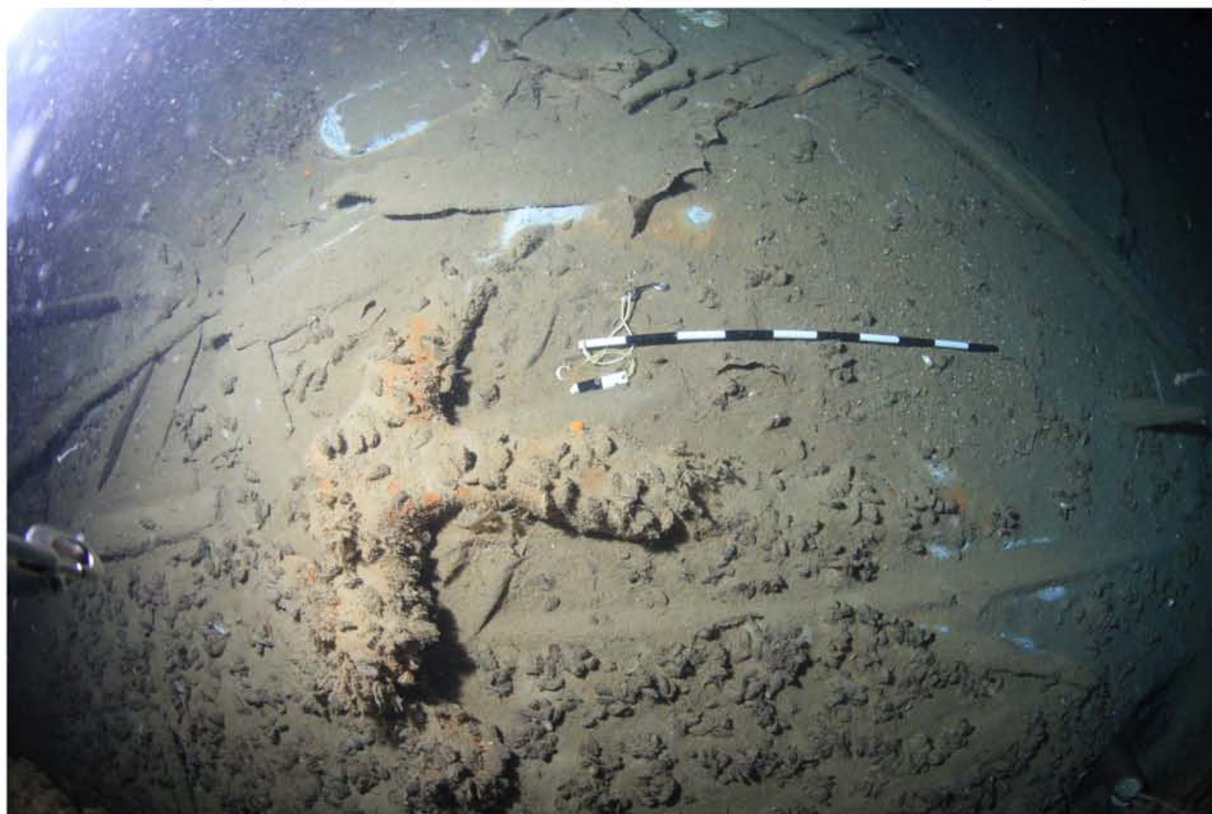

Фото 9. Якорь из кораблекрушения «Балаклава-2» (*фото О. Истратовой*)

Фото 10. Карта акватории Балаклавы с указанием мест кораблекрушений (*рис. В. В. Лебединского*)